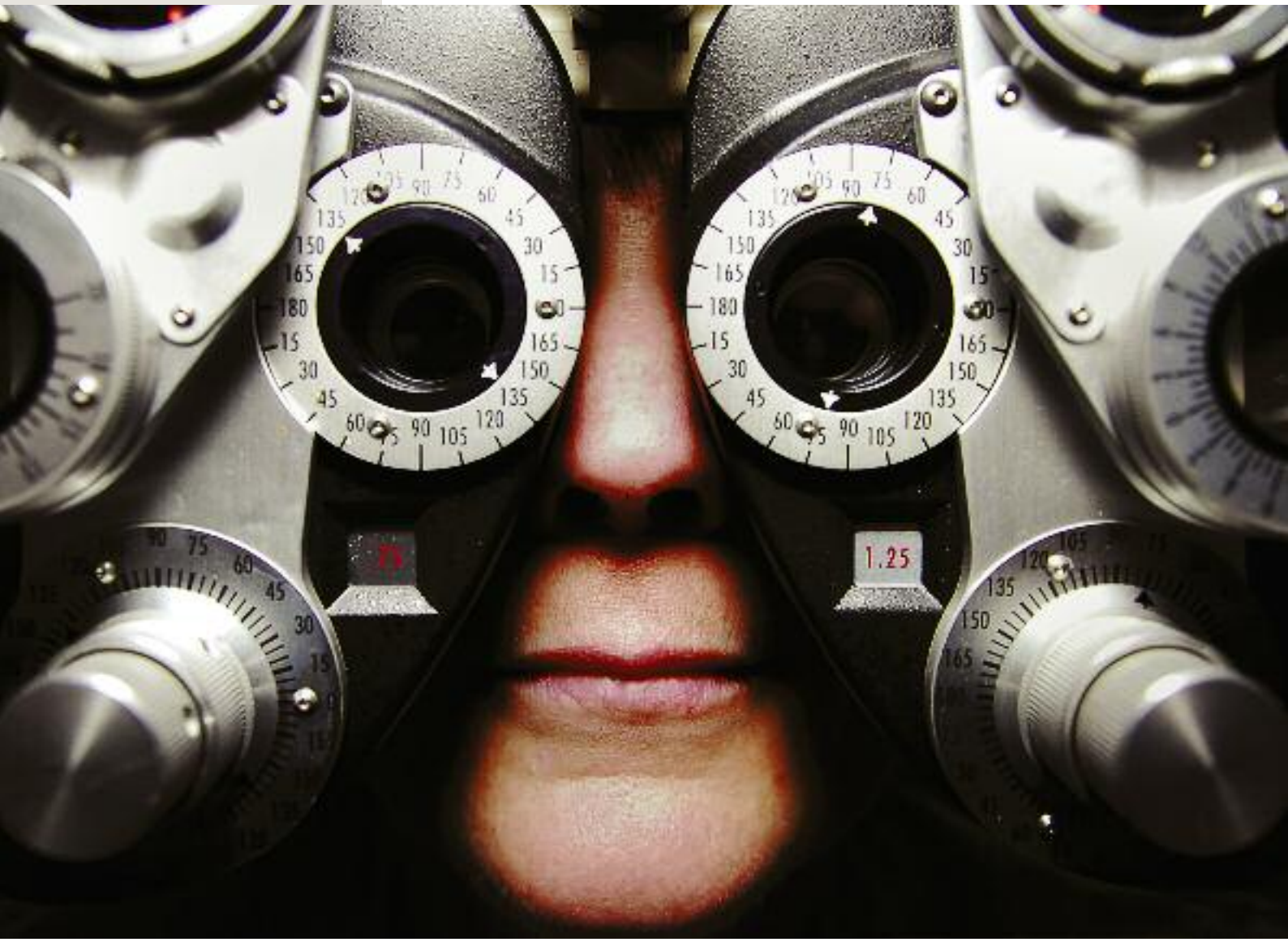
www.devec.ru

Развитие и экономика

сентябрь 2014

11

Суверенитет: призрачная реальность или реальный призрак?



Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте **www.devec.ru** и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу **info@devec.ru** с указанием своей электронной почты.

СОДЕРЖАНИЕ

сентябрь 2014 | №11

редакционная колонка

3 **Неюбилейные размышления о суверенитете**

злободневное

4 Джульетто Кьеза:
«Начинающаяся мировая война – это война не за передел сфер влияния, а за уничтожение лишних потребителей»
Интервью итальянского журналиста и политического деятеля Джульетто Кьезы альманаху «Развитие и экономика»

суверенитет и развитие

26 В.Т. Третьяков:
«Повторение украинского сценария в России невозможно»
Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова Виталия Товиевича Третьякова альманаху «Развитие и экономика»

44 Е.Г. Пономарёва
Будущее суверенитета: научный дискурс и политическая практика

58 Б.В. Соколов
Первая мировая война, государственный суверенитет и позднейшие плоды

98

70 В.Л. Близнеков
Государственный суверенитет России – вызовы прошлого и настоящего

82 М.В. Медоваров
О суверенитете, русской демографии и будущем Евразийском союзе

98 В.В. Трухачёв
Нарушение суверенитета не ведет к добру

На обложке: Мауриц Корнелис Эшер. Относительность. 1953 год

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Издатель: М.Ю. Байдаков

Главный редактор: **Сергей Белкин**
Первый заместитель главного редактора: **Дмитрий Андреев**
Заместитель главного редактора: **Вадим Прозоров**
Арт-директор: **Олег Фирсов**
Ответственный секретарь: **Елена Колесникова**

Адрес:
129090, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс: +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-44936 от 4 мая 2011 г.

ISSN 2304-3962

Печать: ООО «ПК «Союзпечать»
Тираж: 2500 экз.
Дата выхода в свет: 4 сентября 2014

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Перепечатка материалов возможна только с разрешения редакции.
При использовании материалов альманаха «Развитие и экономика» в любой форме ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Распространяется почтовой рассылкой по собственной базе данных, а также на форумах, конференциях, круглых столах и т.п. Заявку на включение в список рассылки направлять в редакцию. Оформить заявку можно на сайте www.devec.ru

Партнер: Международный общественный форум «Диалог цивилизаций»

карта мира и развитие

106 Г.В. Осипов
Новые социальные реальности: угрозы и вызовы XXI века

122 А.А. Громыко
Россия и Малая Европа – проблема геополитического маневра

128 В.Г. Федотова
Довестфальский, вестфальский и поствестфальский мировой порядок

142 А.А. Кошкин
Курилы: Япония продолжает зондаж

152 А.П. Люсый
Крым Новорусский
Новые политические редакции мифа и текста с точки зрения геополитических рисков

162 С.Н. Белкин
Картина мира и карта мира

философия развития

170 И.Я. Фроянов:
«Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая борьба за собственный суверенитет»
Интервью доктора исторических наук, профессора исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Игоря Яковлевича Фроянова альманаху «Развитие и экономика»

182 А.И. Неклесса
Мир как сумма взаимодействий
Город – национальное государство – геокон – мир сообществ

198 М. Армеллини
I have a dream…
Мечты европейца о *EURUSSIA*

206 С.В. Лурье
Как возрождается держава
Искусство провокации как признак внешнеполитической субъектности

annotated table of contents

220 **Аннотированное оглавление на английском языке**

анонс

224 **Итоги и перспективы**

Неюбилейные размышления о суверенитете

Исполнилось сто лет с начала Первой мировой войны. Эта дата привлекла к себе внимание не только историков, но и всех тех, которые занимаются анализом современных политических процессов. Первая мировая война и ее последствия запустили кардинальные перемены политической карты мира, причем не только в смысле традиционной динамики межгосударственных границ, но и в более фундаментальном измерении: возникли и продолжают умирать и рождаться новые политико-экономические системы, способы жизненного устройства.

В обыденном сознании столетие чего-либо часто оказывается синонимом праздника. Думается, что столетие с начала Первой мировой – по причине вызванных этой войной последующих трагедий, в том числе и трагедий суверенитетов, – уж никак не вяжется с чем-то праздничным, а значит – опять-таки на уровне неких повседневных ощущений – с юбилейным. Подобные неюбилейные настроения усугубляются происходящим в соседнем близком по исторической судьбе государстве, то есть наглядным примером того, что в наше время может стать с государством, не сумевшим не то чтобы обеспечить свой суверенитет, а хотя бы попытаться адекватно осознать его сущность в современном мире.

Прошедшее столетие разрушило и продолжает разрушать прежде казавшиеся фундаментальными признаки и критерии государственности, порождая при этом новые – еще не до конца осознанные – формы и принципы взаимодействия между странами и народами. Происходит ломка представлений о сущности суверенитета, о его роли и месте в системе выживания, развития и сохранения самобытности народов, их экономик и культур.

Представления о том, что такое суверенитет, как его надлежит воспринимать, истолковывать, обеспечивать, защищать и использовать, стали стремительно изменяться после Первой мировой войны. Настойчивая трактовка этого фундаментального принципа как элемента планетарного общежития со всё более прозрачными границами сделала возможным разгорание еще более жестокой Второй мировой войны, а после ее завершения – холодной войны, которая, как мы видим, продолжается и по сей день. То есть в целом в результате Первой мировой суверенитет, если так можно выразиться, был десакрализован, перестал быть абсолютной ценностью, которую прежде нельзя было игнорировать, и превратился в разменную монету большой политики в стиле XX и – теперь это уже совершенно очевидно – XXI веков.

Авторы номера подходят к теме суверенитета с разных сторон. Джульетто Кьеза размышляет о политике американских неоконов и прогнозирует, какие действия на международном уровне они могут предпринять в ближайшее время. Виталий Третьяков рассуждает о политическом режиме в современной России и делает выводы о его жизнеспособности, устойчивости и о наиболее вероятных угрозах ему в перспективе. Елена Пономарёва разбирает современные концепции суверенитета и анализирует возможные вызовы суверенитету в будущем. Борис Соколов доказывает, что мировой порядок, навязанный державами-победительницами Европе после Первой мировой войны, во многом спровоцировал Вторую мировую войну. Владимир Близнеков рассматривает, как трансформировалось восприятие государственного суверенитета на протяжении всей истории России. Максим Медоваров утверждает, что единственный путь сохранения и обеспечения суверенитета России – это межгосударственная интеграция наподобие Евразийского союза. Вадим Трухачёв описывает трансформации суверенитета в Европе на протяжении XX – начала XXI веков. Геннадий Осипов перечисляет наиболее значимые в настоящее время угрозы миру и указывает на возможные способы их нейтрализации. Алексей Громыко оценивает складывающиеся в настоящее время в Европе центры сил как возможные полюсы новых интеграционных объединений. Валентина Федотова анализирует исторический опыт вестфальской системы и делает прогнозы о сценариях поствестфальского мирового порядка. Анатолий Кошкин показывает, как притязания Японии на часть Курильских островов влияли в последние годы на политику разных японских кабинетов и отражались на отношениях между Москвой и Токио. Александр Люсый представляет в культурологической оптике историю Крыма за последние сто лет. Сергей Белкин демонстрирует, как проблематика суверенитета может отражаться на различных тематических картах мира. Игорь Фроянов подчеркивает значение духовного, идеологического и смыслового суверенитета для национальной культуры и национальной идентичности. Александр Неклесса прослеживает основные тренды развития мегасоциальной субъектности, а через них – эволюцию представлений о суверенитете. Массимо Армеллини указывает на имеющиеся в настоящее время условия для сближения – вплоть до образования нового надгосударственного объединения – Евросоюза и России. Светлана Лурье наблюдает, как в ситуации силового противостояния на Украине ведущие мировые субъекты обмениваются взаимными внешнеполитическими провокациями.

Редакция

Джульетто Кьеза:

«Начинающаяся мировая война – это война не за передел сфер влияния, а за уничтожение лишних потребителей»

Интервью итальянского журналиста и политического деятеля **Джульетто Кьезы** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

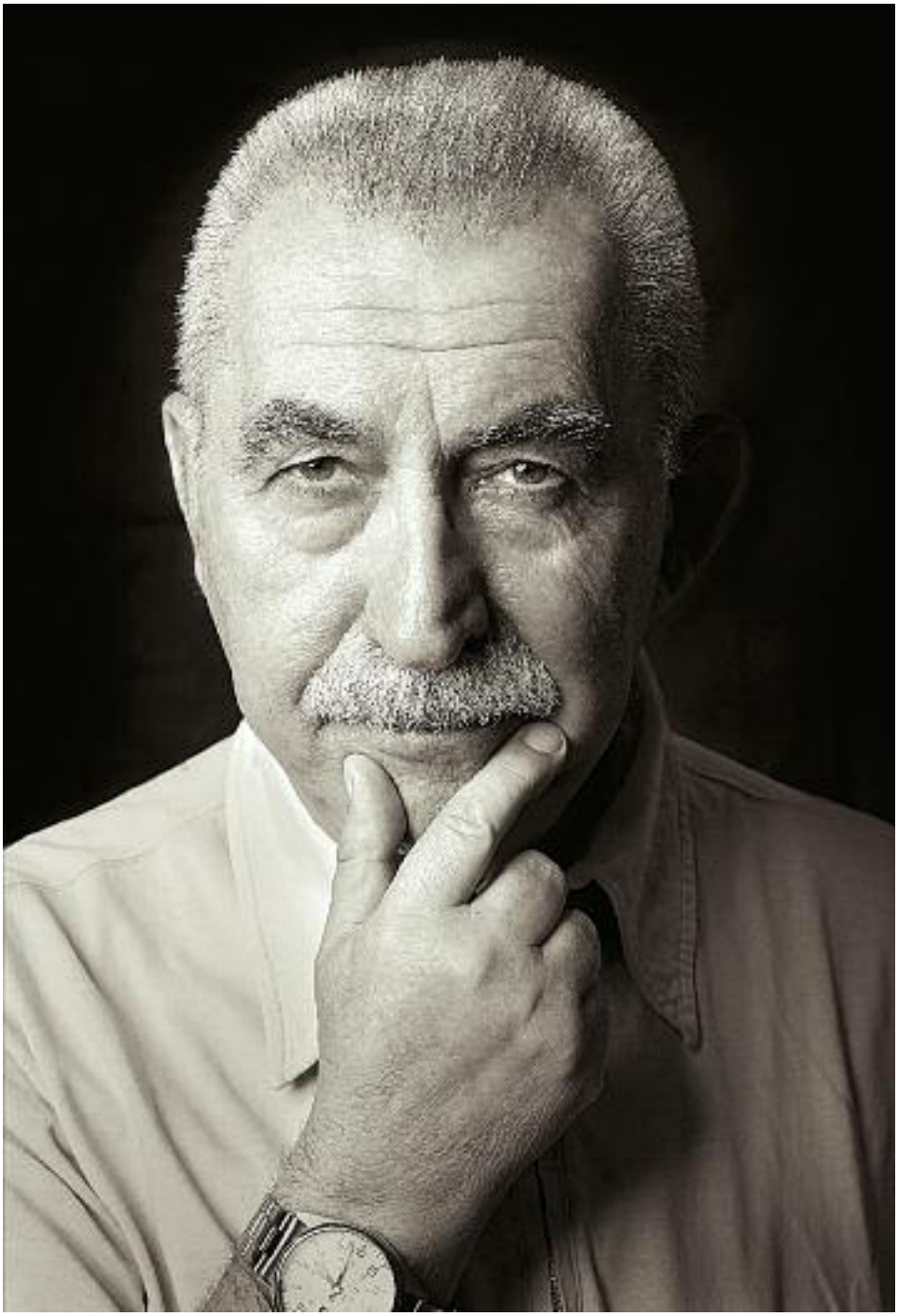
– Господин Кьеза, прежде всего я хотел бы выразить Вам признательность – собственную и моих коллег по альманаху «Развитие и экономика» – за то, что Вы нашли время для ответов на вопросы нашего издания. В последнее время Вы неоднократно комментировали текущие события на российских телеканалах. Поэтому я предполагаю обсудить с Вами вопросы не столько конъюнктурные, сколько теоретические. Хотя, конечно, я понимаю, что при разговоре о происходящих сегодня событиях – в России, на Украине, в Италии, в США, в других странах – очень трудно отделить одно от другого. Но тем не менее попробую. Начну с того, что Вы в Ваших работах много писали о неоконах. Кто сейчас у них делает погоду? Вообще какой расклад сил внутри неоконов? Какие сценарии будущего они нам готовят? Я имею в виду не только Россию, но и весь остальной мир. Вообще у нас много пишут и говорят о предчувствии, приближении некоего глобального антидемократического разворота, за которым будут стоять неоконы. Что Вы думаете по этому поводу?

– Вы сейчас в своем вопросе уже конспективно изложили то, что я думаю по поводу неоконов. Поэтому моя задача сводится лишь к тому, чтобы расставить некоторые акценты. И начать здесь надо вот с чего. Я вовсе не склонен абсолютизировать силы и возможности неоконов и утверждать, что исключительно они на протяжении последнего полувека строили новый мировой порядок. Согласен, их вклад в новый мировой порядок на самом деле велик – но они не были единственными. Главное – в другом: с конца 60-х – начала 70-х и до наших дней неоконам удается в той или иной степени удерживать глобальную инициативу и навязывать всему миру собственную повестку дня. Да, у них случаются и неудачи, но в целом ситуация складывается в их пользу и в их интересах. И не имеет особого значения, кто персонально сидит в Белом доме – всё равно реальная власть в Америке (а значит, и у неоконов в целом) не у президента. Сейчас политику неоконов проводит Обама, а до Обамы – Буш-младший и так далее. Буш-младший оказался слишком одиозной фигурой – дискредитировал Америку, наделал много глупостей. Обама – это имиджевый апгрейд неоконов. Неоконы понимают, что они сейчас прочно держат в своих руках весь Запад, но с Западом все-таки лучше обращаться с помощью «мягкой силы». Вот для этого и потребовался Обама, причем на оба срока.

– То есть для неоконов не играет особой роли партийная принадлежность хозяина Белого дома?

– Нет, принципиальной роли не играет. Есть, конечно, отдельные нюансы, которые присущи, например, де-

мократам и отсутствуют у республиканцев и наоборот. Но это по сути специфические особенности двух групп внутри одной команды. Они борются друг с другом за доминирование внутри этой команды, а вовсе не за пересмотр каких-то фундаментальных оснований общности, которая объединяет этих партнеров-конкурентов. Ни демократы, ни республиканцы никогда не покушаются на пересмотр базовых интересов команды в целом. Их борьба – это противостояние групповых, а подчас и личных интересов и амбиций. Но как только возникает хотя бы даже малейшая угроза команде в целом, это противостояние сворачивается, а вчерашние конкуренты выступают единым фронтом. Поэтому сам термин «неоконы» во многом условен и не привязан к традиционным образам «ослов» и «слонов». Неоконы – это мощное идеологическое течение внутри американской элиты. Оно возникло тогда, когда эта элита поняла, что прежними практиками и политическими технологиями, с которыми в свое время удалось победить во Второй мировой войне и на волне этой победы превратить США в сверхдержаву, больше не получается поддерживать глобальный статус страны. И уж тем более не удастся сохранить этот статус в будущем. И тогда появился знаменитый документ – «Проект нового американского века» (*Project for the New American Century*, или *PNAC*). Это было при президенте Клинтоне. Этот самый *PNAC* неоконы положили ему на стол. Однако Клинтон оказался неготовым стать проводником идеологической линии *PNAC* – она показалась ему слишком жесткой. Но неоконы всё равно добились своего. В ходе президентских выборов 2000 года им удалось



незаконно, путем переворота – я подчеркиваю, это был самый настоящий переворот путем махинаций с итогами голосования – добиться избрания президентом Буша-младшего. И через год неоконы осуществили свою знаменитую операцию 11 сентября 2001 года, о чем я много писал и говорил. И с тех пор идеология *PNAC* является фактически монопольной внешнеполитической доктриной США.

– А как в таком случае рассматривать разрекламированную в начале первого срока Обамы «перезагрузку»?

– Ну, во-первых, со стороны Вашингтона все эти разговоры про «перезагрузку» – не более чем риторика. А во-вторых, само президентство Обамы весьма условно – это правление в кавычках. Пиар-проект под названием «Обама» был раскручен за несколько месяцев буквально с нуля и по-

Через год после президентских выборов 2000 года неоконы осуществили свою знаменитую операцию 11 сентября 2001 года. И с тех пор идеология *PNAC* является фактически монопольной внешнеполитической доктриной США.

началу дал колоссальный пропагандистский эффект. Помните всю эту обамоманию? Но, похоже, именно некоторыми имиджевыми приобретениями всё и закончилось. Каким несуразным ни казался Буш-младший, но при нем кризиса не произошло. Гигантский мыльный пузырь в системе глобальных финансов, разросшийся к рубежу веков до неимоверных размеров и вот-вот готовый лопнуть, все-таки удержался еще почти на две президентские легислатуры. Кризис разразился только в конце второго срока Буша. Обамомания пыталась этот кризис смягчить, но, как представляется, поначалу никто даже не представлял себе масштаб катастрофы – ведь в 2008 году по сути рухнула западная финансовая система! Это событие стало поворотным моментом новейшей истории. После кризиса 2008-го неоконы взяли новый стратегический курс, который с той поры – вот уже шесть лет – успешно реализуют. Целью этого курса является уже полное, абсолютное подчинение всего Запада единственному глобальному суверену – Соединенным Штатам.

– А в содержательном отношении что собой представляет этот «новый курс» неоконов?

– Неоконы четко осознали простую истину: кризис 2008 года подвел черту под эпохой неконтролируемого потребления. Причем не только для планеты в целом, но даже для ее так называемого золотого миллиарда. Всё – это время закончилось, оно в прошлом и никогда уже больше не вернется. Между тем неоконы намерены сохранить господство и в новых реалиях, которые я называю эпохой дефицита – по контрасту с предыдущей эпохой потребления. Эпоха дефицита, или эпоха авторитарного перераспределения ресурсов, должна выстраиваться на прямо противоположных – по сравнению с эпохой потребления – основаниях. Причем речь идет обо всех без исключения основаниях – экономических, финансовых, политических, я уже не говорю – идеологических, ценностных, культурных. То есть неоконам предстоит сделать разворот на 180 градусов. На протяжении почти что всей послевоенной эпохи Америка пропагандировала ценности общества потребления, выставляла их как эталон для всего остального мира, а теперь ей придется убедить человечество в прямо противоположном – в том, что неконтролируемое потребление порочно и от него надо отказаться.

– Вы полагаете, что у Америки получится подобный пропаган-

дистский реверс? Как его воспримут в мире? Ведь, как Вы заметили, с конца Второй мировой и до сих пор привлекательность США во многом и основывается на том, что эта сверхдержава предложила остальному миру заманчивый ориентир – общество потребления. А теперь, выходит, она сама же станет дезавуировать то, во что исступленно поверили даже не миллионы, а миллиарды?

– Согласен, отучить человечество от прелестей потребления будет нелегко. Но я бы не стал преувеличивать сложность этой задачи. Неоконами создана эффективная система манипулирования общественным мнением – в том числе и на глобальном уровне. В начале 70-х, когда американский истеблишмент пополнился новой генерацией, среди которой были и вчерашние левые, он ясно осознал, что для поддержания мирового господства ему потребуется исключительно действенная информационно-коммуникативная система. Ведь предстояло ни много ни мало переделать взгляды и убеждения нескольких миллиардов людей. А для этого надо было захватить все очаги формирования общественного мнения – то есть все те локусы, откуда в последнюю четверть минувшего века преимущественно и стали кооптироваться в элиту новые люди и даже целые сообщества. Эффект от установления такого идеологического контроля ожидался не сразу, а спустя годы и даже десятилетия. Это был такой выстрел в будущее – и, надо признать, предельно меткий выстрел. Весь сценарий овладения глобальным общественным мнением расписывался на годы вперед – четко и доходчиво. Вот Вам пример того, как мыслили неоконы почти полвека назад.

– Интересно, что неоконы прибрали всё к своим рукам в период, когда в Белом доме находились очень блеклые, невнятные, а подчас и просто неудачливые фигуры – Джонсон, Никсон, Форд, Картер. Был яркий Кеннеди, а через два десятилетия после него – яркий Рейган. А между ними – целая эпоха каких-то чуть ли не случайных личностей, каждая из которых была пиар-проектом для своего времени – но не более того. И вместе с тем на их фоне – точнее, за их спинами – буквально революция в деле реального управления Соединенными Штатами и всеми теми государствами, которые находились в ареале влияния этой сверхдержавы.

– Совершенно верно: невнятные – воспользуюсь Вашим определением – американские президенты как бы прикрывали собой, маскировали приход к власти неоконов.

– Напрашивается прозрачная аналогия с действующим американским президентом – пиар-проектом, призванным – тут уж я в свою очередь воспользуюсь Вашей характеристикой – по возможности отвлечь общественное мнение от кризиса 2008-го и подготовить управляемое вхождение в эпоху дефицита.

– Да, аналогия совершенно справедливая. Задачи формальных руководителей и тогда, когда неоконы приходили к власти, и сейчас, когда мир вступает в эпоху дефицита, во многом схожи – обеспечивать управляемость этих судьбоносных перемен. А для такой миссии яркие личности и не требуются – они своей непредсказуемостью могут многое напортить. Главные же игроки – это те, которые владеют средствами массовой информации и фабрикуют общественное мнение. И я убежден, что для таких игроков не составит особого труда заставить весь остальной мир уверовать в то, что изобилие – это плохо, а дефицит – наоборот хорошо. Технологии подобного обмана, оболванивания отработаны до мелочей. Как они обычно расправляются со своими противниками? Я в данном случае имею в виду противников серьезных, которых невозможно одолеть силой. Например, рабочий класс. Как на Западе поступили с рабочим классом? Его просто уничтожили как класс – помнится, под точно таким же девизом в Вашей стране при Сталине насаждались новые порядки среди крестьянства. Так вот, то же самое было предпринято и в отношении рабочего класса на Западе – я имею в виду, конечно, в терминологическом смысле, ни о каких других заимствованиях из арсенала сталинских практик, разумеется, я не говорю. Просто-напросто рабочий класс лишили его социальной идентичности: рабочие перестали воспринимать себя силой, держащей с XIX века в страхе имущие слои населения на Западе. Они попались на пропагандистскую уловку, что-де ни о каких рабочих в эпоху научно-технического прогресса уже не может быть и речи и что-де они – рабочие – это теперь уже неотъемлемая часть среднего класса. А уже потом – после перекодирования идентичности и социальной стерилизации – можно было и повышать потребительский стандарт этих новоявленных представителей среднего класса. И при этом одновременно приучать их к мысли, что здесь – на Западе – всё самое лучшее и самое правильное, а любые иные социальные модели априорно дефектны. Затем – после крушения Берлинской стены – западному среднему классу, непомерно разросшемуся за счет подобных новообращенных, и подавно было объявлено о «конце истории». Вот он – рай на земле: потребляй – не хочу, и никаких тебе проблем! Ни тебе внутреннего противника – ле-

вых и их массовой рабочей опоры, ни внешнего – Советского Союза больше нет, а его правопреемница Россия изо всех сил переделывает себя по западным лекалам. Остальные же несущественны – пока, во всяком случае. А когда нам потребуется, мы и их идентичности отрегулируем в нужном направлении. Казалось бы – о чем еще мечтать? И неоконы возомнили себя хозяевами мира, поверили в то, что их власть отныне навечно. Но вот она – ирония истории: тут вдруг выяснилось, что земные ресурсы не бесконечны, а очень даже ограниченны и их острая нехватка вот-вот почувствуется. Поначалу эту неожиданную проблему пытались разрешить лукавым образом – мол, не следует, как утверждают неолибералы типа фон Хайека и Фридмана, зацикливаться на проблеме производства, которое собственно и требует всевозрастающего объема ресурсов, мол, получится развиваться и без производства. Дескать, производство – это удел отсталых цивилизационных маргиналов, мы же станем производить деньги. То есть замахнулись на то, чтобы известную еще по Марксу цепочку «товар–деньги–товар» сначала вывернуть наизнанку – «деньги–товар–деньги», а потом и подавно предельно упростить – «деньги–деньги–деньги». В этой схеме закладывалось ежегодное увеличение денежной массы на 2-3 процента, за счет чего и предполагалось обеспечивать развитие – то есть устойчивый рост потребления. Однако создание такой «бесконечной» монеты, как вскоре выяснилось, неспособно обеспечивать развитие даже в пределах «золотого миллиарда». Более того, заигрывание с иррациональным – а создание виртуальных и не обеспеченных производством денег явилось именно таким иррациональным шагом – всегда заканчивается плачевно. Не стали исключением из этого общего правила и политэкономические эксперименты неоконов – в 2008 году взорвалась раздутая ими больше всех мыслимых и немыслимых пределов мировая финансовая система. И вот тут они уже крепко призадумались, что делать дальше. Им стало понятно, что при ограниченности ресурсов невозможно развивать не только производство товаров, но и производство денег: деньги в таком случае попросту некуда вкладывать. И тогда остается единственный выход. Во-первых, вспомнить, что цепочка «деньги–деньги–деньги» на самом деле придумывалась ради решения до банальности прагматичной задачи – удержания абсолютной и тотальной власти над миром. А все разговоры о якобы возможном развитии без производства были не более чем пропагандистским прикрытием этого подлинного устремления. Во-вторых, используя эту пока еще неограниченную власть дутых денег, устранить саму возможность того, что общество вдруг проснется и усомнится в легитимности господства тех, которые обладают сверхсостояниями. То есть пока не поздно переделать институциональную основу современного западного общества.

– Вы имеете в виду – отказаться от того, что на протяжении нескольких веков являлось визитной карточкой Запада, – от демократии?

– Именно так. Прежде, когда классовая борьба не была, как сейчас, пустым словом, а определяла повестку политической жизни Запада, демократия, демократические механизмы были чрезвычайно востребованными. Благодаря демократическим институтам удавалось выстраивать работавшую систему сдержек и противовесов, которая надежно предохраняла от волнений на социальной почве и тем более от революций. Поэтому тогда демократия была очень нужна, и владельцы средств массовой информации всячески защищали и отстаивали ее ценности. Но когда стало ясно, что демократия не только не сможет защитить интересы и власть создателей разного рода финансовых пузырей, но и в один прекрасный момент обернет против них весь свой потенциал публичной политики, от нее решили попросту отказаться. Скажу даже еще более определенно и радикально: демократию решили уничтожить. Сейчас неоконам вместо демократии требуется сила – элементарная сила. А как иначе убедить людей, все эти миллиарды ограничить себя не просто в потреблении, но в том, что прежде казалось незыблемо гарантированным, – в еде и питье? Демократия была хороша тем, что с ее помощью можно было уговаривать большие массы – и тем самым снимать остроту время от времени возникавших социальных противоречий. А как уговорить те же самые массы отказаться от привычных жизненных стандартов? Никак – их можно только заставить жить по-другому. Перераспределение ресурсов всегда предполагает насилие, которого в свою очередь также всегда стремится избежать демократия. А значит, демократия – это вчерашний день, ей пора на свалку истории, она отжила свой век. Так считают те, которые сейчас затевают этот глобальный передел ресурсов, который просто не может не обернуться фантастической по своим объемам депопуляцией. Ведь в условиях тотального дефицита семь миллиардов – это слишком много, на всех не хватит. Отсюда – все эти технологии

запуска управляемой архаизации в масштабах целых государств или даже групп государств. Приемы уже отработаны. Сначала создается образ врага – эдакого планетарного изгоя. При этом не гнушаются никакой ложью, никакими подтасовками фактов. Давайте вспомним, как дискредитировали Милошевича и Саддама Хусейна. Потом стали действовать более масштабно – провоцировать нестабильность в целых цивилизационных макрорегионах. Вот он – подлинный смысл той же пресловутой «арабской весны». На очереди была Сирия – но тут у неоконов вышла осечка. Они-то считали, что полностью контролируют Россию, позволяя ей тешиться какими-то остатками собственного суверенитета – да и то остатками по преимуществу декоративными, малозначимыми. Но предположить, что Россия начнет проводить последовательную и независимую политику в сирийском вопросе и тем самым помешает погружению этой страны в хаос «арабской весны», они никак не могли. Да, неоконы не преувеличивали своих возможностей. Они отдавали себе отчет в том, что в мире еще остается неподконтрольный им гигант – Китай, и предполагали заняться им позже. Но они ни на йоту не сомневались в том, что неподконтрольная им сфера ограничивается лишь Китаем. А тут оказалось, что они явно заблуждались и относительно своего влияния на Россию.

Пиар-проект под названием «Обама» был раскручен за несколько месяцев буквально с нуля и поначалу дал колоссальный пропагандистский эффект. Помните всю эту обамоманию? Но, похоже, именно некоторыми имиджевыми приобретениями всё и закончилось.

– А как Вы думаете, господин Кьеза, почему неоконы допустили здесь промах? В наше время собрать разведданные о реальном положении дел в правящей верхушке любой страны не составляет особого труда. Я уже не говорю о том, что очень много эксклюзивной информации просто откровенно сливается в Сеть, предается огласке в СМИ. Где же тут всесилие хваленого ЦРУ? Почему американцы не учли, что Россия может взбрыкнуть в вопросе с Сирией? В конце концов, даже я – обыватель – из открытых источников информации знаю, что сотрудничество – в том числе военно-техническое – с Асадом-младшим по своим объемам несопоставимо превосходило те дела, которые Россия имела со странами победившей «арабской весны» – Тунисом, Египтом, Ливией и Йеменом. И было понятно, что Россия будет держаться за официальный Дамаск до последнего.

– Мне кажется, что ответ на Ваш вопрос надо искать не там, где его обычно пытаются найти. Сейчас любые просчеты американцев, в том числе и с Сирией, как правило, объясняют их высокомерной беспечностью, непробиваемой убежденностью в том, что никто просто не посмеет пойти им наперекор. Согласен, отчасти это так. Но лишь отчасти. Я думаю, что главная причина неудач неоконов в другом – а именно, в их способе аналитического мышления. Аналитика неоконов – да и вообще структур, обслуживающих американский истеблишмент, – предельно практична, я бы даже сказал – приземленно-прагматична. Всё у них элементарно и однозначно. Почитайте американские газеты: любую – подчеркиваю, абсолютно любую – проблему они разбирают в несколько линейных ходов. Раз, два, три, четыре... Ну, может, еще и пять – и всё им ясно и понятно. Но никаких нюансов, никаких оттенков, никаких особенностей они не видят – или просто не хотят их замечать, чтобы не осложнять себе жизнь. Между тем очень часто всё самое существенное, самое значимое сконцентрировано как раз в мелочах. Есть такая поговорка: «Дьявол кроется в деталях». И если игнорировать эти дета-

Путина стали прямо или косвенно обвинять в развязывании и подогревании конфликта на Украине. Аналогичные обвинения – разумеется, применительно к другим ситуациям – в свое время выдвигались против Милошевича, Саддама Хусейна, Каддафи. Чем это для всех них закончилось – мы хорошо знаем. А теперь на очереди – Путин.

ли, то невозможно разобраться ни в одной проблеме на уровне, достаточно глубоком для того, чтобы понять ее правильно, чтобы верно просчитать возможные варианты ее развития. Поверхностным описанием этого не добьешься – оно способно создать лишь опасную иллюзию компетентности. Аналитика, основанная на такой псевдокомпетентности, неизбежно окажется дефектной. Может быть, она и способна более или менее точно описывать какие-то общие схемы глобализации или унифицированного мирового рынка, но всякий раз, когда речь будет заходить о конкретике, о реальных процессах, подобного рода аналитика неминуемо станет давать сбои. Да, американцам удалось гомогенизировать представления о мировом порядке, сделать их шаблонно-эталонными для всего мира. Но вместе с тем они часто ошибаются даже тогда, когда пытаются анализировать процессы, протекающие в культурно близкой им Европе. Что уж тут говорить о Китае, который является совершенно другой цивилизацией. И когда неоконы полагают, что у них получится гомогенизировать эту великую древнюю цивилизацию, то они явно переоценивают свои возможности. Даже с Россией, как мы видим, американцы не сумели справиться. Им-то казалось, что Россию они уже гомогенизировали, а она вдруг продемонстрировала всем, что вовсе не утратила свою традиционную геополитическую идентичность. Хотя Россия – я это утверждаю прямо, отвечая за каждое свое слово, – еще какое-то время назад была колонией Соединенных Штатов Америки.

– Вы имеете в виду 90-е годы?

– Да, 90-е годы. Начальная точка – это 1991 год, избрание президентом России Ельцина и последовавший вскоре распад Советского Союза. Путин изначально тоже виделся неоконам продолжателем того курса, который проводил Ельцин, – ну, разве что с некоторой патриотической риторикой. Но, как мы знаем, Путин в своей самостоятельности пошел гораздо дальше риторики. Хотя бы даже из соображений собственной безопасности – он прекрасно понимал, что если он будет оставаться управляемым извне, то рано или поздно его просто поменяют на другую фигуру – более удобную для американцев в той или иной ситуации, которая может возникнуть. Точно так же, как в 1999 году они поменяли Ельцина на Путина. И Путин постепенно, шаг за шагом стал действовать всё более и более самостоятельно. И наконец, сейчас мы имеем совершенно независимого лидера, который принимает решения, ни с кем не сверяя часы. Подобное поведение Путина стало для американцев неприятным сюрпризом. У них просто не укладывалось в головах, что в России после всего того, что случилось в 90-е годы, могут появиться политики, которые не станут подчиняться американским кураторам. И я убежден, что неоконы уже приняли решение уничтожить Путина.

– Из чего Вы делаете такое заключение?

– Я не знаю, какие конкретно персоны из американской элиты, когда и где именно приняли это решение, но мне совершенно ясно, что приговор Путину уже вынесен. А сужу я об этом на основе того тона, который взяли мировые СМИ, говоря о президенте России. Началось это совсем недавно – на фоне войны на востоке Украины. Путина стали прямо или косвенно обви-

нять в развязывании и подогревании этого конфликта. Аналогичные обвинения – разумеется, применительно к другим ситуациям – в свое время выдвигались против Милошевича, Саддама Хусейна, Каддафи. Чем это для всех них закончилось – мы хорошо знаем. А теперь на очереди – Путин. Это первое. И второе: стремительное сползание мира в новый кризис – точнее, в новую, еще более острую, фазу кризиса 2008 года – заставляет неоконов торопиться и перейти к решительным действиям в самое ближайшее время. Да, они предвидели конец эпохи потребления, они знали, что острая нехватка ресурсов заставит их отказаться от демократии и прибегнуть к жестким методам управления ввиду неизбежного перераспределения материальных благ. Но неоконы считали, что успеют спокойно подготовиться к этой новой эпохе, что у них еще достаточно времени и что никто им не будет в этом препятствовать. И они опять просчитались. Уже сегодня налицо растущее сопротивление переделу мира по сценарию неоконов. Причем сопротивление не только из России и Китая, но и из Бразилии и Южной Африки. БРИКС буквально на глазах становится влиятельной антиамериканской силой. Да и другие страны начинают всё отчетливее понимать, что неоконы вряд ли готовят им спокойную жизнь. Скажу прямо: неоконы вообще мало за кем признают право на жизнь в новом миропорядке эпохи дефицита. Слабые геополитические субъекты, все эти малые страны будут попросту уничтожены – одна за другой.

– И когда от неоконов следует ждать этих решительных действий?

– Неоконы уже начали атаку. То, что сейчас происходит на Украине, это начало того хаоса, который они намерены устроить повсеместно на планете. Хаос и беспорядок им просто необходимы. Потому что когда наступает нестабильность, удобно сваливать вину на других. Можно кричать, что во всем виноваты террористы, которые хотят дестабилизировать Запад, – и выставлять себя единственным оплотом мира и благополучия того же Запада. Понятно, для чего это делается. Америка хочет полностью и окончательно захватить Европу и оторвать ее от России. Ради этого и развязана война на Украине. Споткнувшись в Сирии, Америка действует на Украине более решительно и откровенно. Более того, как только украинский кризис принял характер затяжного и трудноразрешимого, как только в Европе начали высказываться разные мнения по поводу политики Киева – в том числе и мнения, отличные от оценок Вашингтона, – неоконы тут же открыли новый фронт: теперь уже в Палестине. Происходит явно спланированное убийство молодых израильтян – вот Вам и *casus belli*. Похоже, что США намерены руками Израиля увеличивать масштабы начавшейся бойни. Это второй конфликтный очаг после Украины. Третий очаг, который тоже разгорается буквально на глазах, – это Ирак. Мы наблюдаем стремительное образование халифата под руководством ваххабитов-фундаменталистов. За этим процессом четко просматривается еще один верный союзник Соединенных Штатов – Саудовская Аравия. В каждом из этих трех очагов задействованы и другие партнеры американцев – рангом пониже. В частности, на Украине это Польша, Грузия, Эстония, Латвия и Литва. Американцам необходимо уничтожить, сломить все те государства, которые смеют им противостоять, в преддверии готовящейся неоконами большой войны против Китая. В том, что такая война грядет, нет никакого сомнения. Одно дело, когда Америка всюду насаждала стандарты общества потребления. Тогда рост численности населения планеты был выгоден – он увеличивал мировой рынок. Но с наступлением эпохи дефицита полуторамиллиардное население Китая – большое обременение, с ним надо что-то делать. А кроме Китая есть еще миллиардная Индия. Начинающаяся мировая война – это война не за передел сфер влияния, а за уничтожение лишних потребителей. Неоконы определили оптимальную, с их точки зрения, численность населения планеты в 2,5–3 миллиарда человек.

– То есть ими взят курс на тотальную депопуляцию человечества?

– Совершенно верно. Возьмем ту же «арабскую весну», о которой мы уже говорили. Неоконы спровоцировали, по меньшей мере, 200 миллионов молодых ребят в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и Сирии выйти на улицу и взяться за оружие. Причем спровоцировали под весьма благородными лозунгами: мол, правящие режимы этих стран не могут дать молодежи работу, обеспечить ей достойный уровень жизни. Всё было рассчитано точно. Сначала – на протяжении десятилетий – арабский мир приучали к потребительским ценностям. Той же молодежи, которая оказалась вовлеченной в события «арабской весны», предварительно дали в руки мобильные телефоны. Ее как бы поддразнивали: смотрите, как живут люди в Нью-Йорке, или в Лондоне, или в Риме. А почему вы так не живете? Потому что вам мешают ваши коррумпированные руководители! Молодежь в это поверила и по указанию

из-за океана начала в своих странах гражданскую войну. И в итоге на место светских – пускай авторитарных и даже тоталитарных, но при этом все-таки светских – руководителей приходят исламские фундаменталисты. Регион «арабской весны» стремительно архаизируется. И совершавшей революции молодежи не только никогда не видать западного уровня жизни, но и придется лишиться даже тех мобильных телефонов, которые у нее имелись при Мубараке и Каддафи. А потом она и подавно сгинет в кровавом месиве перманентных стычек под лозунгами религиозного экстремизма. В итоге страны «арабской весны» лишатся целого поколения – репродуктивного и деятельного. Вот она – депопуляция на практике. Подобные многоходовые сценарии разработаны в мозговых штабах неоконов интеллектуалами высочайшего уровня. Да и сами неоконы привыкли мыслить глобально и постоянно прокручивать различные сценарии. В отличие, кстати, от российской элиты, которая – извините меня за откровенность – подчас гораздо больше печется о собственных материальных интересах, чем об интересах своей страны. Я уже не говорю о ее способности вести большую геополитическую игру.

– Да, господин Кьеза, Вы, к сожалению, совершенно правы в этом.

– И даже те из них, которые пытаются играть в эту игру – а я таковым очень сочувствую и сопереживаю, – явно недооценивают масштаб разворачивающейся мировой схватки. Они питают иллюзию, что успешно противостоять натиску Америки возможно силами одной лишь России. Нет, в одиночку у России не получится одолеть этого монстра, который силен не только экономически и в военном отношении, но и лучше всех в мире управляет общественным мнением, манипулирует массовыми настроениями, неожиданно возникающими волнами симпатий и антипатий. Эту виртуозную способность неоконов управлять с помощью «мягкой силы» я только что ощутил на себе. Я пытаюсь рассказывать людям, что сейчас на самом деле происходит на Украине, – и натыкаюсь на стену непонимания. В лучшем случае – непонимания, а то и подавно ощущаю нескрываемую агрессию в свой адрес. Я веду блог, регулярно пишу в *Facebook*, где пытаюсь изложить собственную точку зрения на украинскую ситуацию, – и получаю в ответ яростную антироссийскую истерию. И это у нас – в Италии. Что уж говорить о более подконтрольных Соединенным Штатам европейских странах – таких, как Германия или Франция. Люди просто не хотят вступать в нормальную дискуссию, они не желают спокойно и аргументированно излагать свое мнение. Вот Вам еще одно доказательство того, что Третья мировая война уже началась, – такое поведение, возведенное в социальную норму, характерно не для мирного, а для военного времени. А если война уже началась, то хаос будет только нарастать, а количество очагов напряженности – увеличиваться. Я назвал Вам три очага – Украину, Палестину и Ирак. А завтра таких очагов могут быть десятки в разных точках планеты. Неоконы пока еще обладают достаточными средствами для того, чтобы способствовать разрастанию зоны глобальной нестабильности. Они понимают, что если сегодня они не затеют мировую войну, то завтра лишатся своих активов – а значит, и власти. Вот поэтому они и спешат изо всех сил. Приведу Вам еще один пример. Меня три года подряд приглашали выступать в Киеве.

– Это при Януковиче было?

– Да, все три раза при Януковиче. Я встречался с разными людьми, участвовал в телепрограммах, то есть все три раза довольно основательно погружался в реалии политической жизни Киева. И уже два года назад мне было видно, что Киев – полностью в руках Соединенных Штатов. Спецслужбы, армия, олигархи – все получали руководящие указания от американского посла в Киеве. Поэтому когда начался Майдан, единодушно поддержанный Америкой и Европой, и события стали развиваться в направлении силового свержения Януковича, я поначалу недоумевал: зачем им это надо? Казалось бы, гораздо проще и дешевле подождать еще год и не допустить переизбрания строптивого Януковича, а вместо него привести к власти любую прозападную фигуру. Ведь Украина уже их – целиком и полностью, я это видел собственными глазами. Зачем же надо было допускать убийства в центре украинской столицы? Но потом я нашел ответ на этот вопрос. Просто те, которые стоят за событиями на Украине, очень спешат. И ждать еще год до президентских выборов – это для них очень долго. Поэтому и потребовалась реанимация нацистов. Впервые в послевоенной истории судьбу европейской страны решили нацисты, выступающие под откровенно фашистской символикой. То есть неоконы поспособствовали возрождению нацизма в Европе и с помощью этих вызванных из давнего прошлого сил рассчитывают создать очаг нестабильности уже в непосредственной близости с ареалом обитания «золотого миллиарда». И они совершенно точно выбрали страну, которой уготовили судьбу колыбели

для взращивания фашизма – перед его последующим «экспортом» в другие страны. Именно Украина лучше всего подходит на роль такой колыбели в силу ее этнорелигиозных и исторических особенностей. На протяжении нескольких лет они целенаправленно готовили здесь тот взрыв, который прогремел в этом году. Всё развивается по разработанному ими сценарию. *PNAC*, который я упоминал, появился в 1997 году. И там было черным по белому написано, что через 20 лет, к 2017 году, Китай станет самой главной угрозой для национальной безопасности Соединенных Штатов. Сейчас 2014 год. То есть до решающей схватки двух гигантов остается три года. И если каким-то образом не остановить, не затормозить Америку, то нас ждет планетарная катастрофа.

Мы наблюдаем стремительное образование халифата под руководством ваххабитов-фундаменталистов. За этим процессом четко просматривается еще один верный союзник Соединенных Штатов – Саудовская Аравия.

– Господин Кьеза, если я Вас правильно понял, то Третья мировая уже началась. Ее зачинщиком являются США. Их главная цель в этой войне – уничтожение Китая как основного конкурента. И на пути к этой цели Америка по ходу дела намерена ликвидировать и всех остальных своих противников, которые смеют препятствовать установлению ее планетарной гегемонии. Так?

– Да, так. Все конкуренты Америки должны быть нейтрализованы еще до начала ее войны с Китаем – или напрямую захвачены, или очищены от неугодных Соединенным Штатам режимов в результате тех или иных «бархатных» спецмероприятий, или в результате угроз и шантажа просто выведены из игры. Какой из этих сценариев задействуют для России, сейчас сказать трудно. Но ясно одно: какие-то действия, причем весьма решительные, в отношении России Путина будут предприняты несомненно. Россия сегодня – это предпоследнее препятствие для Америки, если последним считать Китай. Россия имеет ядерное оружие, способное составить реальную конкуренцию американским арсеналам. К тому же – и это, пожалуй, главное – Россия обладает колоссальными запасами природных ресурсов, которые очень бы пригодились Америке на переходный период – пока она окончательно не утвердится в качестве единственного гегемона. Следовательно, этот гигантский евразийский стратегический ресурс должен быть как можно скорее освоен

Америкой – то есть превращен в сырьевую базу без малейших признаков политической субъектности. Поэтому, я уверен, США развернут активные действия против России в самое ближайшее время. Но у Америки есть и еще одна причина спешить. Вчера, выступая по радио, я назвал эту причину. Дело в том, что в самих Соединенных Штатах назревает нешуточный кризис – и это у всех на виду. Они создали механизм производства «бесконечных» денег, но теперь сами же не могут справиться с разными неприятными эффектами, производимыми таким механизмом. Например, нас упорно убеждали в том, что американская экономика в последние годы очень хорошо себя чувствует, находится на подъеме, и темпы ее роста в 30–40 раз – Вы только вдумайтесь в этот показатель! – опережают темпы роста европейской экономики: 3,5–4 процента против 0,1 процента. А вчера вдруг прошла информация, что Уолл-стрит рухнул на 3 процента. С чего это вдруг такой ощутимый и неожиданный обвал динамично развивающейся экономики? Это же катастрофическое падение за один день! А официальные статистические данные – из открытых источников, в которые почему-то мало кто заглядывает, – свидетельствуют о том, что валовой национальный продукт Америки не растет, а наоборот уменьшается. Поэтому я еще и еще раз утверждаю: Америка спешит развязать мировую войну. Она знает, что глобальная финансовая система висит на волоске и может сломаться каждую минуту. Значит, надо успеть еще до того, как случится коллапс этой системы, устроить хаос в планетарном масштабе, на который потом списать все финансовые проблемы. Единственный, кто сегодня может помешать реализации американского сценария, – это Китай. Он сейчас распоряжается очень значительной долларовой массой и – главное – способен ее практически моментально мобилизовать под те или иные задачи. Словом, предстоящая борьба будет очень сложной, многоуровневой, она не сведется лишь к военному противостоянию, но станет сопровождаться самыми разными финансовыми, политическими, культурными специальными операциями. То есть – подвожу итог всему сказанному – мне видно, что американцы нервничают и торопятся. Если бы они не спешили, то вряд ли спровоцировали войну на Украине. Украина сегодня – это термометр, который показывает реальную политическую температуру Запада.

– Господин Кьеза, у нас сейчас в СМИ и особенно в блогосфере обсуждается противостояние Рокфеллеров и Ротшильдов. Утверждают, что Рокфеллеры выступают на стороне неоконов, поэтому Ротшильды объективно заинтересованы в поддержке альтернативных Соединенным Штатам центров силы, в том числе и России. Понятно, что в открытых и заслуживающих доверия источниках информации об этом ничего не говорится. Но возможно, Вы как конспиролог – а Виталий Третьяков, который помог организовать нашу с Вами сегодняшнюю беседу, считает Вас блестящим конспирологом – не то что располагаете каким-то эксклюзивом, но в состоянии по косвенным данным подтвердить или опровергнуть подобное мнение?

– Может быть, я и конспиролог, но прокомментировать то, что Вы сейчас сказали, я не могу. У меня просто нет никакой информации на этот счет. Я не пророк и привык работать с фактами. Вашу – вернее, изложенную Вами – версию можно подтвердить, а можно и опровергнуть. Что касается меня, то я не вижу какого-то особенного противостояния обоих кланов. Я предпочитаю анализировать не домыслы, а очевидные вещи. Например, мне ясно, что Путин пытается сейчас оторвать Европу от Америки. Он знает, что в европейском общественном мнении растет недовольство как непосредственно самими Соединенными Штатами, так и той ролью, которую Америка пытается навязать своим партнерам в Старом свете. Я имею в виду роль молчаливых проводников выработанного в Вашингтоне политического курса. Путин понимает, что европейские лидеры, включая госпожу Меркель, никогда не пойдут на то, чтобы ради Америки испортить отношения с собственным электоратом, и пытается на этом играть. И пускай себе Соединенные Штаты замышляют свернуть демократию в глобальном масштабе – Европа пока что изо всех сил держится за наработанные веками выборные традиции и дорожит ими.

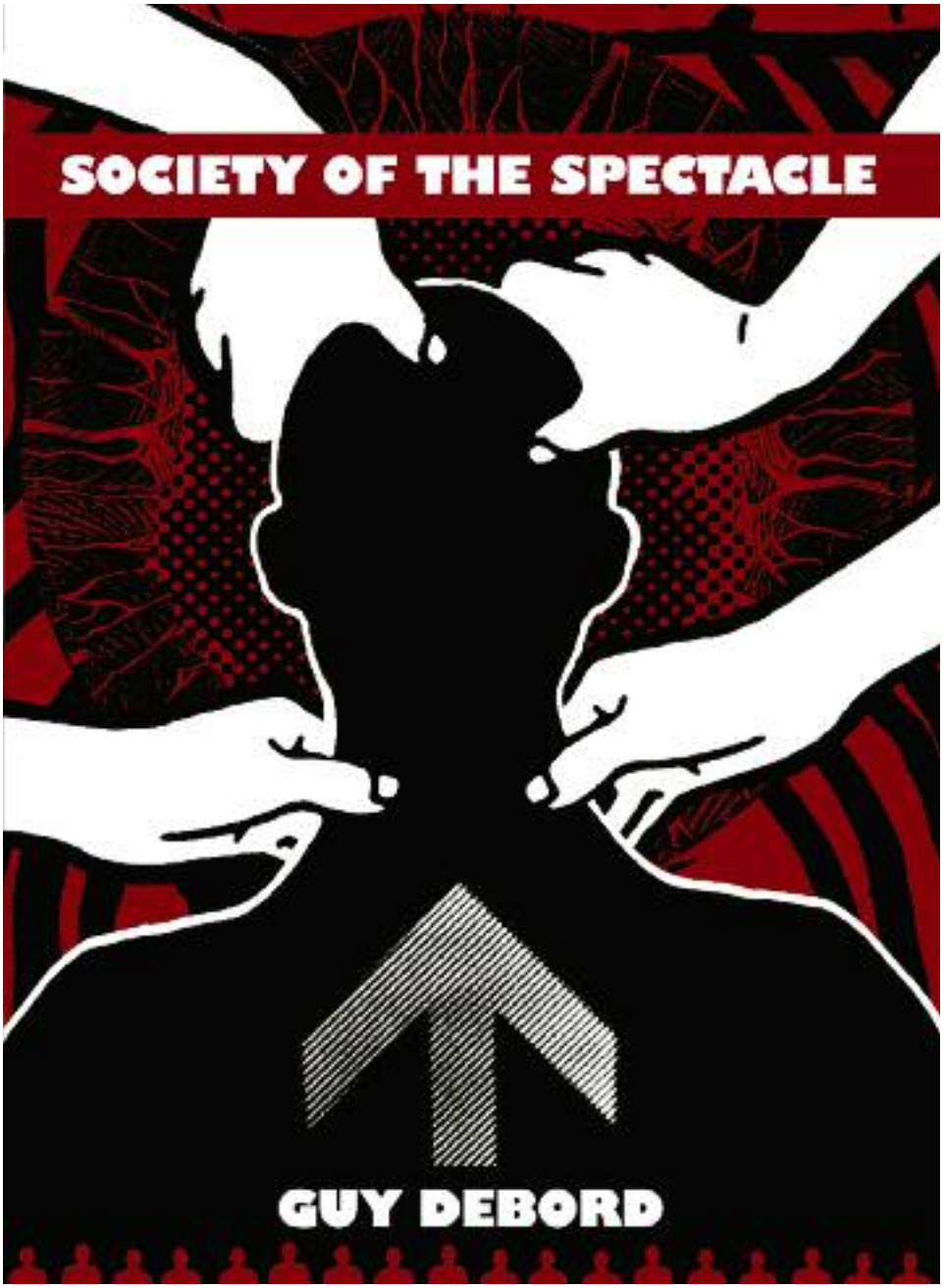
– Господин Кьеза, наши эксперты, естественно, тоже отмечают, что на фоне украинского кризиса разворачивается большая борьба за Европу между Россией и США. Они называют самые разные «козыри», которыми в этом конкурентном противостоянии с Вашингтоном обладает Москва, – от надежных поставок энергоносителей и новых инфраструктурных проектов в этой сфере до бережного отношения к христианским ценностям. Ну, последнее, конечно, имеет значение для православных балканских стран, а также для тех европейских государств, в которых еще сильна католическая традиция. Здесь, в частности, можно назвать и Вашу страну. По всем этим «козырям» Россия пока что переигрывает Амери-

ку. Может быть, своего рода «энергетическая революция», которая произойдет в результате перехода на сланцевый газ, что-то и изменит в геополитической ориентации европейцев. Но пока что, как представляется, все эти разговоры Вашингтона о сланцевом газе напоминают химерическую СОИ эпохи Рейгана, которая, как теперь известно, оказалась всего лишь пиар-проектом, но никак не технологической инновацией. Пускай и удачным для США пиар-проектом, внесшим свой вклад в ликвидацию СССР, но не более того. Вы же сейчас назвали еще один аргумент – почему Европе ни по пути с Америкой. Я имею в виду усиливающееся расхождение между ними по вопросу о дальнейшей судьбе демократии.

– Да, для нас, европейцев, демократическая традиция, демократические привычки очень важны. Мы в них родились и выросли. Конечно, многое в современной европейской демократии является пропагандистскими уловками. Но демократия как безусловная, как фундаментальная ценность европейской политической культуры, несомненно, существует. В Италии, например, это – ценность практически для всех граждан. Европейцы не готовы и к восприятию возрожденного в том или ином виде фашизма. И пусть мы с Соединенными Штатами принадлежим к одной западной культуре, но все-таки между нами большая разница. История Америки насчитывает четверть тысячелетия, а история Европы – я подчеркиваю, современной демократической Европы – начинается еще до нашей эры. Не потому ли Новому свету намного легче отказаться от демократии, чем Старому свету? США могут позволить себе спешить, а Европа живет в совершенно других ритмах. Поэтому, я думаю, у

Неоконы спровоцировали, по меньшей мере, 200 миллионов молодых ребят в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и Сирии выйти на улицу и взяться за оружие. Причем спровоцировали под весьма благородными лозунгами: мол, правящие режимы этих стран не могут дать молодежи работу, обеспечить ей достойный уровень жизни. Всё было рассчитано точно.

Путина есть неплохие шансы добиться задуманного. Посмотрите, в самом начале украинского кризиса – когда еще Янукович был президентом и находился в Киеве – Америка и Европа выступали сплоченно против России. Но шло время – и позиция Европы стала меняться. Да, этот процесс идет с большим трудом. Мы видим, как Обама буквально выкручивает руки европейским лидерам. Но тем не менее сдвиги в европейском восприятии ситуации на Украине налицо. Я обратил внимание, что Путин постоянно называет своих европейских коллег партнерами. Конечно, он прекрасно понимает, что некоторые из них никакие ему не партнеры, а самые настоящие противники. Но Ваш президент знает и то, что противники тоже бывают разные. Какие-то из них – противники навсегда. А каких-то противников со временем можно и превратить в партнеров – хотя бы и не по доброй воле последних, а потому что им предстоит идти на выборы и потому потребуется учитывать настроения своих избирателей. Но не только Путин борется за Европу – аналогичные действия предпринимает и Обама. Все европейские лидеры шантажируются – в прямом смысле этого слова – Соединенными Штатами. Их телефонные разговоры прослушиваются американскими спецслужбами, а сами руководители европейских государств находятся под непрестанным наблюдением. То есть они – совершенно несвободные люди. Всё что рассказал Сноуден – это чистая правда. Америка воспринимает Евросоюз как собственную колонию, а первых лиц стран Евросоюза – как своих наместников. К тому же за такими наместниками постоянно приглядывают и послы



Церемониальная демократия очень важна. Пусть это и обман, но такой обман успокаивает людей. На нем основывается политический театр, в котором так нуждаются граждане. Об этом писал Ги Дебор в своей замечательной книге «Общество спектакля». Нельзя недооценивать силу видимости, образа, впечатления.

США. Еще раз повторю: во всем этом раскладе чрезвычайно важен фактор времени. Время объективно работает против Америки – и в пользу России. Как я уже сказал, США вынуждены спешить – они видят, что кризис нарастает и скоро поставит под вопрос их роль как гегемона, и готовы идти ва-банк. Европа же, напротив, никуда не торопится и чем дальше, тем больше дистанцируется от Вашингтона. Путин осознает это – и потому он избегает делать какие-то резкие шаги. Если бы он ввел войска на восток Украины, то вся Европа моментально снова, как и в конце прошлого и начале этого года, оказалась бы на стороне Америки. Да, это трагическая для Путина ситуация: видеть, как киевские власти убивают людей, и хладнокровно ничего не предпринимать. Но другого выхода – я говорю о выходе, имеющем стратегическую перспективу, – у него нет. И мы уже видим результаты этой хладнокровной выдержки. Так, сегодня Лавров был в Болгарии и провел там конструктивные переговоры. Три дня назад наш посол в Москве заявил, что Италия заинтересована в «Южном потоке». В последнее время германские и итальянские промышленники, а также итальянские банкиры всё чаще открыто выступают против того курса, который Америка проводит в отношении Евросоюза. То есть сопротивление Соединенным Штатам в Европе нарастает. Сколько еще Порошенко при поддержке американцев будет продолжать свою безумную войну? Сколько еще тысяч человек он погубит? Неужели Америка и впрямь думает, что после этого Европа радостно заключит в свои объятия Украину? Нет, чем дольше Киев будет продолжать силовую операцию, тем больше у него возникнет проблем с интеграцией Украины в Европу, как бы Соединенные Штаты ни лоббировали этот проект. Потом не надо забывать, что в Европе есть страны, которые относятся к Америке более чем прохладно и не упустят возможности пойти против ее мнения, когда потребуются их голоса.

– Какие страны Вы имеете в виду?

– Ну, смотрите, я, например, совершенно точно знаю, что решение о силовом подавлении повстанческого движения на востоке Украины было принято без консультаций с

некоторыми европейскими странами. Скажем, ни со Словакией, ни с Италией, ни с Грецией, ни с Испанией, ни с Португалией никто по этому вопросу не советовался. Я это знаю из достоверных источников. И что они могли в такой ситуации сделать? К тому же не надо забывать, что элиты названных стран не хотят ссориться с США. Но и не следует думать, что у них короткая память и они напрочь забудут, как с ними обошлись, особенно если преступления киевского режима продолжатся и дальше – а Порошенко, похоже, не намерен останавливаться... А вообще главный союзник Америки в Европе – это средства массовой информации. В последние две недели вся информация об Украине, как по команде, исчезла из итальянских СМИ. Я вчера вечером специально пролистал несколько печатных политических изданий и просмотрел семь телеканалов – и ни слова о событиях вокруг Славянска. Это о чем-то говорит? Естественно. Итальянские – как, впрочем, и все остальные европейские – СМИ – это сплоченная команда, которая централизованно управляется из единого штаба. Это мощная отлаженная индустрия дезинформации. Причем представители официальных властей не имеют к этой индустрии никакого отношения. Они смотрят то же самое телевидение, читают те же самые газеты – и черпают оттуда ту же самую искаженную информацию. А уже на основе такой искаженной информации принимают ошибочные решения.

– Удивительно, как в XXI веке можно на протяжении двух недель утаивать от граждан одной из ключевых европейских стран сообщения о боевых действиях в той же самой Европе – только в ее восточной части!

– Просто ставки в этой игре исключительно высоки. Исход развязанной Соединенными Штатами Третьей мировой войны не предрешен. Если всему остальному миру – хотя бы одной Европе – удастся объединиться против этой войны, то Америка будет вынуждена отступить или же, по меньшей мере, притормозить. Поэтому сегодня очень важно, какую позицию займут Китай, Индия, Бразилия. Хотя всё свидетельствует о том, что неоконы крайне обеспокоены, они в своей спешке уже дали войне «полный вперед» и ни при каком раскладе тормозить не станут. Или же, встретив сопротивление, пойдут на масштабные провокации, чтобы разбить складывающееся антиамериканское большинство. Я думаю, что провокации начнутся уже совсем скоро. Их следует ждать прямо в июле (этот прогноз был сделан за 10 дней до катастрофы малайзийского «Боинга» 17 июля под Донецком. – *Ред.*). Я не знаю, не могу предположить, какие это могут быть провокации, но ни на секунду не сомневаюсь в том, что неоконы на них пойдут. К тому же среди неоконов тоже есть разные группировки, которые борются друг с другом. И не исключено, что при таком внутреннем противостоянии, усугубленном общей нервозностью неоконов в целом, они в течение какого-то времени решат ограничиваться исключительно провокациями и увеличением числа очагов нестабильности – тем более что это уже многократно апробированная ими тактика. Мне приходится слышать утверждения, мол, США проиграли в Афганистане, отступили в Ираке. Да они и не ставили себе целью там выиграть и установить порядок по-американски. Им важно было создать в этих регионах хаос, очаги нестабильности. А теперь такие очаги они, судя по всему, замыслили устроить и в Европе. Если новый мировой порядок в американском исполнении и существует, то это именно глобальная сеть очагов нестабильности. Вообще само понятие нового мирового порядка, как мне представляется, изрядно мифологизировано. Когда произносят это словосочетание, то часто имеют в виду политическую гомогенизацию стран по американскому образцу. Но это не так. Соединенные Штаты вовсе не заинтересованы в утверждении их политической модели в мировом масштабе. Всё как раз ровно наоборот. Они поняли, что прогресса – а значит, демократии – на всех не хватит. Поэтому «экспорт» Америкой демократии в страны третьего мира и развивающиеся страны, о чем многие пишут и говорят, – это всего лишь видимость. На самом же деле под вывеской демократии туда «экспортируют» хаос и нестабильность.

– Господин Кьеза, Вы говорите о том, что Соединенные Штаты заинтересованы в наступлении эпохи постдемократии во всемирном масштабе. Но ведь даже классическая демократия – это во многом набор имитационных политических технологий и пропагандистских мероприятий, в результате которых добиваются нужного исхода той или иной избирательной кампании. Да и работа уже избранных парламентариев, равно как и дуализм представительных и исполнительных властных структур, – это политический театр, фабрикация видимости, реальная же власть находится где-то в других местах. То есть Америку не устраивает даже такая – имитационная по своей сути – демократия?

– Я согласен с Вами. В демократии действительно много имитационного. Но имитационная демократия тоже имеет смысл. И такая демократия сейчас всюду уничто-

жается. Поэтому еще раз говорю: нельзя недооценивать происходящее сейчас на Украине. Там в открытую происходит замещение демократии фашизмом, когда насилие и убийство становятся социальной нормой. Сегодня мы видим это пока только на одной Украине, а завтра такое будет происходить везде. В середине мая я организовал в Риме демонстрацию напротив американского посольства. Мы выступали против творимого киевскими властями насилия на востоке Украины. Нас было всего-то человек 50–60, и мы никому ничем не угрожали. Но неожиданно к нам подъехал автобус, из которого вышли украинские нацисты и попытались сорвать наше мероприятие. Конечно, полиция их остановила, так как наша акция была легальной и санкционированной. Но на моей памяти это первый случай, когда иностранцы так нагло и грубо мешают моим согражданам выражать свои убеждения. Вот он – современный фашизм в действии. И мы теперь будем регулярно видеть его вторжения в нашу европейскую действительность. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что наша демонстрация тоже была элементом имитационной демократии. Хотя определение «имитационная» в данном случае имеет негативный оттенок, поэтому я лучше употреблю слово «церемониальная». Так вот, такая церемониальная демократия очень важна. Пусть это и обман, но такой обман успокаивает людей. На нем основывается политический театр, в котором так нуждаются граждане. Об этом писал Ги Дебор в своей замечательной книге «Общество спектакля». Несмотря на то что он отталкивался от реалий 60-х годов, многие его наблюдения актуальны для нашего времени. Нельзя недооценивать силу видимости, образа, впечатления. Это – инструменты реальной политики, причем ничуть не меньшие, если не большие, чем избирательные кампании. Демократия стала церемониальной, после того как система пропорционального представительства была вытеснена системой мажоритарного представительства – когда перестал работать принцип: «Один человек – один голос». Мажоритарная система удобна для разного рода манипуляций – один голос тут ничего не решает. После утверждения мажоритарной системы содержательная часть демократии исчезает – остается только церемониальная часть. Но даже такую – церемониальную – демократию сейчас уничтожают. Посудите сами, Европой ныне управляют три институции, руководителей которых никто не выбирал. Это Международный валютный фонд – сугубо американская структура. Другая институция – Европейский центральный банк, а третья – Еврокомиссия. Непонятно, откуда берутся их руководители и даже простые чиновники. Я пять лет был членом Европарламента, который даже не мог выносить на голосование собственные законопроекты. Это просто машина для голосования, которое иногда продолжается несколько дней подряд. Некогда даже ознакомиться с подготовительными материалами по вопросам, по которым голосуешь. Твой голос ровным счетом ничего не значит. А всем заправляет мощное лобби. Самые главные лоббисты в Европе – это банкиры, именно они всё решают, рассаживают нужных людей на нужные должности. Вы ссылались на Виталия Третьякова, который называет меня конспирологом. Вот где настоящая конспирология – в этом банкирском лобби! Два года назад в Милане вышла книга Джулио Тремонти, занимавшего пост министра экономики и финансов в разных кабинетах. Называется книга в переводе на русский «Аварийный выход». Чрезвычайно интересная книга. Тремонти показывает функционирование этого финансового лобби изнутри, рассказывает о технологиях принятия решений сообществом банкиров, о том, что собой представляет система контроля за финансовыми потоками. В книге описывается, как крупнейшие банки-мошенники на протяжении нескольких десятилетий фактически обманывали весь мир. И среди них самые крупные в мире банки – такие, как *Goldman Sachs*, *JPMorgan Chase* и другие. Все знали об их махинациях – и никто не мог ничего поделать. Расследования и даже судебные процессы, до которых иногда все-таки доходило дело, ничем определенным не заканчивались. Сам автор признается, что пару раз пытался искать справедливость в этой сфере, но потом понял, что это невозможно. Тремонти делает очень важный вывод. Он говорит, что в современной Европе всё явственнее проглядывают первые признаки фашизма нового типа – финансового фашизма, или, как он его еще называет, «белого фашизма». А уж он-то знает, о чем говорит! Совсем скоро демократическое начало окажется полностью изъятым из процедур принятия политических решений. Правда, церемониальная демократия какое-то время еще будет функционировать. Но в общем-то и ее дни сочтены. Фашистский эксперимент на Украине неслучаен. Это пробный шар того режима, который готовится для всей Европы.

– Господин Кьеза, я с Вами согласен, на Украине фашистский эксперимент может получиться. Но вот, например, в Ва-

шей стране, как мне представляется со стороны, почвы для возрождения фашизма нет вообще. В Италии просто отсутствует исторический опыт фашизма. Режим Муссолини хотя и дал фашизму его название, но при этом он разительно отличался от режима Гитлера в нацистской Германии – с которым и стали в первую очередь связывать понятие фашизма. На фоне гитлеризма режимы Муссолини, а уж тем более Франко и Салазара, вообще трудно считать фашистскими.

– Да, в какой-то мере Вы правы. Но не следует увязывать возможность возникновения фашизма в той или иной стране с наличием или отсутствием в ней соответствующего опыта в прошлом. Потрясения, которые принесла миру Вторая мировая война, покажутся шуткой по сравнению с теми испытаниями, которые ожидают нас в скором времени. Тогда, 70 лет назад, не было того оружия, которое имеется сейчас. К тому же Вторая мировая при всех ее ужасах и жестокости была классической войной за передел сфер влияния. О ресурсах тогда только начинали задумываться, но этот вопрос не был определяющим. Третья мировая – это война именно за ресурсы, а значит, ее главной целью будет уничтожение так сказать «лишнего» населения планеты, которое будет невозможно даже прокормить – я уже не говорю о том, чтобы гарантировать ему достойный образ жизни. Поэтому жестокость и бесчеловечность той войны, начало которой мы сейчас наблюдаем, пока трудно себе даже вообразить. Эти особенности Третьей мировой усилятся еще и социальным фактором. Я имею в виду то, что когда начнутся обычные бедствия военного времени и вся технологическая инфраструктура жизнеобеспечения «золотого миллиарда» рухнет, мы – входящие в этот самый миллиард – окажемся неконкурентоспособными по сравнению с населением менее развитых стран...

Просто те, которые стоят за событиями на Украине, очень спешат. И ждать еще год до президентских выборов – это для них очень долго. Поэтому и потребовалась реанимация нацистов. Впервые в послевоенной истории судьбу европейской страны решили нацисты, выступающие под откровенно фашистской символикой.

– Потому что у них опыт выживаемости в критических условиях несоизмеримо богаче, чем у «золотого миллиарда».

– Безусловно. Мы утратили связь с природой, а они – нет. И эти народы не преминут припомнить нам, то есть «золотому миллиарду», все те притеснения, которые терпели от нас на протяжении десятилетий и даже столетий. Их месть может оказаться очень жестокой. Недавно я прочитал замечательную книгу Уильяма Шеридана Аллена, название которой можно перевести на русский язык так: «Как становятся нацистами». Автор на примере истории одной германской деревни показывает, как менялись политические настроения ее жителей на протяжении трех лет перед приходом Гитлера к власти. В самом начале 30-х годов подавляющее большинство проживавших в этой деревне немцев придерживались социал-демократических взглядов. А уже к началу 1933 года 99 процентов ее обитателей стали убежденными фашистами. Это Вам к вопросу о том, что у итальянцев нет исторического опыта фашизма и они не воспримут эту идеологию. А представьте себе хотя бы на мгновение, что будет, когда такой город, как Рим, в котором проживают три с половиной миллиона человек, вдруг в одночасье перестанет снабжаться продовольствием. И это притом что всем заправляет целая армия абсолютно неподготовленных и не руководствующихся никакими моральными принципами чиновников. И как себя поведут люди? Сохранят ли они элементарную че-

ловечность? Начнется паника, а ведь в панике отключается рассудок – я уже не говорю про мораль, – и люди начинают руководствоваться одними лишь инстинктами.

– Страшную картину Вы нарисовали... Вот я смотрю на Рим, на этот вечный город, ставший мечтой для многих моих великих соотечественников, и не могу себе такое представить.

– Мне самому очень бы хотелось, чтобы эта картина осталась только лишь страшной фантазией. Я очень рассчитываю – во всяком случае, пытаюсь себя в этом убедить, – что Европа отторгнет эти семена фашизма, что она слишком инерционна и потому невосприимчива к этим прививкам извне. Но все равно надо готовиться к худшему сценарию – даже если ему и не суждено никогда осуществиться. Как готовиться? Не знаю, у меня нет готовых рецептов. Думаю, что надо постараться быстро сформировать новую элиту, которая сможет противодействовать реализации американского сценария. Именно элиту в первую очередь. Потому что до широких масс мы просто не успеем достучаться – все инструменты воздействия на широкие массы в руках наших противников. Я имею в виду прежде всего СМИ. Но для перехвата СМИ у нас нет соответствующих ресурсов, да мы и не сумеем их раздобыть к нужному сроку. А без этого массы не поймут нас, мы с ними говорим на разных культурных языках. И эти оболваненные массы диктуют нынешним элитам свою волю – а элиты, в свою очередь, вынуждены эту волю исполнять. Поэтому надо сконцентрироваться на создании ядра – новой элиты, руководствующейся высокими моральными принципами и достаточно компетентной, чтобы вести собственную глобальную игру. И за создание такой элиты надо браться прямо сейчас, не теряя времени. Таким образом, создание новой элиты – это задача номер один. Вторая задача – выработка новой идеологии развития...

– Господин Кьеза, наш альманах называется «Развитие и экономика», и проблематика идеологии развития является для него одной из ключевых, фактически самой главной.

– Вот видите, как синхронно мы мыслим. Сегодня абсурдно руководствоваться идеями, появившимися даже полвека назад – они мертвы, они неадекватны новой реальности. Я уже не говорю о еще более старых представлениях. Понятия «правый» и «левый» сегодня не работают. С их помощью невозможно понимать и интерпретировать происходящие перемены. Термин «капитализм» и его производные неспособны корректно объяснить процессы, связанные с возникновением и деятельностью неоконов – совершенно нового феномена, который пока еще не получил грамотного и взвешенного объяснения. То есть старые идеи не просто не работают в нынешней реальности – они к тому же еще опасны, потому что создают иллюзию понимания происходящего, но на самом деле не могут нас от этого происходящего защитить. Поэтому необходимо новое знание, опирающееся на аналитический инструментарий XXI века. Нужен скачок в нашем интеллектуальном развитии, способный вывести на новый уровень понимания окружающей действительности. Некоторое время назад я прочитал книгу выдающегося итальянского католического мыслителя, ныне покойного, падре Эрнесто Бальдуччи «Земля на закате» – наверное, так можно перевести на русский язык ее название. В этой книге он пишет в том числе и о том, что мы приближаемся к эпохе, которая потребует от человека эволюционного скачка в его развитии. В противном случае человек просто не выживет, потому что такого кризиса, который надвигается на нас, никогда прежде в истории не было. Чтобы подчеркнуть эту мысль, Бальдуччи даже сравнивает людей с динозаврами. Вот, пишет он, динозавры жили себе спокойно, как вдруг произошла какая-то катастрофа, в результате которой они погибли. А земля осталась. Нечто подобное, считает падре, ожидает и человечество – если оно не учтет печальный опыт этих доисторических существ. Это будет не конец света, о котором говорится в Библии, а конец цивилизации. Или, по крайней мере, конец этой цивилизации. Чтобы не повторить судьбу динозавров, как раз и нужен эволюционный скачок, который создаст нового человека с новой – а на самом деле старой, но давно уже забытой – ценностной ориентацией. Старый человек – *homo sapiens* – не в состоянии сохранить эту цивилизацию. На протяжении нескольких столетий он только разрушал мир вокруг себя. Книга написана в начале 90-х годов прошлого века, когда никто еще не предвидел тех угроз, о которых мы с Вами говорим, а насколько точны предсказания ее автора! Я думаю, что новая элита, о необходимости которой я только что говорил, как раз и должна стать продуктом такого вот эволюционного скачка. Эта новая элита возродит подлинную демократию как способ интеллектуального управления миром – что, в свою очередь, и станет той идеологией развития, которая востребована в XXI веке. И если это у нас получится, то тогда мы сможем взяться и за воспитание масс – за их раскодирование от того тотального – я бы даже сказал тоталитарного

– воздействия, которое на них оказывают СМИ. Нет, мы не станем запугивать массы ужасами Третьей мировой – мы будем просто объяснять им, что происходит в мире на самом деле. Вот она – просветительная миссия новой элиты: воздействовать на ситуацию своим авторитетом, морально, психологически. Такое влияние на самом деле наиболее эффективное и сильное, потому что оно переделывает людей. Но подготовка подобных авторитетов, которые поведут за собой массы, – долгое и кропотливое дело. Для этого потребуются немалые усилия – но иначе не создашь ни новую элиту, ни новую идеологию. Итак, еще раз: во-первых, нужна новая элита, во-вторых – новая идеология, которую эта новая элита станет пропагандировать. Теперь третья задача: необходимо задействовать весь созидательный культурный потенциал незападных цивилизаций, особенно в аспекте их взаимоотношений с природой. У Запада, включая и Россию, связь с природой потеряна – и похоже, что навсегда. Поэтому сейчас, когда человечество находится практически на пороге экологической катастрофы из-за хищнического отношения к окружающей среде, для нас особенно ценен опыт Латинской Америки, Африки, Азии – опыт, скажем так, «мирного сосуществования» с природой – которое при этом не исключает и динамичного научно-технического развития, что особенно видно в странах БРИКС. Вот три задачи, за решение которых необходимо браться прямо сегодня, своего рода актуальная повестка дня. Я убежден, что в России, Китае, странах Латинской Америки есть люди, способные правильно воспринять эту повестку и взяться за ее исполнение. Эти люди должны превратить повестку в практическую и детально расписанную программу действий, а также создать некую координирующую структуру – наподобие Римского клуба. Помимо всего прочего, такой Римский клуб-2 должен будет заняться разработкой новых компетенций, которых пока нет, но которые исключительно важны для того, чтобы обеспечивать развитие в XXI веке. Европейская наука, добившаяся небывалых высот, подошла к порогу своих возможностей. Она становится все более дискретной, зацикленной на мелочах и неспособной к синтезу. Поэтому ее в течение ближайших 20–30 лет надо будет заменить новым способом познания.

Самые главные лоббисты в Европе – это банкиры, именно они всё решают, рассаживают нужных людей на нужные должности. Джулио Тремонти, занимавший пост министра экономики и финансов в разных кабинетах, в своей книге «Аварийный выход» рассказывает о технологиях принятия решений сообществом банкиров, о том, что собой представляет система контроля за финансовыми потоками. В книге описывается, как крупнейшие банки-мошенники на протяжении нескольких десятилетий фактически обманывали весь мир.

– 20–30 лет – это очень долго, это целая жизнь. А Вы говорите, что часы тикают, что счет времени до начала планетарной катастрофы перешел уже даже не на месяцы, а на недели.

– Давайте разведем две совершенно разные задачи – предотвращение войны и выработку новой стратегии развития. К первой задаче, действительно, надо приступать прямо сегодня. Агрессора пока еще можно остановить, вынудить его хотя бы несколько притормозить осуществление своих замыслов. Но даже при самом благоприятном исходе – если неоконы не только остановятся, но и в чем-то отыграют назад – угроза Третьей мировой будет просто снята. Да, это уже очень много, это уже победа – но это не решение проблемы кризиса ресурсов. Кризис никуда не денется. А вот на преодоление кризиса – то есть на решение второй задачи – объективно потребуются годы и даже деся-

Характерно, что все сценарии, которые рассматривает Йорген Рандерс в книге «2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет», можно истолковывать как подготовку к глобальной войне, хотя он нигде прямо о войне и не говорит. Но в данном случае важно другое: предел более или менее аргументированных прогнозов – это середина века. Что будет дальше – никто не может сказать.

тилетия. Кстати, в пределах именно такого срока строят свои прогнозы многие современные мыслители. Вот, например, я сейчас читаю книгу Йоргена Рандерса «2052: Глобальный прогноз на ближайшие сорок лет». В свое время он был членом Римского клуба. Книга написана в 2012 году – ее выход приурочен к сорокалетию состоявшегося в 1972 году первого доклада Римскому клубу Денниса Медоуза «Пределы роста». Автор размышляет о том, как изменился мир за эти сорок лет, насколько оправдались прогнозы, сделанные в свое время членами Римского клуба. Он пытается заглянуть и в следующие сорок лет – отсюда эта дата: 2052 год. Характерно, что все сценарии, которые рассматривает Рандерс, можно истолковывать как подготовку к глобальной войне, хотя он нигде прямо о войне и не говорит. Но в данном случае я хочу обратить Ваше внимание на другое: предел более или менее аргументированных прогнозов – это середина века. Что будет дальше – никто не может сказать. Я имею в виду, конечно, не писателей-фантастов, а ученых, которые делают заключения на основе научных методик прогноза. Ясно лишь одно: все сценарии будущего – катастрофические. То есть середина века – это некая критическая точка, за которой туман и ничего не просматривается. Астрономы говорят о существовании в космосе черных дыр. Что происходит в этих черных дырах – никто не знает. Можно лишь определить, что там-то существует такая черная дыра, можно даже оценить ее размеры – сколько световых лет она составляет. Но что внутри нее – неизвестно. Вот такая черная дыра ожидает нас в середине текущего века.

– Господин Кьеза, до сих пор мы с Вами говорили о будущем – более или менее отдаленном, но о будущем. А теперь я хотел бы задать Вам вопрос о прошлом. Давайте поговорим об одном из преемников Антонио Грамши на посту лидера Итальянской компартии – об Энрико Берлингуэре. Недавно исполнилось 30 лет со дня его кончины. Это был неординарный, чрезвычайно грамотный и очень интересный политик, действовавший в русле грамшистской традиции. Именно при нем, как мне представляется, Итальянская коммунистическая партия достигла пика своего могущества. Вы говорили о необходимости новой элиты – высокоморальной и высокоинтеллектуальной. Можно сказать, что Берлингуэр сполна отвечал названным критериям – и этим явно выделялся из тогдашнего итальянского и даже европейского политического бомонда. Кроме того, он был чрезвычайно принципиальным, что тоже несвойственно профессиональным политикам. Несмотря на то что Берлингуэр был коммунистом, его уж никак нельзя воспринимать как человека Москвы, проводника политики КПСС. Напротив, для тогдашнего советского руководства он был очень неудобной фигурой: всегда имел собственное мнение, часто не совпадавшее с линией КПСС, мог прямо выражать Брежневу и Суслову свое несогласие с политикой советского руководства. Поэтому неспроста о Берлингуэре у нас не очень-то любили распространяться: всё, что я в своем детстве знал о нем, я почерпнул не из советских СМИ, а из радио-

передач «голосов». Вы лично знали Берлингуэра, работали под его началом. Скажите, господин Кьеза, в сегодняшней Италии – давайте ограничимся Вашей страной – традиции рафинированной компетентной и ответственной политики в стилистике Берлингуэра безвозвратно ушли в прошлое? Понятно, я имею в виду не Кавальере – с ним всё ясно. А вот, скажем, нынешний премьер Маттео Ренци – что Вы о нем думаете? Ведь он как лидер Демократической партии в определенном смысле наследник Берлингуэра – после всех партийных трансформаций, после объединения коммунистов с другими политическими силами в Демократическую партию. Или же никакой преемственности в стилистике нет, наследие Берлингуэра ушло в никуда, и Ренци – представитель совершенно новой генерации итальянских политиков? Ко всему прочему коммунисты при Берлингуэре, вообще европейские левые той поры делали погоду в интеллектуальной жизни Запада. А что Ренци? Он ведь как бы тоже левый?

– Вот именно, что «как бы»! В современном русском языке очень любят использовать этот оборот. Не всегда, правда, к месту. Но в данном случае он звучит вполне оправданно... Я полностью согласен с Вами. Тогда, при Берлингуэре, вся интеллигенция была левой. Левые являлись, как бы сказал Грамши, интеллектуальным гегемоном, но я бы не стал говорить, что в результате деятельности именно Берлингуэра. Скорее, это была заслуга Пальмиро Тольятти – одного из предшественников Берлингуэра на посту главы компартии, который тоже был руководителем очень высокого уровня. Но Берлингуэра, безусловно, можно назвать уникальным и очень дальновидным политиком. Он ведь еще в 70-е годы предвидел кризис европейской демократии, о чем тогда вообще никто и не думал! Я помню, как после чилийских событий, после убийства Сальвадора Альенде Берлингуэр написал для нашего теоретического журнала *Rinascita*, по-моему, две статьи, которые потом вошли в историю как так называемые статьи исторического компромисса. В этих статьях содержался призыв к созданию широкой коалиции – намного шире коалиции только левых сил. Берлингуэр подчеркивал, что в парламенте можно чего-то добиться лишь в том случае, если заручиться поддержкой более половины голосов. Коммунисты, как и другие партии демократической ориентации, тогда просто не имели такого представительства. А значит, считал Берлингуэр, необходим широкий демократический альянс, в который, помимо коммунистов, войдут представители и других партий – не только левых. В противном случае, заключал Берлингуэр, всех левых уничтожат поодиночке, как в Чили. Между прочим, это сегодня нам очевидно, насколько тогда Берлингуэр был прав. Но когда эти статьи вышли, многие итальянские коммунисты восприняли их в штыки. Хотя режим Альенде и был свергнут, но сам прецедент появления в Латинской Америке единственного левого правительства, в то время как там в ту пору были сплошь одни диктатуры – ну, кроме Кубы, конечно, – вдохновлял очень многих в Европе. Казалось, что мечта левых начинает воплощаться в Западном полушарии, а холодная расчетливая прагматика Берлингуэра спускала с небес на землю. Но время показало, насколько же он тогда был прав. И ведь, между прочим, компромисс, к которому призывал Берлингуэр своих товарищей по партии, был вполне в духе итальянской конституции, над которой работали представители разных – в том числе и левых – партий. Эти люди – составители конституции – совершенно справедливо считали, что подлинно демократическое общество можно построить только сообща.

– Поделитесь, пожалуйста, Вашими личными впечатлениями о Берлингуэре.

– Я обязан Берлингуэру своей карьерой – именно по его решению я в 1980 году стал московским корреспондентом газеты *L'Unità*. Он читал мои статьи, видимо, они ему нравились. Наверное, поэтому он и решил отправить меня в Советский Союз. Я помню, как Берлингуэр напутствовал меня: «Поезжай, – сказал он, – и пиши откровенно обо всем, что ты видишь. Мы тебя цензурировать не будем». И действительно, в течение первых четырех лет работы, пока Берлингуэр был жив, меня никто не цензурировал, и я писал то, что считал нужным. В то время мы уже ясно видели проблемы Советского Союза. Но и в этом вопросе Берлингуэр смотрел дальше всех нас. Помню, как он приехал на похороны Брежнева, и мы гуляли с ним по Калининскому проспекту, за нами поодаль шли три человека в штатском – все-таки Берлингуэр был руководителем Итальянской коммунистической партии, и ему по статусу полагалась охрана. Берлингуэр спросил меня тогда: «Как ты думаешь, сколько еще продержится всё это?» – и он обвел взглядом вокруг, давая мне понять, что имел в виду советский режим. Для меня, прожившего уже несколько лет в Москве, сам по себе такой вопрос показался странным. Ну да, я знал о трудностях, с которыми сталкивался СССР, и писал об этом. Но я и подумать не мог о том, что над советским режимом нависла какая-то бо-

Энрико Берлингуэра (на фото), безусловно, можно назвать уникальным и очень дальновидным политиком. Он ведь еще в 70-е годы предвидел кризис европейской демократии, о чем тогда вообще никто и не думал!

встречался с тем-то? А зачем он поехал туда-то? А что означает эта его фраза?» И так далее. Из этих вопросов я понимал, что Берлингуэр очень внимательно читает мои московские корреспонденции и нуждается в комментариях и разъяснениях.

– Вот откуда Ваше тонкое понимание современной российской действительности – школа Берлингуэра!

– Школа Берлингуэра, с одной стороны, а с другой стороны – школа жизни в России. Той широтой взгляда на мир, которую я приобрел, работая в Вашей стране, я обязан не только Берлингуэру, но и России. Пока Берлингуэр был жив, кадровая политика в нашей компартии велась на высоком уровне. Он постоянно заботился о том, чтобы молодые и талантливые люди получали возможность максимально проявить себя. Те, которые руководили компартией после Берлингуэра, конечно, ни в какое сравнение с ним не шли. Но я не виню их: они сдались, потому что рухнул Советский Союз, – а что им оставалось делать в той ситуации? Да потом они и плохо представляли себе те перемены, которые стали происходить в мире. Из преемников Берлингуэра интеллектуалом был разве что Натта. Но у Натты не было харизмы – а у Берлингуэра харизма была, да еще какая! Это была харизма простого и расположенного к любому собеседнику человека, который внушал доверие каждому, кто с ним общался. Почему это происходило – логически не объяснить. Просто к Берлингуэру буквально все и сразу начинали испытывать доверие. Ему было присуще умение вступать в невербальную коммуникацию. Мы это часто называем просто обаянием, но такое свойство – целая спиритуалистическая индустрия внутри конкретной человеческой души. Вокруг себя Берлингуэр создавал, если так можно выразиться, поле высокого интеллектуального напряжения – окружавшие его люди стремились быть под стать ему. Хотя в целом в партии он был, конечно, исключением – до его уровня мало кто дотягивал. Но вместе с тем Берлингуэр был плохим оратором.

– Ну, в этом я никак не могу с Вами согласиться. Да, в отличие от Вас я не был лично знаком с Берлингуэром, но я видел его выступления – и по ним никак не скажешь, что он – плохой оратор.

– Нет, конечно, он выступал горячо и убедительно, но при этом чрезмерно эмоциями не играл и в целом специфическими приемами ораторского искусства не владел. Он говорил доходчиво и всегда прямо, без каких-либо подтекстов – поэтому я и говорю, что оратором в прямом смысле этого слова он не был. Он вовсе не стремился провоцировать у слушателей те или иные эмоции – его задача заключалась в том, чтобы донести до них свои мысли.

– Господин Кьеза, а я еще спрашивал Вас о Ренци.

– Да, я помню об этом. Ну, давайте теперь о Ренци. Я уже сказал, что прежние лидеры левых ушли. Они предали свои идеалы и сдались. Я не хочу давать им никакие моральные оценки. Я просто констатирую, что эти люди – в прошлом, у них нет никакого будущего. И этот кризис старшего поколения левых лидеров характерен для всей Европы. Вообще левые в Европе исчезают. Исключение составляют, разве что, германские социал-демократы и греческая СИРИЗА, которая вовсе и не партия, а

лее серьезная угроза. А вот Берлингуэр, приехав на похороны Брежнева, похоже, почувствовал, что всё на самом деле гораздо серьезнее, чем я писал в своих никем не цензурируемых статьях. Берлингуэр велел мне всякий раз, кода я приезжал в Рим из Москвы, тут же звонить его секретарше и сообщать ей об этом. Он тогда откладывал все свои дела и принимал меня в штаб-квартире партии, где обычно работал. Берлингуэр просил принести нам спагетти и минералку и долго разговаривал со мной. Но получалось, что ел только он один – у меня просто не оказывалось такой возможности, так как Берлингуэр буквально допрашивал меня. Он задумчиво жевал спагетти, внимательно вслушивался в каждое мое слово, регулярно заглядывал в свой блокнот и постоянно задавал уточняющие вопросы: «А почему, по-твоему, Брежнев

какая-то очень уж странная организация. А во всех остальных европейских странах левые попросту исчезли. Почему? Потому что жили идеями XX века и не замечали фундаментальных перемен в экономике и социальной структуре общества. Те европейские левые, которые еще пока сохранились, говорят таким языком, который сегодня уже никто не понимает. Я это постоянно наблюдаю в Италии. И в Европарламенте я это регулярно замечал. Левые всегда ориентировались и сейчас продолжают ориентироваться на массы – но именно массы-то их сейчас и не понимают! Социалистическая идея умирает, если расходится с реальностью. Идеи Маркса и Ленина уже мертвы, они не работают в той реальности, в которой мы существуем. Левым остро требуется новая идеология, соответствующая вызовам XXI века, способная объяснять те процессы, которые протекают в мире. Я уже говорил, что в XXI веке оппозиция «левый»–«правый» не работает. Партийная инфраструктура тоже безнадежно устарела – я уже не говорю о мышлении сугубо партийными категориями. Время партий и массовых движений прошло – наступила эпоха идеологических субкультур. Если что-то и конструировать в левом общественном сегменте, то надо ориентироваться на создание именно эластичной и идеологически мобильной субкультуры единомышленников. Ренци же – это политик, который не имеет обо всем этом ни малейшего представления. Он хорошо усвоил лишь одно – как функционирует «общество спектакля». Его Демпартия – это уже не партия в прежнем смысле, это не более чем обыкновенный избирком, работающий лишь во время избирательных кампаний. Кадровой политикой партии никто толком не занимается. Когда министры кабинета Ренци открывают свои рты и начинают что-то говорить, я одергиваю себя: где я нахожусь, не снится ли мне всё это? Представляете, какой у них интеллектуальный и даже просто профессиональный уровень. Я считаю, что Ренци – достойный последователь Берлускони. Берлускони в свое время собрал вокруг себя команду, представители которой последовательно исходили из того, что главное – это телевидение, поэтому все силы надо бросить на создание привлекательных телеобразов. Это были бескультурные и коррумпированные личности, но они в совершенстве знали мир СМИ и умели с эти миром работать. И Ренци пошел тем же самым путем. Главное для него – создать эффектное впечатление. А содержательная сторона любой проблемы его, похоже, просто не интересует. Я никогда не слышал от Ренци хотя бы какую-то мысль, которая совпадала бы с моим видением кризиса. Нет, он выше этого и не снисходит до таких мелочей. Но зато Ренци неплохо овладел политическими технологиями. Он знает: есть опасное население, которое надо оболванивать, и есть так называемая элита, которая должна быть управляемой. Как этого достигнуть? Конечно, с помощью разного рода манипуляций. Сказать, что Ренци революционер – это смешно. Сказать, что он модернизатор – тоже смешно. Чтобы изменить общество – революционным путем или модернизационным, – необходимо это общество хорошо себе представлять. А Ренци и не собирается ничего менять: его установка – не поменять что-то вокруг себя, а приспособиться к этому чему-то. Это человек, который ничего не пишет, а только говорит. Он и не задумывается над тем, что потом кто-то, может, захочет прочитать что-то из того, что им написано. В лучшем случае Ренци заботит то, какие из его выступлений останутся в *YouTube* – на тот случай, если их кто-то захочет посмотреть. Прочитать и посмотреть – это разные вещи. Последнее рассчитано как раз на *homo videns* – «человека смотрящего», новое антропоморфное существо XXI века. Я думаю, что премьерство Ренци будет недолгим. Как только начнут реально сворачивать демократию, его тут же уберут. И к власти придут новые люди – очень жесткие и решительные. Ренци слишком слаб для того, чтобы его руками расправиться с демократией, причем не где-то, а в Италии, в которой чрезвычайно сильны демократические традиции.

– Господин Кьеза, я благодарю Вас за очень обстоятельный и интересный разговор. Значимость Ваших прогнозов и предостережений трудно переоценить. Надеюсь, что читатели нашего альманаха – а среди них есть и лица, принимающие ответственные решения, причем высокого уровня, – во всяком случае, не оставят их без внимания. И конечно, очень рассчитываю на то, что сотрудничество альманаха «Развитие и экономика» с Вами продолжится и дальше. Вам же хочу пожелать сил и энергии для Вашей бурной деятельности. Почаще появляйтесь в российских телепрограммах, на сайтах и других сетевых ресурсах, в печатных изданиях. Российская аудитория всегда с большим интересом внимает Вам – итальянскому журналисту, говорящему на прекрасном русском языке и рассказывающему о том, что по разным причинам недостаточно подробно освещается отечественными СМИ.

Рим, 7 июля 2014 года

В.Т. Третьяков:

«Повторение украинского сценария в России невозможно»

Интервью декана Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова **Виталия Товиевича Третьякова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Виталий Товиевич, когда редакция альманаха приняла решение посвятить настоящий номер проблематике суверенитета, у меня сразу же возникло желание побеседовать об этом с Вами. Вы очень много пишете о суверенитете, регулярно высказываетесь на сей счет в различных телепрограммах. Причем, что особенно ценно, Ваш анализ никогда не бывает отвлеченным, не привязанным к повестке дня, Вы всегда размышляете о суверенитете в привязке к самой «горячей» конъюнктуре. Словом, суверенитет – это Ваша тема. Поэтому я хочу начать нашу беседу с преднамеренно неопределенного и, я бы даже сказал, размытого вопроса в надежде на то, что Вы сами зададите необходимый вектор и нужный политический градус нашей беседе. Итак, как, на Ваш взгляд, сейчас вообще надо говорить о суверенитете, с какими акцентами, в каком ключе?

– Спасибо, Дмитрий, за Вашу оценку моих мыслей на тему, о которой мы собираемся разговаривать. К сожалению, я не являюсь хорошим знатоком разных политических теорий, хотя кое-какими представлениями в этой области всё же обладаю. Поэтому сразу хочу предупредить, что, возможно, иногда буду давать неточные ссылки на тех, чьи мысли стану излагать. Так вот. Слово «суверенитет» в политическом словаре – одно из самых истрепанных и вместе с тем не то чтобы бессодержательных, а ложносодержательных. Как, например, и слово «демократия». Понятно, почему я так оцениваю смысловое содержание этих обоих слов. Ну, давайте начнем со слова «демократия». Скажем, никто не возьмется оспаривать утверждение, что Франция – более демократическая страна, чем Россия. А вот Китай напротив – гораздо менее демократический, нежели Россия. А Северная Корея – совсем недемократическая, даже по сравнению с Китаем. То есть всё познается в сравнении. Это первое. Теперь второе. Поставим в этот ряд Соединенные Штаты Америки. С одной стороны, США – вроде бы, еще более демократическое государство, чем Франция. Или, во всяком случае, обе эти страны примерно равны по уровню их соответствия некоему эталону демократии. Но с другой стороны, в Соединенных Штатах демократия для внутреннего употребления – хотя и тут можно привести массу примеров, доказывающих весьма условный характер де-

мократии во внутриполитической жизни этой сверхдержавы, – прекрасно сочетается с абсолютно недемократическим поведением на внешнеполитической арене. И это притом что такое недемократическое поведение за пределами собственных границ Соединенные Штаты также объясняют исключительно потребностью утверждения ценностей демократии. А если непредвзято, то разве можно считать демократической страну, которая только и делает, что свергает режимы – неважно, какие именно – в других государствах? Где здесь демократия, даже если это делается во имя демократии? Получается какая-то, как минимум, двуликая – то есть лицемерная – демократия. Или может ли считаться демократической страна, которая всеми силами препятствует другим странам иметь военные базы за пределами их территорий, а сама при этом имеет военные базы по всему миру? Кто такие американцы, почему они имеют право держать свои военные базы повсюду, а другие – нет? Это государство возникло всего лишь около 250 лет назад, до этого уничтожив местных аборигенов без всякой оглядки на какие-либо демократические ценности. Или другой пример – Евросоюз. Считается, что он состоит из, скажем так, насквозь демократических стран. Ладно, не стану спорить с этим мнением – хотя и тут есть что возразить. Но как такие эталоны демократии терпят в своих рядах Литву, Латвию и Эстонию, где прямо поражены в правах – неважно, по каким причинам, обоснованно или необоснованно – сотни тысяч местных жителей. И эти страны еще пытаются учить Россию демократии! Может, конечно, у нас и меньше прав, хотя я не очень бы печалился по этому

поводу. Но в России уж точно нет сотен тысяч, пораженных в правах по этническому или по какому-либо иному признаку. К тому же для названных прибалтийских стран сотни тысяч – это не просто много, это несколько десятков процентов их населения. И где же тут демократия? То же самое и с суверенитетом. Сравнивая одну страну с другой, можно утверждать, что одна из них более суверенна, чем другая. Если опять же вспомнить наши бывшие прибалтийские республики, то можно ли их считать суверенными, когда практически все их постсоветские лидеры почему-то присланы туда из Канады или из США? Это суверенно? Как такое может быть? Если страна демократическая и при этом суверенная, то она выбирает себе руководителей из числа местных жителей. Да, понятно, что с гражданством соответствующих прибалтийских стран у всех этих

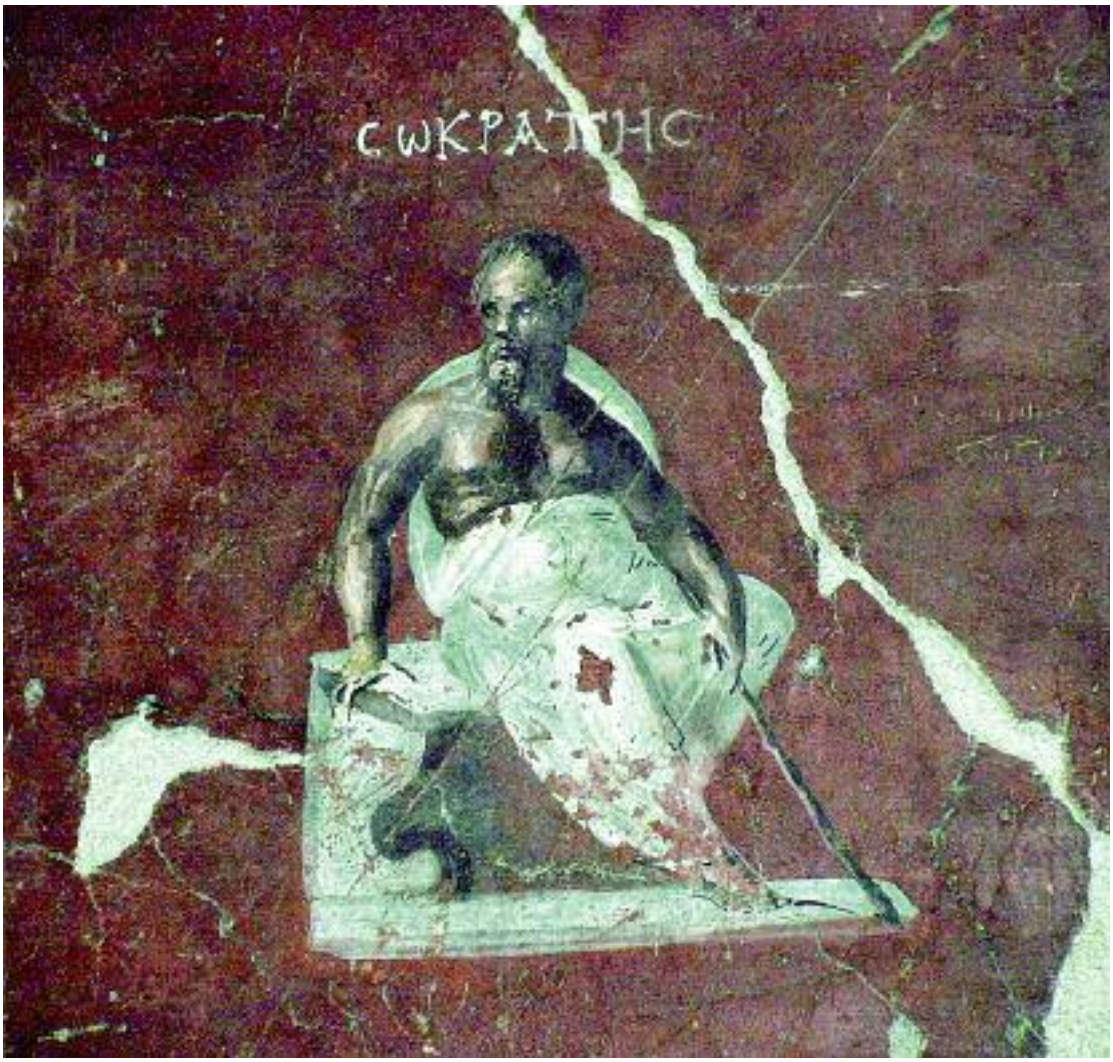
«импортированных» лидеров всё в порядке. Но в настоящих демократиях существует многолетний ценз оседлости: только прожив в стране несколько лет, можно стать ее полноценным гражданином и претендовать на то, чтобы быть избранным на ту или иную должность в ходе национальной избирательной кампании. А где-то – например, в Америке – президентом и подавно может стать лишь родившийся в этой стране, но никак не иммигрант. Полагаю, что прибалтийские президенты преодолели этот ценз в ускоренном и упрощенном режиме. Если первыми лицами выбирают вчерашних иностранцев, то какая же это демократия и какой же это суверенитет? Подобные примеры можно приводить и дальше. Поэтому я как политический журналист, на протяжении последних 30 лет внимательно отслеживающий, описывающий и анализирующий всё что касается демократии и суверенитета, считаю, что об этих вещах либо вообще на надо говорить, либо говорить предельно серьезно, откровенно и без штампов. В противном случае эти слова превращаются в спекулятивные ярлыки, используемые одними в борьбе против других. Доказательств тому – тьма. Вот я уже вспоминал Францию, считающуюся образцово демократической страной. А за что тогда эта образцово демократическая страна так усердствовала в свержении режима Каддафи? Не потому ли, что Саркози и вправду получал от него деньги – и немалые: 50 миллионов евро – на свою избирательную кампанию? Допустим, это гипотеза. Но ведь такую гипотезу выдвинули не у нас, а сами французы во Франции, то есть там она не считается априорно абсурдной и неправдоподобной. А значит, Франция боролась с Каддафи вовсе не потому, что он террорист, а просто для того, чтобы спрятать концы в воду. То есть обладая некими знаниями, а также жизненным и профессиональным опытом, ты никогда не будешь принимать за чистую монету официальную риторику политиков, причем принимать просто так – сразу и безоговорочно, без каких бы то ни было попыток проверить эту риторику из других источников информации... Я не открою Америку, если скажу, что существуют два принципа управления любой общностью людей – неважно, тремя ли людьми или тридцатью миллионами. Это авторитарный принцип, который также еще можно назвать командным, командно-приказным или командно-иерархическим. И это демократический принцип, сейчас его часто называют также сетевым. Хотя опять-таки определение «демократический» в данном случае слишком расплывчатое и мало что объясняет.

– Виталий Товиевич, ставшее в наше время обыденным синонимичное восприятие определений «демократический» и «сетевой» совершенно некорректно. Если отталкиваться от классического – античного, полисного – понимания демократии, того понимания, которое утверждалось в европейской культуре начиная с Возрождения и, наверное, до окончания эпохи Нового времени, то сеть – эта постмодернистская ризома – по природе своей недемократична. Хотя бы потому что демократия предполагает четко выраженную и неколебимую ценностную основу. Сеть же напротив существует лишь в пространстве релятивизма. Противопоставление можно продолжать и далее.

– Дмитрий, я тоже вовсе не считаю сетевую структуру демократической. Я писал об этом десять лет назад в курсе лекций «Как стать знаменитым журналистом» и сейчас то же самое объясняю в своем новом учебнике по тележурналистике. Потому что демократически можно управлять только десятью – ну, максимум двадцатью – совпадающими с тобой во взглядах людьми. А если счет управляемых переходит на тысячи и тем более на миллионы, то ни о каких демократических методах руководства ими не приходится говорить. К тому же внешне демократические процедуры – выборы, референдумы и всё такое прочее – часто призваны лишь маскировать откровенно авторитарные и волюнтаристские методы управления, которые осуществляются кулуарно. Ни о какой сетевой демократии не может быть и речи, потому что кто-то этой сетью руководит. Даже если сеть и складывалась стихийно, то в какой-то момент неизбежно кто-то прибирает ее к рукам. Тут не должно быть никаких иллюзий. Кажется, Карл Шмитт, которого многие считают идеологом авторитаризма, говорил, что максимальная суверенность – это когда ты внутри своей страны можешь установить диктатуру и никто не способен помешать тебе в этом. То есть мысль понятна: ты только тогда максимально суверенен, когда делаешь в своей стране всё что хочешь без оглядки на чье-либо мнение. Так вот, я считаю, что приведенное определение Шмитта может быть использовано и для доказательства того, что суверенитет России насчитывает уже несколько веков. Больше половины тысячелетия, с момента прекращения ордынского ига в конце XV века и до сегодняшнего дня, Россия существует как полностью суверенная страна. Наверное, по пальцам можно пересчитать другие страны – и тем более страны европейские, – которые могли бы по-

Кто такие американцы, почему они имеют право держать свои военные базы повсюду, а другие – нет? Это государство возникло всего лишь около 250 лет назад, до этого уничтожив местных аборигенов без всякой оглядки на какие-либо демократические ценности.

хвастаться таким же по продолжительности периодом независимого существования. На протяжении всего этого времени власти России – не имеет значения, какие именно: цари русской крови или императоры немецкой крови, большевики, правящий класс и иные субъекты – всегда делали что хотели. Плохое ли – или же наоборот хорошее, заблуждались ли они – или напротив не заблуждались, но совершенно ясно, во всяком случае, одно – их действия всегда были максимально самостоятельными. Да, конечно, в течение этих пяти с лишним веков неоднократно на каких-то отдельных территориях и даже в начале XVII века в самой столице ненадолго утверждался внешний суверенитет. В минувшем веке в ходе Гражданской и Великой Отечественной войн эти территории бывали подчас очень обширными. Но во-первых, такая ситуация продолжалась недолго, а во-вторых, никогда не было оккупации не только всей страны полностью, но даже ее преимущественной части. В то же самое время, как мы знаем, многие европейские страны, считающие себя сегодня эталонами демократии, случалось, надолго утрачивали собственный суверенитет. А некоторые и подавно выработали своего рода привычку политического выживания, предпочитая отдаваться очередному оккупационному режиму, чтобы с наименьшими потерями дотянуть до тех пор, когда этот самый режим рухнет. Элиты таких стран обрели удивительную способность к политической мимикрии: под оккупационными режимами быть послушными коллаборационистами, а сразу после падения таких режимов выставлять себя борцами с оккупантами и вообще раде-



Демократически можно управлять только десятью – ну, максимум двадцатью – совпадающими с тобой во взглядах людьми. А если счет управляемых переходит на тысячи и тем более на миллионы, то ни о каких демократических методах руководства ими не приходится говорить.

телями за национальные интересы. Но оккупация бывает и неявной – как в наше время, что сейчас мы видим, скажем, на примере Германии, которая вынуждена подчиняться Соединенным Штатам Америки и никак не может освободиться от этой зависимости. Те германские политики, которые отваживаются не подчиняться Вашингтону, либо обретают неприятности, либо вообще лишаются карьеры. А ведь Германия – это самая великая держава Западной и Центральной Европы. И хотя она до конца XIX века оставалась раздробленной, де-факто она существует в этом качестве уже не одно столетие.

– Ну, вот мы и подошли к сюжету, который невозможно было обойти стороной, а именно – к своего рода перекрещиванию понятий «суверенитет» и «демократия», или к суверенной демократии – очень популярному в нашем недавнем прошлом термину, который впервые публично был использован именно Вами.

– Когда в свое время появилась не мною придуманная, но мною – так получилось, как Вы верно заметили, – впервые оглашенная формула – суверенная демократия, – то я ее перевел на русский язык. Получилось – самодержавное самоуправление. Самодержавное не в монархическом смысле, а в том смысле, что страна и народ сами себя держат, удерживают. Вот она – максимальная суверенность. А самоуправление – это то политическое устройство, которое просто обеспечивает выживаемость нации и государства в конкретных исторических условиях, а также продолжит обеспечивать и в будущем. Причем самоуправление необязательно должно быть демократическим. Я по этому поводу часто привожу пример из театральной жизни. У нас самые главные либералы и демократы – это представители богемы, в частности теат-

ральной. Но как только к ним – конкретно в их театр – приходит режиссер-демократ, особенно если не из очень талантливых, да даже если и талантливый, они сами же его и съедают – эти демократы. И я ни разу еще не слышал ни от одного более или менее известного артиста, чтобы он воспевал режиссера-демократа. Они уважают только режиссеров-диктаторов – и не стесняются об этом говорить. Не авторитарных лидеров, а именно диктаторов – они прямо говорят слово «диктатор». Но когда речь заходит о стране в целом, они почему-то начинают требовать демократического «режиссера», хотя сами только что говорили, что театральный режиссер не должен быть демократом и что такие режиссеры-демократы только разваливают труппы. Где же тут логика? Выходит, они хотят, чтобы такой же режиссер-демократ – только в качестве первого лица государства – развалил уже не театральный коллектив, а всю страну? Ну ладно, это простительно актерам – у них узкое политическое мышление. Актеры – это во многом дети, то есть люди с совершенно инфантильными представлениями о жизни. Но слышать такие же заявления от взрослых и состоявшихся людей – ученых и политиков – совсем уж странно. Поэтому самоуправление в России означает вовсе не то, что все ее 140 миллионов управляют всем, чем хотят, и так, как хотят. Самоуправление у нас – это та система, которая по факту оказывается наиболее приемлемой для подавляющего большинства народа. То, что общество более или менее нормально принимает и в своем развитии не отвергает, – вот это и есть самоуправление. Если общество требует сильного авторитарного начала – неважно при этом, заблуждается ли оно или ему просто нравится сильный, удачливый и эффективный лидер, при котором растет мощь и авторитет государства, – значит, для такого общества подобное начало и есть оптимальное самоуправление. Мы же уже столько раз набивали шишки, когда пытались отказаться от этого правила. И ведь самые простые примеры – подчас наиболее показательные. Помните краткосрочную перестроечную «болезнь» – выборы руководителей предприятий? Это же было целое поветрие, которое считалось зримым, ощутимым свидетельством реальной демократии. Понятно, что на фоне неэффективного позднего советского авторитаризма такая новация могла выглядеть привлекательной. Но ведь по сути своей это же было самое настоящее безумие, охватившее всю страну. И даже перестроечные руководители быстро поняли абсурдность подобной «производственной демократии» и отказались от нее. Но несмотря на то что вся эта кампания с выборами директоров продолжалась недолго, она оказала на тогда еще советскую экономику колоссальное разрушительное воздействие. При Ельцине всё уже было иначе – ни о какой демократии в трудовых коллективах и речи не шло. Предприятия захватывались новыми собственниками, а государство назначало директорами крупных производственных структур лиц исключительно по согласованию с лоббистскими группами в правительстве. Результатом такой политики стал развал предприятий, которые при другом раскладе вполне могли бы функционировать – хотя бы даже под эгидой тех или иных олигархический групп.

– Виталий Товиевич, Вы рассматриваете феномен суверенитета очень широко, не ограничиваясь традиционным – как правило, лишь государственно-политическим – измерением?

– Когда мы говорим о суверенитете, мы прежде всего связываем это понятие с вестфальской системой, с принципом «чья власть, того и вера». Эта система и этот принцип родились в определенных исторических условиях – и в тех условиях они фактически постулировали авторитарный принцип правления. То есть утверждался суверенитет над территорией, которую данная власть контролирует. И соответственно на границах между государствами заканчивался один суверенитет и начинался другой. Может быть, для середины XVII века и в последующее время так оно и было. Но сейчас между суверенитетами нет непроницаемой границы. Ее уже не было и в недавнем прошлом. Даже так называемый железный занавес, созданный, кстати сказать, отнюдь не только по воле советского руководства, но и в полном соответствии с желанием Запада надежно отгородиться от Восточного блока, не обеспечивал Советскому Союзу полного суверенитета. Например, с Запада к нам беспрепятственно проникала самая разная культурная продукция – фильмы, песни, я уже не говорю о литературных произведениях. Я сейчас работаю над очередным томом своих воспоминаний, который охватывает конец 60-х и 70-е годы. И я пишу о том, что западный мелос, все эти популярные американские, итальянские, французские и другие композиции, которые мне бесконечно дороги как знаки той эпохи, были нашей повседневностью. Хотя, конечно, я отдаю себе отчет и в том, что такой культурный обмен был односторонним. Скажем, Франция и тогда не жила под советские мелодии, и сей-

Сталин, Рузвельт и Черчилль на Тегеранской конференции

В эпоху «Большой тройки» всё-таки очень многое еще зависело от личностного фактора – от того, какие фигуры находились на первых ролях в главных странах по обе стороны фронтов Второй мировой. Современная большая политика безлика. Электоральная рутина порождает всё меньше и меньше политических гениев.

час не живет. Я уже не говорю про западную классику, которая на сцене Большого театра была представлена даже лучше, чем русская классика. Но классика в данном случае – пример нехарактерный, потому что она всё-таки не из обыденной жизни. Западная культура соответствующих – скажем так, легких – жанров буквально определяла советскую повседневность, создавала ее легкоузнаваемые коды. Складывалась соответствующая стилистика жизни с определенными бытовыми ценностями, которые в конечном итоге трансформировали и ценности фундаментальные, что привело к гибели политического строя. Так что в этом смысле у советского суверенитета было далеко не всё в порядке.

– Но всё-таки «не всё в порядке», наверное, в гораздо меньшей степени, чем у Российской Федерации?

– Конечно, по сравнению с Советским Союзом современная Россия обладает значительно урезанным суверенитетом. Но вместе с тем она – особенно сейчас, при Путине, – является гораздо более суверенной, чем абсолютное большинство стран мира. Хотя до сих пор нам свойственна какая-то беспечность в вопросах, исключительно значимых для обеспечения суверенитета. Приведу всего лишь один пример. Сейчас, как известно, идет большая дискуссия по поводу того, кому принадлежат арктические моря и их шельфы. А когда я учился в школе, на картах красной линией была отмечена сухопутная граница Советского Союза, а от Кольского полуострова и до Берингова пролива через Северный полюс была проведена другая граница – полярных владений СССР.

– Да, очень хорошо помню, на карте эта граница обозначалась пунктиром.

– Да-да, граница пунктиром, проходившая по соответствующим меридианам. То есть гигантская территория Северного Ледовитого океана была просто отчеркнута как наши владения. И мы все знали, что у нас есть Северный флот, который охраняет эти полярные владения. И никто

на них не покушался. Заплывали, понятно, американские подводные лодки – но как заплывали, так и уходили восвояси. Но главное, что колоссальное пространство Арктики было просто обозначено как наше. На современных картах Российской Федерации я не вижу границы полярных владений. Мы от них просто отказались при Ельцине, ратифицировав Конвенцию по морскому праву. И в результате силимся сейчас доказать континентальное происхождение шельфов, чтобы сохранить над ними свой суверенитет. Советскому Союзу было совершенно безразлично, что кто-то там замышляет против него какие-то санкции. Мы знали, что у нас есть единственный равный соперник – Соединенные Штаты. Но и их мы не боялись, потому что знали: если Америка на нас нападет, то мы будем способны дать ей достойный отпор. Поэтому еще раз – в советское время мы, прямо по цитировавшемуся мной Шмитту, явственно ощущали, что являемся полными хозяевами в своей стране. А если такого ощущения нет, то главные начальники в Киеве, Риге или даже в Германии могут сколько угодно твердить, что их страны являются суверенными, – от этих разговоров реальные настроения в обществе и в политическом классе не меняются. И не зря ведь во всех западных – вроде бы, суверенных – государствах есть люди, которые прямо говорят: мы не являемся хозяевами на нашей земле, тут всем заправляет Большой Брат. До курьеза дело дошло: выяснилось, что американцы всех подслушивают, в том числе канцлеров, президентов, других первых лиц, и никто ничего не может поделать – даже возмутиться по-настоящему неспособны. Так – сугубо для проформы – повозмущались, на том дело и кончилось. Никто не может адекватно ответить Америке на ущемление собственного суверенитета, кроме разве что Китая и России. Да и Россия при Ельцине почти ничего не могла, хотя иногда и огрызалась. Взять хотя бы захват нашими десантниками аэропорта в Приштине в июне 1999-го... То есть вот что такое суверенитет. Он предельный у очень малого числа стран. Суверенитет же остальных ограничивается суверенитетом более мощных и влиятельных государств. Желание избавиться от ущемления суверенитета – естественное и нормальное. Это желание есть у всех – другое дело, что не все решаются предпринимать какие-то шаги в этом направлении. Если Соединенные Штаты, привыкшие считать свой суверенитет над миром абсолютным и непререкаемым, сталкиваются с попытками тех или иных государств укрепить собственный суверенитет, то они тут же пытаются эти попытки пресечь, причем самым радикальным образом. То есть справедливо сформулировать своего рода закон существования суверенитета: если не оберегать собственный суверенитет и не предпринимать никаких действий по его расширению, то суверенитет неизбежно станет еще меньше, а то и вовсе исчезнет, будучи узурпированным более мощным геополитическим субъектом. Потом не надо забывать еще одну важную вещь: для обеспечения суверенитета требуется веками отработанная идеологическая привычка. У России такая привычка есть. А у абсолютного большинства европейских стран привычка другая – сводить всю свою внешнюю политику к тому, чтобы налаживать отношения с тем, кто на данный момент является хозяином и делает мировую политику. И эти страны нельзя упрекать за столь утилитарное отношение к собственному суверенитету. Что поделать, если они так живут веками и вся их политическая культура сформирована подобным образом. Все силы этих государств уходят на то, чтобы наилучшим для себя образом договориться с хозяином, обмануть его, получив максимум и дав взамен минимум. А о том, чтобы отхватить лишний кусок суверенитета, тут никто и не мечтает. Но еще раз: их не за что упрекать – традиция сервильного политического поведения складывалась веками. Одни хозяева уходили, другие приходили – а традиция оставалась неизменной. Дольше всех сопротивлялась новому заокеанскому хозяину Великобритания: последняя эпоха ее действительно суверенной политики – это премьерство Черчилля. Во времена «Большой тройки», как мне представляется, ему удалось вывести свою страну на первое место в англо-американском «полюсе» этого объединения, хотя Америка на тот момент уже была намного мощнее и влиятельнее Англии.

– Полностью согласен с Вами, Виталий Товиевич, но лишь хочу конкретизировать хронологические рамки такого лидерства Черчилля в этом, как Вы сказали, «полюсе» – потому что, конечно, Сталин вел себя абсолютно на равных с компаньонами по «Большой тройке». Черчилль делал погоду довольно непродолжительное время – со смерти Рузвельта в апреле 1945-го и до своего отъезда с Потсдамской конференции в июле того же года, куда вскоре приехал уже новый британский премьер – Эттли. То есть всего три месяца, своего рода сто дней – ну, примерно столько – первенства Черчилля в англо-американском «полюсе» «Большой тройки». Конечно, преемник Рузвельта Трумэн был совершенно неопытен

как президент, и Черчилль его переигрывал на все сто.

– Вот именно: ушел Черчилль – и всё в одночасье изменилось. Но главное даже в другом. В эпоху «Большой тройки» всё-таки очень многое еще зависело от личностного фактора – от того, какие фигуры находились на первых ролях в главных странах по обе стороны фронтов Второй мировой. Современная большая политика безлика. Электоральная рутина порождает всё меньше и меньше политических гениев. Да, время от времени возникают медийные герои, случается всплеск очередной обамомании – но эти события, как правило, рассчитаны лишь на скоропреходящие эффекты из области пиара... А для кого-то присутствие Америки в европейской политике только на руку. Вот, скажем, Польша с ее древней русофобской традицией. Она очень точно просчитала, на каких струнах нового хозяина надо играть, чтобы заставить всю его глобальную бюрократическую машину работать в своих интересах. Впрочем, если вдруг какой-либо новый американский президент по тем или иным причинам захочет подружиться с Россией и образовать с ней новый мировой гегемон – геополитическую пару Вашингтон–Москва, – то он быстро заставит Варшаву замолчать и занять подобающее ей в европейских делах место. Это, конечно, из области фантастики, но теоретически вполне возможно. Поэтому, возвращаясь к Польше, еще раз подчеркну, что ее громкий голос слышен сейчас в европейских делах только потому, что так случайно легли карты. Если у страны нет привычки к суверенному существованию – а в том, что у Польши такая привычка отсутствует, я ничуть не сомневаюсь, – то она не возникнет из ничего. Тот, кто привык быть вассалом, может претендовать лишь на роль любимого вассала, но никак не сюзерена. А вот у России претензии на роль сюзерена есть. Она просто не может иначе. Даже Ельцин, отдавший многое под управление американцев и просивший у них в октябре 1993-го разрешение на расстрел Белого дома, то есть законно избранного парламента, и тот взбрыкивал. И ему – марионеточному и управляемому с Запада – роль вассала казалась унизительной, он демонстрировал свою фанаберию – правда, лишь на уровне риторики. Одно из самых ярких его заявлений в этом духе он сделал в Пекине – что тоже неслучайно. Помните, он тогда предупредил Клинтона, чтобы тот не забывал, что у России есть ядерное оружие.

– Да, Виталий Товиевич, это было в декабре 1999-го, когда Путин уже был премьером-наследником, но еще до думских выборов, после которых Ельцин, как мы теперь знаем, стал вовсю готовиться к отставке. Он тогда даже не просто предупредил Клинтона, а сделал это в совершенно вызывающей форме – как будто дразнил «друга Билла»: мол, он, похоже, забыл про ядерное оружие России – потому-то и решил поиграть мускулами. Примерно такую фразу он произнес.

– И это притом что политическое пигмейство вообще-то всегда было характерной особенностью Ельцина. В связи с этим вспоминаю еще одну его фразу, которую могут себе позволить президенты, скажем, Литвы или Латвии – но никак не лидер России. Правда, строго говоря, когда он произнес эту фразу, он еще не был лидером – но неважно, он к этому уже стремился. Я имею в виду его слова, сказанные им во время поездки в США: что-де только облетев на вертолете статую Свободы, он понял, что такое свобода.

– Потрясающее высказывание! Неужели он такое говорил? Я что-то не помню.

– Не помните, возможно, потому что он произнес эти слова во время своего первого визита в Америку, который в наших СМИ – дело ведь было еще при Горбачеве – освещался вскользь. Да, было такое. Чистосердечное признание в собственном невежестве и лакействе! Однако когда Ельцин получил власть над Россией, ему нравилось, что его называют царем, и вообще он очень любил разные атрибуты имперского величия. То есть в этом смысле он был типичным русским человеком – плохим президентом, но при этом именно русским с присущей нашему народу шкалой ценностей. И абсолютный суверенитет государства в этой шкале – на первом месте. Другое дело, что в силу личностных особенностей, собственного человеческого ничтожества он так и не сумел стать настоящим сувереном. Но потребность в этом время от времени у него возникала... Вообще, конечно, если отбросить исключительные права стран-членов Совета Безопасности ООН – этот казус, обусловленный итогами Второй мировой войны, – то все страны мира формально, вроде бы, равны. Но естественно, ни о каком реальном равенстве не может быть и речи. Давайте представим себе, что президент какой-нибудь европейской страны обращается к своему народу и говорит: «Ну, мы же суверенная страна. Мы решили, что Россия права в своей поддержке Новороссии, и поэтому мы проголосуем в ООН так, как считаем в данной ситуации нужным. И санкции против России поддерживать не станем». Такое просто невозможно себе представить. Все эти формально суверенные страны руководствуются прямо противоположными довода-

ми: «Мы зависим от США. США требуют от нас, чтобы мы выступили на их стороне в оценке кризиса на Украине. Пускай мы считаем, что США неправы. Но разве мы можем проголосовать в пику США? Что тогда с нами будет? Нас лишат кредитов, отключат от всех ресурсов. Поэтому нет, мы не можем идти против мнения США». Вот как принимаются политические решения. А все разговоры о якобы имеющемся у таких стран суверенитете – это обыкновенное лукавство. Напомню еще одну историческую фразу Ельцина, с которой он как глава Верховного Совета РСФСР обратился к руководителям автономий еще в 1990-м: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». В чем эта фраза правильная? Да в том, что сколько ты возьмешь суверенитета, исходя из своих возможностей, столько его у тебя и будет. Безусловно, суверенитет не берется из воздуха, если он в одном месте прибавляется, то значит, в другом месте он ровно на столько же убывает. Этот суверенитет либо отнимается у более слабых, либо вырывается у более сильных. Так происходит его приращение. А приходит другой руководитель – и разбазаривает весь этот накопленный суверенитет: его отбирают назад и те, которые ниже, и те, которые выше. Вот схема функционирования отношений вассалов и сюзеренов. Тут постоянно что-то уточняется, перетекает то в одну, то в другую сторону. И в общем-то со времени возникновения этого средневекового механизма мало что изменилось по сути. На смену отношений внутри корпорации феодалов пришли отношения между государствами, возникла та же вестфальская система. Но всё равно было ясно, кто главный, а кто подчиненный. Этот рисунок в европейской

Карикатура на Билла Клинтона и Бориса Ельцина

Политическое пигмейство вообще-то всегда было характерной особенностью Ельцина.

истории еще усложняла Римская церковь, чей суверенитет был и остается сопоставимым с суверенитетом не одного, а нескольких государств, притом что сам Ватикан, как известно, не обладает дивизиями, необходимыми для захвата территорий других государств... А говоря о суверенитете России, важно подчеркнуть еще одну его особенность. Помимо того, что наша страна, как я уже отмечал, имеет давнюю историческую традицию восприятия собственной независимости как величайшей ценности, она к тому же еще сумела за тысячу с лишним лет своего существования включить в свой состав гигантское количество земель. Такого территориального приращения не было ни у одного государства мира. И понятно, что охранять участок в 6 соток нетрудно, если у всех вокруг тоже по 6 соток. В крайнем случае, может возникнуть спор с соседом о переносе изгороди на 20 сантиметров в одну или в другую сторону. Но если у тебя 600 соток, а у всех остальных по 6 соток, то совершенно ясно, что на твою землю будут заглядываться и ждать, когда ты ослабнешь, чтобы начать отхватывать куски от твоего владения. Поэтому не обладать полным суверенитетом, имея при этом гигантские территории с соответствующими природными богатствами, – это просто самоубийство. Либо у тебя есть необходимые – и даже с избытком – запасы суверенитета, благодаря чему ты обеспечиваешь безопасность своих владений, либо у тебя просто будут отрезать сотку за соткой – и ты останешься и без земли, и без суверенитета. Может, с демократией – но всего на шести сотках.

– Виталий Товиевич, посетители Вашего блога регулярно, практически ежедневно указывают на главную проблему суверенитета нынешней России. Причем я имею в виду посетителей, придерживающихся противоположных политических взглядов. Так вот, по их мнению, эта проблема – наша несуверенная элита, держащая свои активы на Западе, а потому объективно, в силу своих материальных интересов не заинтере-

Праздничный салют в Севастополе 9 мая 2014 года

Возврат Крыма исторически, цивилизационно – безусловно, справедливое дело. Но юридически, понятно, – крайне уязвимое, за что Запад и схватился.

сованная в обострении отношений с Америкой и Европой. А тут уж приходится выбирать что-то одно: либо суверенитет – и тогда подобное обострение неизбежно, либо – всё тихо и спокойно, но в таком случае не следует мечтать ни о каком суверенитете. Может быть, Путин именно поэтому настолько осторожен и не хочет вводить войска в Новороссию? Некоторые эксперты сейчас откровенно говорят, что элита и так на пределе своего терпения из-за санкций. И если Путин предпримет еще хотя бы один шаг в направлении признания Новороссии – я уже не говорю о прямой военной помощи ей, – то элита просто его свергнет. Между прочим, и в Киеве сейчас говорят, что для возвращения Крыма надо совсем немного – всего лишь дождаться ухода – естественного или вынужденного – Путина. Дескать, сейчас военным путем Крым не вернуть, это понятно, поэтому надо подождать, так как преемник Путина неизбежно будет анти-Путиным, он станет во всём отыгрывать назад, в том числе и вернет Крым. Что Вы по поводу всего этого думаете?

– Налицо очевидная тенденция. При всех своих последних руководителях, кроме Путина, – а именно, при Горбачеве, Ельцине и четыре года при Медведеве – Россия только теряла собственный суверенитет. При Горбачеве – стремительно, при Ельцине – просто обвальным образом. В последнем случае катастрофу удалось избежать лишь потому, что великие державы и в первую очередь США были не заинтересованы в полном исчезновении России как государства. Почему? Казалось бы, обопрись на компрадорскую элиту, пришли в основные мегаполисы «морских котиков» и установи там свой порядок. Как на оккупированных территориях в годы войны – вплоть до того, что с такими же старостами в повязках из местных, которые станут из кожи вон лезть, чтобы доказать свою лояльность новому хозяину. Но нет – не нашлось такого храбреца. Одно дело – откусывать по кусочку то, что выпадало из рук рушившегося Советского Союза – Прибалтику, страны Восточного блока, – и как-то всё это более или менее успешно переваривать. Но совсем другое дело – вся эта гигантская территория. Как ей управлять – если не через марионеток типа Ельцина, а напрямую? Посылать выпускников Гарварда и Принстона устанавливать демократию в Сибири? Ну и поубивают этих присланных менеджеров русские дикари – ищи потом по тайге их тела и беспокойные демократические сердца.

– Хорошо, Виталий Товиевич, с Горбачевым и Ельциным всё понятно. А что произошло с суверенитетом России при Медведеве?

– При Медведеве наш суверенитет опять просел. Яркий тому пример – кстати, очень

показательный – испугались санкций и отказались поставлять С-300 Ирану. Думали, что, затормозив эту сделку, мы избежим санкций. Да, тогда избежали, хотя тоже неприятностей разных было много. А оказалось, что реальные санкции нас ждали через несколько лет и совсем по другому поводу. Причем в ситуации, гораздо более значимой для страны с точки зрения обеспечения ее геополитической безопасности. На фоне Украины несостоявшаяся продажа Ирану С-300 – мелкий, частный вопрос. А вот если бы тогда не испугались и не дали задний ход, то сейчас Иран был бы с С-300. Это явилось бы значительным фактором – особенно в свете происходящих сейчас на Ближнем Востоке событий, да и отношения с Тегераном не испортились бы – он был бы нам гораздо большим союзником, чем теперь. Вот так – испугались малого, а потеряли многое. Путин же выглядит полной противоположностью всем этим трем президентам. Он не только остановил процесс ослабления России, но и стал наращивать ее суверенитет – вплоть до увеличения территории страны за счет исправления исторической ошибки – то есть путем присоединения Крыма. Возврат Крыма исторически, цивилизационно – безусловно, справедливое дело. Но юридически, понятно, – крайне уязвимое, за что Запад и схватился. Да, сам Запад за свою историю аннексировал столько самых разных территорий, сколько никакой России и не снилось, однако юридический тон на мировой арене задает именно он – а потому все так дружно обсуждают не аннексии Запада, а присоединение Крыма к России. Во многом, конечно, мы сами в этом виноваты – всё пытаемся подверстать под евросоюзовские нормы свою юридическую систему, уже многое сделали в этом направлении. Вот Запад и знает, как нас переиграть на правовом поле.

– Да, к сожалению, мы сейчас вынуждены расхлебывать последствия ошибок, наделанных в 90-е годы. Да даже и раньше – еще в советское время. Взять хотя бы то же решение по Крыму 1954 года.

– И не только! У Советского Союза была очевидная слабость, которую наши руководители, похоже, не вполне осознавали. Я имею в виду знание законов рыночной экономики и готовность их учитывать при выстраивании долговременных отношений с той частью планеты, которая жила по этим законам. Послевоенные советские лидеры должны были понимать, что даже государства Восточного блока – а уж тем более неприсоединившиеся и иные ориентировавшиеся на СССР страны – продолжают в той или иной степени жить по законам рынка, которые мы просто игнорируем и не желаем их знать. Мы наивно полагали, что у нас как-то получится оставаться полюсом притяжения для значительной части мира, несмотря на то что эта самая часть хотя и объявила себя антиимпериалистической, но вместе с тем продолжала существовать в пространстве рыночных отношений. Какие-то отдельные элементы рынка имелись и в нашей стране – были колхозные рынки, совершенно легально функционировали комиссионные магазины с рыночными ценами. Наконец, действовал рынок жилья, с помощью которого обменивались квартиры. Другое дело, что кроме колхозных рынков, на которых продавали сельхозпродукцию, все остальные торговые площадки, на которых так или иначе реализовывались рыночные отношения, рынками не назывались – но от такого терминологического пуританизма мало что менялось по существу. Потом, конечно, были и разного рода внешнеторговые объединения, занимавшиеся экспортно-импортными операциями. Эти объединения и находились на своего рода «передовой» наших коммуникаций с капиталистическим миром. И естественно, они были совершенно неконкурентоспособными по сравнению с их партнерами по другую сторону торгового «фронта». Но самое парадоксальное заключается в том, что эта непробиваемая неконкурентоспособность и вообще фатальное неумение вести дела с остальным миром на рыночной основе сохранились и после того, как рынок в начале 90-х был объявлен нашим новым ориентиром – вместо коммунизма. И какие-то положительные изменения в этой сфере начались у нас тоже лишь при Путине.

– Ну, чекисты у нас всегда гораздо лучше партноменклатуры знали реальное положение дел на Западе…

– Может быть, и это сыграло свою роль. А может быть, и просто элементарный трезвый расчет бывшего сотрудника КГБ – то есть человека, по определению имеющего тонкий нюх на угрозы безопасности нашей страны. Ведь Путин не мог не понимать простую истину: суверенитет обеспечивается не только крепкой армией, надежными спецслужбами, профессиональными дипломатами, но и эффективными экономистами и финансистами, способными встраивать страну в мировой рынок на максимально выгодных для нее условиях. И это притом что наши корпорации априорно не могут конкурировать с западными корпорациями, история которых насчитывает столетия. Американские ТНК возникали в

пору, когда их государство проводило политику жесткого изоляционизма, а потому для американских предпринимателей Париж не был «праздником, который всегда с тобой». У них – как и у американских ученых, писателей и артистов – имелись собственные парижи и мекки на территории своей страны. Например, тот же Голливуд – для мира актеров. И кстати, французские артисты стремились именно в Голливуд, а вовсе не американские – в Париж. Для русских же в силу многих причин Париж – это всегда мечта. Разбогатеть и укатить в Париж – это придумали не нувориши 90-х годов прошлого века, эта традиция возникла еще в позапрошлом веке. Много чего можно здесь сказать – сетовать по поводу непатриотичности отечественного бизнеса или какого-то глубинного дефекта национального менталитета, в силу которого практически всех мало-мальски вставших на ноги в материальном отношении так и тянет закрепиться в европах. Может, климатический фактор тут тоже играет какую-то роль – влечет в теплые края. Не знаю, очевидны, по крайней мере, две вещи. Первая: наша любовь к Западу и наше желание жить на Западе имеют глубокие культурные корни, уходящие еще в дореволюционное прошлое. Вторая: в силу этой особенности национального характера любой серьезный – то есть стратегический, работающий с национальными ресурсами, а значит, напрямую связанный с поддержанием суверенитета страны – бизнес должен контролироваться государством. То есть сама Россия должна быть главной экономической корпорацией. Но понятно и то, что такой патронаж со стороны государства не может просто копировать соответствующие практики советского времени. Следовательно, речь должна вестись не о национализации стратегического бизнеса, а о том, чтобы его интересы не шли вразрез с национальными интересами страны. Как этого достичь? Очень просто – ставить во главе ведущих корпораций своих друзей или людей, которым ты больше всего доверяешь. Вот этим и стал заниматься Путин еще со своего первого срока. Причем не сразу – поначалу он пытался договориться со старыми олигархами по-хорошему. С кем-то получилось, с кем-то нет. Поэтому кому-то оставили его бизнес, а у кого-то отобрали. Вот так Путин и приручал крупный бизнес – лаской и таской, кнутом и пряником.

– Виталий Товиевич, а не кажется ли Вам, что Путин всё же слишком мягок и нерешителен с нашей компрадорской элитой и, в частности, с олигархами. Ведь до сих пор его отношения с ними – ну, то что мы видим – вызывают, как минимум, вопросы. Во время своего первого срока он действовал гораздо жестче и последовательнее. Или я ошибаюсь?

– Дмитрий, я Вас прекрасно понимаю, мне тоже не нравится многое из того, как Путин ведет себя с олигархами. Но я понимаю его логику, я понимаю вынужденность этих действий. Может быть, у них нужно было и больше отобрать. Но просто так прийти и сказать, что отныне олигархов больше не существует, – это нереально. Потом не надо чересчур преувеличивать возможности олигархов. В конце концов, правящий класс состоит не только из них. В нашей стране в правящем классе сильные позиции традиционно занимают военные и представители спецслужб, то есть так называемые силовики. Понятно, что и силовики тоже замараны во всей этой вакханалии 90-х: продавали секреты, занимались коррупцией и много чем еще – тем более что и им тоже не очень-то платили зарплаты при Ельцине. Но всё равно – абсолютное большинство силовиков по определению не могут быть против Путина. По многим причинам. В том числе и потому, что хорошо помнят начало 90-х, когда они разом утратили всю свою былую мощь, унижались, были вынуждены служить тем, которых раньше ловили как спекулянтов и валютчиков. Кстати, в свое время – это было как раз тогда, когда Путин в первый президентский срок начал прижимать олигархов, – я писал по поводу того, каковы вообще шансы олигархов победить в этой схватке. По-моему, в тот момент как раз разворачивалась кампания против медийной империи Гусинского – экономически слабенькой, но очень активной и задиристой политически и информационно. Так вот, я писал тогда, что до тех пор, пока государство существует и не развалилось, никакая олигархическая группа не в состоянии его победить. Даже если несколько олигархических групп сложат вместе свои усилия, у них всё равно ничего не выйдет. Хотя бы уже потому, что они сами в этом не заинтересованы. Если олигархи побеждают государство, то это пиррова победа – начинается хаос, который невыгоден прежде всего самим олигархам. Это мы сейчас видим на Украине. Пример очень показательный. Олигархи разрывают некогда единое государство на сферы влияния, каждый контролирует какую-то свою территорию, но статус этих олигархов – особенно международный – стремительно снижается. Им это надо? Думаю, что нет. Теперь с другой стороны зайдем. Опять-таки может показаться странным, зачем Путин заигрывает с этой богемной

крикливой либеральной тусовкой. Но и здесь понятно, почему он так поступает. Это тоже чекистский принцип, который, кстати, декларировал и дон Корлеоне в «Крестном отце»: «Друзей надо держать близко, а врагов еще ближе». Этому же принципу Путин следовал и тогда, когда во время одной из «Прямых линий» обратился к представителям оппозиции фразой из «Маугли»: «Идите ко мне, бандерлоги!» Да, он, конечно, порой очень откровенно высказывается. Ну, это его право, его стилистика. Оттого-то при нем и существует этот странный Совет по развитию гражданского общества и правам человека, половина членов которого просто ненавидят Россию и называют ее «этой страной». Что же касается самого Путина, то его ненавидят уже, наверное, все 90 процентов членов этой структуры. Путин всё это прекрасно понимает, но тем не менее держит всех их возле себя – в соответствии с наставлением дона Корлеоне. Вот он – характерный пример применения «мягкой силы», о которой сейчас так много пишут и говорят. Именно с помощью такой «мягкой силы» Путин и контролирует средства массовой информации – я в первую очередь имею в виду самые значимые из них, особенно телевидение. Он прекрасно помнит, как в 1999-2000 годах с помощью телевидения ему самому была обеспечена победа на выборах. После этого любой захочет взять под свой контроль телевидение – чтобы в следующий раз оно вдруг не стало выполнять волю кого-то другого. Собственно этим и угрожал Путину Гусинский в 2000 году, намекая тогда еще только что избранному президенту на то, что он всем обязан владельцам основных телеканалов.

Роман Абрамович

Мне тоже не нравится многое из того, как Путин ведет себя с олигархами. Но я понимаю его логику, я понимаю вынужденность этих действий. Может быть, у них нужно было и больше отобрать. Но просто так прийти и сказать, что отныне олигархов больше не существует, – это нереально.

– То есть Путин внимательно контролирует своих оппонентов, в том числе и потенциальных, и тем самым лишает их возможности пойти на какие-то решительные действия. Хорошо, а теоретически что они могли бы предпринять для ослабления или даже для устранения президента?

– Если говорить о богемной тусовке, то она, несомненно, очень активна. Но я бы не сказал, что от нее исходит какая-то угроза режиму. Да, она работает на моральное разложение, лелеет и холит ощущение обществом его неполноценности. Невозможно себе представить, чтобы кто-то из оппозиционных политиков на Западе говорил о населении собственной страны как о быдле. Это исключено по определению. Если какой-то политик хотя бы даже намекнет на это, он может смело ставить крест на своей дальнейшей политической карьере. А у нас подобные высказывания в порядке вещей – их делают, совершенно не стесняясь. Но на сколько-либо серьезные шаги эти люди неспособны. То же самое и олигархи. Я уже сказал, что они объективно не заинтересованы в ослаблении государства. Их цель – напротив, усилить себя, собственный бизнес за счет получения тех или иных преференций от власти или даже в результате замыкания на себя каких-то государственных функций – чем особенно был известен Березовский в 90-е годы. Вместе с тем олигархи прекрасно понимают, что это здесь они всесильны, а что с ними может стать за границей, показывает печальная судьба того же Березовского. Ну да, кому-то, может, и повезет. Вот на такое везение рассчитывают и нынешние украинские олигархи, развязавшие в своей стране гражданскую войну. Хотя еще раз – я не знаю ни одного примера – во всяком случае, в современной российской истории, – когда в противостоянии государства и олигарха победил бы олигарх. Перед нашими глазами прецеденты Гусинского, Березовского, Ходорковского...

Владимир Путин на Уралвагонзаводе

Неслучайно ведь либералы так иронизируют по поводу Уралвагонзавода и Холманских. Потому что боятся народной стихии, которой действительно есть что терять и которая не захочет повторения украинского сценария в России…

– Виталий Товиевич, все названные Вами люди действовали против Кремля в открытую, фактически объявляли войну Путину. И Путин во всех трех случаях выдержал удар и нейтрализовал своих врагов. Но эпоха таких ярких и по-своему харизматичных олигархов как центров консолидации антипутинской оппозиции позади. Сейчас другая угроза, которая впервые заявила о себе около трех лет назад на Болотной. Как представляется, сегодня наиболее опасный для Кремля политический субъект – это по преимуществу столичное менеджерское звено с доходом в 10–15 тысяч долларов или евро в месяц, у которых есть недвижимость за границей и которые финансировали белоленточную массовку. А сейчас – точнее, когда недовольство санкциями будет усиливаться – захотят снова поиграть в массовые протесты.

– Ну, хорошо, и что эти люди с достатком могут сделать? Профинансируют какую-нибудь очередную Болотную? Но та же самая Болотная даже в самый пик своего существования, когда, если верить симпатизировавшим белоленточникам СМИ, собиралось свыше ста тысяч, так и не превратилась в «русский Тахрир», о чем так мечтали многие противники Путина. Москва – это не Киев, здесь публика не побежит радостно поддерживать тех, которые пойдут против власти. Про другие российские мегаполисы я уже и не говорю. Потом Путину стоит только намекнуть – и весь этот московский майдан мигом разгонят. И не омоновцы, а люди с какого-нибудь очередного Уралвагонзавода. Неслучайно ведь либералы так иронизируют по поводу Уралвагонзавода и Холманских. Потому что боятся народной стихии, которой действительно есть что терять и которая не захочет повторения украинского сценария в России... Но в принципе, конечно, я хорошо понимаю, что очень многие влиятельные лица в нашей стране хотели бы избавиться от Путина Но вряд ли они станут реанимировать болотное движение. Скорее, если уж на то пошло, попытаются действовать путем заговора. И то, что в конце 2011 – начале 2012 года действовала группа заговорщиков, это совершенно очевидно. Но их ставка на массовку в духе «арабской весны» была оправданной лишь тогда. Переворот в Киеве и последующая гражданская война на Украине наглядно продемонстрировали силовикам, что с ними будет, если они вдруг дадут слабину и вздумают поиграть в политику не на стороне Кремля. Тогда судьба «беркутовцев» кому-то еще покажется завидной. Да и народ, насмотревшись по телевизору репортажей с Украины, вряд ли отважится затевать собственный майдан. Поэтому я думаю, что шансов

на смещение Путина у его противников сегодня просто нет. А этих своих противников он очень хорошо знает, он в курсе их сокровенных помыслов. И именно поэтому – в духе дона Корлеоне – держит их при себе. Чтобы, не дай бог, не подумали, что контроль за ними ослаб и можно попробовать реализовать задуманное. Отдельный вопрос, конечно, это санкции из-за нашей политики в отношении Новороссии. Либо санкции будут более или менее плавно нарастать, либо – если мы всё-таки войдем в Новороссию – их одномоментно введут в максимально жестком режиме. Блокируются банковские карточки, накладывается арест на заграничные счета и недвижимость наших элитариев. Плюс запрет на въезд в Америку и в шенгенскую зону. Ну и что тогда эти элитарии станут делать? Готовить заговор против Путина?

– Они начнут вкладывать деньги в оппозиционные СМИ и в соцсети, в обществе пойдет брожение…

– Ну и что? Путин закрывается у себя в кабинете и стреляется? Или приглашает Навального и передает ему власть? Всё это смешно. Опять же повторяю: только что мы наблюдали, как похожий сценарий раскручивался на Украине. И что – ни Путин, ни силовики не извлекли из этого никаких уроков? Думаю, что извлекли. Это ведь совсем недавно было. Говорил же Путин Януковичу: «Действуй решительно, ты проигрываешь». А тот отвечал: «У меня всё под контролем». В итоге мы и увидели, как там «всё под контролем». Повторение украинского сценария в России невозможно. Я в этом абсолютно убежден. Если же нечто подобное всё же начнется, то ключевые заговорщики будут тут же арестованы и выведены из игры. А на «болото» будет напущено «антиболото». Для этой цели может быть мобилизован тот же электорат КПРФ...

– Виталий Товиевич, а как себя повела КПРФ в декабре 2011-го? Она же выступила на стороне «болота»!

– А к КПРФ со стороны Кремля не было прямого обращения за помощью.

– Извините – не было прямого обращения за помощью, и поэтому надо поддерживать тех, которых КПРФ считает своими «классовыми врагами»? Я уже не говорю о том, что после участия в болотном движении КПРФ вообще должна молчать о своей приверженности государственническим ценностям. Ну, если не вся КПРФ, то уж, во всяком случае, ее руководство, Зюганов замараны по уши после этой истории.

– Нынче много замаранных... Я просто перебираю разные вероятные шаги Кремля, если возникнет реальная угроза режиму. Итак, арест максимум полутора десятков ключевых заговорщиков – больше не нужно. Это раз. Два – мобилизация Уралвагонзавода, Общероссийского народного фронта – для чего-то ведь Путин его создал, – КПРФ, которую я всё-таки не стал бы сбрасывать со счетов, несмотря на поведение Зюганова в эпоху Болотной. Я не так хорошо знаю Путина, чтобы представлять себе, насколько он дорожит своей собственной жизнью. При тех встречах и разговорах, которые у меня с ним были, мы просто не доходили до обсуждения таких деликатных вопросов. Но я думаю, что он дорожит ею гораздо меньше, чем Янукович. А потому в похожей ситуации станет действовать намного решительнее. Он же не может не понимать, что если его свергнут, то не просто будет напрочь уничтожено всё то, что он создавал годами, но и его же выставят главным злодеем современности – следующим после Гитлера и Сталина.

– Недавно я брал интервью у Джульетто Кьезы – с Вашей помощью, за что очень Вам признателен. Так вот, он мне сказал, что те, которые делают погоду на Западе, уже вынесли Путину приговор.

– Ну, мы с Вами сейчас обсуждаем не столько замыслы «штабов», сколько возможные варианты тех практических сценариев, которые эти «штабы» могут замышлять для нашей страны. Хотя я опять хочу вернуться к тому, что уже говорил. Россия очень давно не была такой ослабленной, как в 90-е годы. Тогда нас можно было просто взять голыми руками. Но ведь не взяли же – и я Вам высказывал свои соображения, почему они не рискнули соваться к нам всерьез, а предпочли управлять через марионеточный режим. И даже обеспечили этому марионеточному режиму преемника в лице Путина. Как им тогда казалось – преемника. Но если полностью лишить нас суверенитета не получилось тогда, то тем более это невозможно реализовать сейчас. Ну хорошо, свергнет Путина этот офисный планктон с неработающими кредитками – а дальше-то что? Кто станет обеспечить им 20 процентов годовых по их вкладам? Вы только посмотрите, казалось бы, изо всех сил хотят оторвать Украину от России – так профинансируйте как следует эту операцию. Не пожалейте 30 миллиардов долларов – дайте их в руки Порошенко. Понятно, что половину, а то и все 20 миллиардов разворуют, но 10 миллиардов реально помогли бы ему удержаться у власти. А ведь приближается зимний сезон – чем станут обогреваться украинские города? Вот когда у режима начнутся действительно серьезные проблемы, на фоне которых война с ополченцами

Новороссии либо вообще затормозится, либо отойдет на второй план. Ведь чем больше страхуешься – тем выше гарантии того, что всё образуется так, как ты того хочешь. Так нет же – не дают! А сколько надо на Россию после гипотетического смещения Путина? В десять раз больше? 300 миллиардов? Ладно, возьмут они в свои руки всю добычу и транспортировку углеводородов. Но остальную страну как они будут контролировать? Словом, я возвращаюсь к тем аргументам, которые Вам сегодня уже высказывал.

– То есть сейчас реальной угрозы для власти Путина Вы не видите?

– Я не исключаю, что на Западе думают – и очень серьезно – над этим сценарием. И то, что такой сценарий может быть запущен, тоже не исключаю. Но в то, что он реализуется, не верю. Не станем заглядывать в слишком уж далекое прошлое. Давайте вспомним события столетней давности – революции 1917 года и спровоцированную ими Гражданскую войну. Возникла же сила, которая в кратчайший – по историческим меркам вообще микроскопический! – период добилась перехода инициативы в свои руки, затем – победы, а после всего навела порядок практически на всей территории бывшей Российской империи. А уж тогда-то насколько просто было расчленить страну – ядерного оружия не было, бери – и отрезай себе кусок за куском. Потом только представьте себе, что значит сейчас полностью лишить Россию суверенитета, установить в ней внешнее управление. Это значит радикально нарушить геополитический баланс в Евразии. Тогда же посыплется вся конструкция современного мироустройства. Европа будет уничтожена – и никакие американцы ее не спасут. Я думаю, европейцы ощущают эту опасность. И потом не будем забывать – американцы действительно всех достали, включая уже и многих европейцев. Куда делась вся эта обамомания? Помните, когда Обама только-только пришел к власти и приехал в Берлин, у Бранденбургских ворот собирались сотни тысяч помолиться на него и послушать, что он скажет. И где теперь эта массовая истерия? А сейчас буквально на наших глазах вырисовываются контуры нового геополитического союза – вот вам реальный результат недавнего визита Путина в Латинскую Америку. БРИКС – это уже не химера, а вполне серьезное объединение, которое стремительно приобретает черты серьезного политико-экономического блока, а там уже один шаг и до военного. Ведь необязательно создавать совместные вооруженные силы, достаточно объявить друг друга военными союзниками в случае нападения внешней силы. Надоело, всем надоело это американское хозяйничанье по всему миру. Так получилось, что месяц или полтора назад в одной из телепередач я высказал одно банальное наблюдение, которое потом многие стали повторять. Я сказал, что все те государства, в которых американцы насаждают демократию на свой лад, распадаются. Пожалуйста, вот цепочка: Грузия, Ирак, Ливия, а теперь еще Украина. Это же факты, не нами придуманные и выстраивающиеся в определенную цепочку. Сейчас часто приходится слышать, что Соединенные Штаты преднамеренно множат очаги хаоса, ведут дело к глобальной войне, с помощью которой они собираются обнулить свои долги. Хорошо – экономический алгоритм здесь понятен. Но ведь надо учитывать не только его, но и весь комплекс факторов. А какая часть твоего населения выживет в этой войне? Какие территории останутся в твоем распоряжении? И вообще – какая комбинация в итоге сложится? Гитлер начинал войну, рассчитывая явно не на поражение, нация была сплочена, и все эти европейские суверенные государства пали моментально и не чирикали, не сопротивлялись. Но какими недолговечными оказались эти успехи Германии. Путин же действует очень осмотрительно. Он ждет, когда США совершают ту или иную – роковую для данных обстоятельств – ошибку и тут же ею пользуется. С Крымом так было. И саммит БРИКС – как раз под скандал с телефонной прослушкой Меркель. В отношении киевского режима он предельно прагматичен – на словах постоянно призывает к миру, а на деле, конечно, поддерживает ополченцев – им поставляется оружие, беспрепятственно идет пополнение добровольцев с территории России. В данном вопросе его позиция понятна: выждать, пока сам киевский режим не обанкротится. А он неизбежно обанкротится – настолько это бездарный режим. Ну ладно бы – пугал только Россию, а то ведь он уже и европейцев начинает напрягать. К тому же всё явственнее раздаются голоса тех, которые претендуют на некогда свои территории, которые сейчас располагаются в западных областях Украины. Такие голоса слышны в Австрии, Польше, Венгрии. То есть постепенно размывается прежде монолитное европейское единство по поводу позиции России в украинском кризисе. Понятно, что европейцы крайне осторожны. У них давняя политическая история – если брать с Античности, то она вообще насчитывает тысячелетия. Многочисленные казусы разных суверенитетов, сюзерените-

тов и вассалитетов порой тянутся столетиями. И Путин, не торопясь, ждет, пока эта неторопливая Европа прозреет в своем отношении к Порошенко и его заокеанскому покровителю... Потом ведь Украина сама себе создала проблему в виде Крыма. Об этом я тоже много раз говорил. Ну, не надо было его отхватывать в 1991 году. Что там на самом деле произошло в Беловежской пуще, кто как себя вел и что говорил – каждый из участников этого события рассказывает по-своему. А значит, каждый врет. Если бы тогда Кравчук вернул Крым Ельцину, дав тем самым обратный ход решению 1954 года, насколько бы прочнее была сейчас Украина. И вступила бы под сурдинку в Евросоюз и НАТО, и Россия ничего не смогла бы поделать. Вот, скажем, вопрос о Прибалтике – при всей его тоже очевидной несправедливости для России – решен, причем уже окончательно. В этом смысле, конечно, поражает паникерство тамошних президентов, опасающихся, что Псковская дивизия их вот-вот захватит. Захватить-то может, только вот издержки от такого захвата намного превзойдут сам результат. Да и не нужно нам это. Выход в Балтику сузился? Только через Калининград да Финский залив? Да, но свет клином на этом не сошелся. А потом ведь экономически Прибалтика всё равно от нас никуда не денется... Да к тому же Путин совсем не империалист. Он даже слишком осторожен. Но Крым – да, это целиком и полностью его заслуга. Если бы не Путин, то никакого Крыма у нас бы не было. Поэтому понятно, почему его так боятся и ненавидят. Другое дело, что будет потом – после Путина. И когда это «после» наступит. Думаю, что еще нескоро. И не только потому что ему еще слегка за 60 лет, он бодр и спортивен – хотя и поэтому тоже. Но главное всё-таки в том, что он, как мне кажется, еще далеко не выполнил свою историческую миссию. Я бы даже сказал, что именно сейчас она только и начинает по-настоящему раскрываться – эта миссия. Я уже не говорю о том, что он на сегодняшний день – один из самых опытных лидеров ведущих мировых держав. Его потенциал востребован и на серьезном международном уровне. То, что мы наблюдали в июле на саммите БРИКС, – это фактически начало той роли, которую ему суждено сыграть на глобальном уровне.

Только что мы наблюдали, как сценарий смещения президента раскручивался на Украине. И что – ни Путин, ни силовики не извлекли из этого никаких уроков? Думаю, что извлекли. Это ведь совсем недавно было. Говорил же Путин Януковичу: «Действуй решительно, ты проигрываешь». А тот отвечал: «У меня всё под контролем»...

– Виталий Товиевич, спасибо Вам за интересное интервью – второе на страницах нашего альманаха, а если брать вообще все публикации под Вашим именем, то это уже третий материал. Надеюсь, что Вы и дальше будете сотрудничать с нашим изданием. Я очень рад, что мы с Вами сегодня обсудили те вопросы, о которых сейчас думают все без исключения, но которые с такой степенью откровенности обсуждаются далеко не во всех СМИ. Я бы даже сказал – в совсем небольшом количестве СМИ. И в этом – еще одно проявление Вашей творческой самости, которая известна еще со времен Вашего руководства «Независимой газетой». Эта самость заключается и в том, что Вы всегда предельно открыто и без оглядки высказываете собственные мысли и вместе с тем делаете это на высоком профессиональном уровне. И я очень рад, что сейчас, возглавляя в Московском университете Высшую школу телевидения, Вы имеете хорошую возможность передавать свои навыки следующим поколениям тех, которые в недалеком будущем станут властителями наших дум. Ведь, как Вы заметили, значимость телевидения в наше время трудно переоценить.

17 июля 2014 года

Елена Георгиевна Пономарёва –
доктор политических наук, профессор
МГИМО (У) МИД России

Будущее суверенитета:
научный дискурс и политическая практика

Ногами человек должен врасти
в землю своей родины,
но глазами обозревать весь мир.

Джордж Сантаяна

По мере того как все больше
народов получает свободу,
на душу населения ее становится
все меньше и меньше.

Доминик Опольский

Колонии не перестают быть
колониями лишь потому,
что они получили независимость.

Бенджамин Дизраэли

Будущее завораживает, манит и пугает одновременно. Думая о будущем, мы можем испытывать тревожные, порождаемые объективной реальностью и даже коллаптические чувства, активно внедряемые в сознание голливудскими фильмами-катастрофами и литературными антиутопиями. В то же время мы можем ощущать невероятную радость от неизвестного – радость, основанную на знаниях и научно-технических достижениях нашей цивилизации, на вере в победу разума человека над тьмой его же животных инстинктов, на надежде, как писал Иван Ефремов, установления на нашей планете Эры Встретившихся Рук. При этом размышления о будущем – вовсе не праздное занятие: будущее непосредственно касается каждого из нас. Как верно заметил изобретатель и вице-президент компании «Дженерал Моторс» Чарльз Кеттеринг: «Я интересуюсь будущим, потому что собираюсь провести там оставшуюся часть жизни». Рассуждая о будущем мировой политики, следует помнить, что в условиях

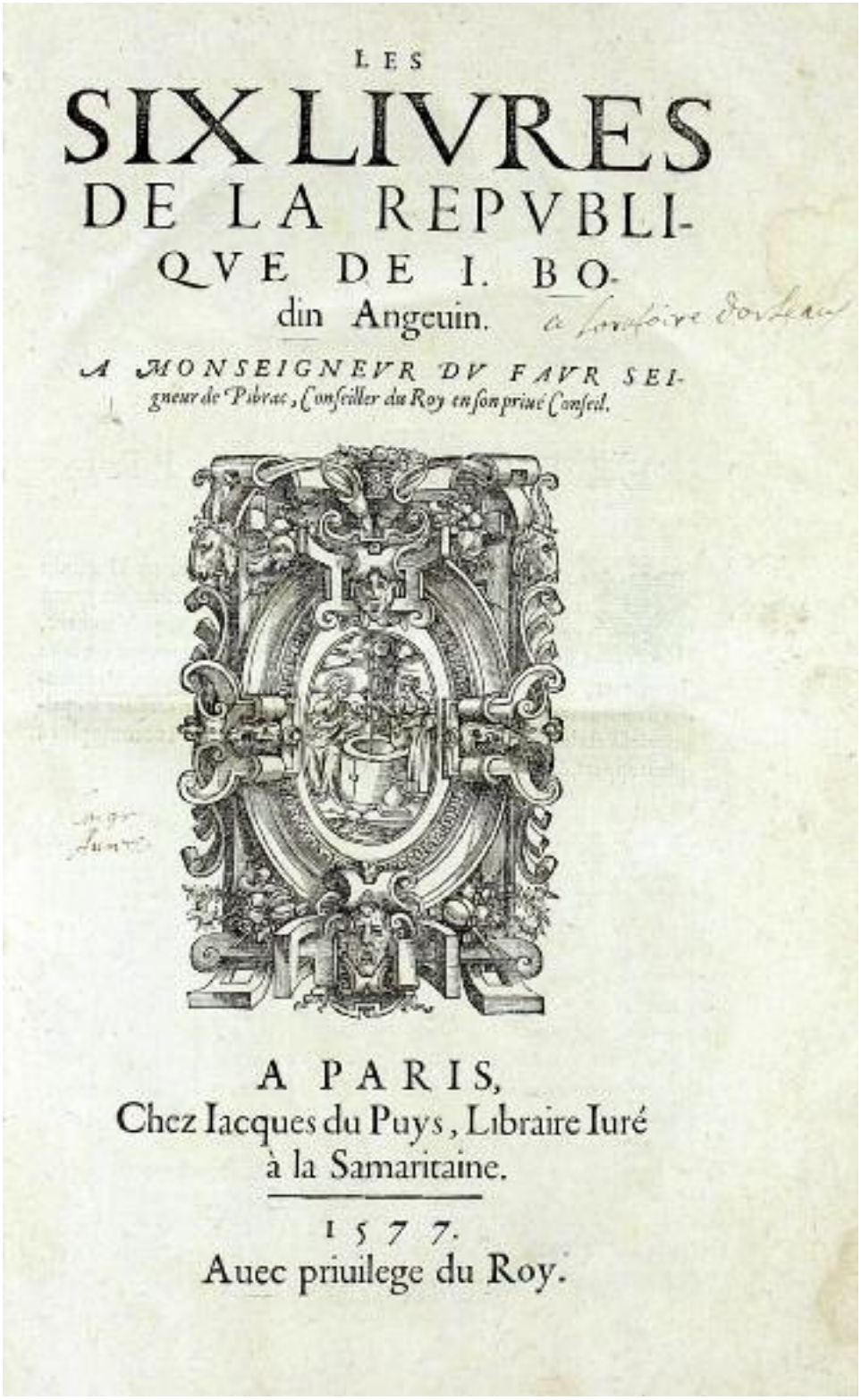
Жан Фуке. Оммаж Эдуарда I Филиппу IV Красивому. Большие французские хроники. Между 1450–1460 годами

Нивелирование истинного, исторического смысла суверенитета дает основание сначала на концептуальном уровне, а затем и в политической практике пересмотреть роль и влияние государства как важнейшего института, в основе которого лежат принципы превосходства и господства (от старофранцузского *soverain*).

высокотехнологического общества оно все более приобретает проектный характер. Справедливость слов физика Дениса Габора – «будущее нельзя предвидеть, но его можно изобрести» – доказана волнами демократизации, трансформациями политических систем, разного рода «цветными революциями», перекраиванием политической карты мира и запуском самого масштабного проекта современности под названием «глобализация». Поистине миром правят идеи – наука служит основанием практической политики.

Итак, будущее можно изобретать. Причем занимаются этим далеко не ученые-одиночки, а многочисленные научно-исследовательские институты, аналитические центры, разведывательные, военные и политические структуры. Подавляющее большинство сценариев развития стран и народов, в последнее двадцатилетие активно реализуемых – достаточно вспомнить разрушение СССР и социалистической Югославии, серию политических переворотов, прокатившихся по постсоветскому пространству, Северной Африке и Ближнему Востоку, приведших к дестабилизации Украину, – разрабатывается в западных «фабриках мысли», или Think Tank'ах. Среди самых влиятельных американских исследовательских структур, занимающихся проектированием будущего, Корпорация РЭНД, Институт Санта-Фе, Дом Свободы, Национальный фонд поддержки демократии, Фонды Форда и Макартуров, Центр СМИ и публичной политики Школы государственного управления имени Кеннеди при Гарвардском университете, Беркмановский центр «Интернет и общество» при Гарвардской школе права, Оксфордский институт Интернета, Школы права Колумбийского и Йельского университетов. Подобные структуры активно развиваются также в Японии, Китае и Индии. В России пока нет аналогичных мировых брендов, а значит, нам есть над чем работать.

Какие сценарии пишутся и какие проекты могут быть апробированы в современном мире – вопросы, как бы сказал классик, архиважные. От ответа на них во многом зависит не только сохранение России как целостного государственного организма, но и продолжение самой истории, мира в целом. Одним из главных пунктов сценарного подхода является будущее суверенитета. Его размывание, мутация, стирание определяют многие проблемные зоны современности, формируют на месте некогда жизнеспособных политических образований зоны хаоса, причем не всегда управляемого. Не претендуя на исчер-



LES
SIX LIVRES
DE LA REPVBLI-
QVE DE I. BO-
din Angeuin.

A MONSEIGNEVR DV FAVR SEI-
gneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son priué Conseil.

A PARIS,
Chez Iacques du Puys, Libraire Iuré
à la Samaritaine.

1577.
Auec priuilege du Roy.

Исключительное государственное господство как характеристику суверенитета впервые выделил Жан Боден. С его учения о государстве, впервые изложенного в «Методе легкого изучения истории» (1566 год) и развитого в «Шести книгах о государстве» (1576 год, титульный лист – на иллюстрации), суверенитет понимается как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство власти.

пывающий ответ, попытается понять, с чем это связано и каковы перспективы исключительных прерогатив – суверенных прав – современного государства. В условиях возрастающей турбулентности мировой системы для защита национальных интересов нашей страны недостаточно, используем афоризм Джорджа Сантаяны, врасти ногами «в землю своей родины» – необходимо «обозревать весь мир». Иными словами – знать планы наших конкурентов.

Эволюция понятия: суверенитет в истории и современности

Особое внимание к понятию «суверенитет» связано с пересмотром места и значения государства в современной мировой политике. Одним из итогов глобализации стало увеличение в системе международных отношений роли негосударственных транснациональных субъектов и наднациональных структур, что естественным образом приводит к ослаблению позиций государства. Этот процесс в свою очередь невозможен без нивелирования и перераспределения его суверенных прав. Чем же так страшны и опасны для сторонников мондиализма суверенные прерогативы государства?

Дело в том, что суверенитет – это одно из ключевых понятий истории, политики и права христианской цивилизации, получившее окончательное оформление в эпоху Модерна. Как отмечает Глеб Мусихин, в настоящий момент «понятия государства и суверенитета настолько тесно переплетены, что сложно рассматривать суверенитет вне концепции государственности и исторических форм господства». Отдельную проблему представляет переплетение истории идеи и самого понятия «суве-

ренитет». Нивелирование истинного, исторического смысла суверенитета дает основание сначала на концептуальном уровне, а затем и в политической практике пересмотреть роль и влияние государства как важнейшего института, в основе которого лежат принципы превосходства и господства (от старофранцузского *soverain*). Например, Филипп де Бонамуар в конце XIII века назвал в своих письмах короля сувереном, потому что его положение в королевстве было главенствующим – а значит, суверенным. Правда, в средневековых политиях суверенами считались не только короли, но все обладавшие господством в некой иерархии. Таковыми являлись, например, князья на своих землях, римский папа, архиепископы. Поэтому в Средневековье понятие суверенитета не обладало эксклюзивностью. Вплоть до XVI века суверенитет оставался, по выражению Гельмута Уолтера, «вторичным контекстуально зависимым вспомогательным предикатом», не имеющим какого-либо политического смысла.

Исключительное государственное господство как характеристику суверенитета впервые выделил Жан Боден. С его учения о государстве, впервые изложенного в «Методе легкого изучения истории» (1566 год) и развитого в «Шести книгах о государстве» (1576 год), суверенитет понимается как независимое от каких-либо сил, обстоятельств и лиц верховенство власти. В свою очередь суверенное государство в классической модернистской трактовке – это государство, реализующее право на независимость, управление, принятие решений, свободное в осуществлении функций верховной власти от внешнего воздействия. То есть государственная – а значит, суверенная – власть есть высшая власть на конкретном политическом пространстве, власть, обладающая исключительными прерогативами – начиная от установления правовых рамок на определенной территории и заканчивая контролем над принуждающим насилием во внутренней и внешней политике. Причем над этой властью не может быть никакой иной формы господства, «имеющей правомерное полномочие давать ей повеления или препятствовать осуществлению ее воли» (Фридрих Брокгауз и Илья Ефрон).

Однако обладание суверенитетом не означает неограниченной свободы верховной власти на своей территории. Суверенитет – это объект необходимых и неизбежных компромиссов и ограничений, как внутренних, порожденных потребностью согласования прав различных общественных сил – государства и общества, правительства и граждан, – так и внешних – в силу взаимодействия и столкновения государственных суверенитетов равного (пусть даже формально) достоинства, а также в силу влияния негосударственных и надгосударственных институций.

Сегодня очевидно, что понимание суверенитета как абсолютной власти государства, данное в трудах Никколо Макиавелли, Жана Бодена, Томаса Гоббса, было характерно для эпохи формирования национальных государств, когда шел процесс физического закрепления контроля правителей над определенной территорией. Тогда имело место отождествление власти правителя и власти государства. В то же время, как писал Боден, «абсолютное могущество дается одному или нескольким [людям] на некоторое время, по истечении которого они станут только подданными». И хотя сама идея народного суверенитета восходит к античной традиции демократии, понятие народа как главного носителя суверенитета становится определяющим лишь в XX веке, что находит свое выражение в праве наций на самоопределение. В конституциях современных республик, как правило, содержится указание на то, что «носителем суверенитета и единственным источником власти» является народ, который «осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления» (Конституция РФ, ст. 3).

Что же касается международного признания исключительных прав государства, то впервые их закрепил Вестфальский мир 1648 года. Этот принцип пространственной организации суверенных сообществ как отдельных независимых территориальных единиц Европы эпохи Модерна пережил несколько веков. Несмотря на всевозможные трансформации, конфликты и войны, суверенитет государства (в его внутреннем и внешнем измерениях, а именно, в поддержании баланса сил) оставался до конца XX века основным условием, императивом сохранения мирового порядка. В то же время уже с конца 1940-х годов суверенитет постепенно стал утрачивать свою политическую сущность, а к концу века превратился прежде всего в синоним территориального (не сущностного) государства вне зависимости от степени его реальной автономии.

Дело в том, что в Уставе ООН и других международных документах были закреплены противоречащие друг другу принципы. С одной стороны, провозглашался «принцип равноправия и самоопределения народов» (Устав ООН, ст. 1). С другой стороны, утверждалось, что ООН «основалась

на принципе суверенного равенства всех ее членов», то есть государств (Устав ООН, ст. 2). В свою очередь в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, подписанных всеми странами-членами ООН, закреплено, что «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Более того, в первых статьях этих документов зафиксировано, что все участвующие в пактах государства «должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

Не будет лишним напомнить содержание еще одного документа. В Декларации о принципах международного права, принятой 24 октября 1970 года, говорится, что согласно принципу равноправия и самоопределения народов, закрепленному в Уставе ООН, «все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава». Но самое главное заключается в следующем положении документа: способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса». Таким образом, международные документы не только зафиксировали проблему соотношения суверенитета народа и суверенитета государства, но заложили правовую основу переформатирования государственных образований. Соответственно, воссоединение Крыма с Россией никоим образом не противоречит контексту существующих международно-правовых норм. Не говоря уже о совершенно исключительных исторических факторах, определяющих особое положение Крыма и Севастополя.

Суверенитет «факта» и суверенитет «признания»: возможна ли иерархия?

Современное понимание политического суверенитета будет неполным, если не указать на необходимое соединение таких его проявлений, как «факт» и «признание».

Говорить о суверенитете «факта» возможно, когда реальное государственное властвование означает контроль и развитие конкретной территории и народа. Это характеристика внутренней силы государства, что в политической науке принято определять через понятие «состоятельность», «состояние». Когда же власть (государства или народа) признается со стороны институтов, на которые она не распространяется, когда она создается как власть формально самостоятельная по отношению к этим институтам, имеющая свои «неотъемлемые права», то это суверенитет «признания». В исторической практике, где политическая власть создается, подвергается переделам, защищается и уничтожается, те или иные проявления суверенности могут как дополнять друг друга, так и преобладать одно над другим. Например, современная Россия соединяет в себе суверенитет «факта» и «признания», в то время как современный Ирак, Ливия, Косово и вообще подавляющее большинство стран мира формируют лишь фрейм «признания» – и то весьма специфического, формального. Дело в том, что реальное смысловое приращение, которое несет в себе понятие суверенитета в сравнении с базисным понятием власти, состоит в том, что суверенитет, как писал Вадим Цымбурский, «представляет власть на фоне мира, ею не охваченного». Это и есть внешний аспект суверенитета – аспект признания. Однако как показывает политическая практика, власть большинства государств не охватывает даже территории собственной страны. Тем не менее факт несуверенности власти на своей территории вовсе не является препятствием для международного признания страны. Так, в соответствии с Уставом, вопрос о вступлении в ООН решают государства-члены. Страна может стать субъектом ООН, если получает рекомендацию 9 из 15 членов Совета Безопасности и если при этом ни один из постоянных членов Совета Безопасности не высказался против. Затем это решение должно быть одобрено двумя третями членов Генеральной Ассамблеи. Такой подход не только рождает серьезную критику, но имеет альтернативную международную модель признания.

В частности, в статье 3 принятой в 1933 году Конвенции Монтевидео утверждается противоположный ооновскому принцип: «Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами». Кроме того, этот документ закрепил четыре базовых принципа государства как субъекта международного права. Это наличие:

- постоянного населения;
- определенной территории;

Герард Терборх. Вестфальский мир в Мюнстере. 1648 год

Исключительные права государства впервые закрепил Вестфальский мир 1648 года. Этот принцип пространственной организации суверенных сообществ как отдельных независимых территориальных единиц Европы эпохи Модерна пережил несколько веков.

◆ собственного правительства;

◆ способности к установлению отношений с другими государствами.

Конечно, самым главным возражением против такой лайт-процедуры признания является как дата подписания Конвенции Монтевидео – после 1933 года мир кардинально изменился, – так и представительство стран, подписавших этот документ – он был принят по итогам VII Панамериканской конференции. Однако сам подход к такому признанию имеет все больше сторонников, что серьезным образом актуализирует данную тему.

Существующая сегодня процедура признания, как и сама природа государств, формирует в научном сообществе концепции разных «рангов» суверенитета – в зависимости от объема «неотъемлемых прав», осуществляемых сувереном и признаваемых за ним со стороны внешнего сообщества. Отталкиваясь от этого положения, ученые определяют специфику и масштабы суверенитетов.

Суверенитет конкретного государства, с одной стороны, «умножается» внутри себя за счет целого ряда характеристик: размерности, границ, конституций, принципов легитимации и многих других институтов, норм, конструктов. С другой – «размывается» за счет передачи части классических прерогатив государств, во-первых, наднациональным структурам, частью, строительным материалом которых они становятся. (Ярче всего это проявляется в процессе создания и расширения Европейского союза и НАТО. Кстати, по поводу Евросоюза уместно напомнить слова Маргарет Тэтчер, которая прекрасно понимала, что сама идея объединенной Европы «строится на подавлении, или, как это подносят его горячие сторонники, на замещении концепции национальной са-

мобытности».) Во-вторых, наступление на государственный суверенитет идет по линии ТНК. По этому поводу Ульрих Бек с присущим ему сарказмом писал: «Что хорошо для “Дойче-банка”, давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства». Весьма симптоматичным представляется и появление в начале XXI века в американском политическом дискурсе термина «надкушенный суверенитет», обозначающего давление на национальное государство как извне – со стороны Евросоюза, НАТО, ТНК, – так и изнутри. Относительно внутренних «возмутителей суверенитета» можно согласиться с классификацией Иво Духачека, который выделяет четыре группы – это регионы, группы интересов, мигранты и оппозиционные силы. Они разными способами оказывают давление на верховную власть. Однако самым действенным по степени разрушения государственности изнутри оказываются регионы. Ярким тому примером может служить регионализация Европейского союза, где еврорегионы размывают такие признаки суверенного государства, как государственная граница и политическая иерархия. В то же время не стоит забывать, что «превращения» суверенитета зависят от суверенов, носителей власти в конкретное историческое время, формируя матрешечную структуру суверенности, выявляя ее многоплановость. Вслед за Вадимом Цымбурским к «истинным суверенам» отнесем:

◆ народ в смысле общности граждан («народ-1»);

◆ государство, которое еще иногда называют нацией, имея в виду единство населения и территории страны с институтами власти («нация-1», в том числе в названии ООН);

◆ нацию, понимаемую как этнос, домогающийся своей государственности или реализующий ее («нация-2», иногда ее зовут и «народом», что можно представить как «народ-2»).

Отталкиваясь от этой концепции, в процессе формирования и развития суверенитета так называемых новых независимых государств (ННГ), которые возникли на постсоветском и постъюгославском пространствах, можно выделить две неравнозначные фазы. Первая фаза связана с реализацией «нацией-2» в начале 1990-х годов права на самоопределение. Вторая фаза есть длящийся процесс защиты «народом-1» и «нацией-1» себя от внешних угроз и внутренних мятежей, грозящих превращением ННГ в пространство гоббсовской «войны всех против всех». Достаточно вспомнить Украину, где так и не состоялось единство населения и институтов власти. Именно в этой фазе происходит усиление давления на «нацию-1» (суверенное государство) со стороны геополитических гигантов – западных плутократий и созданных ими наднациональных институтов и ТНК, которые заинтересованы в установлении в системе международных отношений доминирования суверенитета «признания», а не «факта». Это стремление мировых лидеров обусловлено как коммерческими, так и геополитическими интересами: приоритет «признания» дает возможность «хозяевам истории» (Бенджамин Дизраэли) не только перераспределять и приватизировать собственности целых стран, но и решать за них руками компрадорской буржуазии политическое будущее народов. Нежелание политического руководства такого государства сохранить власть «факта» и стремление иметь лишь суверенитет «признания» порождает разные формы и способы давления западных структур, в ряду которых санкции, информационные войны, прямое военное вмешательство.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях глобализации признание государства международным сообществом практически не зависит от его внутренней состоятельности – мощи, – что, по нашему мнению, нивелирует само понятие суверенитета. В то время как суверенитет «факта», позволяющий государству состояться и быть независимым в полном смысле этого слова, зависит от ряда макроиндикаторов. К таковым относятся:

◆ обобщающий экономический индикатор – ВВП;

◆ относительный показатель уровня жизни – ВВП на душу населения;

◆ динамика развития экономики – темпы роста ВВП;

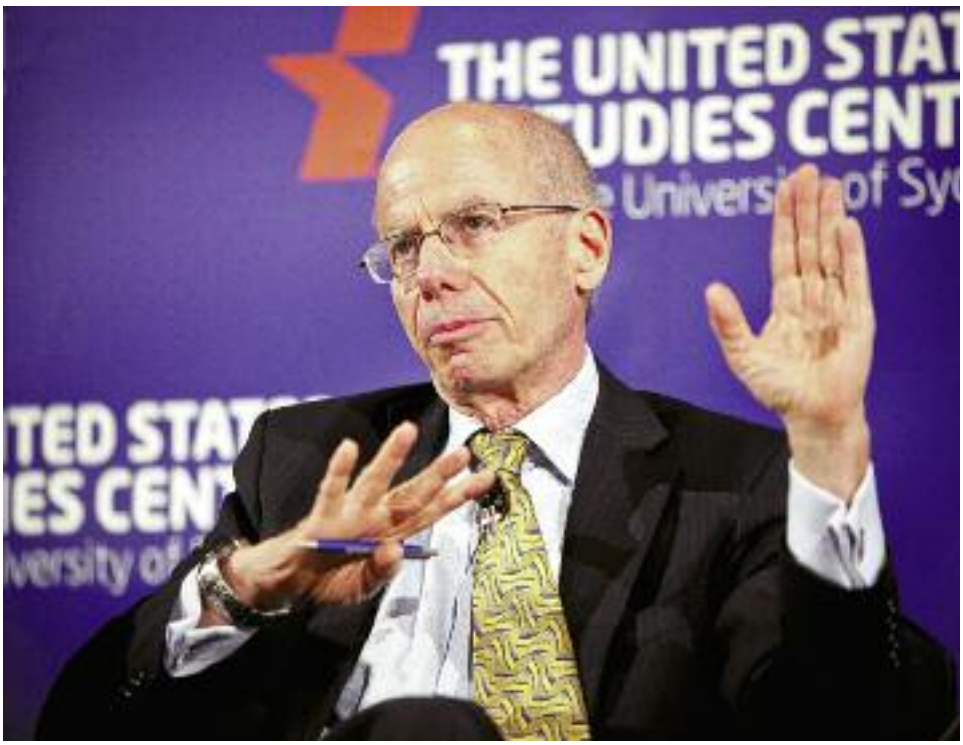
◆ продолжительность жизни населения – отражает ряд показателей (уровень жизни, здравоохранение, детская смертность, качество жизни и т.д.);

◆ военные расходы – демонстрируют степень вовлеченности в борьбу за геостратегическое господство;

◆ внешняя торговля и внешняя задолженность – показывают степень вовлеченности в геоэкономическое пространство (мировую экономику).

Незначительная мощь большинства современных государств и даже ее отсутствие в значительной степени определяют проблемность суверенитета «факта», состоятельности государства, что, однако, не препятствует формированию суверенитета «признания», в результате чего государство существует лишь формально, на бумаге. Что же касается ННГ, то фактически

они становятся строительным материалом для неоимперий и наднациональных структур. В настоящее время происходит актуализация именно суверенитета «признания». В результате для подавляющего большинства современных государств суверенитет превратился в характеристику системы сосуществования. Эта характеристика предполагает и даже требует делегирования значительной части классических государственных прерогатив на наднациональный или негосударственный уровни. Применительно к таким политическим образованиям вообще, на наш взгляд, сложно применять понятия государства и суверенитета либо нужно ставить их в кавычки. Еще раз подчеркнем, что полноценный суверенитет означает систему внутриполитических и внешнеполитических возможностей и способностей государства как обеспечивать собственное развитие, так и противостоять любому давлению извне.



Попыткой объяснить неизбежность наличия суверенитетов разного ранга можно считать концепцию Стивена Краснера (на фото). Исходя из принципа «делимости» верховенства власти, он выделяет международный легальный, вестфальский и внутренний суверенитеты, а также суверенитет взаимозависимости.

Попыткой объяснить неизбежность наличия суверенитетов разного ранга можно считать концепцию Стивена Краснера. Исходя из принципа «делимости» верховенства власти, ученый выделяет международный легальный, вестфальский и внутренний суверенитеты, а также суверенитет взаимозависимости. В результате его научных построений получается, что международный легальный суверенитет выступает взаимным признанием формальной юридической независимости, тогда как вестфальский суверенитет есть «исключение внешних акторов де-юре или де-факто с территории государства», то есть отсутствие альтернативного источника трансляции власти. Внутренний суверенитет – это «легитимность власти внутри политии и предел, до которого эта власть может осуществлять контроль». Суверенитет взаимозависимости означает способность государства контролировать потоки информации, капитала, товаров, идей, людей и прочего через свои границы при взаимодействии с другими государствами в экономической, социальной и политической сферах.

Представляется, что рассмотрение суверенитета как основы для категорического различения между внутриполитической и международной состоятельностью государства является ошибкой: если имеет место суверенитет «факта», то есть государство может обеспечить безопасность и благосостояние своих граждан, то суверенитет «признания» не может изменить внутреннюю природу государственности. Также, как уже отмечалось выше, ошибочно считать государства равноправными в сфере международных отношений. Равенство государств может быть лишь формальным, юридическим. Фактически они не могут быть равными, что определено мощью государства и суверенитетом «факта». Как известно, «колонии не перестают быть колониями лишь потому, что они получили независимость». Соответственно, если быть честными в научном смысле (понятно, что в политике это нереально), то не может быть суверенитетов разных рангов. Суверенитет либо есть, либо его нет. Рассуждения об ограниченном суверенитете – это рассуждения о его отсутствии. Недаром партия Марин Ле Пен победила на выборах в Европарламент под лозунгом: «Евросоюз должен вернуть то, что у нас было украдено, – вернуть суверени-

Впервые в научный и политический дискурсы само понятие *global governance* было введено во второй половине 1980-х годов Вилли Брандтом (на фото в 1989 году) и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению. Изначально само понятие «глобальное управление» (ГУ) подразумевало совместные усилия по решению проблем бедности, экологии, эпидемий и т.д.

тет. Нужно строить другую Европу – Европу свободных и суверенных государств».

Суверенитет *versus* глобальное управление

Будущее суверенитета во многом определяется процессами глобализации, порожденными интересами крупных мировых игроков. Реализация этих интересов связана с формированием совершенно новой системы транснациональных отношений, где государствам уже не принадлежит центральная роль. Нивелирование сущности государства – а значит, и суверенитета – проявляется в процессе установления новых структур глобального управления.

Необходимо отметить, что впервые в научный и политический дискурсы само понятие *global governance* было введено во второй половине 1980-х годов Вилли Брандтом и его коллегами по работе в Комиссии ООН по глобальному управлению. Изначально само понятие «глобальное управление» (ГУ) подразумевало совместные усилия по решению проблем бедности, экологии, эпидемий и т.д. С конца XX века и прежде всего под влиянием распада блоковой системы международных отношений и окончания холодной войны это понятие приобретает более глубокий смысл и касается практически всех вопросов управления, в которое оказываются включенными не только и даже не столько государства, сколько наднациональные структуры и ТНК.

В известном докладе ООН 1995 года «Наше глобальное соседство» Комиссия по глобальному управлению предложила рассматривать ГУ как «сумму множества путей, которыми индивиды и институты (общественные и частные) управляют общими делами. Это постоянный процесс, посредством которого могут удовлетворяться различные интересы и предприниматься кооперативные действия. Глобальное управление включает в себя формальные институты и режимы, обеспечивающие сотрудничество, а также неформальные соглашения между институтами и людьми, о которых они либо договорились, либо полагают, что такие соглашения будут в их интересах». Как видим, никакого упоминания государства – как центрального института системы международных отношений – в этом определении нет. Именно тогда был заложен концептуальный фундамент того, что Эрик Хобсбаум назвал супранациональным и инфранациональным обществом, которое знаменует «упадок старых наций-государств в качестве эффективно действующих структур», которые «отступают на второй план перед лицом нового супранационального преобразования мира, сопротивляются ему, поглощаются им или адаптируются к нему». Поэтому неслучайно развитие концепции ГУ происходит параллельно с размыванием в теории и на практике понятия суверенитета как принципиальной основы государства-состояния, государства как самостоятельного и независимого субъекта международных отношений. Подобный тренд, по мнению проводников мондиалистских взглядов, привел к позитивному результату, а именно – к концу «диктатуры» национальных государств и формированию эффективного наднационального управления. Однако такая позиция встречает не только научную критику, но и серьезное сопротивление самих государств, что выражается в череде региональных и глобальных кризисов, в формировании новых интеграционных объединений.

В 2003 году Брукингский институт и эксперты Всемирного экономического форума создали специальную комиссию – Инициативу глобального управления, – которая занялась разработкой новых идейных основ формирования принципов наднационального управления. В докладах комиссии были обозначены сферы, которые имеют глобальное значение и не могут быть подконтрольны только государствам. Это экология, урегулирование кон-

фликтов, образование, здравоохранение, защита прав человека, борьба с бедностью. В этих сферах, по мнению авторов докладов, принципы ГУ могут быть осуществлены только с помощью наднациональных институтов контроля за деятельностью государств. И это лишь один из примеров обоснования практики ГУ. Здесь можно вспомнить доклады Римского клуба, Трехсторонней комиссии, различных ооновских и европейских структур. Самым ярким практическим итогом ГУ можно считать Европейский союз, которому, по выражению бывшего президента Хорватии Стипе Месича, страны «по своей доброй воле передали часть своего суверенитета». Однако есть одна неувязочка. Дело в том, что концепция и практика ГУ не исключает наличия государства-гегемона, которое является, согласно Збигневу Бжезинскому, «высшей гарантией глобальной стабильности».

Проекты глобального управления и «размягчения» суверенитета

Как отмечалось выше, проектный характер – важнейшая характеристика новейшей истории. «Размывание» суверенитета, «размягчение» роли и значения государства, а фактически сохранение лишь его оболочки – всё это планируется и осуществляется по самым разным направлениям. Выделим наиболее показательные проекты-сценарии будущего, предлагаемые западными политиками и учеными.

Первый сценарий условно обозначим «Наднациональное управление». Один из активных проводников этой идеи – французский экономист и крупный политический деятель Жак Аттали – утверждает, что ценности рынка и демократии являются «важнейшим условием гармоничного развития в планетарном масштабе». Он настаивает на необходимости «создания инструментов для реализации принципов глобального суверенитета», среди которых выделяет «парламент, правительство, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию, общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками».

Понимая, что процесс глобализации, то есть уничтожения национального суверенитета, будет долгим и сложным, Аттали предлагает пока «ограничиться созданием скромного мирового управления», что потребует принятия решений, кардинальным образом меняющих современную систему международных отношений. Среди них: расширение G8 до G24 (что фактически уже произошло), создание на базе G24 и Совета Безопасности ООН Совета управления, осуществляющего законное политическое регулирование. Предполагается подчинение МВФ, Всемирного банка и других международных финансовых институтов этому Совету управления. Аттали также говорит о необходимости реформы (в том числе порядка голосования) всех международных финансовых учреждений. Для реализации этого сценария, по мнению Аттали, необходим политико-организационный механизм, состоящий из пяти элементов.

Первый элемент – новая Организация Объединенных Наций, в которую в качестве индивидуальных членов войдут не все страны. Чтобы стать индивидуальным членом ООН, надо будет иметь определенный размер населения, объем накопленного национального богатства и определенную величину национального дохода на человека – то, что в первой части статьи обозначено как «мощь». Получится некая «ООН для избранных». Таких «избранных» должно быть от 30 до 50. Остальные страны могут входить в новую ООН через коллективные организации. Любой коллектив стран, чтобы войти в ООН, должен отвечать тем же критериям, которые нужны и для индивидуального членства.

Второй элемент – мировой парламент с двумя палатами. Одна избирается напрямую голосованием на всей планете. Например, каждый кандидат, набравший миллион голосов, становится депутатом этой палаты. Как это будет осуществлено – вполне понятно: технологии манипулирования сознанием и фальсификации итогов голосования апробированы не единожды. Депутатов другой палаты избирают от индивидуальных и коллективных членов ООН по мажоритарной системе относительного большинства.

Третий элемент – мировое правительство. Его формирует ООН по согласованию с мировым парламентом. При нем необходимы и мировые вооруженные силы, и мировая полиция.

Четвертый элемент – это создаваемые новой ООН и независимые от мирового правительства мировое ядерное агентство, мировое ракетное агентство, мировое космическое агентство, мировой банк, мировой суд, мировые научно-исследовательские и экспертные центры, образовательные, культурные и спортивные организации.

Пятый элемент – мировая система независимой информации. Прежде всего – независимые даже от новой ООН телевидение, радиовещание, Интернет.

Второй сценарий ГУ можно назвать «Демократические империи». В этом случае речь идет о прямом демонтаже суверенных государств, так как именно они, по мнению одного из противников государствоцентричного мира – Жозепа Коломера, «парадоксальным образом способны стать угрозой свободе и демократии, поскольку они смогут возродить старые конфликты или создать новые отношения соперничества и вражды». В то время как благополучие народов зависит от «таких обширных демократических империй, как США и ЕС».

Справедливости ради следует отметить, что Коломер выделяет пять современных империй (Америка, Китай, Европа, Япония и Россия). Он также указывает на семь больших объединений, относящихся к имперскому типу. Среди них Индонезия, Индия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш, Австралия и Канада. Эти страны сопоставимы с империями по размерам своих территорий, но не добирают до имперского статуса из-за недостаточного размера населения. Однако будущее для Коломера – за империями демократическими. Существующие тренды мирового развития, по мнению ученого, ведут на первом этапе к увеличению числа демократических «независимых и автономных стран» малых размеров, появляющихся на месте средних государств-состояний, что приводит к постепенному «стиранию» последних с политической карты мира. Второй этап трансформации мировой системы связан с встраиванием новых и старых «демократических» государств в силовое поле демократических империй, а именно – ЕС и США. Коломер фиксирует: «Нынешний мир все больше организуется за счет взаимного наложения обширных пространств "имперского" размера при одновременном увеличении числа самоуправляющихся малых сообществ». Эксперт выделяет три фундаментальные сети отношений: «Союзы по обеспечению обороны и безопасности, торговые и экономические соглашения и зоны языка и общения».

Этот сценарий, основанный на приоритете демократических (читай – западных) ценностей, представляет собой мину замедленного действия, так как формирует в общественном сознании господствующих групп подавляющего большинства стран мира представление о лишь единственном пути развития: посредством создания «самоуправляющихся малых сообществ» стремиться к включению в демократические империи. При этом, встраиваясь в «сети имперского размера», новые члены ЕС и НАТО готовы на незначительную роль в этих структурах, сравнимую разве что с влиянием Будапешта, Загреба или Софии на политику стран «оси» в период Второй мировой войны.

Что же касается нашей страны, то, по мнению Бжезинского, Россия уже сделала единственно доступный для нее выбор – включение в западный проект, что в свою очередь стало стратегическим шансом для Запада. Этот выбор «создал предпосылки для прогрессирующей геополитической экспансии западного сообщества все дальше и дальше вглубь Евразии. Расширение уз между Западом и Россией открыло путь для проникновения Запада, и в первую очередь Америки, в некогда заповедную зону российского ближнего зарубежья. Но, в конечном счете, у России просто не остается альтернативы, если она желает сберечь ценнейшее из своих территориальных владений. Неисчислимые природные богатства Сибири – вот что сулит России наиболее радужные перспективы, а без западной помощи Россия не может быть всецело уверена в сохранении своего суверенитета над этой землей».

Справедливости ради следует отметить, что писалось это в 2005 году. С тех пор многое изменилось как в самой России, так и в мире в целом. Однако стоит помнить, что от своего «стратегического шанса» американские и транснациональные элиты никогда не откажутся. В частности, в 2012 году ученый и советник по национальной безопасности президента Джимми Картера писал, что сотрудничество США с Россией способно «расширить и оздоровить нынешний Запад» и не допустить утраты Америкой своей ведущей роли на мировой арене. Одним из способов установления такого сотрудничества автор книги «Стратегический взгляд» называет «обязательную демократизацию» нашей страны. Достижение такой «демократизации» предполагается за счет включения как можно большего количества россиян в западную систему образования и максимально широкого представления в российских СМИ «западного образа жизни как нормы». Как говорится, без комментариев.

Третий сценарий – это «Гегемонистская стабильность». Согласно Роберту Гилпину, гегемонистская стабильность устанавливается при наличии пяти условий:

- государство-гегемон должно значительно превосходить все остальные государства в системе по экономическим и военно-стратегическим показателям;
- гегемоном должно быть либеральное государство, потому что только либеральное государство стремится к гегемонии и может создать от-

крытый и либеральный мировой порядок;

◆ среди великих держав должно существовать хотя бы рудиментарное согласие с властью гегемона;

◆ гегемон должен быть дальновидным и создавать международные режимы, необходимые для обеспечения глобального благополучия;

◆ гегемон должен быть готов приносить в жертву свои краткосрочные интересы ради долгосрочного благополучия всей системы международных отношений.

Очевидно, что приведенная аргументация гегемонии не только вызывает массу вопросов, но фактически оправдывает описанный Джорджем Оруэллом мир, где «все равны, но одни более равны, чем другие». Однако, несмотря на имеющиеся исторические аллюзии и прогрессирующую турбулентность мировой политики, определенную гегемонизмом США, приверженцы этой модели полагают, что злоупотребления властью при гегемонистской стабильности носят ограниченный характер. Поэтому, согласно логике Гилпина, даже если либеральное государство «скатывается к злоупотреблениям, это не страшно».

Четвертый сценарий назовем «Контролируемая нестабильность». Концептуальное оформление концепции ГУ в условиях критичности, хаотизации больших социальных и политических пространств пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Заимствовав ряд положений из работ Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс, исследовавших неравновесные, стремящиеся к хаосу системы в термодинамике, американские политологи обосновали «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» во внешнеполитических интересах США. Одним из первых в научный дискурс идею «управляемого хаоса» ввел сотрудник Института Санта- Фе Стивен Манн. Создание хаоса в стратегических интересах заказчика возможно при использовании различных механизмов. Например, через организацию демократического транзита, осуществление рыночных реформ и приватизацию, в процессе повышения жизненных стандартов у населения и прежде всего у господствующих групп, а также через постепенное вытеснение тради-

Один из активных проводников идеи «наднационального управления» – французский экономист и крупный политический деятель Жак Аттали (на карикатуре) – утверждает, что ценности рынка и демократии являются «важнейшим условием гармоничного развития в планетарном масштабе». Он настаивает на необходимости «создания инструментов для реализации принципов глобального суверенитета».

Концептуальное оформление концепции глобального управления в условиях критичности, хаотизации больших социальных и политических пространств пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х годов. Американские политологи обосновали «усиление эксплуатации критичности» и «создание хаоса» во внешнеполитических интересах США. В научный дискурс было введено понятие «управляемого хаоса».

ционных для конкретного общества ценностей и идейных установок и замещение их неолиберальным контентом. Таким образом, сценарий контролируемой нестабильности подразумевает создание заинтересованными игроками при помощи различных средств за исключением прямых военных действий условий для дестабилизации политической ситуации в конкретной стране. Создание нестабильности может быть как в экономических, так и в геополитических интересах крупных мировых игроков.

Полицентричный мир и новое «дыхание» суверенитета

«Будущее уже наступило». Эти слова, сказанные австрийским футурологом и публицистом Робертом Юнгом в 1952 году, как нельзя лучше отражают современное состояние. Будущее рождается ежедневно и непосредственно зависит от вчерашних и сегодняшних наших действий или бездействий. Трагические ошибки и просчеты, допущенные за последние 20 лет, не могут не сказаться на будущем российской государственности. Учитывая нынешнее социально-экономическое состояние и геополитическое положение РФ, а также ситуацию в мире в целом, надо признать, что возможен любой негативный для нашей страны сценарий. Однако это вовсе не означает, что нет места альтернативным глобальному управлению проектам. Причем их инициатором может стать именно Россия.

«Полицентричный мир» – так можно назвать проект, альтернативный западным версиям стирания суверенитета. Согласно модели полицентричности, или многополярности (в ее классическом понимании), международные отношения все более тяготеют к плюрализации, сопровождающейся появлением и укреплением новых игроков на мировой арене. Плюрализация международных отношений, как писал Кеннет Уолтц, косвенно свидетельствует об уравновешивании их совокупных возможностей. Однако данный процесс невозможен без становления новых центров силы, среди которых Россия как лидер Евразийского союза, Китай, Индия и ряд других стран.

В современном мире, как бы ни старались это скрыть американские аналитики, объективны тенденции размывания господства США. Эти тенденции усиливаются по нескольким причинам. Во-первых, из-за внутренних противоречий, обусловленных надрывом в результате исполнения роли мирового лидера. Во-вторых, вследствие значи-

тельного экономического роста, переживаемого прежде всего азиатскими гигантами – Индией и Китаем, – а шире – всей Восточной Азией. В-третьих, в результате возрождения России и ее конкретных шагов по консолидации геополитического и цивилизационного региона российского влияния – Северной Евразии. Наконец, в-четвертых, что не менее важно, по причине повсеместного усиления недовольства гегемонией Запада, что проявляется в открытом и тайном противодействии его политике.

В последние годы наметился вектор ребалансировки, то есть возврата в новых условиях к многополюсной конфигурации мира, к балансу сил, дававших миру устойчивость. Как отмечают авторы французского журнала «Ле Монд дипломатик», «многополюсность предполагает не только более справедливое международное распределение богатства, но и потрясение основ политических отношений». Международные институты, являющиеся инструментами однополярного мира (прежде всего такие, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, «Большая восьмерка», Европейская комиссия, Европейский банк, НАТО, ведущие рейтинговые агентства и ТНК), будучи проводниками интересов Запада, вынуждены уже сейчас трансформироваться в условиях нарождения новых «активных субъектов».

Фактически однополярный мир оказался обреченным в результате действий Соединенных Штатов и их союзников. Их стремление навязать собственные ценности, бескомпромиссное и жесткое продвижение своих интересов приводит к росту напряженности, конфликтности, деструкции, хаосу, причем выходящему из-под контроля его организаторов.

Многополярность же наоборот формирует консенсусность мировой политики, дает возможность нового проявления, своего рода второго дыхания суверенитета. Наличие нескольких центров силы, сопоставимых по интегральной мощи, позволяет совмещать различные модели развития, а не ломать государства-состояния и перекраивать мир исключительно по западной матрице. Ведь любое решение, учитывающее мнения нескольких участников процесса, всегда лучше, чем принятое по воле и под давлением одного. В рамках полицентричного мира Россия может реализовать свою концепцию мировидения – «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» (Владимир Путин).

Первым этапом институционального воплощения идеи евразийской интеграции в XXI веке стало создание в 2000 году Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Формирование в 2010 году Таможенного союза, в который вошли три наиболее развитые, хотя и разные по типу экономики, страны – Россия, Беларусь и Казахстан – еще один шаг на пути формирования евразийского единства. С 2012 года функционирует Единое экономическое пространство – по сути, общий рынок России, Беларуси и Казахстана. 29 мая 2014 года состоялось подписание договора о создании Евразийского экономического союза, который вступит в силу с 1 января 2015 года.

События на Украине, где при поддержке западных стран сформировался бандеровский режим террора и насилия, следует рассматривать как асимметричный ответ противников плюрализации мировой системы, противников возрождения Евразии. Политика двойных стандартов в непризнании волеизъявления жителей Крыма и Севастополя и при оценке карательной операции Киева против мирных граждан юго-востока Украины, различные санкции против России доказали настоятельную необходимость укрепления хозяйственных связей и геополитического единства народов континента-гиганта, важность развития собственных интеграционных проектов. В свою очередь «крымская весна» не только стала закономерной реакцией на деструкцию Украины как способ передела ресурсов и сфер влияния, но и придала новый импульс евразийской интеграции, изменила мир в целом.

Объективные условия диктуют необходимость формирования новых глобальных проектов, в том числе Евразийского союза, ядром которого по целому ряду объективных причин является Россия.

Однако прежде чем стать действительным, реальным стержнем евразийского притяжения, Россия должна превратиться в экономический, финансовый, военно-политический и культурный магнит, который притягивает к себе исторически родственное пространство, а не отталкивает его, как это было еще совсем недавно. Работа над собой для нашей страны оказалась тесным образом связанной с кризисом на Украине, который не только заставил многое переосмыслить, но и требует многое изменить. Начинать надо с формирования совершенно нового подхода к пониманию суверенитета, своей состоятельности и самости, что обязательно должно найти отражение в новой стратегии развития страны.

Борис Вадимович Соколов –
доктор филологических наук,
кандидат исторических наук,
член Русского ПЕН-центра

Первая мировая война, государственный суверенитет и позднейшие плоды

Банальностью звучит утверждение, что Первая мировая война перевернула жизнь всего человечества, обесценила или наполнила новым смыслом многие привычные понятия. И среди этих понятий непоследнюю роль играло понятие «государственный суверенитет», означающее независимость государства во внешних и его верховенство в своих внутренних делах. Перед Первой мировой войной считалось, например, что нейтралитет государства – международно признанный и гарантированный великими державами – вещь незыблемая.

Но Германия начала Первую мировую войну нарушением нейтралитета сразу двух государств – Великого герцогства Люксембург и Королевства Бельгии. Люксембург, находившийся в таможенном союзе с Германской империей, сопротивляться вторжению германской армии не стал. А вот Бельгия стала, присоединилась к Антанте, и германское вторжение в Бельгию стало одной из причин вступления Англии в мировую войну, так как британское правительство не могло допустить германского контроля над бельгийским побережьем – идеальным плацдармом для десанта в Англию. В дальнейшем в ходе Первой мировой войны суверенитет нейтральных стран нарушали государства обеих противостоявших друг другу коалиций. Например, Албания в период Первой мировой войны так и не заявила о присоединении к какой-либо из воюющих коалиций. Это было самое молодое из существовавших в тот момент в Европе государств. Оно образовалось по итогам двух Балканских войн. Только 28 ноября 1912 года Всеалбанский конгресс во Влёре принял Акт о провозглашении независимости Албании от Османской империи. И лишь 29 июля 1913 года Лондонская конференция послов великих держав приняла решение, что Албания будет автономным суверенным наследным княжеством. Князем Албании Всеалбанский конгресс при-

Центральная улица Тираны в первой четверти XX века

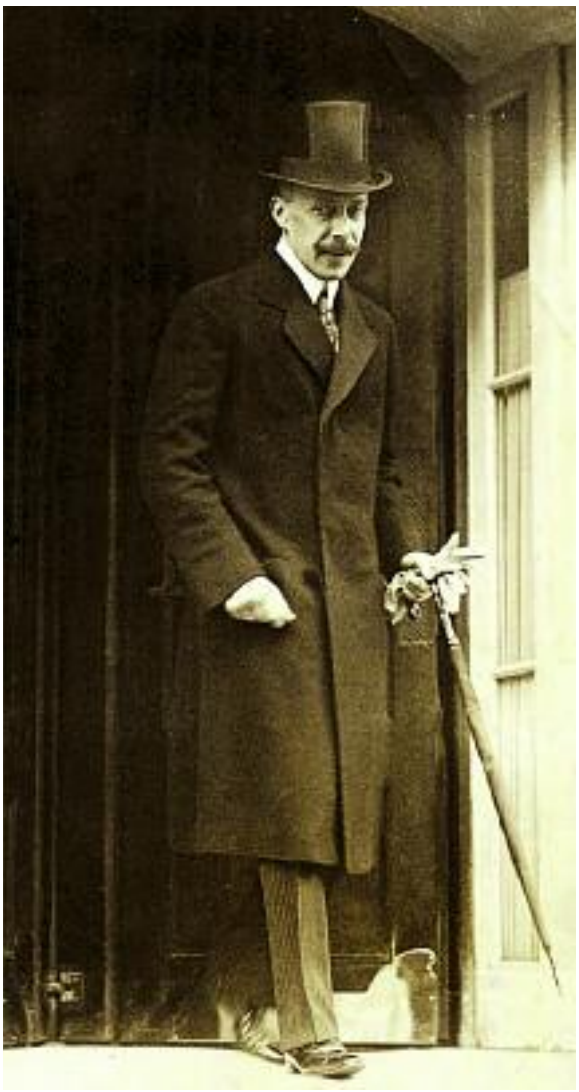
гласил стать капитана прусской армии, родственника германского кайзера Вильгельма II и племянника румынской королевы Елизаветы Вильгельма Вида. 7 марта 1914 года принц с супругой прибыли в Дуррес на австрийском военном корабле. Однако Вильгельму Виду не удалось справиться с царившей в Албании анархией, и всего через месяц после начала Первой мировой войны, 3 сентября 1914 года, князь отбыл в Германию, признав крах своих усилий, хотя и не отрекся от престола. За влияние в Албании вели между собой борьбу Австро-Венгрия, Италия, Сербия, Черногория и Греция. Последняя претендовала на Южную Албанию, где проживало значительное греческое меньшинство.

Уже 17 сентября 1914 года ставленник Италии в Албании Эссад-паша Топтани подписал с Сербией договор о мире и дружбе. Получив деньги от сербов, он навербовал армию, в том числе из сербских албанцев, и 2 октября вступил в Дуррес, где провозгласил себя главой сената Центральной Албании. Однако подчинить себе всю страну Топтани не смог. В октябре 1914 года войска нейтральной Греции вторглись в Албанию и оккупировали Северный Эпир.

После того как 2 ноября 1914 года Турция присоединилась к Центральным державам, султан объявил джихад против врагов ислама, подразумевая под ними государства Антанты. Албанские крестьяне во главе с Хаджи Кямили последовали призыву к джихаду и начали войну против проантантовского правительства Топтани. Взяв Тирану, Хаджи Кямили 16 декабря объявил о свержении Эссада-паши Топтани и о воссоединении Албании с Османской империей. В свою очередь, 20 декабря 1914 года Эссад-паша от имени сената Дурреса послал приглашение итальянцам войти в Албанию, и 25 декабря в Дурресе высадились итальянские войска. При этом Италия всё еще формально оставалась нейтральной, хотя в Албании фактически действовала на стороне сил, союзных Антанте.

23 мая 1915 года Италия, наконец, вступила в войну на стороне Антанты. И уже 2 июня в Центральной Албании начали наступление сербские войска, чтобы предупредить возможные действия своего нового союзника, поскольку в Албании интересы двух государств сталкивались. 11 июня сербы вступили в Тирану, а через два дня подошли к Дурресу, и только резкий протест итальянского правительства предотвратил возможную войну между союзниками. Вступление Италии в войну и действия Сербии, в свою очередь, побудили Черногорию оккупировать северную часть Албании со Шкодером, на который давно претендовал черногорский князь.

Когда осенью 1915 года австро-венгерская армия перешла в наступление против Сербии и Черногории и в войну на стороне Центральных держав вступила Болгария, сербские войска отступили в Албанию и были эвакуированы морем на остров Корфу, а Черногория в январе 1916 года капитулировала. Австро-венгерские войска оккупировали почти всю Центральную Албанию. Часть Южной Албании заняли болгары. Основную часть Южной Албании продолжала оккупировать нейтральная Греция, итальянцы же закрепились во Влёре, но вскоре вынудили греков уйти из Албании. Южноалбанский район Корче, ранее занятый войсками Греции, оккупировали французские войска. Албания превратилась в поле боя между Антантой и Централь-



Вильгельм Вид

ными державами, но так до конца войны оставалась нейтральной. Однако ее нейтралитет не соблюдала ни одна из воюющих коалиций, равно как и остававшаяся большую часть войны нейтральной Греция. За время войны в Албании не существовало какого-либо центрального правительства, власть которого признавалась хотя бы на большей части территории страны.

Интересно, что, согласно заключенному 26 апреля 1915 года представителями Италии, Великобритании, Франции и России Лондонскому договору, определявшему условия вступления в войну Италии, предусматривалось, что территория Албании фактически будет разделена между странами Антанты. Италии обещали район Влёра и протекторат над оставшейся территорией Албании. Черногории обещали север Албании со Шкодером, а Сербии – ряд пограничных албанских территорий.

В октябре 1915 года в Салониках высадились 150 тысяч англо-французских солдат. Затем 6 июля 1916 Антанта объявила блокаду Греции и потребовала окончательной демобилизации греческой армии, в которой были сильны прогерманские настроения. Между тем Греция всё еще оставалась нейтральной, но требования Антанты приняла. В октябре и в декабре 1916 года державы Антанты потребовали также сдачи греческого флота и подчинения контролю Антанты важнейших государственных учреждений. Эти требования также были приняты греческим правительством. Под давлением союзников сторонник Антанты Элефтериос Венизелос вновь стал премьер-министром Греции в октябре 1916 года. Но вступлению Греции в войну на стороне Антанты противились прогермански настроенные король Константин и офицеры греческой армии. Тогда государства Антанты вынудили Константина 12 июня 1917 года отречься от престола, назначив преемником своего второго сына Александра. 29 июня Греция объявила войну Германии. Но к тому времени территория континентальной Греции уже больше года являлась фронтом борьбы между Антантой и Центральными державами, несмотря на нейтральный статус. Эссад-паша Топтани бежал из Дурреса вместе с сербами. В августе 1916 года он объявился в Салониках, где на антантовские деньги сформировал батальон из албанских наемников во главе с Халитом Лэши и албанское правительство в изгнании в греческих Салониках. 10 декабря 1916 года под контролем французских оккупационных властей в Южной Албании была создана Автономная албанская республика Корча. Управление автономией осуществлялось административным советом из 14 членов (поровну христиан и мусульман), каждый из которых в течение месяца по очереди выполнял функции главы республики. Государственным флагом объявлялся «традиционный штандарт Скандербега с лентой цветов Франции», а официальным языком – албанский. Были открыты упраздненные греческими оккупантами албанские школы. В пределах области создавались мобильные отряды албанской жандармерии, а руководитель местных повстанческих отрядов Темистокли Гермени был назначен префектом полиции. Но в октябре 1917 года по сфабрикованному с помощью греческих спецслужб обвинению в связях с австрийской и болгарской разведками он был арестован и расстрелян в Салониках по приговору военного суда. А 10 февраля 1918 года протокол от 10 декабря 1916 года был аннулирован, и вся полнота власти перешла к французским оккупационным властям. Дело в том, что после вступления Греции в войну на стороне Антанты союзники хотели создать у греческого правительства впечатление, что оно может рассчитывать на присоединение Северного Эпира после завершения войны, и предпочли ликвидировать там албанскую автономию. Хотя в итоге Греция не получила ни Северный Эпир, ни почти ничего из тех территорий, которые ей обещали, когда добивались вступления Греции в войну на стороне Антанты.

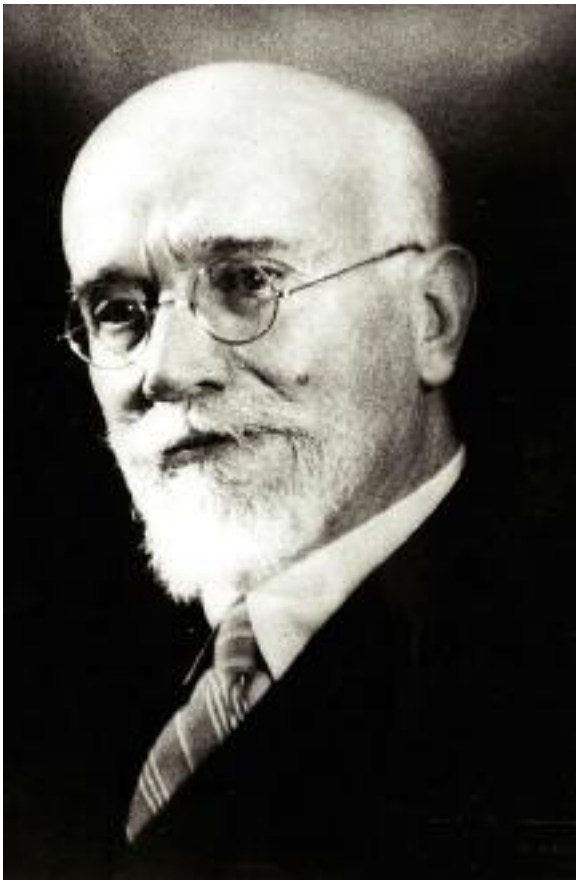
Еще одной нейтральной страной, суверенитет которой был грубо нарушен в ходе Первой мировой войны, стала Персия

(Иран). До войны эта страна являлась предметом соперничества России и Англии и была в соответствии с русско-британским соглашением 1907 года фактически разделена на российскую и британскую сферы влияния. С началом войны турецкие войска вторглись в Иран с запада, русские войска – с северо-запада, а британские войска – с юго-запада. Иранская территория стала полем боя двух коалиций, хотя интенсивность боевых действий вследствие природных условий (горы и пустыни) была низкой. Иран так и не вступил в войну, но с его властями нисколько не считалась ни одна из воюющих сторон.

В нарушениях нейтралитета нейтральных государств в период Первой мировой войны прослеживаются определенные закономерности. Такие государства либо находились в сильной зависимости от одной из воюющих держав (например, Люксембург от Германии) и потому были оккупированы без сопротивления. Либо вообще не имели эффективного централизованного правительства и являлись объектом территориальных притязаний и попыток установить сферы влияния со стороны соседних стран (Албания и Иран). Либо их правительства и армии были парализованы борьбой проантантовских и прогерманских группировок (Греция). В единственном случае нейтральная страна, подвергшаяся вторжению, встала на путь вооруженной защиты своего нейтралитета. Это была Бельгия. Она являлась одной из наиболее развитых к тому времени европейских стран с одним из самых высоких в мире показателей душевого национального дохода, с достаточно многочисленным населением и сильной армией. К тому же Бельгия имела традиционные тесные связи с Англией и Францией, значительные капиталы за границей и крупную колонию в Африке – Бельгийское Конго.

Опыт практически безнаказанного нарушения нейтралитета ряда стран в ходе Первой мировой войны и зачастую их фактический раздел на сферы влияния еще до ее окончания привели державы обеих коалиций к убеждению, что послевоенные границы можно будет прокладывать независимо от суверенитета и воли как властей побежденных государств, так и проживающих на их территориях народов.

«Четырнадцать пунктов» американского президента Вудро Вильсона, обнародованные в январе 1918 года, когда в победе Антанты, несмотря на фактический выход из войны России, уже было мало сомнений, существенно ограничивали будущий государственный суверенитет побежденных и предполагали создание после войны новых государств. В то же время государственный суверенитет серьезно ограничивал провозглашенный Вильсоном принцип «свободы морей», который предполагал «абсолютную свободу судоходства на морях вне территориальных вод как в мирное, так и военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частично или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров». Этот принцип касался как побежденных, так и победителей. К такому же результату вело и требуемое президентом США «устранение экономических барьеров» в рамках принципа «свободы торговли», что предполагало в идеале устранение всех таможенных пошлин. В ходе дальнейшей истории XX века принцип свободы торговли воплотился в некоторых глубоко интегрированных экономических союзах и прежде всего в Североамериканском соглашении о свободной торговле (НАФТА) и в Евросоюзе, но для этого понадобились полвека и новая мировая война.



Элефтериос Венизелос

Что же касается послевоенного устройства мира, то «Четырнадцать пунктов» практически предполагали ликвидацию и расчленение двух империй – Австро-Венгрии и Османской, – хотя об этом еще не говорилось прямо. В мирных предложениях Вильсона провозглашалось: «Народы Австро-Венгрии, место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития». Вместе с тем «турецкие части Османской империи в современном ее составе должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия

Одисе Паскали. Памятник Скандербегу (1968 год) в Тиране на фоне знамени Скандербега – национального флага Албании

автономного развития». При этом «Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями».

На деле «Четырнадцать пунктов» означали, что от Дунайской монархии останутся только Австрия и Венгрия в своих этнических границах, причем только как отдельные государства, не объединенные в какую-либо федерацию или конфедерацию. От Османской же империи должны были остаться лишь этнически турецкие (тюркские) территории. Реально новое турецкое государство должно было свестись к Малой Азии и, возможно, к небольшому хинтерланду в Европе вокруг Стамбула, причем над Черноморскими проливами (а фактически – и над турецкой столицей) предполагалось установление международного контроля.

Вильсон провозгласил торжество «принципа национальностей», который в «Четырнадцати пунктах» звучал так: «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены». Кроме того, в ряде других пунктов предусматривалось исправление государственных границ «на основе ясно различимых национальных границ». Российскую империю в качестве кандидата на ликвидацию прямо в «Четырнадцати пунктах» не называли, поскольку оставались еще некоторые надежды на то, что Россия в том или ином виде продолжит сотрудничество с Антантой. Но при последовательном применении программы Вильсона расчленение бывшей Российской империи также было неизбежно. В частности, «Четырнадцать пунктов» предусматривали: «Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать в себя все территории с неоспоримо польским населением, которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю, а политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором. Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости». Это, безусловно, предполагало отторжение от Российской империи Царства Польского, поскольку никакая будущая связь Польши с Россией не предусматривалась. Один из пунктов Вильсона был прямо посвящен России. Он декларировал в качестве одной из целей союзников: «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Рос-

сию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий».

Это была одна из последних попыток не допустить заключения сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Однако если исходить из принципа проведения «национальных границ», от России следовало отторгнуть не только Польшу и Финляндию (последняя и в составе Российской империи была полунезависимым Великим княжеством Финляндским), но и, по крайней мере, еще и Украину, Белоруссию, Бессарабию, Закавказье и еще ряд территорий в Средней Азии. В этом случае она осталась бы примерно в нынешних границах. И немцы, навязав Советской России Брестский мирный договор и подписав также в Бресте мирный договор с Украиной, формально следовали «принципу национальностей», но в данном случае он был лишь прикрытием для германской экспансии. От России отторгались нынешние Польша, Финляндия, Белоруссия, Литва, Латвия и Эстония. Причем в тексте договора указывалось, что «для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России». А также то, что эти территории «будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны». Имелось в виду, что после окончания Первой мировой войны отторгнутые от России территории смогут самоопределиться в качестве государств, но фактически это самоопределение должно было происходить под германским протекторатом и в присутствии германских войск. Это было хорошо продемонстрировано на примере Украины. Центральные державы заключили мирный договор с правительством Центральной Рады, которая – хотя и провозгласила полную независимость Украинской Народной Республики – в тот момент фактически не контролировала территорию Украины. А после австро-германской оккупации Украины немцы очень быстро свергли Центральную Раду и установили марионеточный режим гетмана Павла Скоропадского.

Для обеих противостоявших друг другу коалиций государственный суверенитет в значительной мере превратился в фикцию, что доказали Версальский мирный договор и другие договоры, образовавшие версальскую (или версальско-вашингтонскую) систему мира. В идеале при создании новых государств и при изменении границ государств, уже существующих, должен был применяться «принцип национальностей», что предполагало во всех случаях проведение плебисцитов. На практике же передача многих территорий в состав тех или иных государств происходила без какого-либо учета воли населения. А плебисциты проводились главным образом в тех случаях, когда таким образом рассчитывали уменьшить территорию побежденных государств.

Так, без плебисцитов были возвращены Франции Эльзас и Лотарингия, хотя при заключении перемирия плебисцит предлагала провести германская сторона. А плебисцит, проведенный, например, согласно Версальскому мирному договору, 11 июля 1920 года на территории Вармии, Мазурии и Повислья, показал, что подавляющая часть населения этих регионов высказалась за то, чтобы остаться в составе Германии. Но к Польше присоединили селения Любстынек, Напромек, Мале Пулько, Нове Лихновы, Крамарово, Боштых и Яново, где за присоединение к Польше высказалось большинство проголосовавших. Кроме того, по стратегическим соображениям к Польше присоединили речной порт в Коженёве и железнодорожный мост на линии Квидзын–Опалене. Аналогичным образом в пользу Польше интерпретировали результаты референдума в Верхней Силезии. Также в состав Польши был включен так называемый Польский коридор к побережью Балтики с преобладающим немецким населением, а город Данциг с почти исключительно немецким населением был объявлен «вольным городом» с предоставлением Польше определенных прав в нем.

А вот когда от Венгрии отделяли Словакию, Воеводину и Трансильванию, никаких плебисцитов не проводилось, а разделение прошло по границам между прежними провинциями Дунайской монархии. В результате за пределами Венгрии оказались значительные по численности компактные группы венгров. Если бы

границы Венгрии в 1920 году были установлены на основе исходов плебисцитов с оставлением в ее составе регионов с преимущественно венгерским населением, то границы Венгрии стали бы примерно такими же, какими они оказались в 1941 году – при непосредственном содействии нацистской Германии. В этом случае в составе Венгрии остались бы некоторые промышленные районы Южной Словакии и Северной Трансильвании. И в этом случае Венгрия уже в 1920-е годы была бы гораздо более жизнеспособным и состоявшимся государством. И тогда вероятность возникновения Второй мировой войны была бы значительно меньше.

В качестве яркого пример порочности версальской системы можно привести историю так называемой Великой Австрии. 11 ноября 1918 года, после капитуляции австро-венгерских войск, Карл I сложил полномочия императора Австрии, хотя и не отрекся от престола. На следующий день, 12 ноября, Немецкая Австрия официально провозгласила себя демократической республикой в составе Германии. Плебисциты, проведенные в провинциях Тироль и Зальцбург, дали соответственно 98 и 99 процентов голосов в пользу аншлюса (присоединения к Германии). 22 ноября Национальная ассамблея официально провозгласила, что все провинции Немецкой Австрии (Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Немецкая Богемия, Судетская область, Штирия, Зальцбург, Каринтия, Немецкий Тироль и Форарльберг) находятся под юрисдикцией Германии. Таким образом, в составе Германской империи образовывалась Великая Австрия, включавшая территорию нынешней Австрии и Судетскую область современной Чехии. Эти земли были заселены преимущественно немцами. Если державы Антанты согласились бы с этим решением, то Второй мировой войны скорее всего не возникло бы, поскольку практически все территории с преобладающим немецким населением оказались бы объединены в составе Германии. В этом случае Гитлеру и нацистам, равно как и другим ультранационалистическим партиям Германии, было бы очень трудно прийти к власти, эксплуатируя лозунг восстановления прав и государственно-территориального единства немцев как разделенного народа.

Однако Антанта хотела максимально ослабить Германию и не допустить ее усиления за счет присоединения новых территорий, тем более за счет промышленно развитых районов Богемии и Моравии. Несмотря на то что Учредительное собрание Немецкой Австрии 3 апреля 1919 года, лишив Габсбургов прав на престол и изгнав их из Австрии, подтвердило стремление к аншлюсу, державы Антанты воспротивились этому и заставили представителей Австрийской Республики 10 сентября 1919 года подписать Сен-Жерменский мирный договор, которым запрещался аншлюс. Такая же статья о запрещении аншлюса была внесена и в Версальский мирный договор с Германией. Державы-победительницы провозгласили стремление создавать новые государства, по возможности придерживаясь прежних границ между провинциями Австрии и Венгрии, что не помешало, однако, отторгнуть ряд территорий Республики Австрия с преимущественно немецким населением. Согласно Сен-Жерменскому договору, от Немецкой Австрии в пользу Чехословакии отторгались часть Верхней и Нижней Австрии и целиком – Немецкая Богемия и Судетская область. Кроме того, в пользу Италии были отторгнуты некоторые территории Каринтии и Немецкого Тироля. Между тем в этих регионах преобладало немецкое население, и согласно «принципу национальностей», их следовало бы оставить в составе Австрии, которой, согласно тому же принципу, нельзя было бы запретить войти в состав Германии, если бы такое решение было поддержано на плебисците большинством населения.

В утешение Австрии по результатам плебисцита, согласно Сен-Жерменскому договору и Трианонскому мирному договору с Венгрией от 26 июля 1920 года, был передан находившийся на западе регион Бургенланд, населенный преимущественно немцами. В то же время район Шопрона по результатам плебисцита, прошедшего в декабре 1921 года, был оставлен в Венгрии. Этот плебисцит был следствием конфликта между Австрией и Венгрией, которая отказалась передавать Бургенланд и убрала оттуда свои вооруженные отряды только после того как был согласован вопрос о плебисците в районе Шопрона.

В результате мирных договоров, завершивших Первую мировую войну, в Европе были созданы только два многонациональных государства – Чехословакия и Югославия. Но оба этих государства просуществовали исторически довольно короткий срок. Чехословакию как действительно независимое и самостоятельное государство можно рассматривать лишь в первые 20 лет ее существования – до Мюнхенского соглашения 1938 года. После германской оккупации Чехии в марте 1939 года Словакия провозгласила независимость, хотя и оставалась в сильной зависимости от Германии и вынуждена была поступиться значительной частью своей территории в

пользу Венгрии. Словацкое национальное движение существовало как в Австро-Венгрии, так и в межвоенной Чехословакии. Однако в Венгрии (Транслейтании) оно было реакцией на насильственную мадьяризацию и выступало как за широкую автономию Словакии в составе Дунайской монархии, так и за создание в ее рамках третьего – славянского – государства – Чехо-Словакии, наряду с уже существовавшими Австрией и Венгрией. Это сделало бы конфедерацию еще менее управляемой. Движение «чехословакизма» усилилось в Чехии и Словакии с 1890-х годов. В созданной же в 1918 году Чехословакии фактически никакой автономии Словакии не было. Это способствовало активизации деятельности выступавшей за независимость Словакии Словацкой народной партии Андрея Глинки, которая в 30-е годы во многом восприняла идеи итальянского фашизма и германского национал-социализма и оказалась у власти в опекаемой нацистской Германией марионеточной Словакии. После освобождения Чехословакии в 1945 году страна могла существовать как единое государство только в составе более широкого советского блока и прежде всего потому, что Советский Союз был против распада Чехословакии. При этом федерацией Чехословакия формально стала только в 1969 году (до этого формальную национальную автономию имела только Словакия), а после падения коммунистического режима Чехословакия просуществовали всего три года. В 1992 году состоялся «бархатный развод» Чехии и Словакии. Он прошел абсолютно мирно еще и потому, что практически не было значительных анклавов чешского населения в Словакии и словацкого – в Чехии. Также

Кайзер Вильгельм и гетман Скоропадский в августе 1918 года

немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что главными противниками чехов всегда были немцы, а словаков – венгры, так что между собой эти два народа почти никогда не враждовали. В то же время фактически до 1918 года Чехия и Словакия находились в составе двух разных и во многом различных государств – соответственно Австрии и Венгрии. Это ощущалось и до официального создания в 1867 году двуединой австро-венгерской монархии, поскольку и ранее Чехия все равно была частью Австрии, а Словакия – Венгрии. И если в Австрии чехи имели определенные права на культурно-национальную автономию и собственную развитую национальную элиту, то в Венгрии словаки постоянно находились под угрозой мадьяризации, а их собственная национальная элита оказалась недоразвитой. Кроме того, даже после 1867 года между Австрией и Венгрией сохранялась таможенная граница, и в двух государствах функционировала разная валюта. Так что устойчивых культурных, экономических и политических связей

Вудро Вильсон

между чехами и словаками до 1918 года почти не существовало, что делало Чехословакию достаточно искусственным государством. И само устойчивое существование Чехии и Словакии в качестве независимых государств после 1992 года стало возможным только благодаря их включению в более широкие структуры безопасности и экономической и политической интеграции – НАТО и Евросоюз.

Югославия же, в отличие от Чехословакии, была образована из государств и территорий, которые до 1918 года не находились даже в составе одной и той же конфедерации, какой была Австро-Венгрия. Сербия и Черногория являлись независимыми государствами, Босния и Герцеговина находилась под общим управлением Австрии и Венгрии, Словения и Далмация входили в состав Австрии, а Хорватия, Воеводина и Банат – в состав Венгрии. Кроме того, следует учесть, что в состав Сербии и Черногории входили значительные территории, населенные преимущественно албанцами, а в состав Сербии – еще и Македония, населенная преимущественно македонцами, желавшими воссоединиться с Болгарией. Также надо принять во внимание, что на территориях, ранее входивших в состав Австро-Венгрии, имелись значительные по численности немецкие общины, а в состав только Венгрии – венгерские общины. При этом словенцы по языку и культуре были и остаются западными, а не южными славянами – в отличие от других славянских народов Югославии. Так что между народами Югославии до 1918 года тоже были не слишком тесные экономические и политические связи, да и их языковое и культурное сходство не следует преувеличивать. Достаточно сказать, что словенский и македонский (болгарский) языки достаточно сильно отличаются от сербскохорватского, на котором говорило большинство народов бывшей Югославии. Подобная этнокультурная и этнополитическая раздробленность накладывалась на отсутствие единой экономики, притом что бывшие австро-венгерские территории были в целом более экономически развиты, чем прежде независимые Сербия и Черногория, тогда как политически преобладали в новом государстве сербы.

Ситуация в Югославии усложнялась тем, что некоторые из ее народов – прежде всего сербы и хорваты – жили чересполосно, так что анклавы одного народа часто находились на территории другого народа (может быть, наиболее известный пример здесь – Сербская Краина в Хорватии). Поэтому стабильность Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев с самого начала его существования была подорвана давним противостоянием сербов и хорватов, дискриминацией боснийских мусульман, борьбой македонцев, венгров и албанцев за присоединение к своим государствам. Поэтому когда Югославия в 1941 году подверглась германо-итальянской агрессии, в ней с энтузиазмом соучаствовали Болгария и Венгрия. Когда в 1945 году после поражения держав «оси» власть в Югославии захватил коммунист Иосип Броз Тито, он сумел сохранить единство страны только благодаря трем факторам. Первый из них – это жесткая тоталитарная диктатура, минимизировавшая открытые проявления межнациональных противоречий. Второй фактор: хорват Тито, имевший по матери словенские корни, уменьшил сербское доминирование в Югославии и превратил страну в подобие федерации. Но после смерти Тито и проведения демократических выборов в югославских республиках распад Югославии стал неизбежен, что и произошло в 1991 году. И тут не меньшее значение, чем внутренние факторы, играл третий – геополитический – фактор. После ссоры Сталина и Тито в 1948 году и позднейшего провозглашения югославским лидером приверженности политике неприсоединения и Советский Союз, и Запад рассматривали Югославию как важный буфер между ними. Оба блока, противостоявших друг другу в период холодной войны, не были заинтересованы в распаде Югославии. Но когда холодная война закончилась, прекратила свое существование Организация Варшавского договора и СССР находился на грани распада, единство Югославии уже не поддерживали никакие серьезные геополитические соображения.

Тут надо вернуться в эпоху Первой мировой войны. Тогда державы Антанты рассчитывали, что в случае их победы ответственность за территорию Австро-Венгрии, ко-

Карта Центральной Европы. 1914–1920 годы

торая скорее всего распадется, и за Балканы примет на себя Российская империя. Югославия и Чехословакия в конечном счете были реализацией давних геополитических панславистских проектов русских царей. Предполагалось, что три новых больших славянских государства, которые планировалось создать после войны, – Польша, Чехословакия и Югославия – будут в той или иной степени находиться под российским протекторатом. Новая Польша, которая должна была включать этнические польские территории из состава Австрии, Пруссии и России, вообще мыслилась автономной частью Российской империи – примерно на тех же правах, на каких существовало Царство Польское в 1815–1830 годах. Чехословакия и Югославия в обеспечении своей безопасности должны были бы полагаться прежде всего на Россию. В условиях сохранения сильной Российской империи можно было бы и не слишком ослаблять Германию как некий противовес ей. Поэтому первоначально не исключалось, что после войны немецкие земли Австрии будут присоединены к Германской империи. Тогда и Венгрия, по всей видимости, могла бы сохраниться в своих этнических границах, оставшись действенным противовесом Румынии, которая получила бы Трансильванию (да и то не всю), но не Бессарабию. В случае если бы в России не произошла революция, можно представить себе относительно стабильную политическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Эта ситуация гарантировалась бы Россией и в меньшей степени Германией. Тогда считалось, что Россия могла бы предотвратить противостояние между балканскими государствами (Югославией, Румынией, Болгарией, Венгрией, Грецией и Албанией). Однако революция, завершившаяся приходом к власти в России большевиков и распадом Российской империи, вывела Россию за пределы версальской системы. Теперь уже для сдерживания коммунизма потребовался пояс государств-лимитрофов. Чтобы обеспечить его существование, понадобилось максимально ослабить Германию, поскольку Россия осталась за пределами версальской системы и прямо воздействовать на нее не было возможности. Территорию Германии не только значительно уменьшили – на нее было также наложено непомерное бремя репараций. Для управления долгами плательщиков репараций пришлось создавать международные структуры, ограничивавшие их суверенитет. В этих структурах при желании можно увидеть прообраз общих экономических органов Евросоюза. Но сам гигантский и разорительный размер репараций

Карта Центральной Европы. 1939 год

стал печальной новинкой, которую принесла Первая мировая война. Прежде контрибуции, как бы ни был велик их размер, все-таки не преследовали своей целью установление контроля победителей над экономикой побежденных, что, естественно, сильнейшим образом ограничивало суверенитет последних.

В итоге пришлось создать гораздо более мелкие государства, чем планировалось первоначально. Некоторые из них не могли быть состоятельными в экономическом отношении. Речь здесь прежде всего о побежденных – Австрии, Венгрии, Болгарии, а также о Греции, которая тоже проиграла войну – правда, не Первую мировую, а греко-турецкую 1919–1922 годов, – и об Албании. Собственную же безопасность ни одно из государств-лимитрофов (в том числе самые крупные из них – Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия) не могли обеспечить без помощи великих держав-победительниц. Сначала страны Антанты возлагали большие надежды на США. Однако после того как стало ясно, что Конгресс отказался санкционировать вступление Америки в предложенную Вильсоном Лигу Наций и что в дела Европы в ближайшее время она вмешиваться не будет, ответственность за страны Центральной и Восточной Европы пришлось взять на себя Англии и Франции. А там, особенно в Париже, не горели желанием «умирать за Данциг». В результате, когда Германия при Гитлере начала вести агрессивную политику, ей первоначально была противопоставлена «политика умиротворения», что и привело ко Второй мировой войне.

Если бы после Первой мировой войны в Европе был последовательно проведен «принцип национальностей» по отношению не только к побежденным, но и к победителям, а репарации были бы наложены в разумных и вполне выполнимых пределах, здесь были бы созданы гораздо более жизнеспособные государства, а политическая ситуация оказалась бы гораздо более стабильной. Просто было бы гораздо меньше поводов для острых межгосударственных противоречий. Так, Германия в этом случае, безусловно, получила бы не только Австрию и Судеты, но и сохранила бы свой полный суверенитет над Сааром и левобережьем Рейна. А также, возможно, удержала бы в своем составе некоторые пограничные районы Эльзаса и Лотарингии, если бы их жители предпочли остаться под властью Берлина, а также Верхней Силезии и Польского коридора с Данцигом, равно как и Мемель. Всё это – при условии умеренных, а не грабительских репараций – весьма существенно уменьшило бы реваншистский потенциал среди избирателей Германии и, вполне возможно, предотвратило бы мировой

экономический кризис 1929–1933 годов. И у Гитлера не было бы шансов прийти к власти – а значит, не было бы и Второй мировой войны. Точно так же и Венгрия, оставшись в своих этнических границах, имела бы значительно больший промышленный потенциал, получив промышленные районы Южной Чехословакии и Северной Трансильвании. И она была бы куда менее склонна конфликтовать с соседями, равно как и Болгария – если бы та сохранила Южную Добруджу. Также снималась бы острота германо-польских и германо-чешских противоречий, не было бы проблемы аншлюса. Реальные противоречия между малыми и большими европейскими государствами после Первой мировой войны могла бы смягчить европейская экономическая интеграция. Однако послевоенный мировой экономический кризис был преодолен только к 1923 году. А всего через шесть лет грянул новый кризис, полностью преодолеть последствия которого удалось только с началом Второй мировой войны. Для интеграции просто не оказалось ни времени, ни места.

Вторая мировая война дала массу примеров масштабных этнических депортаций, далеко превзошедших своим размахом депортации Первой мировой и показавших, что победители еще менее считаются с государственным суверенитетом других стран. Начал Гитлер, депортировав евреев, цыган, поляков и другие «неправильные» национальности, нередко по ходу переселения занимаясь их истреблением. Но и победители Гитлера пришли к выводу, что лучшим послевоенным устройством в Европе будет система мононациональных государств, причем как за счет установления этнических границ, так и за счет депортаций побежденных и победивших народов. В результате мононациональными стали Польша (за счет холокоста, изменения границ с отторжением восточных кресов и депортаций немцев и украинцев), Чехия и Словакия в составе Чехословакии (путем депортации немцев, евреев и венгров, а также отторжения Подкарпатской Руси с украинским и венгерским населением). Мононациональной оказалась и Германия в результате депортации евреев и изменения границ. Аналогичные акции осуществили Венгрия (депортация немцев и евреев) и Румыния (депортация немцев и евреев, отторжение Бессарабии с украинским населением). Массовые переселения произошли и в некоторых советских республиках. На Украине была осуществлена депортация евреев, поляков, немцев. В Белоруссии – евреев и поляков. В Литве – евреев, поляков, немцев. В Латвии – евреев и немцев (последних – в 1939-1940 годах). В Эстонии – немцев (в 1939-1940 годах).

Однако и в таких условиях формальная государственная независимость и территориальная целостность малых восточноевропейских государств была сохранена только потому, что почти все они оказались в составе советского блока – Организации Варшавского договора. Единственными заметными исключениями стали Греция, присоединившаяся к НАТО, да Албания, переориентировавшаяся на Китай и вышедшая из состава ОВД в 1968 году. В Западной же Европе почти все малые государства вошли в состав НАТО, а затем и Евросоюза. Кроме того, Финляндия, Австрия и Югославия стали своеобразными буферными государствами между обоими блоками, что также гарантировало их независимость. В условиях холодной войны и межблокового противостояния экономическая и политическая интеграция развивалась внутри блоков. На Западе в рамках Европейского экономического сообщества она зашла очень далеко, что привело к созданию Евросоюза и наднациональных органов и к дальнейшему ограничению государственного суверенитета. В то же время в рамках Совета экономической взаимопомощи интеграция никогда не была столь эффективной, как на Западе, и ее плоды были утрачены с ликвидацией коммунистического блока. При этом почти все восточноевропейские государства вступили в Евросоюз и НАТО, что привело к возрождению некоторых прежних интеграционных схем СЭВ в рамках ЕС (например, между Польшей, Венгрией, Чехией, Словакией и Восточной Германией). Интеграция же в энергетической сфере в значительной мере сохранилась на Востоке Европе с советских времен до наших дней.

Можно предположить, что сейчас процесс ослабления государственного суверенитета, начало которому положила Первая мировая война и который мы наблюдаем на примере усиления структур Евросоюза, достиг своего максимума и уже встречает растущее сопротивление ряда национальных правительств. Не исключено, что этот процесс имеет циклический характер и вскоре мы будем наблюдать постепенный рост государственного суверенитета по сравнению с наднациональным органам. Однако вряд ли это приведет к распаду существующих интеграционных объединений. Вероятно, мы будем наблюдать лишь прекращение роста функций наднациональных органов и возвращение части их полномочий в ведение национальных правительств.

Владимир Леонидович Близнеков –
философ (PhD), юрист-международник,
публицист

Государственный суверенитет России – вызовы прошлого и настоящего

Государственный суверенитет в системе современного международного права

В современной сложной международной политической обстановке, характеризующейся ярко выраженным ценностным и политическим противостоянием между ведущими державами Запада (США, Великобританией, Францией и Германией) и Российской Федерацией, в аргументации представителей обеих противоборствующих сил постоянно употребляются отсылки к нормам международного права и декларации об уважении государственного суверенитета тех или иных государств. Парадокс заключается в том, что политики и государственные деятели стран Запада предпочитают истолковывать соответствующие нормы международного права, в том числе международно-правовой статус отдельных государств, а также понятие и признаки государственного суверенитета, подчас прямо противоположным образом, чем политики, юристы и дипломаты нашей страны. Такой правовой релятивизм ни в коем случае не может быть нормальным положением вещей.

Дело в том, что любое право как идейное и нравственное начало самой природы человека, основной функцией которого является регулирование общественных отношений, принципиально не может быть по своей сущности неким релятивистским феноменом, то есть не может выражать относительность и условность своего содержания. Признаками любого права, в том числе и международного, являются нормативность, общеобязательность и системность, что прямо противоречит любому релятивистскому пониманию права, наиболее емко и ярко выраженному в известной русской поговорке: «Закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло». Смысл этой поговорки состоит в том, что умный и хитрый человек всегда может истолковать и применить закон так, как ему выгодно. Но такой подход не имеет ничего общего с природой права, более того – это пародия на сам институт права.

Международное публичное право (чаще просто называемое международным правом) является особой правовой системой, отличной от системы внутригосударственного права. Это отличие состоит в том, что международное право с точки зрения какого-либо конкретного государст-

Владислав Нагорнов. Ярослав Мудрый

Выражением суверенитета и территориальной целостности Древнерусского государства, объединившего под своей властью обширные территории, населенные не только восточнославянскими, но и финно-угорскими и балтскими племенами, являлся титул великого князя, относившийся только к киевскому князю, которому подчинялись все русские князья.

ва регулирует правоотношения данного государства с иностранными государствами как с равноправными субъектами и содержит в себе все правовые нормы, регулирующие данные правоотношения. Отсюда вытекают особенности международного права как особой системы права, в том числе его сильные и слабые стороны по сравнению с внутригосударственным правом. Так, его слабой стороной является отсутствие единых и универсальных форм, а также компетентных органов, призванных обеспечить реализацию международно-правовых норм в поведении всех субъектов международного права. Очевидной слабостью выглядит и отсутствие признаваемых всеми субъектами международного права международных органов правового контроля, в компетенцию которых входило бы общеобязательное истолкование международно-правовых норм и оценка их непротиворечивости и совместимости друг с другом. Кроме того международное право содержит в себе правовые нормы, относящиеся к внешнеполитическим отношениям государств друг с другом, что де-факто не позволяет элиминировать политическую составляющую в международно-правовых отношениях – как государств между собой, так и международных политических и судебных органов с отдельными государствами.

Тем не менее все эти, а также многие другие функциональные и структурные недостатки современной международной правовой системы не дают никаких оснований для релятивизации международного права, осуществляемой в настоящее время в первую очередь ведущими западными государствами – оппонентами России, – а также связанными с ними международными организациями. Наиболее ярко данная политика выражается в стремлении современных политических сил Запада снизить до минимума – а в перспективе вообще упразднить – правовой статус и значение государств как основных субъектов международного права и заменить их производными международно-правовыми субъектами, функционирующими в качестве международных сетевых структур, выходящих за пределы государственных границ конкретных государств. Эта тенденция в современной политике получила название глобализации, основным антагонистом которой является в настоящее вре-

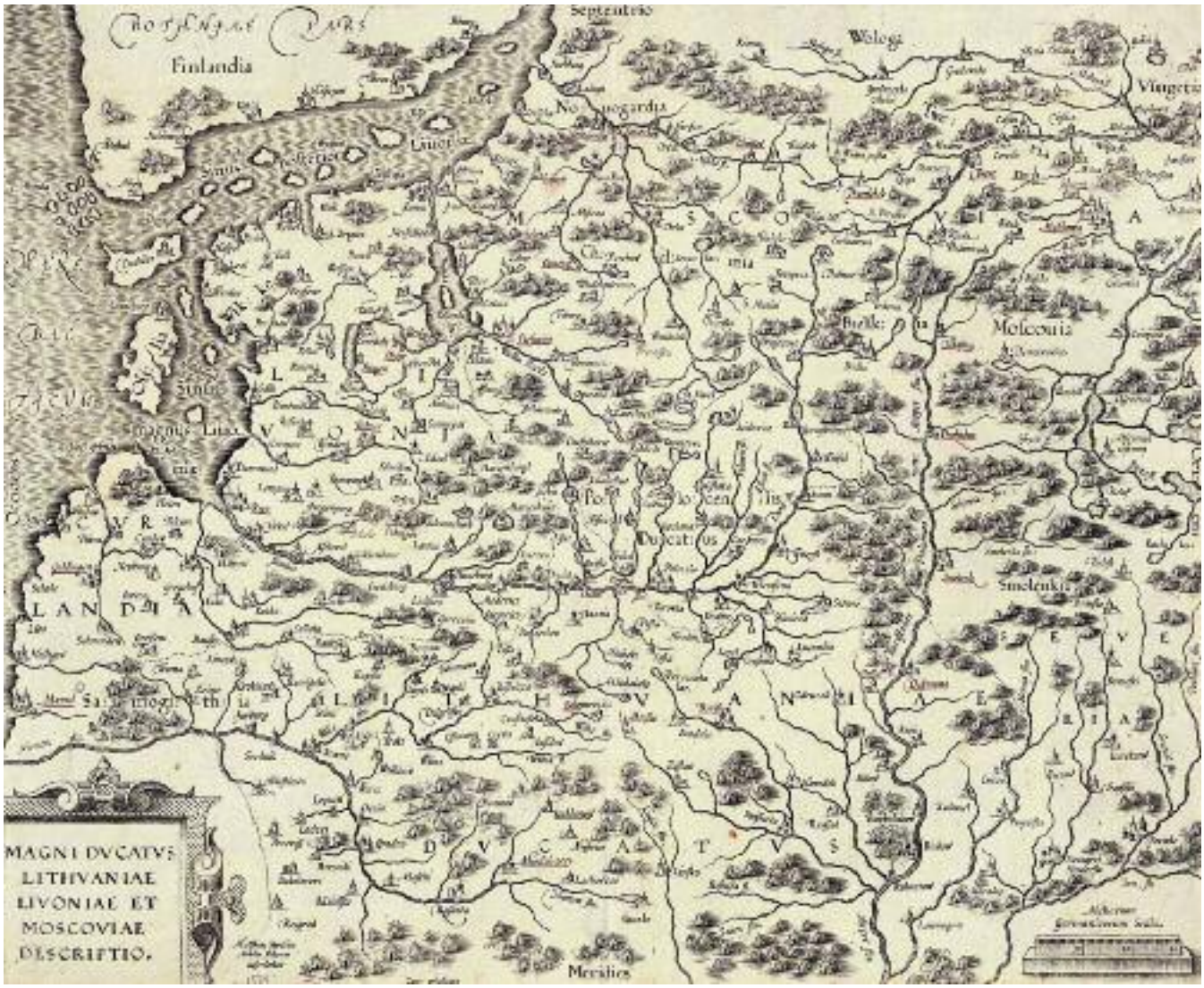
Вторжение монголов на Русь в 1237–1240 годах, явившееся само по себе страшным по трагизму событием русской истории, принесло с собой прямо или косвенно уничтожение государственного суверенитета подавляющего большинства молодых средневековых русских государств.

мя основополагающий принцип современного международного права – концепт государственного суверенитета.

Согласно современному международному праву, только государства являются основными субъектами данной системы права. Все остальные многочисленные современные международные организации и институты, включая такие мощные международные структуры, как ООН и Евросоюз, являются только производными от государств субъектами международного права, то есть их правосубъектность образована на основе договоров и соглашений между несколькими государствами или даже путем нормативно-правового акта только одного государства. Все ныне существующие международные организации имеют международно-правовой статус только в силу того, что государства являются их членами, либо по той причине, что они были образованы на основе правового решения одного из государства мира. Это означает, что сами по себе международные организации без их связи с государствами не обладают в системе современного международного права каким-либо правовым статусом, то есть без их отношения к государствам они просто ничто с правовой точки зрения, поскольку не обладают одним из важнейших свойств любого государства – государственным суверенитетом.

Согласно теории современного международного права, любое государство, претендующее на признание себя в качестве такового, обязано иметь в наличии, по меньшей мере, три признака государственности: собственное население, собственную территорию и собственную государственную власть, реально осуществляющую управление данным государством. При этом государственный суверенитет является неотъемлемым свойством государственной власти.

Государственный суверенитет с точки зрения международного права означает присущую государству неограниченную полноту власти на своей территории и независимость в международных отношениях. Государство располагает суверенитетом независимо от величины территории, численности населения, формы государственной власти или политического режима.



Карта Великого княжества Литовского. 1586 год

Окончательному уничтожению суверенитета западнорусских княжеств после присоединения их к Великому княжеству Литовскому способствовали два обстоятельства. Во-первых, титул великого князя носил в Литве только правитель этого государства. Во-вторых, в Литве правила не династия Рюриковичей, как в домонгольской Руси, а династия Гедиминовичей, являвшаяся для народа Западной Руси чужеземной династией.

Причем государственный суверенитет означает прежде всего фактическую, а не только формальную полноту власти государства на своей территории. Иными словами суверенитет того или иного государства зависит от того, насколько полно и эффективно данное государство способно самостоятельно осуществлять государственные функции и решать весь спектр политических, военных, экономических, социальных и других задач повседневной жизни данного государства. Здесь имеется в виду в том числе и возможность осуществления государственного управления согласно собственным идеологическим и политическим представлениям. В классическом международном праве, принципы которого остаются актуальными и в современном международном праве, наличие или отсутствие у государства суверенитета оценивается по признаку эффективности государственной власти, а не по признаку ее легитимности. Международное право всегда отдавало приоритет положению де-факто над положением де-юре. Эта же тенденция нашла отражение и в определении суверенитета государства с точки зрения его фактического наличия или отсутствия, а не формально-правового понятия. При этом проблема легитимности государственной власти вообще выносилась классическим международным правом за пределы его компетенции. В настоящее время вследствие мощной политической интен-

Иван IV из «Царского титулярника». 1672 год

Принятие в 1547 году великим князем московским Иваном IV Грозным титула царя означало в глазах современников провозглашение высшей формы суверенитета Московского царства.

ции «насаждения демократии» по всему миру со стороны США и ЕС, в том числе и при помощи открытого политического насилия в отношении суверенных государств мира, осуществляется попытка вновь ввести проблему легитимности власти государства в сферу международного права. В частности, подобная попытка предпринимается в контексте проблемы международного признания правительств тех или иных государств. Но в этой интенции всё же очевидно в первую очередь ее политическое, а не правовое содержание. В сугубо правовом смысле легитимность правительств тех или иных государств должна определяться нормами государственного или конституционного права соответствующих государств, а не относиться к особой правовой системе международного права.

Основные этапы становления суверенитета России

Первым суверенным государством восточных славян – предков современного русского народа – было Древнерусское государство (называемое также Киевская Русь), существовавшее с 862 по 1240 год, со столицей в Великом Новгороде с 862 по 882 год, а затем в Киеве – начиная с 882 года. Причем выражением суверенитета и территориальной целостности Древнерусского государства, объединившего под своей властью обширные территории, населенные не только восточнославянскими, но и финно-угорскими и балтскими племенами, являлся титул великого князя, относившийся только к киевскому князю, которому подчинялись все русские князья.

Но уже в середине XII века Киевская Русь распалась на несколько самостоятельных княжеств, некоторые из которых – Владимирское, Смоленское, Черниговское, Рязанское – объявили себя великими княжествами с целью подчеркивания их полной фактической независимости от Киева, провозгласив тем самым полный государственный суверенитет, и с этого времени управлялись собственными княжескими династиями. Внутри этих великих княжеств, в свою очередь, возникли удельные княжества – не выдвинувшие претензий на собственный суверенитет и подчинявшиеся великому князю своего княжества. На киевском же великокняжеском столе не смогла закрепиться ни одна из великокняжеских династий Рюриковичей. За престижный киевский престол вплоть до монгольского нашествия на Руси шла ожесточенная борьба князей, сменявших друг друга в качестве великого князя киевско-

го. Киевская Русь в качестве суверенного государства просуществовала до 1240 года, хотя при этом и сократилась до размеров небольшого Киевского княжества. Но к тому времени на территории Древнерусского государства возникло несколько независимых государств, некоторые из которых объявили себе великими княжествами, другие же – как, например, Полоцкое княжество, Переяславское княжество, Новгородская земля – не нуждались для обоснования своего суверенитета в принятии титула великого княжества.

Вторжение монголов на Русь в 1237–1240 годах, явившееся само по себе страшным по трагизму событием русской истории, принесло с собой прямо или косвенно уничтожение государственного суверенитета подавляющего большинства молодых средневековых русских государств. Фактически только Новгородская республика (1136–1478 годы), отстоявшая под руководством Александра Невского в борьбе с шведами и немцами свою независимость, смогла избежать монгольского завоевания и потери государственного суверенитета. В результате монгольского вторжения ранее суверенные княжества Северо-Восточной Руси оказались в политической и экономической зависимости от Орды.

Правители Северо-Восточной Руси стали подчиняться монгольскому хану, а затем хану Золотой Орды, утратив при этом право передавать великокняжеский титул по наследству. За него они теперь должны были бороться друг с другом – ради получения от хана права на великое княжение, что означало подчинение остальных русских князей великим князьям. По сути, с 1240 года и вплоть до битвы на Куликовом поле в 1380 году и разорения Москвы ханом Тохтамышем в 1382 году, когда русские князья перестали считать золотоордынских ханов своими властителями и платить им регулярный налог – дань, княжества Северо-Восточной Руси не обладали полным государственном суверенитетом.

Но гораздо более трагичным с точки зрения государственного суверенитета оказалось положение западных русских княжеств после монгольского нашествия. Они утратили свой государственный суверенитет не на 140 лет, как княжества Северо-Восточной Руси, а по сути, навсегда, хотя при этом многие из них только сравнительно недолгое время были в политической зависимости от монгольских ханов, а некоторые вообще не являлись вассалами монголов.

В середине XIV века Киевское княжество вместе с другими западнорусскими княжествами входит в сферу влияния Великого княжества Литовского, которое вело в то время жестокую перманентную войну за собственный суверенитет как против немецких крестоносцев на западе, так и против монголов на востоке. В этот период все западнорусские княжества военным или договорным путем оказались присоединенными к Великому княжеству Литовскому, а Галицко-Волынское княжество даже вошло в состав Королевства Польского. Окончательному уничтожению суверенитета западнорусских княжеств после присоединения их к Великому княжеству Литовскому способствовали два обстоятельства. Во-первых, титул великого князя носил в Литве только правитель этого государства, подчеркивая тем самым суверенитет великого княжества на всей его территории. Во-вторых, в Литве в период ее экспансии на земли Западной Руси правила династия не Рюриковичей, как в домонгольской Руси, а Гедиминовичей, являвшаяся для народа Западной Руси чужеземной династией, насаждавшей по сути иную национальную идентичность.

Если правление династии Рюриковичей в Древнерусском государстве привело к утверждению национальной идентичности «русь», то суверенитет Великого княжества Литовского на бывших землях западнорусских княжеств утверждал там новую национальную идентичность – «литва». Если бы Великому княжеству Литовскому удалось захватить также и земли Северо-Восточной Руси, то над всей Русью нависла бы опасности трансформации ее национальной идентичности, превращения «руси» в «литву». В этом случае исчез бы не только суверенитет великих князей Рюриковичей в русских княжествах, как это произошло после присоединения западнорусских княжеств к Великому княжеству Литовскому, но и навсегда мог бы исчезнуть из истории и сам народ Руси. Ведь потеря государством суверенитета есть необходимое, хотя и недостаточное условие потери народом национальной идентичности. Тем не менее не что иное, как присоединение Западной Руси к Великому княжеству Литовскому в середине XIV века послужило отправной точкой к разделению единого народа русь на три новых народа – русских, украинцев и белорусов. Потеря государственного суверенитета княжествами Западной Руси привела в конечном счете к возникновению на этих землях украинской и белорусской национальных идентичностей.

В то время, когда Западная Русь всецело подчинилась власти чужеземной династии Гедиминовичей, князья Рюри-

ковичи Северо-Восточной Руси начали борьбу за свое освобождение от вассальной зависимости от татар. Уже с середины XIV века на этих землях существовало несколько великих княжеств – Московское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское. Они как равноправные союзники начали договариваться друг с другом о совместной борьбе против Золотой Орды. В конце XIV века московские великие князья фактически восстанавливают свою независимость, а в 1480 году суверенитет Великого княжества Московского признала также Золотая Орда. В конце XV века Москва становится центром единого государства. Принятие в 1547 году великим князем московским Иваном IV Грозным титула царя означало в глазах современников провозглашение высшей формы суверенитета Московского царства.

Московское царство (1547–1721 годы) как суверенное государство в период Смутного времени (1598–1613 годы) также подверглось огромному риску потери государственного суверенитета, но в отличие от русских великих княжеств времени монгольского нашествия сумело политическим и военным путем его отстоять.

Период Смуты в истории России был ознаменован тяжелейшим политическим, экономическим и социальным кризисом, польско-шведской интервенцией, фактической гражданской войной, массовым голодом и разорением страны. Этот тяжелейший государственный кризис возник прежде всего вследствие прекращении династии Рюриковичей – первой великокняжеской и царской династии России. В глазах значительной части народа новая царская династия Годуновых не обладала необходимой для царской власти легитимностью и подозревалась в узурпаторстве. Это привело к огромной популярности в народе самозванца Лжедмитрия I и безосновательному признанию его в качестве законного царевича Дмитрия – в реальности к тому времени уже давно почившего представителя царской династии Рюриковичей. Народ не подозревал, что Лжедмитрий I был, в отличие от Годуновых, не только настоящим узурпатором царской власти, но и политической марионеткой польского короля Сигизмунда III и папского престола, жаждавших отнюдь не поддержки легитимности российской царской власти, а политического и духовного порабощения России. Поверив пропаганде самозванца Лжедмитрия, за которым стояли слуги польского короля и папские легаты-иезуиты, русская армия после смерти царя Бориса Годунова в 1605 году изменила его сыну и преемнику Федору, который был свергнут с престола и зверски убит вместе с матерью боярами в Кремле. Вместо убитого легитимного царя Феодора на царство был венчан самозванец Лжедмитрий! Но боярство быстро убедилось в самозванстве и политической зависимости от поляков и католичества царя «Димитрия Иоанновича», что стало причиной нового политического переворота, в ходе которого Лжедмитрий был жестоко убит. Новым царем был провозглашен князь Василий Шуйский – представитель боковой ветви династии Рюриковичей и глава боярского заговора против Лжедмитрия. Но в результате появления новых самозванцев и открытой польской интервенции в страну правительство Василия Шуйского не смогло удержаться у власти. С лета 1610 года официальной властью в России являлась так называемая Семибоярщина – совет из семи бояр – переходное правительство, призвавшее поляков в Россию. Опасаясь захвата власти в Москве новым самозванцем, московские бояре подписали в августе 1610 года договор с поляками, по которому королем России становился Владислав – сын польского короля Сигизмунда III, фанатичного католика и патрона польских иезуитов, а в сентябре 1610 года впустили польские войска в Кремль, после чего власть в России по сути перешла к командующему польским гарнизоном в Москве.

Предательство московских бояр привело к потере Россией государственного суверенитета почти на два года. Власть в этот период де-юре находилась в руках польского короля Сигизмунда III, который вследствие самоотверженного сопротивления русского народа польской агрессии, ярким примером чего является мужественная оборона жителей Смоленска в 1609–1611 годах, не смог добиться осуществления личной унии России с Речью Посполитой под собственной властью. Подобный шаг, несомненно, привел бы к долговременной потере Россией своего государственного суверенитета.

Именно личная уния Королевства Польского и Великого княжества Литовского, окончательно политически и юридически оформленная в 1569 году, привела к утрате Великим княжеством Литовским, два столетия назад присоединившим к себе огромную территорию Западной Руси, своего государственного суверенитета и фактическому подчинению в официально общем государстве «обоих народов» Королевству Польскому. Государственной статус Польши был в средневековой Европе существенно выше государственного ста-

Ян Матейко. Люблинская уния. 1869 год

туса Великого княжества Литовского. Таким образом, территория Западной Руси, первично потеряв свой государственный суверенитет в середине XIV века, став частью Великого княжества Литовского, затем уже вторично утратила его в середине XVI века в результате присоединения своего нового государства к чужому государству – Королевству Польскому. Это событие резко ухудшило политический, правовой и социальный статус русского населения бывшей Западной Руси. В Речи Посполитой оно подверглось жестокой дискриминации по национальному и религиозному признакам со стороны своих новых господ – польской шляхты, – от произвола и гнета которых их бывшее «родное» государство – Великое княжество Литовское – вследствие потери государственного суверенитета более не могло защищать своих бывших подданных. Народ в Московском царстве периода Смуты видел, в каком тяжелом положении находилось русское население Речи Посполитой под властью короля Сигизмунда III, и поэтому не желал принять власть польской шляхты, то есть повторить в акте личной унии с Речью Посполитой трагический случай утраты государственности Великим княжеством Литовским.

Уния Королевства Польского и Великого княжества Литовского, окончательно политически и юридически оформленная в 1569 году, привела к утрате великим княжеством, два столетия назад присоединившим к себе огромную территорию Западной Руси, своего государственного суверенитета и фактическому подчинению в официально общем государстве «обоих народов» Королевству Польскому.

Для борьбы с польскими интервентами возникли Первое и Второе народные ополчения, состоявшие из всех русских сословий – дворян, казаков, горожан и крестьян. Второму народному ополчению под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского в августе 1612 года удалось разбить польскую армию под Москвой, а в октябре того же года полностью освободить русскую столицу от польских оккупантов. Освобождение Москвы от поляков было актом фактического восстановления суверенитета Московского царства, юридическое оформление которого было осуществлено Земским собором 1613 года, провозгласившим избрание на царство Михаила Романова и положившим начало династии Романовых в качестве новой легитимной династии русских царей.

Суверенитет России нисколько не был умален, когда в 1721 году царь Петр I провозгласил новую форму русского государства – Российскую империю (1721–1917 годы). Из сословного Русского царства по указу царя Россия превратилась в империю – могущественную военную державу, объединявшую разные народы и территории в единое государство. Многочисленные

Михаил Федорович. Парсуна

Освобождение Москвы от поляков было актом фактического восстановления суверенитета Московского царства, юридическое оформление которого было осуществлено Земским собором 1613 года, провозгласившим избрание на царство Михаила Романова и положившим начало династии Романовых в качестве новой легитимной династии русских царей.

войны, которые вела Российская империя с внешними врагами, в том числе такое эпохальное событие, как Отечественная война 1812 года, нисколько не смогли поколебать прочность государственного суверенитета страны.

Трагические военные неудачи Российской империи в Первой мировой войне и особенно внутренние революционные события в феврале-марте 1917 года, в результате которых был свергнут последний российский император Николай II, вновь поставили Россию на грань потери государственного суверенитета, поскольку новое Временное правительство России оказалось неспособным удержать власть до момента созыва Всероссийского Учредительного собрания – легитимного представительного органа власти, уполномоченного определить будущее государственное устройство России.

Октябрьская революция 1917 года на самом деле представляла собой абсолютно нелегитимный государственный переворот, опиравшийся исключительно на насилие партии большевиков над российским народом с целью прихода к власти и удержания ее любой ценой. Захват большевиками власти в России нанес существенный вред суверенитету российского государства. Трагедия России состояла в том, что для первого большевистского правительства России государственный суверенитет страны вообще не представлял никакой ценности. Грезя раздуванием в Европе мировой революции, российские большевики без колебаний были готовы принести на ее алтарь территориальную целостность и суверенитет России.

В марте 1918 года большевистское правительство с целью удержания власти в стране заключило позорный Брестский мир с Германией и ее союзниками, по условиям которого от России отторгались огромные территории бывшей Российской империи, которые должны были войти в состав Германии или превратиться в германские протектораты. Толь-

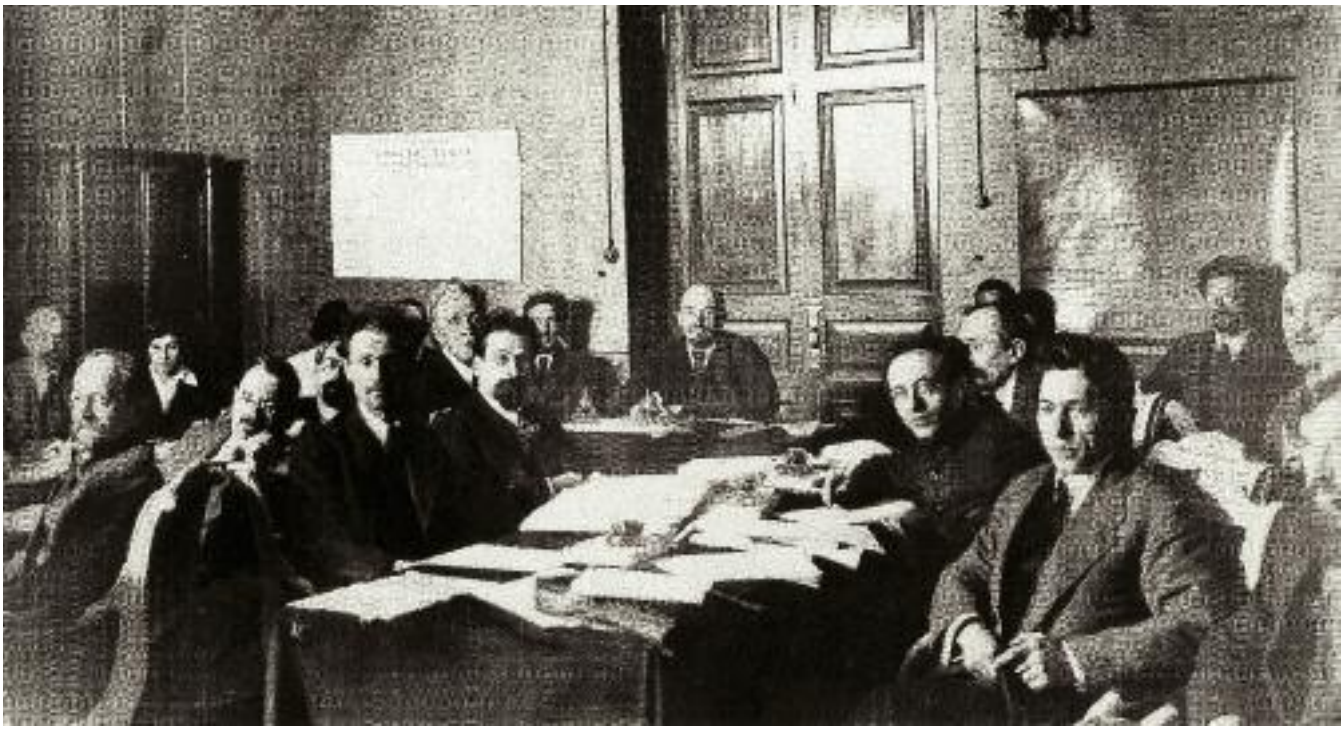
ко поражение Германии в Первой мировой войне не позволило осуществить преступный сговор германских милитаристов с российскими большевиками.

Большевистское правительство с легкостью шло на признание полной независимости от России тех частей бывшей территории Российской империи, которые оно не могло удержать с помощью военной силы. По этой причине Эстония, Латвия, Литва, Польша и Финляндия получили полную независимость от Советской России.

На других же территориях бывшей Российской империи были образованы советские республики по образцу РСФСР. Эти республики формально обладали всей полнотой государственного суверенитета, основу государственной власти в них составляли особые представительные органы власти – Советы. В действительности же Советы, как и другие государственные институты советских республик, служили прикрытием диктатуры партии большевиков. Некоторые советские республики, образованные в период Гражданской войны, прекратили свое существование, поскольку большевики не смогли удержать в них власть. Наиболее успешными в политическом отношении советскими республиками, кроме РСФСР, на момент окончания Гражданской войны оказались Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР, являвшаяся федерацией Грузинской ССР, Армянской ССР и Азербайджанской ССР. Данные советские республики хотя и обладали на бумаге полным государственным суверенитетом и независимостью от РСФСР, но реально контролировались Красной Армией, подчинявшейся прежде всего политическому руководству РСФСР. Во всех этих государствах у власти находились большевики, осознававшие необходимость объединения республик для борьбы с общим врагом и для более успешного построения нового общества. Но в Политбюро ЦК РКП(б) возникли серьезные разногласия по поводу модели объединения новых независимых государств в единое союзное государство. Сталин предложил свой план объединения советских республик, предусматривавший вхождение в РСФСР других советских республик в качестве автономных республик. План Сталина по существу означал восстановление суверенитета России – в форме РСФСР – над утраченным ею де-юре государственным суверенитетом над территориями Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР. Но Ленин резко раскритиковал сталинский план интеграции советских республик в единое союзное государство, поскольку был категорическим противником восстановления государственного суверенитета России за счет утраты вновь приобретенного государственного суверенитета других советских республик. Ленин потребовал объединения советских республик в единое союзное государство на основе равноправия и сохранения их государственного суверенитета. Кроме того, Ленин настаивал на праве каждой советской республики на свободный выход из будущего союзного государства, на их свободе «самоопределения вплоть до полного отделения». На момент образования СССР Ленин обладал в партии большевиков гораздо большей властью и влиянием, чем Сталин. Поэтому ЦК РКП(б) принял ленинский план государственного устройства будущего СССР. Договор об образовании СССР был утвержден 30 декабря 1922 года I Всесоюзным съездом Советов. РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР и Закавказская СФСР образовали Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Каждая из советских республик де-юре обладала полным государственным суверенитетом. Позднее в состав СССР вошли другие советские республики, образованные по национальному признаку. Все советские республики формально считались независимыми. Примечательно, что Сталин за период своего долгого правления в качестве фактического руководителя СССР не посмел нарушить ленинские принципы государственного устройства СССР.

Таким образом, партия большевиков во главе с Лениным нанесла серьезный удар по государственному суверенитету России, лишив нашу страну де-юре суверенитета над территориями бывших советских республик в составе СССР. Масштаб этого вреда можно сопоставить только с ущербом государственному суверенитету российского государства от внешних агрессоров – монголов, правителей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Таким образом, государственный суверенитет СССР являлся производным от первичного государственного суверенитета входящих в его состав советских республик, делегировавших по сути 100 процентов своего государственного суверенитета союзному государству, но де-юре имевших право в любой момент отозвать данные СССР полномочия по распоряжению собственным государственным суверенитетом. В то же время СССР признавал государственный суверенитет советских республик над их собственными территориями и обязывался не нарушать его. На эзоповом языке советских



Заседание Совнаркома в октябре 1918 года

Партия большевиков во главе с Лениным нанесла серьезный удар по государственному суверенитету России, лишив нашу страну де-юре суверенитета над территориями бывших советских республик в составе СССР. Масштаб этого вреда можно сопоставить только с ущербом государственному суверенитету российского государства от внешних агрессоров – монголов, правителей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

государствоведов концепция суверенитета федеративного государства СССР обосновывалась тем, что СССР охраняет территориальный суверенитет и суверенные права союзных республик. Фактически же руководство СССР по своему произволу или каким-либо политическим соображениям неоднократно нарушало территориальный суверенитет одних союзных республик в пользу других, что иногда приводило к политической и социальной напряженности в данных советских республиках.

Пожалуй, самым вопиющим примером произвольного нарушения территориального суверенитета РСФСР было решение Хрущева в 1954 году отобрать у РСФСР полуостров Крым и передать его в состав Украинской ССР. Актом передачи Крыма Украине Хрущев фактически растоптал правовые основы государственного и территориального суверенитета советских республик в составе СССР и продемонстрировал фиктивность обладания ими государственным суверенитетом.

Политика последнего советского руководителя Горбачева характеризовалась навязчивой идеей возвращения к ленинским принципам национально-государственного устройства советских республик в составе СССР. Это означало их наделение – подчас даже против воли их собственного партийно-советского руководства – реальным, а не фиктивным государственным суверенитетом, чтобы они путем собственного «свободного выбора» могли решать дальнейшую судьбу СССР. Подобное намерение для союзного руководства выглядело довольно странным. По идее это руководство должно было исходить из противоположного стремления – сохранить в своих руках делегированный союзными республиками суверенитет. Такая политика естественным образом привела к коллапсу государственного механизма СССР и к быстрому распаду самого государства. Причем гибель СССР не была даже оформлена легитимным государственным актом. Международно-правовая сила подписанных 8 декабря 1991 года Беловежских соглашений, провозгласивших прекращение существования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности», с юридической точки зрения может быть поставлена под сомнение. Хотя бы уже в силу явно недостаточного состава представителей государств-участников, уполномоченных принимать решение о ликвидации их союзного государства.

Принятие Декларации о госу-

дарственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 года стало фундаментом становления новой российской государственности, но де-юре означало не только внутригосударственное признание ограничения территориального суверенитета России территорией РСФСР согласно ленинской модели СССР, но и признание легитимности территориального суверенитета новообразованного государства Украина над полуостровом Крым.

Таким образом, Россия вышла из состава СССР, понеся при этом тяжелейшие территориальные потери, сопоставимые с захватом ее территорий внешними врагами.

Государственный суверенитет России и политико-правовая глобализация

Как было отмечено выше, основным антагонистом концепта государственного суверенитета в современной мировой политике и международном праве является концепт глобализации. Понятие глобализации в современном мире имеет огромное количество аспектов. Это прежде всего экономическая глобализация, под которой подразумевается выходящее за пределы существующих государственных границ объединение мировых рынков и факторов промышленного производства, мощное развитие коммуникационных и информационных систем, либерализация торговли и финансовых услуг. Другим важнейшим аспектом международной глобализации являются общие социальные проблемы современного мира – такие, как защита окружающей среды, функционирование связи и транспорта, межгосударственная миграция населения, борьба с международным терроризмом и т.д. Глобальные экономические и социальные проблемы современного мира оказывают огромное воздействие на работу современного государственного механизма. Новация здесь состоит в том, что государства в наше время для решения указанных проблем всё в меньшей степени зависят от политических решений друг друга, поскольку ни одно из них в одиночку неспособно эффективно решать данные глобальные задачи. Поэтому в функциональном смысле глобализация исходит из факта ослабления способности современных государств в одиночку решать собственные проблемы.

Ответ на современные глобальные вызовы со стороны государства многовариантен и неоднозначен. Здесь не может быть одного единственно верного решения. Суверенитет государства означает его право на выбор собственного подхода к решению глобальных проблем современности ради эффективного осуществления своих функций.

Современные крупные западные государства пошли в этом отношении по собственному пути – пути политико-правовой глобализации, означающей принципиальное согласие властей данных государств с необходимостью качественно ослабить их государственный суверенитет. Подобное решение исходит из констатации неспособности современных государств решать глобальные задачи. При этом ослабление государственного суверенитета предлагается компенсировать созданием глобальных – то есть не обусловленных территориально – структур власти и управления. Это означает, с одной стороны, глобальную кооперацию государств под контролем глобальных структур, а с другой стороны, усиливающуюся независимость данных структур от самих государств за счет присвоения ими первичного суверенитета данных государств – иными словами создание так называемого глобального (или мирового) правительства. Концепт мирового правительства – это не пропагандистская страшилка современных политических маргиналов, а совершенно открытая интенция процесса современной политико-правовой глобализации.

Глобализация радикально поставила под сомнение значимость государственного суверенитета и даже изменила статус государства как основного субъекта международного права. Территориальный суверенитет государства также стал намного более проницаем. Географические границы государств все более утрачивают свое значение. Глобализация релятивировала государственный суверенитет, существенно ограничив его возможности и полномочия.

Современная Россия стоит перед важнейшим цивилизационным и ценностным выбором в своей истории: пойдет ли она по нелегкому пути усиления своего государственного суверенитета или же выберет проторенный Западом путь политико-правовой глобализации? Первый вариант означат верность страны своим духовным, политическим, социальным и культурным традициям, в то время как второй вариант предполагает радикальный ценностный разрыв с основами русской цивилизации и копирование богатого западного опыта постепенной ликвидации собственного государственного механизма и замещения его функций современными наднациональными глобальными структурами – предтечами будущего мирового правительства. Будущее России во многом будет зависеть от ценностного выбора, сделанного ею здесь и сейчас.

Максим Викторович Медоваров –
кандидат исторических наук, старший преподаватель Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

О суверенитете, русской демографии и будущем Евразийском союзе

Подписание договора о создании Евразийского экономического союза 29 мая 2014 года президентами России, Белоруссии и Казахстана – с учетом присоединения в ближайшие месяцы Армении и Киргизии, но в отсутствие Украины и в условиях нерешенных вопросов с цепочкой «непризнанных» и «частично признанных» государств – заставляет по-новому оценить перспективы развития этого межгосударственного образования. Особенно при переходе от экономической интеграции к политической и в свете меняющейся демографической ситуации.

Вопрос о том, какие страны и на каких условиях в дальнейшем войдут в Евразийский союз, может быть разрешен только после уяснения стратегического вопроса о политической и социально-экономической структуре этой будущей организации. А такая структура, в свою очередь, станет ясной только при понимании демографических реалий. Пока не будет осознано принципиальное отличие Евразийского союза от Советского Союза, Российской империи, империи монголов и других систем подобного типа, мы обречены на то, что цели Евразийского союза останутся невнятными и малопривлекательными.

Понимание внутренних и внешних очертаний Евразийского союза произойдет только после того, как мы констатируем два фундаментальных факта, перестанем закрывать на них глаза и примем как нечто свершившееся и не подлежащее изменению в будущем.

Первый фундаментальный факт заключается в том, что пространства внутренней Евразии (не путать с Евразией как материком) были по-настоящему прочно объединены силами русского – прежде всего великорусского – этноса и под руководством русских монархов. Русский царь и русский народ были становым хребтом созданного единства евра-

Павел Рыженко. Русский век. Фотография на память. 2007 год

зийского пространства вплоть до времен СССР. Пространство от Балтики и Черного моря до Тихого океана является единственной географической средой, в которой русский народ может существовать естественным образом. Суверенитет России над этим пространством – условие *sine qua non* выживания русского народа, которому в любых других границах будет неестественно, неудобно – и он окажется обреченным на поражение, а в конечном счете и на исчезновение. Поэтому для процветания и приумножения русского народа последствия беловежского сговора 1991 года должны быть полностью преодолены. Пожалуй, с этим фактом согласятся и почти все монархисты и националисты (которых следует четко отличать от «нацдемов»), и почти все коммунисты и советские патриоты.

Второй фундаментальный факт сводится к утверждению, что русский народ уже миновал пик своего развития и находится в стадии упадка (фазе инерции – по Льву Гумилеву, в периоде вторичного смесительного упрощения – по Константину Леонтьеву). Преимуществом является то, что более старые народы Западной Европы находятся уже в конце своего упадка и разложения, а для русских эта стадия еще только начинается, поскольку мы «моложе» лет на триста. Тем не менее сейчас необходимо трезво понимать: в XXI веке возвращения к системе управления страной времен Российской империи или Советского Союза быть не может. Реально добиться стабилизации численности и даже некоторого прироста русского населения (что, к слову, уже невозможно для европейских народов), однако дореволюционных величин рождаемости и крестьянской нормы по десять детей в семье нам достичь не удастся никогда. Российская Федерация уже уступила по численности населения Бразилии, Пакистану, Бангладеш, Нигерии... В то же время в современном глобальном мире жизнеспособны и конкурентоспособны только государства либо прочные надгосударственные образования с населением более 300 миллионов человек.

Русский царь и русский народ были становым хребтом созданного единства евразийского пространства вплоть до времен СССР.

На факт невозможности возвращения русского народа к тем параметрам, которые позволяли ему безусловно господствовать над евразийским пространством до 1917-го и в определенной мере до 1991-го, закрывают глаза многие патриоты. А те, которые не закрывают, часто идут по скользкой дорожке «национал-демократии», то есть измены Родине и призывам к ее расчленению, а также к ликвидации русского населения за пределами РФ в силу якобы обреченности на поражение. Вместе с тем мировой исторический опыт подсказывает другие решения.

Древнеримский этнос ушел в прошлое, но элита империи вовремя поняла, что спасать нужно не чистоту крови (от которой остались одни воспоминания), а латинский язык, государственные институты и границы, а также историческую преемственность. И спасение римскости (*Romanitas*) удалось! Ромейцы-византийцы еще тысячу лет несли латино-эллинскую культуру, язык, историческую традицию, не допустив их поглощения варварами. На Западе спасти политические институты империи не получилось, но сохранились Католическая церковь во главе с понтификом и официальный латинский язык,

Владимир Маковский. Крестьянские дети. 1890 год

В XXI веке возвращения к системе управления страной времен Российской империи или Советского Союза быть не может. Реально добиться стабилизации численности и даже некоторого прироста русского населения, однако дореволюционных величин рождаемости и крестьянской нормы по десять детей в семье нам достичь не удастся никогда.

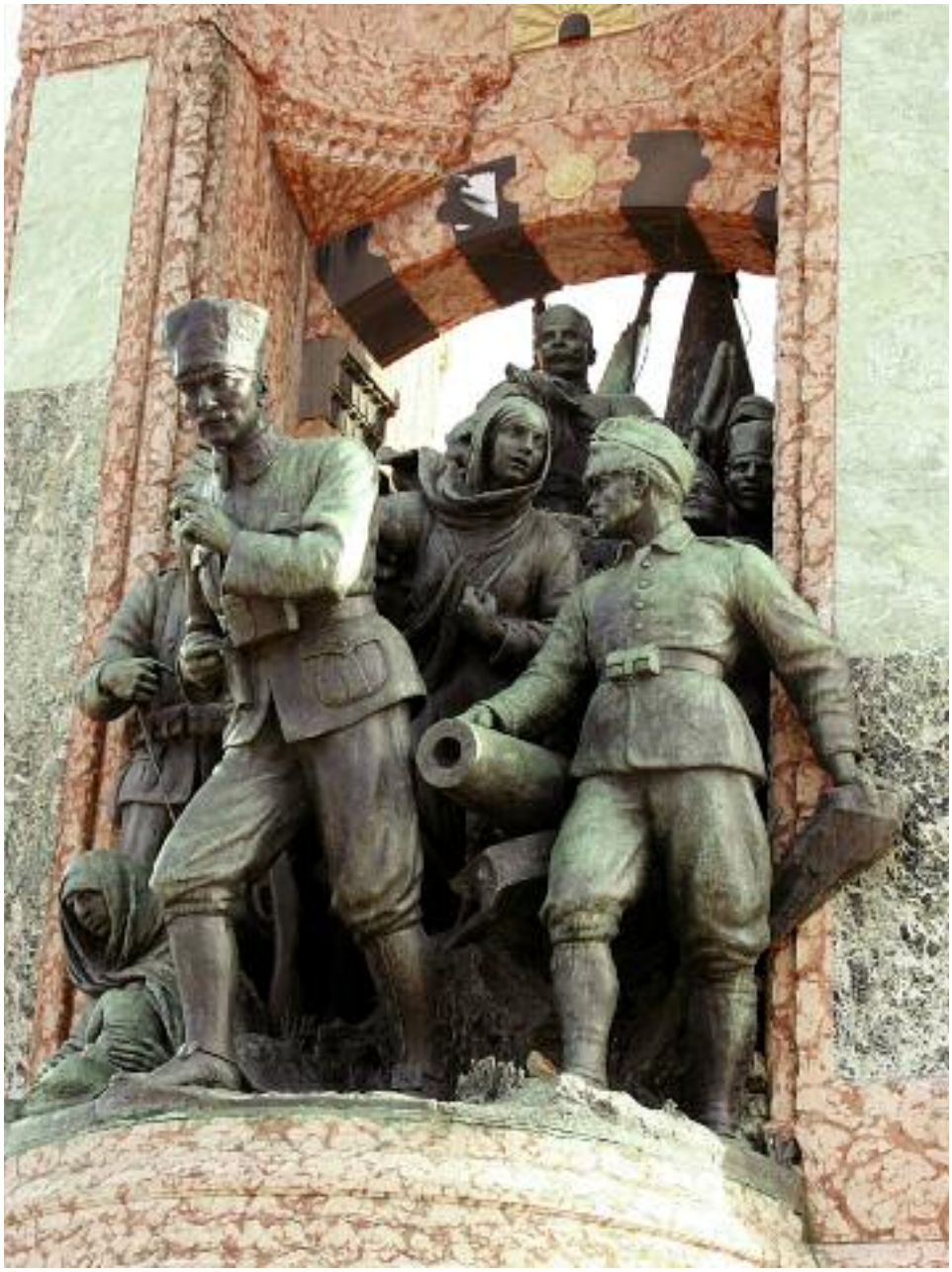
линия преемственности от Античности не только не прервалась, но выиграла бой с северной культурой германцев и победила во всей Европе вплоть до Скандинавии.

Говоря о гибели Российской империи – одновременной и однородной с гибелью старых монархий (Османской, Каджарской и Цинской в Азии, Габсбургов и Гогенцоллернов в Европе), – следует обращать пристальное внимание на параллелизм в процессах «национализации империи», особенно ярких во второй половине XIX – начале XX века. В Османской империи этот процесс начался созданием новых миллетов в 1840–1870-е годы (для православных болгар, армян-католиков, англикан и т.д.), образованием земских органов местного самоуправления и закончился отпадением окраин и выдвижением лозунга единой османской нации в начале XX века, что привело к катастрофическим последствиям с 1908 по 1924 годы. В итоге истребления и изгнания миллионов человек была создана относительно однородная кемалистская республика, но лишь на части территории бывшей Османской империи. Ее однородность оказалась, впрочем, декоративной – невозможно десятилетиями скрывать от мира тот факт, что четверть населения страны составляют курды, а треть – шииты-алевиты. События начала XXI века, когда Турция стала отбрасывать кемалистские идеалы и вновь переходить к проекту создания неоосманского содружества, показали, что путь националистической изоляции бесперспективен. Нужда народа – в данном случае турецкого – в имперском пространстве рано или поздно найдет себе выход, и лучше, чтобы это произошло раньше и в более приемлемых формах, чем позже и в более уродливом виде, как это мы видим на примере политики Реджепа Тайипа Эрдогана.

Персия, будучи государством полиэтническим (лишь 50 процентов персов) и в значительной степени поликонфессиональным, по размерам уступала другим империям. Поэтому после краха прозападной монархии в 1979 году смогла остаться единым государством с господствующей шиитской конфессией, заменив династический фактор общности религиозным. Но при этом азербайджанцы (25 процентов населения страны) и другие меньшинства пользуются гораздо большей свободой, чем в большинстве соседних стран.

Британская империя не была похожа на Российскую империю ни по одному параметру. Но опыт XX века, когда большинство ее частей получило фактическую независимость при официальном признании королевы главой новообразованных государств – то есть опыт эффективной личной унии для трех десятков стран в разных частях земного шара, – несомненно, заслуживает пристального изучения.

Заслуживает его и опыт федеративной Германской империи, в которой прусский король являлся императором, а Пруссия имела большинство мест в двух палатах парламента и занимала две трети территории рейха, но в остальных частях империи сохранялись местные королевства и княжества. Федеративное устройство современной республиканской Германии обязано своей прочностью именно такой структуре, заложенной Бисмарком. Впрочем, следует иметь в виду, что в Германии – как до 1918 года, так и тем более в современной – коренных этнических меньшинств было очень мало, а немцы составляли абсолютное большинство населения, что принципиально отличает германскую ситуацию от российской.



Пьетро Каноника. Памятник Республики на площади Таксим. 1928 год

События начала XXI века, когда Турция стала отбрасывать кемалистские идеалы и вновь переходить к проекту создания неоосманского содружества, показали, что путь националистической изоляции бесперспективен. Нужда народа – в данном случае турецкого – в имперском пространстве рано или поздно найдет себе выход.

Наконец, империя Габсбургов отличалась и от Германии, и от России тем, что немцы – имперская нация – в ней составляли абсолютное меньшинство населения, к тому же в основном сосредоточенное на одной окраине. Тем не менее с огромным трудом немецкой династии Габсбургов удавалось сохранять господство, играя на противоречиях между другими народами империи, вплоть до 1848 и даже до 1867 года. Но настала пора, когда такая технология перестала работать. Спасительным выглядел план Белькреди 1866 года, предлагавший разделение империи на пять госу-

Франц фон Ленбах. Отто фон Бисмарк. 1890 год

В Германской империи прусский король являлся императором, а Пруссия имела большинство мест в двух палатах парламента и занимала две трети территории рейха, но в остальных частях империи сохранялись местные королевства и княжества. Федеративное устройство современной республиканской Германии обязано своей прочностью именно такой структуре, заложенной Бисмарком.

дарств во главе с единым императором и некоторыми общеимперскими министерствами. Но была совершена роковая ошибка: в 1867 году вместо плана Рихарда Белькреди был принят план Фридриха Фердинанда фон Бейста, разделивший империю лишь на две части. В одной немецкое меньшинство господствовало над славянским большинством при наличии особых привилегий для поляков. В другой – венгерское меньшинство тиранически господствовало над славяно-румынским большинством. Такое доминирование явно противоречило имперскому принципу. Выдающийся русский мыслитель Александр Киреев писал в конце XIX века: «Такие организмы поневоле делают величайшие несправедливости, гадости, мерзости, потому что только ими могут продолжать свой “struggle for life”. Не могут такие организмы жить легко и честно, ибо то, что для другого организма ничто, безразлично или даже нормально, хорошо, – то для них яд. Австро-Венгрия стоит неправдой, как Польша – беспорядком». Гибель такого противоестественного образования, как Австро-Венгрия, была после соглашения 1867 года столь же неотвратима и неизбежна, как в свое время гибель первой Речи Посполитой (в 1795 году), второй Речи Посполитой (в 1939 году – «уродливого детища Версальского договора», по словам Вячеслава Молотова) или в обозримом будущем – Бельгии, Украины или Латвии. Правда, в начале XX века наследник престола Франц-Фердинанд подготовил план спасения суверенитета Габсбургов над их Grossraum’ом ценой подавления венгерских притязаний и выделения славянских земель в отдельную часть империи. Пуля в Сараево и дальнейший отказ Вены нарушать «целостность венгерской короны» поставили жирный крест на Австро-Венгрии – империи, которая в течение последних пятидесяти лет своего существования шла по неимперскому пути.

Итак, из опыта трансформации перечисленных пяти стран в XX веке русские могут извлечь соответствующие выводы о том, какие методы «переформатирования» управления империей в целях сохранения суверенитета титульного народа над своим естественным «большим пространством» (Grossraum) могут оказаться спасительными, а какие – гибельными. В то же время следует учитывать, что полного сходства у России ни с одной из этих пяти империй не было. Отсюда специфика

долгого и мучительного русского пути к новой роли в господстве над евразийским пространством.

В истории России есть малоизвестная страница, о которой только-только начали писать в последние годы. Она связана с обсуждением в середине XIX – начале XX века проектов переустройства империи в направлении ее либо «национализации», либо федерализации. Так, в 1850-е и особенно в начале 1860-х годов некоторые западные и прозападные антирусские идеологи стали выдвигать идеи расчленения Российской империи на два десятка государств. Имена этих идеологов, за исключением лишь Александра Герцена, сегодня ничего не говорят даже любителям русской истории, их знают только специалисты. Но их проекты оказались крайне живучими: неслучайно в 1991 году наша страна была разделена де-факто именно на двадцать республик.

В противовес этим планам патриотические силы сгруппировались вокруг Михаила Каткова, который яростно отстаивал принцип гражданского национализма, неделимости суверенитета и единства всей территории Российской империи, но в то же время предлагал расширить свободы – вплоть до предоставления права исповедовать любую религию независимо от этнического происхождения.

Велик вклад Каткова в разоблачение «нацдемовщины» в зародыше. В 1864 году он писал в «Московских ведомостях»: «Давно уже пущена в ход одна доктрина, нарочно сочиненная для России и принимающая разные оттенки, смотря по той среде, где она обращается. В силу этого учения, прогресс русского государства требует раздробления его области понационально на многие чуждые друг другу государства, долженствующие тем не менее оставаться в тесной связи между собой. Эта мысль может проникать во всевозможные трущобы; она же, переменив костюм, может занимать место в весьма благоприличном обществе, и люди самых противоположных миров, сами не замечая того, могут через нее подавать друг другу руку, она возбуждает и усиливает все элементы разложения, какие только могут оказаться в составе русского государства, и создает новые. Людям солидным она лукаво шепчет о громадности России, о разноплеменности ее народонаселения, об удобствах управления, будто бы требующего не одной администрации; людям либеральных идей она с лицемерной услужливостью объявляет, что в России невозможно политическое благоустройство иначе как в форме федерации; для молодых, неокрепших или попорченных умов она соединяется со всевозможным вздором, взятым из революционного арсенала. Припомним, что воззвания к революции, какие появлялись у нас, прежде всего требовали разделения России на многие отдельные государственные центры. Еще в прошлом году, в мае месяце, в то самое время, когда началось в обществе патриотическое движение, появился подметный листок, в котором чья-то искусная рука сумела изложить эту программу так, что в ней нашлось место и для идеи царя, и для самого нелепого революционного сумбура. Первое место в этой программе будущего устройства России занимает, конечно, Польша, сверх того, кроме Финляндии, помнится, призывались таким же образом к отдельной жизни Прибалтийский край, Украина, Кавказ. В других программах появлялась еще Сибирь». Таким образом, в программе современных расчленителей России типа Алексея Широпаева нет ни одного оригинального пункта, который не был бы известен лондонским политтехнологам еще полтора века назад.

В отличие от призывов к единству империи, вторая часть программы Каткова – предложение создать мощные группы русских католиков, русских мусульман и т.д., лояльных государству, – вызвала тогда отторжение как в бюрократической элите, так и среди традиционалистских мыслителей. Как известно, Константин Леонтьев в противовес катковскому проекту выдвинул свой, в котором речь шла о единении православных тюрков, финно-угров, монголов и даже православных тибетцев и индийцев под скипетром русского православного царя. В то же время лишь в 2012 году был впервые опубликован программный черновой текст Леонтьева «Семь столбов новой культуры», рисующий очертания ни много ни мало будущего Евразийского союза. К сожалению, до сих пор этот текст практически неизвестен даже историкам и политологам и мало цитируется. Его четвертый пункт гласит: «*Великий Восточный Союз* (Россия во главе; Царьград центр; славяне; греки; румыны; мадьяры; турки; персияне; индусы...) Систематическое объединение против западноевропейских и американских государств (противу разлагающейся романо-германской государственности). – Таможенные и т.п. ограничения» (здесь и далее курсив Леонтьева). Пятый пункт предусматривает поощрение браков аристократии с простыми крестьянками, причем не только русскими, но и кавказскими, индийскими, среднеазиатскими, шестой – поощрение в интересах государства (православного в

Франц-Фердинанд в Сараеве. 1914 год

В начале XX века наследник престола Франц-Фердинанд подготовил план спасения суверенитета Габсбургов над их Grossraum'ом ценой подавления венгерских притязаний и выделения славянских земель в отдельную часть империи. Пуля в Сараево и дальнейший отказ Вены нарушать «целостность венгерской короны» поставили жирный крест на Австро-Венгрии – империи, которая в течение последних пятидесяти лет своего существования шла по неимперскому пути.

своей основе) мистических конфессий и сект и преследование рационалистических. В седьмом пункте речь идет о переходе к традиционным одеждам и обычаям, новым пляскам и хороводам, «стеснительной и упражняющей *роскоши*» на всей территории будущего «Великого Восточного Союза». Конечную цель своей программы Леонтьев определял так: «Постепенным ходом дел – создать себе тот *дом*, тот *культурный храм*, который будет утвержден на этих 7 столпах, и я хочу надеяться на целый нормальный государственный период, то есть на 1000 или 1200 лет – больше нельзя: и то, вероятно, много. – Дело не в *вечности*, а в великом следе».

До сих пор не вполне оцененный мыслитель Владимир Грингмут, взяв лучшее из аргументов как Каткова, так и Леонтьева, на страницах «Русского обозрения» в 1890-1891 годах предложил свой план развития Российской империи, поныне совершенно неизвестный в историографии. Он исходил из того, что фактически Россия уже представляет собой не государство типа европейского, а содружество разных стран и народов евразийского субконтинента, объединенных единой властью. (Подобно тому, добавим мы, как Китай и Индия – это тоже субконтиненты, а их провинции типа Хубэя или Шаньдуна, Бенгалии или Пенджаба соответствуют по своему масштабу Германии или Франции в рамках субконтинента Европы.) Исходя из этого, Грингмут категорически возражал против вмешательства России в дела на Балканах, где у власти уже были прозападные правительства, и предлагал заняться обустройством империи изнутри. Но в каких границах?

В конце XIX – начале XX века Россия, почти лишенная всякого влияния на Балканах, наращивала свою экспансию в южном и восточном направлениях. Покорение Средней Азии (Туркмения была завоевана Михаилом Скобелевым к 1882 году, граница с англичанами в Афганистане установлена в 1885 году, Памир, воспринимавшийся тогда как «арийская прародина», присоединен в 1895 году). Протекторат над Тувой и Монголией, ставший реальностью к 1916 году. Установление официальной сферы влияния в Персии в 1907 и 1916 годах, вызванное пониманием временности условной границы Российской империи в Закавказье, установившейся в XIX веке. Перечисленные шаги представляли собой не столько реализацию заранее продуманной политической программы правительства, сколько серию мер, к которым Петербург был вынужден прибегнуть поневоле, в силу самого потока исторического развития. Отметим в связи с этим крайне важный документ – записку офицера (позже – генерала) Генерального штаба Александра Глуховского 1866 года с обоснованием необходимости таможенного союза России со странами Средней Азии: «Для России необходимо: 1) утвердить свое господство на берегах Амударьи; 2) не допустить утвердиться в Бухаре влиянию какой-либо другой европейской державы; 3) обеспечить жизнь и имущество как своих подданных, так и, по возможности, жителей Средней Азии; 4) развить нашу торговлю. Принимая за главное основание для будущих наших действий достижение этих целей более легким и дешевым образом, России не только не присоединять теперь к своим владениям Бухарское ханство, но даже нет необходимости и делать его

вассальным к нам государством. В том и другом случае от России потребуются большие издержки, и она скорее будет связана во многих своих действиях. Поэтому было бы гораздо полезнее и выгоднее образовать из Бухарского ханства самостоятельного союзника, верность и преданность которого были бы обеспечены самым прочным образом. <...> Было бы полезно образовать впоследствии таможенный союз из России и среднеазиатских ханств и нашу таможенную линию перевести не на Сырдарью, а прямо на Амударью. Уничтожение барьера между Россией и Средней Азиею будет много содействовать как развитию нашей торговли, так и прочному утверждению нашего господства в Средней Азии».

Если применительно к Средней Азии эти рекомендации были русским правительством в значительной мере выполнены, то готовности дать такую же степень самостоятельности ранее присоединенным Закавказью и Польше Петербург еще не проявлял. Следствием такой негибкости стали и катастрофа 1917–1922 годов, и то, что Россия опять стоит перед необходимостью буквального осуществления намеченного в записке подполковника Глуховского полтора века назад. Именно по причине указанной негибкости на рубеже XIX-XX веков для правительства России были характерны метания в области национальной политики. То начинали бездумную и бессмысленную русификацию там, где провести ее не было никакой возможности, понапрасну озлобляя поляков, финнов, армян, грузин, немцев. То, напротив, допускали явное ущемление прав русского населения в некоторых частях империи. «Да, у нас всё так: то кулак, то распростертые объятья!» – жаловался Александру Кирееву Николай II, который уже не мог контролировать эти метания администрации.

А тем временем изменилась социально-демографическая ситуация. По итогам Всероссийской переписи населения 1897 года в империи (не считая территорий Финляндии, Хивы, Бухары и Тувы) оказались 69,3 процента православных и 66,4 процента русских (из которых 44,3 процента были великорусами – здесь и далее под «русскими» мы понимаем все три восточнославянских субэтноса, а об «украинстве» упомянем ниже). Да, рождаемость была высокой, смертность снижалась, и к 1913 году население страны выросло в полтора раза. Но несмотря на две трети господствующего народа и первенствующей конфессии, не считаться с оставшейся третью населения уже было нельзя. В то же время 66–70 процентов – это такой показатель, который делал ситуацию в Российской империи резко отличной от ситуации в Германии и Китае, в которых титульный этнос составлял до 90 процентов населения, и от ситуации в Австро-Венгрии и Османской империи, где титульный этнос был в меньшинстве.

Разнобой во мнениях о том, как следует управлять такой империей, усилился после 1905 года. Большинство монархистов-черносотенцев, будучи крайне жестко настроенными по отношению к евреям, полякам, финнам, в меньшей степени – к немцам, грузинам, армянам, в то же время хорошо относились к другим народам империи, особенно мусульманским, и не желали их принудительно русифицировать. Не было единства на этот счет ни среди октябристов, ни среди кадетов. Позицию социалистических партий, стоявших за расчленение России на основе «принципа самоопределения», рассматривать здесь не стоит.

Тем временем между 1905 и 1914 годами родилось несколько вариантов нового русского национализма, предлагавшего сплочение всех этносов в единую гражданскую русскую нацию с единым языком. В конечном счете эта программа логически вела к отрицанию православно-самодержавной традиции и к призывам к отделению окраин (Михаил Меньшиков, отчасти Павел Ковалевский). Так рождался русский «уменьшительный национализм», говоря попросту – великорусский сепаратизм, призывавший к самоубийству собственного народа и лишению его суверенитета над родным «большим пространством» из благих побуждений. В то же время поздние славянофилы пытались найти разумный компромисс между требованиями сохранения русского ядра империи и удержания ее целостности. Интересен проект одного из их вождей – Дмитрия Хомякова, – предложившего в 1906 году разделить два понятия – Русское царство с центром в Москве и Российскую империю со столицей в Петербурге. Последняя включала бы в себя как Русское царство, так и Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Грузию, Армению, Хивинское ханство, Бухарский эмират и пр. При этом с перспективой расширения границ в область славянских стран Восточной Европы и Балкан и в сторону Персии, Уйгурии, Монголии и Маньчжурии. Следует по достоинству оценить оригинальность этого подхода и в то же время признать, что в буквальном виде он был абсолютно нереализуем, однако мог послужить отправной точкой для новых – более реалистичных – проектов.

Михаил Катков (на иллюстрации) яростно отстаивал принцип гражданского национализма, неделимости суверенитета и единства всей территории Российской империи, но в то же время предлагал расширить свободы – вплоть до предоставления права исповедовать любую религию независимо от этнического происхождения.

Первая мировая война поставила, как минимум, три местные проблемы в ряд первоочередных для империи, как это показано в блестящих работах Александры Бахтуриной.

Во-первых, речь шла о Финляндии, фактически не участвовавшей в войне и всё более отдалявшейся от Петербурга.

Во-вторых, о Польше, которой русское правительство обещало очень куцую автономию после объединения немецкой и австрийской части Польши под скипетром Николая II. Когда стало понятно, что этого будет явно недостаточно, правительство прислушалось к требованию Дмитрия Хомякова, Федора Самарина и Льва Тихомирова дать Польше независимость в границах этнического проживания поляков. Соответствующий манифест уже готовился в Совете министров в конце февраля 1917 года, но этот исторический шанс был сорван революцией.

В-третьих, в начале XX века русскому правительству аукнулась нерешенность со времен Николая I армянского вопроса. Ситуация, когда католикос в Эчмиадзине, избиравшийся по преимуществу турецкими армянам и зачастую подданный султана, становился российским подданным и, сидя в Эчмиадзине, вынужден был лавировать между требованиями Петербурга и своими обязанностями как католикоса всех армян, обострялась в течение всего периода с конца 1820-х. С конца XIX века российский МИД предпочитал скорее подставлять турецких армян под нож башибузуков, чем добиваться автономии для Западной Армении – лишь бы не давать автономию Восточной – российской – Армении. Когда, наконец, русские войска начали громить турецкую армию в Первой мировой войне, опять не было единства мнений о том, должна ли после войны быть создана единая автономная Армения в составе Российской империи или же Западной Армении суждено стать независимым (и прозападным) государством, а Восточной – остаться на положении Эриванской губернии. Великий русский философ Владимир Эрн обращал внимание на то, что без незамедлительного поиска пути к полному контролю России над всеми польскими и армянскими землями на условиях, приемлемых для всех, о настоящей победе России в войне не может быть и речи. Приходило время вспомнить рецепт Владимира Соловьева, учившего, что у каждого народа в Российской империи есть своя земля-мать, но общий отец – русский император. Однако чиновники Министерства иностранных дел так ничего и не придумали вплоть до 1917 года.

Если бы в итоге революции и Гражданской войны победили не большевики, а белые националисты, то в России с высокой степенью вероятности установился бы режим, очень похожий на военно-авторитарные режимы стран Европы или Азии 20–30-х годов (Миклош Хорти, Мигель Примо де Ривера, Бенито Муссолини, Ататюрк, Чан Кайши, Юзеф Пилсудский, Антанас Сметона). Последствия такого режима в отдаленной перспективе предсказать было бы достаточно сложно. Однако победили красные, и это повлекло за собой совершенно иной путь реализации механизма управления единым евразийским пространством. Фактически вступив в противоречие с буржуазным принципом самоопределения, большевики восстановили единую власть на основной части Российской империи. Утратив западные окраины, они в то же время захватили власть в Хивинском ханстве, Бухарском эмирате, Туве (Урянхайском крае) и Внешней Монголии. Но скреплял новое единство не русский народ, находившийся в 20-е годы в явно приниженном и ущемленном положении по сравнению со всеми остальными, и тем более не русский царь, а спаянная марксистской идеологией партия большевиков разноплеменного состава. Именно ей стал принадлежать суверенитет над евразийским пространством.

Именно в это время, в 20-е годы, особенно интересна ре-

акция русской мысли в эмиграции на свершившиеся изменения. Многие патриоты, националисты, монархисты мечтали вернуться к дореволюционному принципу господства русского этноса и единообразного губернского деления страны. В то время не каждый мог еще осознать, что после того как даже самым мелким этносам большевики дали автономию, отобрать ее назад безнаказанно уже невозможно. Свершившееся было необратимо. Те, которые осознали это и поняли необходимость переосмысления стихийно сложившегося советского федерализма силами свободной эмигрантской мысли, и подняли стяг евразийства. Великая заслуга евразийцев 20-х годов состояла в том, что они открыто заявили о невозможности управлять евразийским субконтинентом старыми способами и о желательности и необходимости сохранить и укрепить единство Евразии под суверенной рукой Москвы. До сих пор не устарела ни одна йота в рецептах Николая Трубецкого, Петра Савицкого, Николая Алексеева, Льва Карсавина насчет необходимости перехода от национализма старого типа к общеевразийскому национализму и поиска новой скрепы нашей империи в условиях отсутствия монархии и взамен негодного марксизма-ленинизма. Евразийцы поняли, что в отличие от Австро-Венгрии единство территории бывшей Российской империи сохранилось после 1917 года неспроста. И беречь это единство и дальше – непременное условие выживания русского и всех остальных народов Евразии, которые в противном случае обречены на рабство у глобальной системы западного неоколониального капитализма.

Требование Николая Трубецкого быть в первую очередь патриотами единой евразийской московской державы, а во вторую патриотами своей малой родины остается императивом и сегодня. Со своей стороны, юрист Николай Алексеев успешно вырабатывал формулы, которые могли бы решить эту задачу, поскольку принципы административного деления в Советском Союзе были разработаны вопиюще непоследовательно и безграмотно. Философ Лев Карсавин обосновывал эти положения культурологически и на собственном опыте деятельности по включению литовской культуры в симфоническую евразийскую культуру. Историк Георгий Вернадский пытался с этих позиций осветить историю России как динамику евразийского пространства, а не как линейное развитие государства от Рюрика до Романовых. Евразийцы прямо провозгласили, что после 1917 года равно опасными для евразийского единства – а значит, и для русского народа – являются и сепаратизм меньшинств, и сепаратизм великорусских предателей, призывавших дать «независимость» окраинам. Холодным душем для одних и грозным предупреждением для других звучат и сегодня слова Николая Трубецкого: «Перемена роли русского народа в государстве ставит перед русским национальным самосознанием ряд проблем. Прежде самый крайний русский националист все же был патриотом. Теперь же то государство, в котором живет русский народ, уже не является исключительной его собственностью, исключительный русский национализм оказывается нарушающим равновесие составных частей государства и, следовательно, ведет к разрушению государственного единства. <...> Если прежде даже крайнее русское национальное самолюбие было фактором, на который государство могло опираться, то теперь это же самолюбие, повысившись до известного предела, может оказаться фактором антигосударственным, не созидающим, а разлагающим государственное единство. При теперешней роли русского народа в государстве крайний русский национализм может привести к русскому сепаратизму, что прежде было бы немыслимо. <...> Таким образом, в настоящее время крайний русский националист оказывается с государственной точки зрения сепаратистом и самостийником – совершенно таким же, как всякие украинские, грузинские, азербайджанские и т.д. националисты-сепаратисты». Именно такой великорусский сепаратизм, вынесший на гребне своей мутной волны Бориса Ельцина, уничтожил затем страну и разрезал тело русского народа по живому. Но, к сожалению, только после катастрофы 1991 года в России впервые по-настоящему услышали и восприняли другое предупреждение Трубецкого: «В эмиграции преобладают люди, неспособные в своем сознании реализировать объективные сдвиги и результаты революции. Для таких людей продолжает существовать Россия как совокупность территориальных единиц, завоеванных русским народом и принадлежащих на правах полной и нераздельной собственности одному этому русскому народу. Поэтому самой проблемы создания общеевразийского национализма и утверждения единства многонародной евразийской нации эти люди понять не могут. Для них евразийцы – изменники, потому что понятие “России” заменили понятием “Евразии”. Они не понимают, что не евразийство, а жизнь произвела эту “замену”, не понимают того, что их рус-

ский национализм при современных условиях есть просто великорусский сепаратизм, что та чисто русская Россия, которую они хотели бы "возродить", реально возможна только при отделении всех "окраин", то есть – в границах этнографической Великороссии».

Следует отметить, что влияние евразийских идей в 30-е годы вышло далеко за рамки собственно евразийства. По сути, евразийский принцип отношений между русским центром и народами окраин был воспринят и национал-большевиками Николая Устрялова, и младороссами Александра Казем-Бека, находившимися под опекой кирилловской ветви Романовых, и, что самое интересное, даже русскими фашистами Родзаевского. Даже у Ивана Ильина – человека с западным образом мышления, немало проклинавшего евразийство в 20-е годы, – в поздних работах 40-х годов современные исследователи разных направлений (например, Андрей Логинов) единодушно находят очень многие евразийские тезисы насчет механизмов будущего управления многонациональной Россией.

Независимо от евразийцев их основные мотивы развил и углубил о. Павел Флоренский в своей работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем», написанной в 1933 году в тюрьме, где у него, конечно, не могло быть под рукой евразийской литературы. В частности, весь третий параграф этой работы – «Государственный строй» – содержит программу, не только улучшенную по сравнению с работами евразийцев, но и безусловно применимую и в начале XXI века. Неприкосновенный традиционный уклад жизни каждого этноса в сочетании с политическим единством и официальным русским языком для всей страны и местными официальными языками в каждой общине – таков идеал, очерченный Флоренским. Порою он подходит очень близко к леонтьевским мыслям: «Плодотворная идея Союза отдельных республик должна быть в дальнейшем изменена по двум направлениям сразу: в сторону большей индивидуализации отдельных республик во всем, что непосредственно не затрагивает целости государства, и в то же время в сторону полной унификации основных политических устремлений, а это и будет возможно, когда данная республика будет сознавать себя не случайным придатком, а необходимым звеном целого. В этом отношении будущий строй должен отличаться от настоящего, при котором автономные республики стремятся подражать Москве в быте, просвещении <...> и вместе с тем не чужды сепаратистических стремлений и неясной мечты о самостоятельности от той же Москвы. <...> Военное дело, органы политического надзора, финансы, [ЧК], разные виды связи, пути сообщения, руководящие начала добывающей и обрабатывающей промышленности, отрасли народного хозяйства общегосударственного значения и, само собою разумеется, сношения с другими государствами должны быть строго централизованы и ведению автономных республик не подлежать. Наподобие автономных республик организуются и области, населенные более однородно, например, РСФСР. Тут дается наибольший простор самостоятельности, инициативе, творчеству; поощряется индивидуализация, дается возможность раскрытия способностей, дремлющих в людях и в территории народа, но вместе с тем политика резко отделяется от *националистических* (курсив автора. – *М.М.*) проявлений».

Далее о. Павел обрисовывал основные черты желательного политического (авторитарного беспартийного), социально-экономического, религиозного, культурного строя нового общества. Особенно важно отметить его призывы к децентрализации образования: институты в каждом регионе должны обслуживать его специфические географические, экономические, геологические нужды, а не находиться в Москве. То, каким образом Флоренский предлагал перейти от советского строя к новому, также в основном повторяет проекты евразийцев. В конечном итоге, согласно этой работе 1933 года, обновленная Россия сможет положить начало отступлению разрушительного индивидуалистического общества Модерна и возвращению иерархического общества Традиции в мировом масштабе.

Евразийские и околоевразийские идеи не могли повлиять на внутреннюю политику СССР непосредственно. Но с конца 30-х годов Иосиф Сталин взял курс на новое возвеличивание великорусов как скрепы для всего Советского Союза взамен негодной скрепы пролетарской коммунистической идеологии. Однако юридически в идеологическое обоснование единства советских республик и в Конституцию СССР никакие изменения внесены не были. То, что Сталин не счел нужным изменить юридическую базу, дававшую полное право республикам на отделение, сыграло роковую роль – особенно после того как уже весной 1953 года сначала Лаврентий Берия, а потом Никита Хрущев стали проводить политику устранения русских с руководящих постов в республиках и ущемления прав русского населения. В скрытой форме эти

тенденции нарастали при Брежневе, что на фоне переселения русских в города (точка 50-процентной урбанизации была пройдена в 1957 году) и катастрофического падения рождаемости кардинально изменило ситуацию уже к 70-м годам. Для дальнейшего понимания перспектив развития евразийского пространства и места русского народа в нем необходимо пристально взглянуть на результаты Всесоюзной переписи населения 1989 года. При общей численности населения СССР в 286,7 миллиона человек русские составляли 69,5 процента (199,4 миллиона), в том числе великорусы – 50,6 процента (145,2 миллиона). Удивительно, но эти показатели значительно (на пять процентов) превышают долю русских вообще и великорусов в частности в Российской империи 1897 года. С учетом огромных потерь русского народа в годы Гражданской войны, голода, коллективизации и Великой Отечественной войны, а также с учетом включения в состав СССР густонаселенного Узбекистана, не охваченного переписью 1897 года, объяснить усиление позиций русского народа к 1989 году весьма сложно. Тем не менее налицо факт: советская национальная политика позволила русскому народу спустя 70 лет после революции не только сохранить, но и упрочить свое положение, что кардинальным образом отличает российскую ситуацию от ситуации с развалинами Германской, Австрийской, Османской и даже Британской империй. Правда, следует иметь в виду, что в 1989 году некоторые представители других этносов также записывались русскими или украинцами из соображений престижности.

Однако триединый русский народ, составлявший 70 процентов в государстве, позволил погубить и расчленить свою страну, что само по себе заставляет сделать не лучшие выводы относительно этого народа. Более того, огромная часть русских (включая и этнических великорусов) оказались в новейшее время пораженными идеологическим вирусом «украинства», что создает колоссальные проблемы для евразийской интеграции даже в Новороссии. Что еще печальнее, за прошедшее после 1989 года время демографический баланс изменился в худшую для русских сторону. Население всех немусульманских республик бывшего Советского Союза сократилось от 10 до 25 процентов, и лишь в Российской Федерации и Белоруссии в последние годы численность населения явно стабилизировалась и стала устойчиво расти, в остальных же республиках продолжается обезлюдение. Напротив, население шести мусульманских республик бывшего СССР неуклонно растет. На сегодняшний день, по приблизительной оценке, население постсоветского пространства составляет от 287 до 292,6 миллиона, или около 4 процентов населения земли, то есть практически не изменилось по сравнению с 1989 годом в абсолютных цифрах и уменьшилось в относительных. (Для сравнения: население США выросло с 1990 по 2012 годы с 248,7 до 314,9 миллиона – третье место в мире, а население Евросоюза составляет сегодня около 500 миллионов.) Но из всего постсоветского населения лишь 61,5 процента (180 миллионов) – а не 70 процентов – составляют сегодня великорусы, украинцы и белорусы. За четверть века их общая численность сократилась на 20 миллионов за счет вымирания, эмиграции или причисления к другим народам тех, которые прежде записывали себя в одну из трех ветвей русского народа. (Несколько миллионов русских, живущих в США, Канаде, Европе, конечно, уже не смогут стать органической частью народа и обречены на ассимиляцию.) С одной стороны, процесс, произошедший между 1989 и 2014 годами, конечно, был страшной демографической катастрофой для триединого русского народа. Но с другой стороны, если бы эти изменения не имели столь обвальный характер, они все равно произошли бы, только более плавно. Русским патриотам и националистам разных направлений в связи с этим можно дать совет не паниковать и мыслить не на годы, а на столетия вперед. Мечта отгородиться от выходцев с юга и востока визами или колючей

Константин Леонтьев (на фото) в противовес катковскому проекту выдвинул свой, в котором речь шла о единении православных тюрков, финно-угров, монголов и даже православных тибетцев и индийцев под скипетром русского православного царя.

проволокой абсолютно оторвана от реальности, как показывает мировой опыт. Даже страны, не имевшие колоний и установившие жесткий визовый режим, все равно наводнены мигрантами. Расовый облик США и ЮАР кардинально изменился за последние полвека, и возврата к господству белых там больше не будет. Мечтать об этнической изоляции русских в резервации сегодня столь же противоестественно, как если бы римляне эпохи домината смехотворным образом мечтали спрятаться на Апеннинском полуострове от варваров – вместо того чтобы строить Ромейскую империю на модифицированных принципах. Более того, в искусственных границах Российской Федерации 1991 года русский народ обречен на вымирание и деградацию. Это простая истина, которую упорно не признают не только русофобы из числа либералов и «нацдемов», но и многие умеренные русские националисты.

Таким образом, стратегия развития для русского народа должна исходить из того, что даже при естественном приросте на 1–1,5 процента в год (добиться его сейчас вполне реалистично) прирост азиатских – прежде всего мусульманских – народов все равно будет больше. Что отгородиться от этих народов не будет возможности никогда, ни у кого и ни при каких условиях. Что русский народ по-прежнему нуждается в свободном расселении по всему евразийскому пространству – дабы процветать, размножаться и просто не деградировать. Создание такого пространства для свободного проживания русских по всему постсоветскому пространству одновременно означает и открытость этого пространства для перемещений представителей других народов в рамках общеевразийского законодательства. И вот здесь встает перед нами во весь рост задача более ясного определения контуров будущего Евразийского союза как единственного пути к выживанию для русского народа и других вымирающих народов нашей Родины (в основном, немусульманских). Пути к трансформации бурных демографических процессов в конструктивное и общеполезное русло для южных мусульманских народов. Пути к освобождению от диктата транснационального глобального капитала и его западных политических агентов с их навязыванием антитрадиционных «ценностей» – для всех народов Евразии без исключения. До сих пор мы говорили только о пространстве бывшего СССР. Но следует иметь в виду, что политическая практика сегодняшнего дня показала: в Евразийский союз могут в будущем стремиться и многие другие страны – от Венгрии и Монголии до Финляндии и Греции. И даже такие великие региональные державы, как Турция и Иран. Если вспомнить, в каком направлении шла экспансия Российской империи перед 1917 годом, когда к концу Первой мировой войны Россия должна была завладеть восточной половиной Турции и северной половиной Ирана, то удивляться такому географическому охвату не приходится. Но при подобном развитии событий ситуация меняется еще более значительным образом, ведь русский народ при очерченном раскладе уже не сможет быть единственным субъектом принятия решений. До сих пор евразийская интеграция осложнялась тем, что в отличие от Европейского союза, где доминирование Германии уравновешивается ролью Франции, Италии и Бенилюкса – наследников империи Карла Великого, в Евразии ни одна постсоветская страна не сопоставима по «весовой категории» с Российской Федерацией. Но одного только гипотетического вступления в Евразийский союз Турции и Ирана будет достаточно для того, чтобы Анкара и Тегеран выступали в рамках новообразования как центры, самостоятельные от Москвы, и его структура принципиально изменилась. Даже на бытовом уровне ситуация, когда ежегодно миллион русских студентов будут свободно въезжать в Турцию и Иран, а тамошняя молодежь в таком же количестве появится в России, кажется пока еще непривычной. Тем более непривычно пока слышать о Москве, Анкаре и Тегеране как треугольнике силы на пространстве евразийского континента.

Действительно, на первый взгляд в таком сценарии кроется большая опасность для России и русских. Несомненно, риски велики. Но в действительности в указанных обстоятельствах таятся и новые возможности, а быть может – единственный шанс для выживания русской историко-культурной традиции. Ведь даже без учета названных двух южных держав становится понятно, что уже сегодня, как минимум, Минск, Астана, Ташкент, Ашхабад и Ереван являются в значительной мере самостоятельными игроками на региональном и мировом уровнях. Причем игроками, имеющими немалую свободу рук по отношению и к Российской Федерации, и к Западу, и к Китаю. Задумаемся: что более эффективно? Чтобы в Минске и Ереване сидели бы прямые ставленники Кремля или чтобы там, как сейчас, управляли ответственные и сильные политики вроде Александра Лукашенко и Сержа Саргсяна, подчас объективно делающие для России боль-

ше полезного, чем сам МИД РФ? Советский Союз проиграл материально, морально и геополитически, оттого что неумело пытался держать страны Восточной Европы в качестве вассалов. Теперь, когда народы этого региона, став вассалами США, снова близки – Венгрия тому пример – к тому, чтобы в обозримой перспективе скинуть атлантистское, американское ярмо, неужели они захотят вернуться к ярму московскому?

Цель России-Евразии остается неизменной – «господство над народами» (старый девиз народа хунну), говоря современным языком – суверенитет над евразийским Grossraum'ом. Но средства для достижения этой цели сейчас требуются другие, нежели сто и даже пятьдесят лет назад. России и русским в настоящем положении не нужны и не могут быть выгодны прямые вассалы старого типа. Такой метод в международных отношениях в настоящую эпоху неэффективен. России, находящейся в осаде со стороны мирового капитализма, уничтожающего Традицию, выгодно иметь вокруг себя крупные и независимые ни от кого центры силы, например, Венгрию в Восточной Европе, Сербию и Грецию на Балканах, Иран на Среднем Востоке, Армению в Закавказье, в перспективе – Узбекистан в Средней Азии. После того как эти страны превратятся в независимые региональные державы, именно в силу этого они будут обречены на то, чтобы навечно иметь дружественные отношения с Россией. Снятие визовых, таможенных, экономических, образовательных, культурных, языковых барьеров на огромном континентальном пространстве даст такой кумулятивный эффект для роста экономики и образовательного потенциала Евразийского союза, что он в любом случае вырвется в узкий клуб мировых лидеров.

Осознать необходимость нового подхода будет непросто тем, которые еще мыслят категориями дореволюционной или советской международной политики. Системы международных отношений XIX-XX веков ушли в прошлое. Наступает эпоха многополярного мира, которая требует наличия геополитических субъектов иного типа – и отношений между ними иного типа.

Разумеется, не все старые методы решения политических проблем уйдут в прошлое. Есть государства, где большинство населения (по крайней мере, более половины) настроено антизападно, консервативно и подчас пророссийски, но слишком пассивно, а марионеточные прозападные правительства упорно проводят антиевразийский курс, гибельный для их народов (таковы в той или иной степени Украина, Молдавия, Латвия, Грузия, Монголия, Афганистан, большинство стран Восточной Европы). Есть несколько стран, где большинство населения действительно настроено антироссийски и даже антиирански (Эстония, Литва, Азербайджан, с определенными оговорками – Туркмения и Румыния). Во всех перечисленных случаях, очевидно, в среднесрочной перспективе будет неизбежно применение самого разнообразного арсенала методов и инструментов изменения текущей нежелательной для нас ситуации, после чего в отдаленной перспективе и там станет возможным переход к более позитивным инструментам евразийской интеграции.

Не исключая прямого присоединения к Российской Федерации при пересмотре «беловежских» границ некоторых территорий согласно волеизъявлению их населения (по крымскому сценарию), вовсе не обязательно делать это правилом. В свое время Отто фон Бисмарк только выиграл, сохранив наряду с Пруссией, Баварией и Саксонией самостоятельность ряда карликовых княжеств, фактически голосовавших в рейхсрате по указке Пруссии. А в разгар

Александр Глуховский (1866 год, на фото) обосновывал необходимость таможенного союза России со странами Средней Азии: «Для России необходимо: 1) утвердить свое господство на берегах Амударьи; 2) не допустить утвердиться в Бухаре влиянию какой-либо другой европейской державы; 3) обеспечить жизнь и имущество как своих подданных, так и, по возможности, жителей Средней Азии; 4) развить нашу торговлю. <…> Было бы полезно образовать впоследствии таможенный союз из России и среднеазиатских ханств и нашу таможенную линию перевести не на Сырдарью, а прямо на Амударью».

Требование Николая Трубецкого (на фото) быть в первую очередь патриотами единой евразийской московской державы, а во вторую патриотами своей малой родины остается императивом и сегодня.

мых ими самостоятельных славянских государств с Российской империей, за которой оставался бы «контрольный пакет акций».

Применяя это к современной ситуации, мы можем переформулировать: Российская Федерация должна иметь большинство во «внутреннем круге» Евразийского союза, включающем большинство республик бывшего СССР. А весь «внутренний круг» должен иметь большинство, позволяющее осуществлять контроль над широким «внешним кругом» разнообразных стран, которые примкнут к Евразийскому союзу. Да и сам Науман сто лет назад называл российский, евразийский Grossraum

Первой мировой войны немецкий теоретик замкнутого среднеевропейского пространства Фридрих Науман предложил перенести на всю Центральную и Восточную Европу принцип, по которому строилась Германская империя. Для описания новой желательной конфигурации среднеевропейского Grossraum'а, типологически аналогичного нашему евразийскому, тогдашний политик Карл Риглер прибег к следующей метафоре: «Германская империя – акционерное общество с прусским большинством акций, любое включение новых акционеров разрушило бы это большинство. <...> Отсюда вокруг Германской империи – союз государств, в котором империя точно так же имеет большинство, как Пруссия в империи». Кстати, панслависты второй половины XIX века вроде уже упоминавшихся Каткова, Киреева и Николая Данилевского предлагали такую же формулу для описания связи чае-

соседом германского, среднеевропейского: «Северо-Американские Штаты стараются привлечь к себе все государственные формации в Северной и Южной Америке не для того, чтобы их поглотить, а чтобы руководить ими. Также, но несколько иным образом, Россия собрала вокруг себя все нации, находящиеся на ее окраинах: финнов, поляков, малорусов, кавказские народности, армян, туркменов, тунгусов и т.д.»

Все же подчеркнем: сегодня речь может идти только о принципах будущего Евразийского союза и о консолидации его ядра вокруг Москвы и под ее верховным суверенитетом, а ни в коем случае не о прогнозировании списка стран, которые войдут в это объединение через десять, двадцать, тридцать лет, что было бы безответственным фантазированием. На наш взгляд, невозможно предугадать, как будут обстоять дела с теми странами, которые в силу своего промежуточного географического и историко-культурного положения пожелают одновременно примыкать к двум или даже трем региональным объединениям, например, евразийскому, европейскому и ближневосточному или средиземноморскому. Не имеет смысла предугадывать, как именно изменятся нынешние границы самих государств – хотя в том, что они изменятся, сомнений быть не может. Очень многое зависит от того, как будут переформатированы этнические, конфессиональные, языковые, политические рубежи на Ближнем Востоке (что почти не зависит от России), сохранится ли единство Китайской Народной Республики и т.д. Все эти вопросы рано или поздно встанут в повестке дня. Но только после того как уже будет положено прочное основание Евразийскому союзу, после того как станут общепринятыми его базовые принципы. Обозначим их еще раз:

- возможность демографического спасения для русского народа и особо близких ему народов, включая свободное расселение и полноправное проживание по всему пространству евразийского субконтинента;
- возможность направления демографического и социально-экономического подъема мусульманских стран Евразии в конструктивное русло;
- укрепление экономического суверенитета членов Евразийского союза вплоть до создания относительно самодостаточного хозяйственного комплекса, подъем промышленности, сельского хозяйства и финансовой сферы стран-участниц, их защита от диктата глобального капитала, национализация центробанков;
- создание целого пояса независимых региональных центров силы на евразийском про-

странстве, среди которых значение Москвы как субъекта принятия решений в условиях многополярного мира будет первенствующим, но не абсолютным;

◆ создание условий для широчайшего распространения русского языка, культуры, традиций по всему субконтиненту;

◆ вхождение в Евразийский союз всего постсоветского пространства, притом что максимальные границы Евразийского союза и число стран-участниц за пределами бывшего СССР заранее не могут быть спрогнозированы и станут зависеть от того, насколько успешно пойдет становление этого межгосударственного образования на начальных этапах, а также от мировой конъюнктуры.

Какие базовые ценности могут стать скрепой для Евразийского союза в условиях краха коммунистической идеологии и отсутствия монархии? Этот вопрос, поставленный еще ранними евразийцами, требует незамедлительного ответа. Разумеется, личность монарха – общего для всех или хотя бы для части стран будущего Евразийского союза – очень привлекательна. Такой монарх повлиял бы на укрепление евразийского единства самым положительным образом. Вместе с тем очевидных кандидатов на такую роль нет. К тому же даже яркий и сильный вождь не вечен и не может функционально заменить собой легитимную династию. Между тем строительство Евразийского союза должно начинаться прямо сейчас – без ожидания оживления перспектив установления монархии и без жесткой привязки к фигуре императора. А это значит, что скрепой общеевразийского патриотизма должна стать та самая «идея-правительница», о которой говорили евразийцы 20-х годов. Эта идея не может быть чисто негативной («дружить против Запада» или «дружить против радикального исламизма»), она должна содержать в себе и позитивную программу. Такой программой, привлекательной для всех народов Евразии, несомненно, будет поощрение сохранения традиционных религий, этнической и языковой самобытности каждого народа, некоторых патриархальных ценностей традиционного общества, больших и здоровых семей, крестьянства и вообще деурбанизация. Несомненно, при строительстве Евразийского союза следует добиваться формирования единого образовательного пространства, в котором, в частности, ведущие позиции будет занимать русский язык и кириллический алфавит (для большинства языков субконтинента), а официальная трактовка истории в школах и вузах не будет ни русофобской, ни примитивно-пророссийской, замалчивающей спорные и проблемные места, но станет подчеркивать исторические корни единства Евразии начиная с бронзового века и заканчивая нашим временем, уделяя равное внимание всем странам и регионам Евразийского союза. Не у всех народов Евразии было общее прошлое, но все они могут объединиться ради общего будущего – такой посыл должен стать лейтмотивом воспитания и образования в странах-участницах. Воспитание привязанности к своему этносу, к своей малой родине в сочетании с верностью общеевразийскому патриотизму (в идеале – также с верностью фигуре монарха, которого любой вождь может заменять лишь условно и временно) позволит искоренить сепаратистскую пропаганду и фальсификацию истории во всех уголках Евразии.

Русским патриотам старой закалки и националистам следует трезво принять как данность тот факт, что явное демографическое преимущество мусульманских народов уже нельзя отменить, а это значит, что в интересах России и русского народа следует применить правило: «Не можешь победить – возглавь». Русский православный народ пока еще имеет все шансы возглавить процесс экономической и политической интеграции пестрого многоэтнического пространства Евразии. Уже не составляя большинства по численности, он вполне в силах сохранить религиозную, языковую, культурную доминанту русскости на этом пространстве.

В конечном счете, Евразия – надгосударственное объединение численностью населения от 300 до 500 миллионов человек (в зависимости от числа стран-участниц), в котором этнически русских будет скорее всего менее половины, – должна стать такой же областью широкого и повсеместного распространения русского языка и культуры, какими Византия и католический Запад стали для греко-римской традиции. Путь от старой России к будущей Евразии во многом повторит путь от классической Эллады к эллинистическим царствам, от римлян – к ромеям. И тогда, подобно тому как немцы и сирийцы спустя века после падения Рима учили латынь и греческий и писали романы об Энее и Александре Македонском, точно так же спустя пару столетий латыши и монголы, турки и таджики будут писать на русском языке сказания о подвигах Дмитрия Пожарского или Александра Суворова и по-прежнему считать Москву центром Евразии. Ибо империя не умирает – если ей удается найти адекватный способ сохранения и передачи Традиции. Традиции русской – и Традиции общеевразийской.

Вадим Вадимович Трухачёв –
кандидат исторических наук,
журналист-международник,
специалист по истории стран
Центральной Европы
и проблемам Евросоюза

Нарушение суверенитета не ведет к добру

Нынешнее кровавое противостояние на Украине и активное вмешательство в ее дела внешних сил вывели на передний план вопрос о суверенитете в современной Европе. Где его пределы, какую страну можно считать суверенной, а какую – лишь пешкой в чужой игре? Четкий ответ дать очень сложно, в разных случаях он будет разным. Однако история учит: попытка навязать стране чужую волю грозит суровыми катаклизмами. Так что право суверенитета лучше уважать.

Проблема суверенитета в современной Европе во многом восходит к Первой мировой войне и ее итогам. Именно тогда примеры того, как одно государство все больше подчиняется воле другого, приобрели системный характер. Россия, Франция и Великобритания координировали свои действия в рамках Антанты, Германия и Австро-Венгрия – в пределах своего блока.

Примером утраты суверенитета можно считать как раз судьбу Австро-Венгрии. В течение последних десятилетий XIX и начала XX века ее внешняя политика все больше зависела от Германии. Ничем хорошим для монархии Габсбургов это не кончилось. Внутри ее проживали, например, чехи, которым сближение с Берлином категорически не нравилось. В результате, едва началась Первая мировая война, как те же чехи и югославянские народы отвернулись от Габсбургов, сблизились с Антантой и взяли курс на независимость от Вены.

Ограниченный суверенитет стран-лимитрофов в 1920–1930-е годы

В еще большей мере вопрос о суверенитете поставили итоги Первой мировой войны. Знаменитые «14 пунктов» президента США Вудро Вильсона – первый пример того, как руководитель заокеанской державы диктовал свою волю европейским странам. А можно ли считать полностью независимыми государства, образовавшиеся на осколках Российской, Австро-Венгерской и Османской империй? В разных случаях – по-разному, но их суверенитет был, мягко говоря, неабсолютным.

И чем дело кончилось? Практически все новые государства оказались

Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен в Мюнхене в 1938 году

внутренне неустойчивыми. Везде (кроме Чехословакии и Финляндии) установились диктаторские режимы – где ближе к национал-социализму, где – к итальянскому фашизму. Границы новых государств «великие мира сего» нарезали так, что везде образовалось поле для межнациональных конфликтов. Эти государства просто не могли стать сильными, их изначально сделали слабыми.

Хрестоматийный пример – Югославия. Она претендовала на роль региональной державы, но ее ослабляло противостояние сербов и хорватов. В Чехословакии стоял словацкий вопрос – не говоря уже о проблеме судетских немцев. Польшу подрывало движение украинских националистов, в Румынии давала о себе знать проблема венгров Трансильвании. Сами эти государства друг с другом враждовали – так, между Польшей и Литвой дипломатических отношений не было аж до 1938 года: литовцы обиделись на оккупацию поляками Виленского края.

А разве Версальский мир не ущемлял суверенитет Германии времен Веймарской республики? И что в итоге? Бесконечные ограничения и репарационные платежи, отрыв огромных территорий, населенных немцами, удобрили почву для роста радикального национализма. Следствием этого стал приход к власти фашистов.

Ярчайший пример растаптывания суверенитета – Мюнхенский сговор 1938 года. Представителей Чехословакии только ставили в известность о том, какую часть собственной территории они должны отдать Германии, какую – Венгрии, какую – Польше. Потом уже были пакт Молотова–Риббентропа, Вишистский режим во Франции, Независимое государство Хорватия. Во всех случаях принцип суверенитета попирался, а итогом стала катастрофа Второй мировой войны.

Ярчайший пример растаптывания суверенитета – Мюнхенский сговор 1938 года. Представителей Чехословакии только ставили в известность о том, какую часть собственной территории они должны отдать Германии, какую – Венгрии, какую – Польше. Потом уже были пакт Молотова–Риббентропа, Вишистский режим во Франции, Независимое государство Хорватия. Во всех случаях принцип суверенитета попирался, а итогом стала катастрофа Второй мировой войны.

США и СССР – два сюзерена

Вторая мировая война закончилась тем, что количество держав в Европе, обладавших суверенитетом, свелось к минимуму. Социалистические страны стали подчиняться воле Советского Союза, а капиталистические – следовать в фарватере политики США. Греция могла бы оказаться социалистической, но из-за грубого вмешательства стран Запада в ее дела этого не произошло. Чехословакия, напротив, могла остаться капиталистической – однако Советский Союз «поработал» в противоположном направлении.

С Германией поступили просто – ее, проигравшую войну, разделили. Новое обретение ей суверенитета растянулось на десятилетия. ГДР в пол-

Будапешт. 1956 год

В социалистическом лагере на протяжении 1950–1980-х годов придерживались доктрины ограниченного суверенитета восточноевропейских государств, иногда называемой также доктриной Брежнева. Отступление от социализма влекло за собой ввод советских войск.

ной мере независимым государством не стала – а основная масса ее населения не приняла отличного от «остальной» Германии государства. Если бы приняла – Берлинская стена стояла бы до сих пор. А так ФРГ фактически поглотила ГДР, и «осси» особенно не сопротивлялись.

Ограниченный суверенитет соцстран

В социалистическом лагере на протяжении 1950–1980-х годов придерживались доктрины ограниченного суверенитета восточноевропейских государств, иногда называемой также доктриной Брежнева. Отступление от социализма влекло за собой ввод советских войск. Так было в ГДР 1953-м, в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м. В Польше в 1980-1981 годах местное руководство справилось само, но Советский Союз зорко следил за всем, а Леонид Брежнев обещал «не дать в обиду братскую Польшу».

В то же время считать сателлитов СССР совсем уж несамостоятельными нельзя. Так, в Польше и Венгрии практически не было колхозов. В ГДР, Польше, Чехословакии и Болгарии действовали несколько политических партий (пусть и признававших ведущую роль коммунистов). Кооперативная собственность здесь распространилась куда больше, чем в СССР. Кроме того, когда Советский Союз ввел в Афганистан свои войска, его союзники спокойно оставались в стороне, ограничиваясь дипломатической поддержкой.

И совсем уж много вольностей позволяли себе Румыния и Албания. Николае Чаушеску и Энвер Ходжа построили социализм вождистского типа, и этим они сильно отличались от постсталинского соцлагеря. Оба они дружили с Китаем, а Румыния еще и с Западом неплохие отношения поддерживала, кредитов там набрала. Одновременно с социализмом Чаушеску строил чисто национальное румынское государство, где с нацменами вроде венгров, немцев и украинцев не очень-то церемонились. Так что Румыния вполне себе была суверенной.

Создание «вашингтонского обкома»

США действовали в Европе более гибко и изощренно, без

использования грубой силы. Инструментов для привязывания стран Европы к себе хватало. Здесь и рассказ об американском образе жизни, и прямые денежные вливания вроде «плана Маршалла», и обучение элит в своих университетах. СССР здесь явно проигрывал. Наконец, создание НАТО и размещение американских военных баз в Европе тоже превратились в инструменты ограничения суверенитета европейских стран и подчинения их суверенитету США.

Впрочем, говорить о том, что, к примеру, Нидерланды или Дания оставались всегонавсего исполнителями американской воли, было бы неверно. В них и в других европейских странах выросло целое поколение политиков, для которых США были образцом. Для послевоенной Европы, лежавшей в руинах, Штаты стали «землей обетованной». Так что порой за Америкой следовали искренне, по собственной инициативе.

Примеров политиков, добровольно последовавших за США, хватало и хватает. По разным причинам бывший премьер Дании и генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен, экспремьер и нынешний глава МИД Швеции Карл Бильдт, бывший глава правительства Португалии и Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу повернулись к США. Кто-то учился там, кто-то в силу своего дворянского происхождения не питал теплых чувств к России. Как следствие – они добровольно подчиняли свои государства линии «вашингтонского обкома».

Попытки остаться независимыми и нейтральными

Примером суверенных стран могут служить те, которые не вошли ни в НАТО, ни в Организацию Варшавского договора. Ярчайший пример – социалистическая Югославия. Ее внутреннее устройство и экономическая модель отличались и от Востока, и от Запада. Она балансировала между разными центрами силы, стала одним из лидеров Движения неприсоединения. Но история показала, что такая страна держалась во многом на личности Иосипа Броза Тито. Не стало его – и в скором времени не стало страны.

Вынужденно нейтральными были Финляндия и Австрия. Проигравшим во Второй мировой войне, им пришлось согласиться на ограничение суверенитета в виде неучастия в военных блоках и иных организациях. Впрочем, это не мешало президенту Урхо Кекконену или канцлеру Бруно Крайскому успешно строить капитализм, в то же время получая по не самым высоким ценам советские энергоносители. Оба государства принадлежали к западному сообществу, но на формальном нейтралитете они хорошо нажились.

Швеция была нейтральной аж с 1814 года. Но это не воспрепятствовало ей построить ВПК, входящий в десятку крупнейших в мире. В политическом смысле она опять же была частью Запада – разве что за исключением членства в НАТО и европейском «Общем рынке». Однако премьер Швеции Улоф Пальме стремился проводить собственную линию, критикуя и СССР, и США. Так что можно сказать, что Швеция все-таки была суверенной страной. По крайней мере, в большей мере, чем Финляндия и Австрия или же входившие в НАТО соседние с ней Дания и Норвегия.

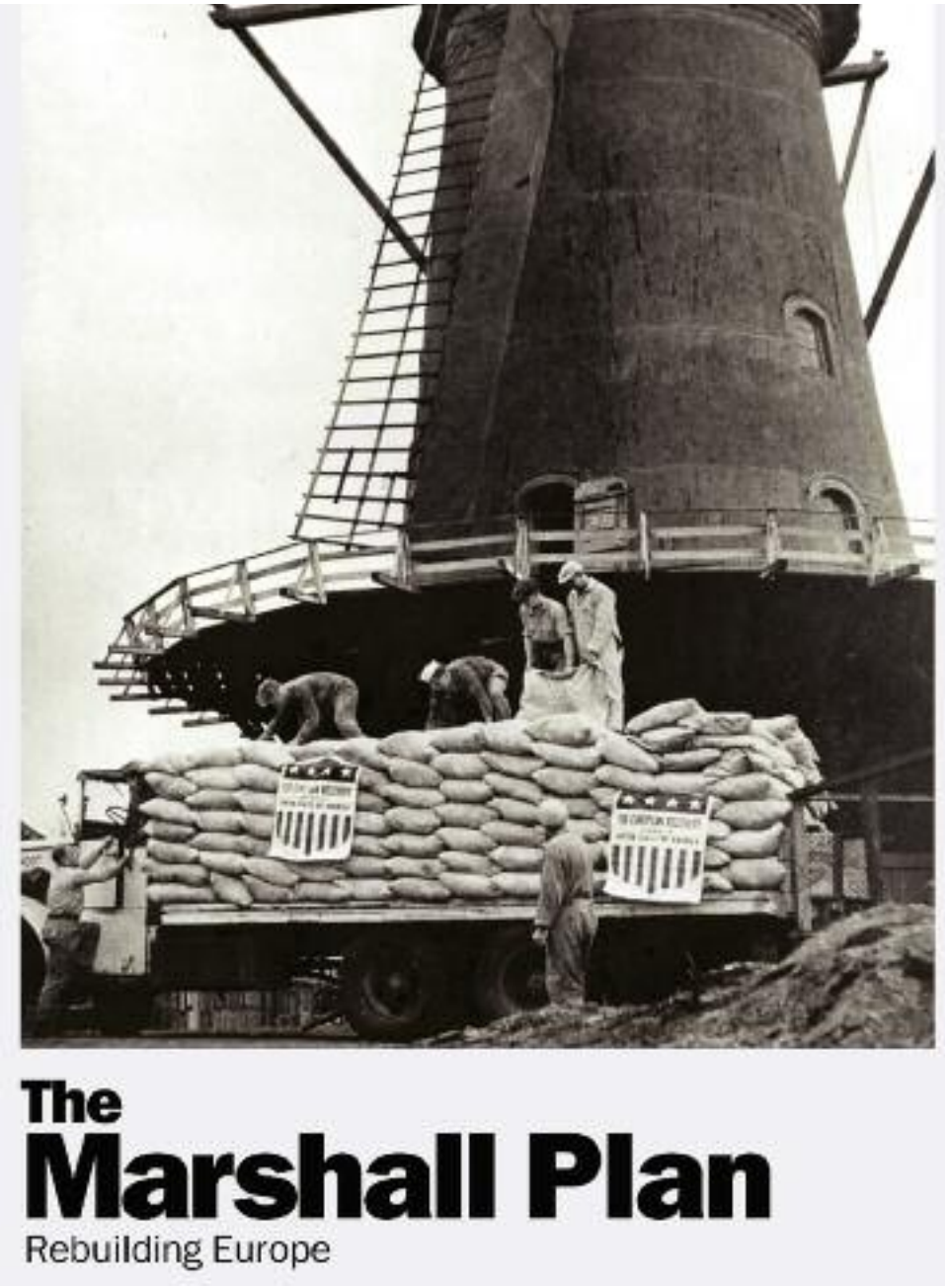
Своего рода попыткой обрести суверенитет было создание предшественника Евросоюза – Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Во всяком случае, ведущую роль в нем играла Франция, президент которой – Шарль де Голль – не очень желал плясать под дудку США. Он создал свое ядерное оружие и вывел Францию из военной организации НАТО. Для него, а также для политиков из Италии, стран Бенилюкса, отчасти ФРГ ЕЭС стало тем проектом, который был бы способен вернуть Европу на мировую политическую карту в качестве субъекта. Другое дело, что из этого вышло...

США переиграли СССР благодаря гибкости

При всем старании продемонстрировать собственный суверенитет Франция все же оставалось частью западного сообщества. Когда дело доходило до совсем уж крупных споров между СССР и США – французы становились на сторону американцев. К Западу принадлежали и Австрия, и Финляндия, и Швеция, которые с обрушением соцлагеря присоединились к Евросоюзу. К Западу принадлежала и вечно нейтральная Швейцария.

Ограничение суверенитета своих союзников со стороны США было не меньшим, чем в случае с СССР, но менее грубым. В результате ярый антиамериканизм в Европе не очень распространен. В конце концов, когда ФРГ или Дания строили капитализм, отличный от американского, с более яркой социальной составляющей, американцы по этому поводу ничего не говорили и никого не ограничивали.

Советский Союз же допускал «разнообразие социализма» в куда меньшей степени. Оттого ограничение суверенитета его союзников казалось более явным. Поляки, венгры и чехи это очень чувствовали – танки и военное положение более осязаемы для обывателя,



США действовали в Европе более гибко и изощренно, без использования грубой силы. Инструментов для привязывания стран Европы к себе хватало. Здесь и рассказ об американском образе жизни, и прямые денежные вливания вроде «плана Маршалла», и обучение элит в своих университетах.

чем закулисное давление и подкуп элиты. Потому едва СССР ослабил хватку, Восточная Европа перестала быть социалистической. Ущемление суверенитета может устраивать элиту, но народ не проведешь. Во многом Советский Союз на этом и погорел. И как следствие – на наших западных границах сегодня образовался пояс недружественных государств.

Никакого суверенитета для Балкан

По окончании холодной войны могло создаться ощущение, что правом суверенитета в Европе обладают только США. Размер их вмешательства в чужие дела может сравниться разве что с колониальной эпохой. Ярчайший пример тому, как американцы (и Запад в целом) попирали право другого государства на суверенитет, – бывшая Югославия. В 1999 году впервые с окончания Второй мировой войны авиация НАТО бомбила без одобрения ООН суверенное государство – Союзную Республику Югославию.

Именно на Балканах проявились не то что двойные – десятерные стандарты при подходе к суверенитету. Скажем, Хорватия, Босния и Косово могли отделиться, а Сербская Краина и Республика Сербская – не могли. Албанцы в Македонии имеют право претендовать на автономию, а сербы в Косово, считающемся на Западе независимым, – не имеют. Фактическое руководство Боснией и Косово осуществляют верховные комиссары, назначаемые извне. О каком суверенитете может идти речь?

Подтверждением того, что государства бывшей Югославии (за исключением разве что Словении) не являются в полной мере независимыми, является Гаагский трибунал. Оставим сейчас в стороне проблему его предвзятости, соотношения подсудимых разных национальностей. Для нас в данном случае важно то, что граждан новых независимых государств на Балканах за преступления на своей территории судят где-то. Американцев – не судят, немцев – не судят, а сербов, хорватов и т.д. – судят. Где тут суверенитет? Ограничение суверенитета бывших югославских республик на некоторое время помогло затушить пожар войны, полыхавшей в регионе на рубеже тысячелетий. Но разве куда-то делись противоречия

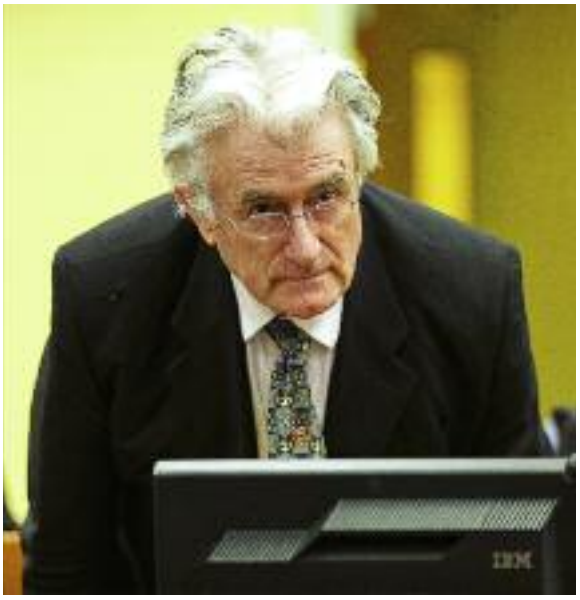
между мусульманами, сербами и хорватами в Боснии? Между сербами и албанцами? Между македонцами и албанцами? Список этих противоречий можно еще продолжать. Наличие внешней опеки тяготит каждую из сторон, и в один нехороший день ограничение суверенитета обернется там новым взрывом.

Евросоюз как ограниченный монстр

Последние 20 лет в Европе существует организация, существенно ограничивающая суверенитет всех входящих в нее государств. Речь идет о Евросоюзе, где расписывается буквально каждый шаг. Любая из его стран должна соответствовать неким политическим, экономическим, социальным стандартам. Регламентируется буквально всё – от внешней политики до мощности лампочки в лифте или размера огурцов, которые можно продавать в магазине. И с каждым новым Амстердамским, Ниццским или Лиссабонским договором ограничение суверенитета становятся еще сильнее. Говорить об Австрии, Финляндии и Швеции как о нейтральных государствах больше не приходится.

В то же время налицо определенный парадокс. Евросоюз уменьшает суверенитет своих членов, но и его собственный суверенитет тоже ограничен. Так, у него до сих пор нет своей армии. Процесс принятия решений в нем зачастую наталкивается на разницу интересов входящих в него государств. Если Германия и Франция не прочь еще углубить евроинтеграцию, то Великобритания – против. Если Польша хочет наложить на Россию санкции, Греция – против. И так – буквально по каждому вопросу.

Суверенитет разных государств внутри Евросоюза неодинаков. Самая суверенная – Германия, за ней идет Франция. Польша намного больше Швеции, но скандинавы, кажется, суверенее... Австрия направляет в европейские органы больше чиновников (пропорционально численности своего населения), чем какая-либо другая страна. Что ж, имперские традиции – а применить их в небольшой 8-миллионной стране негде. Нет ли риска, что Евросоюз со временем станет своего рода мини-Австрией?



Радован Караджич в Гаагском трибунале

Подтверждением того, что государства бывшей Югославии (за исключением разве что Словении) не являются в полной мере независимыми, является Гаагский трибунал. Оставим сейчас в стороне проблему его предвзятости, соотношения подсудимых разных национальностей. Для нас в данном случае важно то, что граждан новых независимых государств на Балканах за преступления на своей территории судят где-то.

США как сюзерен для современной Европы

Особый случай – суверенитет Великобритании. Англичане показывают свою независимость по отношению к Евросоюзу. Они противятся углублению евроинтеграции, не вводят евро вместо фунта. Однако с американцами у британцев всё наоборот – всячески подчеркивается англосаксонская солидарность. Трудно вспомнить, когда после Маргарет Тэтчер британцы действовали в большой мировой политике самостоятельно. Не унизительно ли – для бывшей владычицы морей?

Весь сложный организм под названием «Евросоюз», мешая своим отдельным государствам быть суверенными, сам находится под внешним воздействием. Достаточно вспомнить, как в настоящее время США давят на ЕС по вопросу ужесточения санкций против России из-за Украины. В самой Европе многие считают, что Евросоюз фактически превратился в инструмент проведения американской внешней политики. НАТО – на военно-политическом направлении, ЕС – на политэкономическом. Отчасти это правда.

Ограничение суверенитета в пользу США особенно ярко проявляется по линии НАТО. СССР не требовал от своих союзников помогать ему в Афганистане, американцы же в данном вопросе повели себя жестче. Кроме того, многие европейские страны отправили свои контингенты в Ирак, Ливию. «Налог кровью» в действии. Раз американцы платят 70 процентов взносов в бюджет Североатлантического альянса, несут ответственность за безопасность Европы – они и заказывают музыку. Реакция на такое положение дел уже есть. Победа на выбо-

Берн. Старый город

В наибольшей степени суверенным государством в Европе сегодня остается Швейцария. Она в НАТО и в ЕС не входит, свою валюту имеет и мало с кем согласовывает собственные действия. Да, она принадлежит к западному сообществу, но не более того.

рах в Европарламент Национального фронта во Франции и Народной партии в Дании, высокие результаты Партий свободы в Австрии и Голландии. Успехи ультраправых как раз связаны с тем, что Евросоюз по своей линии, а США напрямую – через НАТО и отчасти через тот же ЕС – ограничивают суверенитет французов, датчан, голландцев. Их национальное достоинство задевают всё больше и больше.

Ограниченный суверенитет бывших соцстран

В Восточной Европе после падения социализма произошла смена хозяина. Желая порвать с Россией, с коммунистическим прошлым, страны региона одна за другой добровольно отказывались от суверенитета, передавая его Евросоюзу, НАТО, отчасти – непосредственно США и Германии. До поры до времени они поддерживали все инициативы «вашингтонского обкома», будь то война в Югославии, в Ираке или где-то еще. Сами Польша, Румыния или Болгария приглашают к себе американские военные объекты. Отчасти американцы на них давят – но только отчасти.

В военно-политическом отношении бывшие соцстраны ориентируются на США, в экономическом же – на Германию. Для всех них немцы стали главными торговыми партнерами и инвесторами. Немецкие и австрийские банки прочно обосновались на финансовых рынках этих государств, немцам (отчасти французам и шведам) стали принадлежать наиболее лакомые куски экономик Польши, Венгрии, Чехии. А как убережешься? Есть же в ЕС свободное перемещение капиталов. Сельское хозяйство в бывших соцстранах потихоньку убивают. Зачем нужен литовский сыр, когда есть голландский? Вот вам и суверенитет.

Самыми яркими примерами передачи страны под внешнее управление до недавнего времени были Грузия и страны Прибалтики. В Грузии времен президентства Михаила Саакашвили открыто работали иностранные политические, экономические и военные советники. Перед войной в Южной Осетии Грузия была самым быстро вооружающимся государством мира. У нее самой что ли деньги нашлись? Вряд ли. Грузины всегда и во всем поддерживают США. Где тут суверенитет?

С Латвией, Литвой и Эстонией дело выглядит совсем уж неприлично. Во всех трех прибалтийских государствах президентами успели побывать граждане США и Канады – Вайра Вике-Фрейберга, Валдас Адамкус, Тоомас Хендрик Ильвес. Годы, проведенные в антисоветской эмиграции, считаются там чем-то вроде «знака политического качества». Прибалты сами бегут помогать американцам в Афганистан или Ирак, просят их разместить у себя военные объекты. Экономику же этих стран контролируют в основном шведы и немцы. Можно ли говорить об этих государствах как о независимых?

Разное положение восточных славян

А как быть с Украиной? Вспомним пресловутое обсуждение американскими чиновниками вопроса о том, кому надо становиться премьером – Арсению Яценюку или Виталию Кличко. Практически вся украинская элита годами не вылезала из кабинета американского посла в Киеве. А появление западных политиков на Майдане разве не вмешательство во внутренние дела? Теперь страна подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом, на ее территории открыто работают разного рода американские и европейские советники. Точнее, советчики и надзиратели.

Сегодняшнюю Украину не-

возможно считать в полной мере суверенным государством. Президенту Петру Порошенко даже не все вооруженные формирования подчиняются. Страна скатилась в пропасть гражданской войны. Вот очередное доказательство того, что пренебрежение к суверенитету приводит исключительно к неурядицам, войнам – особенно если государство рыхлое, а также национально, религиозно и ментально неоднородное.

В отличие от Украины Россия за последние 15 лет вернула себе статус не объекта, а субъекта мировой политики. Она практически в полной мере осуществляет свой суверенитет – хотя он и несколько ограничен тем, что средства Резервного фонда и многие другие счета находятся за рубежом. Влияние России на внутренние процессы в Европе пока невелико, но на своей территории он уже полный. Что касается постсоветского пространства, то здесь придется еще побороться, чтобы нас оттуда не вытеснили.

Ярчайший пример суверенного государства – Белоруссия. К Александру Лукашенко можно относиться по-разному, но его политика точно является независимой. Он постоянно разговаривает на повышенных тонах с Западом, но и с Россией его отношения складываются не всегда гладко. Экономически Белоруссия очень зависима от России, в достаточно большой степени зависит она и от ЕС. Но говорить о сильной политической зависимости не приходится.

Островки суверенитета в Европе

Островки суверенитета остались и к западу от границ России и Белоруссии. Политика тех же Германии, Франции, Италии и Испании к России явно выделяется в лучшую сторону. Словакия относится к нам благожелательно, с Грецией у нас и вовсе очень хорошие отношения. Австрия присоединилась к «Южному потоку», несмотря на давление из-за океана. Норвегия подписала с Россией договор о разграничении морских пространств в Баренцевом море на приемлемых условиях – хотя в США и Канаде было много недовольных.

Да и в Восточной Европе есть, по крайней мере, два политика, радеющие о суверенитете своих государств. Речь идет о бывшем президенте Чехии Вацлаве Клаусе и нынешнем премьер-министре Венгрии Викторе Орбане. Первый снискал славу главного евроскептика, до последнего затягивая подписание Лиссабонского договора. Второй написал конституцию, бросающую вызов таким базовым для нынешней Европы вещам, как нерушимость границ, права сексуальных меньшинств и разрешение на аборты. Сегодня Орбан также противится углублению евроинтеграции. Примеров, когда европейцы не следуют в фарватере США, хватает. Можно вспомнить, как Испания, Италия, Словакия, Норвегия после смены властей вывели свои контингенты из Ирака. Маленькая Словения – единственная из бывших соцстран – в Ирак совсем не полезла, а Чехия участвовала в войне там ограниченно. Не поддержали иракскую авантюру Германия, Франция, Швеция, Финляндия, Австрия, Бельгия. Так что пока определенную долю суверенитета европейские страны всё же сохраняют.

В наибольшей степени суверенным государством в Европе сегодня остается Швейцария. Она в НАТО и в ЕС не входит, свою валюту имеет и мало с кем согласовывает собственные действия. Да, она принадлежит к западному сообществу, но не более того. Норвегия до сих пор не вошла в Евросоюз. Дважды ее народ голосовал против, а теперь вопрос так и вовсе не стоит. Не хотят северяне делиться своим суверенитетом с Брюсселем, отчислять деньги на содержание Ирландии, Румынии или Португалии.

Подлинный пример национальной гордости показала Исландия. Страна пять лет назад оказалась на грани банкротства. Ее долги многократно превысили ВВП. В качестве спасения ей предлагалось пойти в ЕС, взять еще больше кредитов от МВФ. Но исландцы не захотели делиться независимостью. Они также отказались возвращать деньги англичанам и немцам, погоревшим на местных финансовых пирамидах. Захотели халяву – получите! И никакое давление Германии и Великобритании на них не действует.

■

В настоящее время проблема суверенитета в Европе стоит достаточно остро. В политическом смысле континент очень сильно зависит от США, а часть своих полномочий отдельные государства передали ЕС. Но говорить о том, что все европейские страны лишились суверенитета, было бы неверным. Да и добровольная передача суверенитета в руки более крупного центра силы, как это делает, например, Польша, – тоже своего рода суверенное право.

Другое дело, что попытка совершенно не считаться с суверенитетом отдельных государств неизменно приводит к катаклизмам. Это доказали и Мюнхенский сговор 1938 года, и войны в Югославии 1990-х, и нынешние события на Украине. У каждой страны, у каждого народа есть свои особенности, своя национальная гордость, свое достоинство. И их необходимо учитывать и уважать.

Геннадий Васильевич Осипов –
академик РАН, директор Института
социально-политических исследований РАН

Новые социальные реальности: угрозы и вызовы XXI века

На стыке XX и XXI веков человеческая цивилизация претерпела качественные изменения. Возникла новая социальная реальность, имманентными элементами которой являются потенциальные угрозы и риски, способные вовлечь современное общество в глобальную катастрофу. В новой геополитической и социальной реальности снижается значение традиционных (технических и технократических) технологий и возрастает роль технологий нетрадиционных – информационных, социальных, интеллектуальных. Определяющими факторами развития мирового и национального сообществ становятся человеческий потенциал, социальный капитал и научные знания. На основе этого осуществляется переход к информационной фазе развития мирового сообщества.

При этом беспредельные возможности науки как нового глобального явления не могут восприниматься однозначно. Вторжение науки в генофонд человека представляет, на мой взгляд, серьезную потенциальную угрозу для человечества. Трудно спрогнозировать, какие последствия для человека может иметь употребление им в пищу так называемых генно-модифицированных продуктов. Генофонд человека формировался тысячелетиями. Разбалансированность генофонда, которую мы наблюдаем повсеместно, нарушение равновесия единой системы природы – биосферы и человека – может привести к гибели земной цивилизации.

Современная эпоха в жизни планеты Земля определяется введенным в научный обиход Владимиром Вернадским понятием «ноосфера» – и тем качественно отличается от эпо-

Современная эпоха в жизни планеты Земля определяется введенным в научный обиход Владимиром Вернадским понятием «ноосфера» – и тем качественно отличается от эпохи биосферы. Сегодня человек и создаваемые в процессе его деятельности техносфера и социосфера детерминируют состояние и будущее не только физического мира – неорганической и органической природы, – но и мира социального, то есть человеческой цивилизации.

хи биосферы. Сегодня человек и создаваемые в процессе его деятельности техносфера и социосфера (социальная реальность) детерминируют состояние и будущее не только физического мира – неорганической и органической природы, – но и мира социального, то есть человеческой цивилизации.

Техносфера под воздействием разнонаправленных социальных действий человека, осуществляемых чаще всего во имя реализации его сиюминутных, эгоистических или корпоративных интересов и целей, развиваясь в геометрической прогрессии, порождает ряд глобальных угроз. Эти угрозы – если социальные действия и впредь будут осуществляться стихийно и безответственно – неизбежно приведут нашу планету к катастрофе, а человеческую цивилизацию – к гибели.

Актуальный пример. Экономические – а с XX века и экономико-финансовые – кризисы регулярно сотрясают мировое сообщество. На изучение таких кризисов и на отработку способов и технологий их преодоления были направлены усилия научных сил стран-лидеров мировой цивилизации. И результаты не замедлили сказаться. Разработанная сообща экономистами ведущих индустриальных стран теория кризисов позволила распознавать их приближение, вооружила практических работников промышленности, финансовой сферы, управленцев и политиков эффективными методологиями противодействия кризисам, научила зачастую еще на начальных стадиях купировать негативные экономико-социальные последствия.

Так продолжалось до 2007-2008 годов, когда две волны мирового кризиса не просто обрушили финансовые биржи и банки, ввергли большинство отраслей индустрии в тяжелую стагнацию, но и оказались практически невосприимчивыми к неоднократно проверенным – и оттого, как считалось, безотказным – антикризисным мерам, тактикам и стратегиям. Если сравнивать кризис с пандемией гриппа – а такое сравнение считаю корректным, – то можно констатировать, что для нейтрализации нового экономико-финансового «вируса» до сих пор не удалось разработать эффективную «вакцину».

Как следствие – новая волна глобального финансово-экономического кризиса, которая накрыла мировую цивилизацию в конце нулевых годов. Ее ожидали, к ее возникнове-

Никита Моисеев (на фото):
«Человек подошел к пределу, который нельзя перешагнуть ни при каких обстоятельствах: один неосторожный шаг – и он сорвется в бездну. Одно необдуманное действие – и человечество может исчезнуть с лица земли».

нию готовились, копя резервы, стараясь контролировать финансовые и товарные потоки, производство и сбыт, рынки и биржи, поэтому ведущим мировым экономикам удалось купировать кризис на ранней стадии, понеся при этом существенно меньшие потери, чем в предыдущих кризисных ситуациях. Однако и процесс выздоровления оказался более долгим. В первую очередь – для развивающихся стран и государств так называемого третьего мира. Затянувшаяся стагнация даже породила высказывания о возможном «переиздании» Великой депрессии по образцу и подобию мирового кризиса 1929–1939 годов.

Но опасность экономического коллапса – не единственная реальная угроза человечеству. Идет процесс разрушения жизнеобеспечивающих факторов нашей планеты. Это в первую очередь затрагивает атмосферу, землю, воду. Налицо загрязнение воздуха и океанов, сокращение пашни, истощение плодородия земли. Разрушение жизнеобеспечивающих факторов нашей планеты также приобретает характер социальной закономерности. Четко обозначились глобальные экологические угрозы. Это «ядерная зима» в случае ядерного конфликта, потепление климата вследствие так называемого парникового эффекта, нехватка продовольствия и питьевой воды и т.д. Как мудро предупреждал мой добрый товарищ академик Никита Моисеев: «Человек подошел к пределу, который нельзя перешагнуть ни при каких обстоятельствах: один неосторожный шаг – и он сорвется в бездну. Одно необдуманное действие – и человечество может исчезнуть с лица земли».

Многие представители научного сообщества, политики, общественные деятели определяют основную составляющую многотрудного, противоречивого процесса трансформации общественного уклада как глобализацию, отводя в ней ведущую роль геополитике. При условии, что усилия стран, которые в состоянии проводить геополитику и готовы взвалить на себя груз ответственности, будут направлены на поддержание мира и стабильности во всем мире. Первыми в ряду таких стран следует назвать Россию и США.

Арнольд Тойнби предвидел этот процесс и обращал внимание на то, что предстоит затратить немало усилий на исследование отношений «экуменического характера», понимая под ними социальные отношения вселенского, всемирного масштаба. При этом автор теории конфликта цивилизаций подчеркивал принципиальное отличие геополитики периода глобализации от международных отношений эпохи Модерна.

Геополитика, которая в прошедшем веке имела спорадически-ментальный характер, что обуславливалось необходимостью быстрого реагирования для решения сиюминутных проблем блокового противостояния, всё больше обретает системный характер, подвергается всестороннему научному прогнозированию. Это позволяет проводить ее не только в онлайновом режиме, но и решать назревшие проблемы в системном, плановом порядке.

К социальным отношениям вселенского, всемирного масштаба, которые требуют самого серьезного к себе внимания и настойчивых усилий для скорейшего решения, мы относим комплекс проблем, возникших в результате «крупнейшей геополитической катастрофы» – развала СССР. Сейчас, после двух десятилетий, прошедших после случившегося, налицо трагическая ситуация геополитического свойства. С одной стороны, это наличие огромных запасов оружия массового поражения, достаточных для уничтожения всего живого на нашей планете. С другой – всё растущие претензии новых государств на высокий уровень качества жизни, соответствующий или, по крайней мере, приближающийся к социально-экономическим реалиям самостоятельных «старых» государств.

На фоне этих негативных изменений в глобальной экологии и природопользовании в мировом социуме произошло глобальное изменение политического и политико-эко-

номического свойства – распад колониальной системы. В результате образовалось около 300 самостоятельных государств, более 90 процентов которых чиновники определили как «развивающиеся», хотя вряд ли кому из представителей нынешнего истеблишмента понятно, куда «развиваются» эти государственные новообразования.

Государства эти не в состоянии обеспечить своим гражданам приемлемый уровень социальных гарантий, что приводит к массовой экономической миграции, чаще всего незаконной, в страны Европы и в Соединенные Штаты Америки. Стать партнерами развитых стран на рынке труда, товаров, услуг, капиталов вчерашние колонии не в состоянии из-за отсутствия на их территориях реальной производственной базы и квалифицированной рабочей силы. В создавшейся ситуации единственной реальной возможностью удержаться таким странам на плаву становится оказание весьма специфических услуг мировым державам. По сути, такие несостоявшиеся государства торгуют своей лояльностью к государству-суверену и, напротив, враждебностью к политическим, экономическим, идейным и прочим противникам этих суверенов. В таких условиях несостоявшиеся страны могут выступить в качестве политических детонаторов и спровоцировать между ведущими державами новую «горячую» войну, которая с неизбежностью обернется планетарной катастрофой.

В связи с переходом к электронно-цифровой цивилизации возник ряд рисков, которых ранее просто не знали и, соответственно, не учитывали. Большинство из них непосредственным образом связано со взрывной глобализацией, с многократно возросшей в связи с этим динамикой населения, с превращением границ национальных государств в ряде случаев в не более чем административную условность. В итоге стала реальной угроза общественной безопасности России, население которой всё в большей мере сталкивается с рядом вызовов.

Вызов первый. Лавинообразный поток не контролируемой никем информации, обрушившийся на Россию после десятилетий строгой цензуры и идеологических ограничений, негативно сказался и продолжает сказываться на культурном и морально-нравственном кодах госдарствообразующего этноса – русских. По мнению ряда ученых, принцип мультикультурализма, активно внедряемый в сознание граждан России, в практику государственного и общественного устройства страны, находится в противоречии с принципом равенства возможностей, приводит к дискриминации и деструкции базовых культур, лежащих в основе развитых обществ, в частности, российского общества.

Вызов второй. Поляризация идентичности новых масс и элит. Элиты космополитичны – массы локальны. Властные элиты всё чаще сращиваются с бизнес-элитами, в результате чего на рынок поставляется «товар», который в принципе никогда не может стать предметом торга – национальные интересы, связанные с контролем над собственной территорией, ресурсами, внешнеполитическими активами. Элиты всё в меньшей мере отражают интересы народа, в результате чего страна становится непредставительной демократией.

Вызов третий. Иммиграция, меняющая лицо страны. Признавая для России значимость внешней миграции, призываем обратить внимание на внутренние резервы стабилизации численности российского населения. Это тем более актуально, что свыше 40 процентов жителей страны уверены, что у нас сохранились общие духовные ценности. Еще большее количество россиян выступают в поддержку самобытного пути развития России.

Сложилось мощное мусульманское движение с высокой степенью протестного фанатизма. В результате увеличения рисков религиозного и политического экстремизма мир вступил в стадию неопределенности. В любой момент могут возникнуть события, способные взорвать хрупкий мир на планете.

Ранее мир контролировали две сверхдержавы – СССР и США. Но в результате развала Советского Союза мы не только утратили роль международного регулятора, но сами потеряли треть своей территории. Продолжительное время после развала СССР единственной реальной сверхдержавой, способной диктовать свою волю целым континентам, оставались США.

При этом мораль, этика и выстроенные на их основе управленческие технологии остались старыми. В новых реалиях руководители стран пытаются управлять своими народами и влиять на мировое сообщество, не понимая, что настала пора переходить к новой системе управления мировыми процессами, к новой парадигме развития общественных, межгосударственных, межнациональных и прочих отношений.

Ситуация неопределенности и повышенной расположенности к конфликтам сложилась еще и потому, что новые так называемые развивающиеся страны – по крайней мере, многие из них – пытаются построить свое благополучие,

Беглецы с Кубы

Так называемые развивающиеся государства не в состоянии обеспечить своим гражданам приемлемый уровень социальных гарантий, что приводит к массовой экономической миграции, чаще всего незаконной, в страны Европы и в США. Стать партнерами развитых стран на рынке труда, товаров, услуг, капиталов вчерашние колонии не в состоянии из-за отсутствия на их территориях реальной производственной базы и квалифицированной рабочей силы. В создавшейся ситуации единственной реальной возможностью удержаться таким странам на плаву становится оказание весьма специфических услуг мировым державам.

играя на противоречиях между США и Россией.

Они просят у американцев политической защиты, а нам норовят сесть на шею, требуя материальных ресурсов, финансовых средств. Страны, входившие ранее в Советский Союз на положении союзных республик и получавшие от России практически бесплатные сырьевые ресурсы, топливо, почему-то посчитали, что так будет продолжаться и после развала СССР.

Можно понять логику Грузии, стремящейся всеми способами удержать в составе единого государства Абхазию. Создав на черноморском побережье Абхазии рекреационный и туристический кластеры, грузины могут жить за счет средств, поступающих от туристов из стран Европы. Но почему грузины должны благоденствовать за счет территории, принадлежащей абхазскому народу? Тем более что не Абхазия исторически входила в состав Грузии, а Грузия была частью Абхазского царства.

По такой же «логике» приживал действует и Украина. Но не стоит забывать, что Киев никогда не был украинским городом, а Запорожская Сечь добровольно вошла в состав России, ища в ней заступницу перед завоевателями с юга и запада, из мусульманских и католических государств. Центральная и Западная Украина длительное время была захвачена поляками и скорее всего оставалась бы под этим гнетом до сих пор, если бы не заступничество России.

Украина в нынешнем своем виде была очерчена Брестским мирным договором. Туда даже входили частично Воронежская и Курская области России. После денонсации Брестского договора большевики непонятно почему решили, что это ничем не обоснованное расширение пределов Украины следует сохранить. Таким образом, южная, восточная и в значительной мере западная части Украины никогда, за исключением смутного времени конца Первой мировой войны и большевистских манипуляций с границами бывшей Российской империи, Украиной не являлись.

Никакой, даже отдаленной, логики не просматривается в передаче Крыма Украинской ССР. Это было волюнтаристское решение Никиты Хрущева, заигрывавшего с партийной организацией Украины, чтобы получить от нее поддержку в борьбе за власть в Москве.

Большинство украинцев понимают, что рано или поздно вопрос о незаконно присвоенных территориях актуализируется, поэтому для удержания пространства их лидеры настойчиво разжигают в народной среде – прежде всего среди молодежи – русофобские настроения. Одновременно делается всё, чтобы вступить в НАТО и укрепить свои захватнические поползновения силовым компонентом этого агрессивного военно-политического блока.

Можно понять и Соединенные Штаты Америки. Они претерпели от нас унижения, когда СССР размещал на Кубе ракеты с атомными боеголовками, когда небезуспешно поддерживал антиамериканские режимы в Никарагуа и других государствах Латинской Америки, Северной и Центральной Африки. Оби-

ды эти они нам запомнили.
Одновременно с этим США переживают период кардинальной смены поколения вооружений. С кем собираются они воевать новейшим оружием? Только не с Россией! Но и отказаться от производства вооружений они не могут. Военно-промышленный комплекс является в США мощнейшим промышленно-экономическим фактором, важнейшим социальным компонентом американской экономики. Не то чтобы остановка производства вооружений, но даже хотя бы его частичное сокращение приведет страну к серьезной безработице, к потере темпов экономического развития, к стагнации и неизбежному кризису, который больно ударит по наименее защищенным слоям населения. Таким образом, продолжается эта преступная гонка вооружений, дорога в никуда. Речь идет не о резкой остановке мчащегося на всех парах поезда американского ВПК. Речь идет о том, чтобы помочь нашим американским партнерам перестроить свой мощнейший экономический потенциал с производства продукции для уничтожения на создание инфраструктуры для созидания.
Взять хотя бы участие американских корпораций в разработке предложенного Россией так называемого коридора развития, идея и первоначальные прогнозные расчеты и обоснования которого подготовлены в нашем институте. Этот глобальный транспортный коридор, дополненный мощными линиями оптиковолоконной связи, развитой инфраструктурой, способен буквально пронизать евразийский и североамериканский (с перспективой продолжиться в Южной Америке) континенты живительными артериями скоростных коммуникаций, современной логистики и информационных систем. Для его создания и последующего развития и обслуживания потребуются миллионы высококвалифицированных и, следовательно, высокооплачиваемых рабочих мест. Коридор развития на десятилетия загрузит гарантированными заказами экономики России и США, а также привлеченных ими к деловому партнерству государств.
Очень важно понять всем нашим партнерам и оппонентам в мировом сообществе, что Россия принципиально не приемлет конфронтации с ведущей державой планеты – США. Да, мы противостоим стремлению американского истеблишмента навязать всем остальным странам политику постмодернизации, основанную на ограниченном суверенитете, резком сокращении экономической деятельности государств, детерриторизации и отказе от самостоятельной внешней политики. Россия не может согласиться с настойчивыми попытками США форсировать переход к однополярному миру в целях установления своего мирового господства, подчинения своему неконтролируемому диктату остальных стран и народов. Американизация современного мира, которая объявлена дипломатией США важнейшей глобальной тенденцией мирового развития, не находит и никогда не найдет у Российской Федерации поддержки. Но для нас также неприемлема и иная крайность – антиамериканизм, получивший свое наиболее яркое выражение в вырванной из контекста и упоенно цитируемой экстремистами фразе из Корана: «Где бы вы ни были, захватит вас смерть, даже если бы вы были в воздвигнутых башнях» (Сура Аль-Нисаа, 4:78). Эта экстремистская тенденция рассматривается российской внешней политикой в качестве серьезной угрозы мировой безопасности – угрозы, приобретающей в ряде случаев драматический, античеловеческий характер.
Союзничество во Второй мировой войне сблизило народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Наше сегодня берет начало в победном для нас 1945 году. Об этом ни в коем случае нельзя забывать ни простым гражданам, ни истеблишменту обеих наших стран.
У России с американскими партнерами существует множество точек соприкосновения, множество схожих проблем, требующих немедленного решения. Взять хотя бы только глобальную проблему нераспространения – будь то ядерного вооружения, новейших традиционных военных систем или опасных форм биологических изысканий (клонирование человека, генно-модифицированные продукты питания). Сюда же относятся терроризм, расовый экстремизм и агрессивные формы религии (ваххабиты, талибы, тоталитарные секты). В этом списке также наркотрафик и морально-нравственные извращения (порнография, содомия, проституция, подпольная торговля человеческими органами, изъятыми криминальным способом). И многое другое. Комплекс перечисленных проблем в принципе способны решить только Россия и США целенаправленными совместными усилиями. Ни у кого более на планете нет на то ни политических, ни экономических, ни силовых возможностей. Понимание сложившейся ситуации должно усилить ответственность наших стран за судьбу мира.
Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются не только силовыми центрами земной цивилизации, но и ведущими странами

в области научных исследований. Именно наука как основа современного мировоззрения, как весомый, наряду с религией и искусством, источник развития морально-нравственного императива способна достойно ответить на всё более ширящиеся и углубляющиеся вызовы современности.

Выдающиеся политические деятели, ученые и представители деловых кругов США, выступая в СМИ, на конференциях, круглых столах и т.п., неоднократно высказывали неординарные идеи и вносили реальные предложения по решению актуальных проблем современной цивилизации. В первую очередь к ним следует отнести:

- идею бывшего вице-президента США Дэна Куэйла о переходе к мировому порядку, включающему взаимодействие основных силовых центров мира;
- всестороннюю программу сотрудничества США и России, разработанную конгрессменом Куртом Уэлдоном;
- идею выдающегося патриота США Роберта Крибли о резком изменении геополитической ситуации в мире на основе выхода США из НАТО (следует отметить, Крибли был для нашей страны врагом номер один при президенте Рональде Рейгане и активно финансировал антисоветскую кампанию в США).

Заслуживает отдельного упоминания комплекс идей выдающегося американского социолога русского происхождения Питирима Сорокина, изложенный им в работе «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип». Даря мне эту книгу на приеме в своем доме под Бостоном в 1962 году, Питирим Александрович сказал: «Необходимо то, что я обозначил понятием “конвергенция”, то есть соединение всего лучшего, что есть в СССР и США, для блага обеих стран и блага всего человечества. Не противостоять, не навязывать друг другу своей воли, а действовать вместе сообща. Иного пути нет».

Ускоренное формирование глобальных социальных отношений как основы процесса глобализации стало возможным в силу «разгосударствления» международных отношений и резко возросшего значения роли ведущих мировых держав и их руководителей в процессе формирования новых отношений, основанных на осознании ответственности за судьбы мира.

Человечеству жизненно необходимо безотлагательно овладеть научным пониманием проблем земной цивилизации, и решение этой интеллектуальной проблемы высшей пробы вполне по силам находящимся в расцвете сил интеллектуалам, избранным президентами великих стран – России и США. Поэтому два динамичных руководителя двух великих держав – России и США – должны в интересах мира, в интересах всего человечества принять на себя и неукоснительно соблюдать следующие основополагающие обязательства:

- ни одна из договаривающихся стран не совершает сама и не провоцирует никого из своих союзников и партнеров на какие-либо действия, направленные против интересов другой страны;
- ни одна из договаривающихся стран не вмешивается во внутренние дела третьих государств, не ограничивает их политически, экономически и каким-либо иным образом, пока действия этого государства ни начинают угрожать безопасности и национальным интересам мирового сообщества;
- обе страны заключают исчерпывающее соглашение о глобальном стратегическом партнерстве, включая военную область – вплоть до взаимной обороны;
- они используют дипломатическое влияние, а при необходимости и вооруженные силы для подавления агрессии, экстремизма, попрания норм морали и нравственности со стороны третьих стран или объединения этих стран;
- договаривающиеся стороны определяют на основе научной экспертизы объекты и параметры, подлежащие режиму нераспространения, и строго контролируют выполнение этого режима всем мировым сообществом;
- наши государства становятся основными разработчиками и координаторами глобальных гуманитарных и технологических проектов, к которым относятся борьба с голодом, контроль за чистотой и справедливостью распределения питьевой воды, контроль за вредными выбросами в атмосферу, борьба с социальными болезнями, создание трансконтинентальных транспортно-информационных коридоров «Азия – Европа – Северная Америка» и «Азия– Америка» (по территории Российской Федерации через Арктику), добыча полезных ископаемых на арктическом шельфе, создание и развитие глобальной системы производства энергии из возобновляемых источников, совместные разработки на основе нанотехнологий, совместные запуски в космос с экватора, совместные экспедиции в глубины вселенной и т.д.;
- оба государства кардинально расширяют область гуманитарного сотрудничества, создают на своих территориях сеть совместных университетов, имея в виду массовую подготовку специалистов ведущих областей знания, воспитание поколения политиков и управленцев, которые бу-

дут свободны от мифов и предубеждений в отношении друг друга. Для этих целей они вводят безвизовый режим посещения гражданами США России и наоборот, всячески способствуют научному, культурному, гуманитарному обмену между Россией и США, развитию туризма, спорта, индустрии досуга.

Конечно, такая программа, далеко не исчерпывающая всех возможностей партнерских отношений между обеими странами, потребует немалых материальных затрат и организационных усилий. Но прежде всего – доброй политической воли. Времени, чтобы проявить ее, отпущено историей немного. Поэтому призываю сторонников и помощников нового кардинального сближения России и США, к которым отношу и себя, к активным реальным действиям в национальных интересах России и США, в интересах всего человечества.

Российская Федерация готова и открыта к такого рода сотрудничеству, о чем неоднократно свидетельствовали высказывания и четко сформулированные инициативы президента Владимира Путина, заявления министра иностранных дел Сергея Лаврова и других высокопоставленных руководителей Российской Федерации. Но готовы ли поддержать нас в этом благородном стремлении американские партнеры? Как можем убедиться, чаще всего – не готовы. Эгоистические интересы американского бизнеса, желание «пригнуть» Россию, заставить ее смириться с ролью ведомого в международной политической конфигурации то и дело побеждают здравомыслие и готовность к неконфронтационному развитию отношений со своими естественными партнерами.

С особой наглядностью такая позиция США проявилась в отношении кризиса на Украине, который подавляющее большинство граждан России переживают с саднящей душевной болью. Для нас трагедия соседнего славянского народа, веками пребывающего с русскими и другими народами России в братской дружбе и единении, – личная трагедия. Иной подход к той же проблеме у США. Заокеанские политики видят в перспективе для объятой пламенем гражданской войны Украины роль некой буферной территории, военной базы НАТО, сырьевого придатка и поставщика дешевой рабочей силы для объединенной Европы. Вот потому американцы совместно с европейцами и привели в Киеве к власти людей, исповедующих идеологию неофашизма в его наиболее мерзком бандеровском варианте. Вот почему они упорно не желают видеть зверства боевиков киевской хунты в Одессе, Краматорске, Славянске и других городах и населенных пунктах юго-восточной части Украины. Вот почему вину за содеянные злодеяния пытаются, используя весь арсенал политической демагогии, шантажа, запугивания мирных граждан, давления на СМИ, свалить на Россию, не имея ни малейших доказательств того.

Как поступать в такой ситуации российскому руководству и обществу? Ответ может быть только один – адекватно. Если США не поймут и не учтут позицию России по Украине и иным сложным политическим, экономическим, обо-

Баграт III, царь Абхазии, объединитель Сакартвело (Грузии). 1008 год

Можно понять логику Грузии, стремящейся всеми способами удержать в составе единого государства Абхазию. Создав на черноморском побережье Абхазии рекреационный и туристический кластеры, грузины могут жить за счет средств, поступающих от туристов из стран Европы. Но почему грузины должны благоденствовать за счет территории, принадлежащей абхазскому народу? Тем более что не Абхазия исторически входила в состав Грузии, а Грузия была частью Абхазского царства.

Алексей Кившенко. Переяславская рада. 1654 год. Воссоединение Украины. 1880 год

Так называемые развивающиеся государства не в состоянии обеспечить своим гражданам приемлемый уровень социальных гарантий, что приводит к массовой экономической миграции, чаще всего незаконной, в страны Европы и в США. Стать партнерами развитых стран на рынке труда, товаров, услуг, капиталов вчерашние колонии не в состоянии из-за отсутствия на их территориях реальной производственной базы и квалифицированной рабочей силы. В создавшейся ситуации единственной реальной возможностью удержаться таким странам на плаву становится оказание весьма специфических услуг мировым державам.

ронным проблемам, Российская Федерация должна будет начать жестко и принципиально выстраивать свою тотальную независимость от влияния третьих стран, даже если среди них и такой колосс, как США. Всячески избегая конфронтации, РФ должна будет строить свои отношения со всем миром исключительно на принципах рациональности. Без воинственной риторики и тем более без угроз, но наша страна должна хотя бы на время отказаться от исторической мессианской роли, от благотворительности, односторонней помощи тем странам-партнерам, которые уже выказывали ей неуважение и даже враждебность.

Заняв такую жесткую позицию по отношению к внешнему миру и прежде всего к лидеру западной атлантистской идеологии – США, – Россия должна безотлагательно и самым серьезнейшим образом заняться своей экономикой, своими финансами, своим сельским хозяйством, поставив целью скорейшее и радикальное улучшение социального положения населения.

Успех нашего дальнейшего развития невозможен без решительной смены его парадигмы. Прежде всего руководству России следует решительно устранить всё еще действующие в стране три основные фактора нацеленности реформ на разрушение.

Первый фактор. Выбираемые руководством страны модели реформирования в ряде случаев по-прежнему не соотносятся с реалиями социальной жизни. Аналогичная беда имеет место и с политическими решениями. Приня-

тое решение должно иметь механизм реализации – тщательно просчитанный в плане возможных социальных последствий, понятный большинству населения и поддерживаемый им.

Второй фактор. Продолжающийся латентный сепаратизм, реализуемый под видом регионализма и развития местного самоуправления, должен быть решительно преодолен укреплением как вертикали власти, так и постоянным совершенствованием общегосударственных задач.

Третий фактор. Должно быть решительно преодолено игнорирование властными структурами поиска средств реализации поставленных целей путем постоянной корректировки, если процесс начинает отклоняться от заявленной цели. Иными словами только чуткость власти к реакции масс на методы реализации задач и их промежуточные результаты позволит в полной мере осуществить поставленные цели.

Одновременно необходимо умножать государственные усилия по созданию фундаментальных условий для свободного развития и проявления индивидуальности каждой личности, реализации ее духовного потенциала, что означает:

- признание человека главной целью и основным критерием эффективности реформирования государства и общества;
- гарантированное соблюдение демократических прав и свобод человека, включая основополагающие права на личную безопасность и достойную жизнь, частную собственность;
- создание условий для активной социальной мобильности, предоставление возможности получения образования, информации, повышения квалификации;
- обеспечение экономических и правовых условий для развития материнства и детства, здоровой семьи;
- предоставление молодежи социальных возможностей для активной общественно-политической и творческой деятельности;
- поддержку национальных ценностей, традиций, идей патриотизма и державности, исторической преемственности.

Нам надо почаще вспоминать слова императора Александра III, справедливо заявившего, что у России нет иных союзников, кроме ее армии и флота. Можно, на мой взгляд, расширить это высказывание до триады, включив в нее в качестве стратегических союзников России науку. Академическую, отраслевую, университетскую – всякую, которую, следуя указаниям всё тех же США, наша пятая колонна пытается сейчас разрушить.

Почему с такой поспешностью был принят закон о реформировании науки? Прежде всего потому что ученые, в первую очередь – обществоведы, вплотную подошли к обоснованию необходимости включения науки в систему государственного управления. Для большинства российских чиновников такой подход смерти подобен. Более всего они желают работать по-старому, параллельно извлекая немалую прибыль из участия в рыночных структурах, дележа дивидендов, расширения своих преференций в виде бонусных выплат и привилегий. Они как черт от ладана бегут от науки. Она опасна для них, для их эгоистических и корпоративных интересов.

Грядущие изменения социальной реальности с неизбежностью обуславливают необходимость перехода к новой системе управления обществом. Эта система предполагает отказ от традиционного метода проб и ошибок и принятие социально значимых государственных решений на основе всестороннего научного анализа и точных, математически выверенных расчетов.

Наука и образование – системообразующие факторы новой социальной реальности, а их интеграция – веление времени.

Для нас важно, что мировое сообщество начинает всё в большей мере осознавать, кто является истинным, а не вымышленным источником опасности для современного человечества. Так, почти четверть (24 процента) жителей земли считают, что наибольшую угрозу для мира в настоящее время представляют Соединенные Штаты Америки. А вот страны, обозначенные мировыми идеологами как «очаги зла и угрозы», по мнению респондентов во всем мире, куда менее опасны. Например, только 8 процентов опрошенных считают, что угрозу миру представляет Пакистан. Еще 6 процентов чувствуют опасность, исходящую от Китая. По 5 процентов респондентов назвали опасными странами Иран, Израиль, Афганистан и Северную Корею. Россия по общемировым оценкам получила 2 процента голосов как страна, которая представляет угрозу. Результаты этого опроса, как никогда ранее, показывают, насколько многополярным становится мир.

Да, мировое сообщество с остановками и откатами на предыдущие позиции движется по направлению к многополярному миру. К ситуации, когда перманентный диалог – а не силовое давление – становится главной формой решения планетарных проблем. Путь этот тернист и неблизок, но уже сейчас мы должны готовиться к новой всемирной политической конфигурации.

XXI век: метафора социума. Вместо заключения

Предвижу недоумение некоторых коллег: отчего это вдруг маститый социолог взялся описывать социум наступившего века с использованием системы метафор? Ведь метафора – инструмент субъективно-художественного, а не объективно-научного восприятия и отражения реальности, так называемый художественно-изобразительный троп. Научное же и художественное мировосприятия системно отличаются друг от друга. Да, такой довод трудно опровергнуть. Еще Освальд Шпенглер отмечал глубинный, сущностной дуализм, казалось бы, близких по внешнему выражению историко-социальных явлений, относящихся, однако, по степени фиксации и познания к разного рода психологическим типам человеческого восприятия. Он осознанно противопоставлял понятия природы и истории, причинности и судьбы, познаваемого и переживаемого, элемента в науке и образа в искусстве. Научная сентенция и художественная метафора подобны Западу и Востоку в известной балладе Редьярда Киплинга. Это параллельные прямые, которым не суждено сойти с места до скончания времен.

Но ведь и параллельные прямые пересекутся, когда, пребывая в эвристическом прозрении, великий русский геометр, создатель неевклидовой геометрии Николай Лобачевский предложил принять за плоскость внутреннюю часть окружности, а за прямые линии – ее дуги. Так что неправ Экклезиаст, утверждавший, что «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Постоянно создается новое, ценное для человечества знание – и оно порождено гением человека-творца.

И вот уже выдающийся отечественный математик и философ Василий Налимов «сдвигает» метафору с, казалось бы, незыблемой для нее позиции исключительно художественного применения, «прописывая» ее, в том числе, и в философии: «Недостаточность логики в обыденном языке, – утверждает он, – восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста – это два дополняющих друг друга его проявления».

Дальше – больше.

Если еще сравнительно недавно рождение метафоры предполагало базовым элементом номинативный образ, то теперь всё чаще эту роль выполняет философско-социальная сентенция. Проще говоря, не только художественная образность, но и научная логика участвует на равных в процессе метафоризации как в области возникновения новых феноменов, так и в перманентном пересмотре генезиса и реальной социальной значимости уже имеющегося, исключительно разнообразного корпуса метафор.

При этом вполне отдаю себе отчет в том, что в статистически преобладающем представлении о метафоре в той или иной мере проявленности присутствует своего рода благородное когнитивное шаманство: как отказаться от традиции почти что сакрального отношения к большинству литературных тропов и различных изобразительных приемов? Отказываться, естественно, не следует, но помнить о гармоническом балансе привлекаемых для процесса исследования методологий (художественной и научной) необходимо. При этом также важно постоянно помнить, что художественное мышление, художественное мировосприятие, в основе которых – образ, синтезирующий представления об объекте или процессе, всё в большей мере оказывают влияние на научное сознание, на философию и методологию научных исследований – прежде всего в гуманитарных науках. Следовательно, возрастает в этом контексте и роль художественных тропов, которые всё чаще выступают активными компонентами инструментария гуманитарных и даже естественных наук при создании ими образной системы обозначения исследуемых феноменов.

Сошлюсь на самые последние источники. В частности, изыскания голландского социолога Дика Пелса, который, исследуя взаимоотношения политики и экономики, определяет оба понятия как «метафора политики» и «метафора экономики». По его мнению, оба эти вокабулярия осуществляют расколдовывание и деконструкцию, поскольку обнаруживают в качестве характерных особенностей профессионального поиска знания нечто аналогичное жажде наживы или воле к власти. «Интрига состоит в том, – пишет Пелс, – что эта радикальная идея относительно сговора между когнитивными и социальными элементами в науке, а также ситуативности и обремененности интересами ее продуктов получила выражение в двух классических вариациях расколдовывания: “марксистской”, касающейся экономики и капитала, и “ницшеанской”, касающейся политики и власти». (Здесь исследователь апеллирует к высказыванию Мишеля Фуко: «Ницше определил в качестве общего фокуса <…> философского дискурса властные отношения, в то время как для Маркса таким фокусом были производственные отношения».) Эти «вариации расколдовывания», считает Пелс, «каждая по-своему выявляют нерасторжимую двойственность когнитивных и стратегических интересов и вытекающую из нее “агонистическую” структуру научного предприятия. Таким образом, *обе метафоры* (курсив мой. – *Г.О.*) представляются одинаково полезными с точки зрения низвержения того, что Ницше называл “аскетическим” идеалом философской истины и освобождения науки от ее традиционных эпистемологических привилегий».

Показательно высказывание моего французского коллеги, социолога Пьера Бурдьё о роли литературных приемов в социальной науке: «Забота о том, чтобы дать почувствовать или дать понять, вызванная непосредственным присутствием внимательного слушателя <…> подталкивает к поиску *метафор и аналогий* (курсив мой. – *Г.О.*), которые, если суметь оговорить их ограничения на момент использования, позволяют дать первое интуитивное приближение к наиболее сложным моделям и, таким образом, подвести к более строгому представлению».

Георг Лихтенберг (на портрете): «Метафора гораздо умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Всё имеет свои глубины».

Приступив к освоению территории метафоры, став активным партнером искусства в процессе метафоризации, современная наука сыграла еще одну благую роль, пока что остающуюся практически не отмеченной. Наука если и не сняла, то существенно снизила в нашем отношении к метафоре элемент сакральности, мистики.

И ведь правда, что такое метафора, как не следующая – более высокая и сложная – ступень в цепочке-лестнице познавательной технологии: мотив–тема–образ–метафора?.. Ставлю после знака вопроса многоточие, ибо убежден, что при более тонком анализе интересующего нас явления цепочка-лестница продлится. Более того, и внутреннее ее пространство способно раздвинуться в стороны, вместив в себя новые термины, фиксирующие

результаты новых исследований на микроуровне.

Безусловно, метафора – неотъемлемое и, я бы сказал, наивысшее по степени интеллектуального и эмоционального воздействия на сознание и психику человека средство художественного отражения реальности. Но чем дольше идет человечество по пути осознания окружающей его реальности, тем всё более и более расширяются горизонты использования метафорического метода отражения.

«Метафора исключительно практична. <…> Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка», – считает изучающий феномен метафоры Роберт Хоффман.

Как справедливо отмечает один из ведущих исследователей данной темы Н.Д. Арутюнова, интерес к метафоре способствовал взаимодействию самых различных направлений научной мысли, их идейной консолидации, следствием которой стало формирование когнитивной науки, занятой исследованием разных сторон человеческого сознания. «В ее основе – предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума», – считает исследователь В.В. Петров.

Вводную, теоретическую часть эссе о метафоре завершу мудрым ироничным речением выдающегося немецкого ученого и публициста XVIII века Георга Лихтенберга: «Метафора гораздо умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Всё имеет свои глубины».

Пожалуй, лучше применительно к нашему случаю и не скажешь.

И вовсе не вдруг направил я свой заинтересованный взгляд на, казалось бы, удаленную от науки метафору. Идея попробовать отразить метафорическими средствами свое видение социально-политической ситуации в родной стране и в мире укоренилась в сознании после знакомства с творчеством выдающегося русского живописца, патриота, Народного художника СССР Ильи Глазунова. Особенно после небывалого вдохновения, снизошедшего на меня у эпохальных картин живописца «Вечная Россия» и «Мистерия XX века».

Не стану ни размышлять о них, ни тем более описывать. С трудом могу представить, что истинный патриот Отечества не удосужился лицезреть эти выдающиеся творения, сравнимые по силе духа и изобразительной живописной мощи, по масштабу охвата главных событий века и глубине проникновения в душу зрителя с вершинными достижениями выдающихся мастеров Возрождения. А коль таковые всё же имеются, мой совет им: поспешите на Волхонку, 13, где в Московской государственной картинной галерее Ильи Сергеевича Глазунова вот уже десятилетие со дня открытия экспозиции в 2004 году выставлены эти творения нашего выдающегося современника.

Природа не одарила меня способностью к рисованию, гармонией красок достоверно и убедительно описывать тварный мир, передавать современникам свое видение и понимание его. Поэтому реализация идеи социальной метафоры сама собой отложилась до моего знакомства с молодым одаренным художником Святославом Гуляевым.

Основным аргументом в решении выбрать Святослава реализатором своих научно-художественных представлений о социальном мире посредством создания развернутой изобразительной метафоры послужило его пристрастие к социологии. Так, аспирант возглавляемого мною Института социально-политических исследований РАН и впоследствии кандидат социологических наук Святослав Гуляев стал моим соавтором в работе над живописным триптихом «Мистерия XXI века».

Эмпирически сложился алгоритм нашего совместного творчества. При встречах я излагал Святославу концепцию всего произведения в целом и каждого отдельного урока. Определял в качестве персонажей картины исторических персоналий и те роли, которые они,

Святослав Гуляев. Мистерия XXI века. 2013 год

по моему разумению, должны «сыграть» в контексте драматургии всего произведения. В общем виде объяснял композицию всего живописного полотна и его фрагментов, те векторы, по которым было бы интересно проследить развитие социальных явлений и символизирующих их лиц.

Через какое-то время молодой художник приносил эскиз, который мы с ним обсуждали воистину с научной скрупулезностью, не оставляя вне критического анализа ни квадратного сантиметра будущего живописного полотна. Случалось, от предложенного эскиза в результате обсуждения не оставалось практически ничего, но это не смущало нас: отрицательный результат и в науке, и в искусстве бывает порой не менее важным для общего замысла, нежели результат положительный.

Сарказм является определяющим художественным приемом в отношении ряда наиболее одиозных персонажей. Чего стоит красный (и по политической сути, и по цвету на картине) бес Троцкий, кровавой гориллой усевшийся на гребне стены Московского Кремля? Или подчеркнуто карикатурный (словно с публицистических рисунков Кукрыниксов) доктор Геббельс, зашедшийся в истерике параноидальной шизофрении перед микрофоном вещающей в мир фашистские человеконенавистнические идеи радиостанции? Для фашистов, для тех, которые проповедовали идею «перманентной революции» как инструмента геноцида русского народа, не может быть иного средства художественного отображения, нежели гротесковый сарказм.

Мягче, но тоже карикатурно, как парафраз известной картины художника-передвижника Василия Перова «Охотники на привале», подана нами лихая троица, развалившая по пьяной лавочке в белорусском Беловежье Советский Союз – Борис Ельцин, Станислав Шушкевич, Леонид Кравчук.

Не только колючий осуждающий взгляд притаившегося за их спинами Александра Лукашенко стал моральным и политическим приговором разрушителям, но и помещенный в левом нижнем углу композиции фрагмент, запечатлевший триумвират победителей во Второй мировой войне – генералиссимуса Иосифа Сталина, президента США Фран-

клина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Они еще вместе перед фото- и кинокамерами ведущих информационных агентств мира. Еще впереди совместная победа, но видно, что каждый из сильных мира сего занят своими мыслями, а все вместе они уже смотрят в разные стороны. Сегодня они еще союзники в переговорной Ялте, но не за горами речь Черчилля а Фултоне, ставшая сигналом к холодной войне, аукнувшейся «железным занавесом», на десятилетия отгородившим СССР от остального мира.

Ни один персонаж картины не является изолированным идейно-смысловым элементом. Все они связаны (повязаны?) друг с другом и все вместе – со страной и ее историей. Связаны, стянуты в том числе и композиционными элементами: изгибающимися, как волны реки времени, как языки пламени, диагоналями текстового свитка и киноленты – наиболее детерминированной приметы века.

Вот взошедшие на трибуны четыре вождя из разных периодов советской эпохи – Ленин, Хрущев, Брежнев, Горбачев. Каждый вскинул в характерном указующем жесте руку. Только указывают они путь народным массам… в разные стороны! Впрочем, есть и нечто общее между ними – откровенное фиглярство и фанфаронство по образцу незабвенного гоголевского Хлестакова.

Но основной исполнительский элемент в развернутой нами живописной опере – дуэты.

Вот «сладкая парочка» руководителей думских фракций – Зюганов–Жириновский. И вроде, бранятся они с думской трибуны и в кулуарах, разоблачают и угрожают, а действо их всё отчего-то воспринимается нами парным эстрадным конферансом, политическим театром далеко не лучшего пошиба. Вот так и играем годами, десятилетиями на политической сцене России, пропуская вперед энергичные волевые страны, выпуская пар столь необходимого России созидания в бессмысленный, даром что громкий и резкий, свисток…

Вот Чубайс и его ваучер – оба бесполезные жульнические обманки.

Вот «плохой» гешефтмахер Березовский, сбежавший от справедливой кары в неразборчивый Лондон, и оставшийся в Отечестве и, следовательно, «хороший» бизнесмен Абрамович. Только как-то не по себе от вида этой «плохой»-«хорошей» парочки. Так и подмывает взять кисть, набрать на нее с палитры черной краски и провести между ними на картине две параллельных черточки – знак равенства.

Вот Путин и Обама. О них я уже писал выше. Хочется добавить в адрес нашего лидера: держитесь, Владимир Владимирович, на Вас с надеждой смотрит все прогрессивное человечество.

Дуалистический дуэт в нашей мистерии составляют не только исторические персонажи, но и значимые предметы. Фашистские штурмовики в атакующем строе и строй советских воинов-победителей на параде Победы с поверженными на брусчатку Красной площади знаменами и штандартами Третьего рейха.

Мамона, чей жизненный смысл – деньги, играет миром, как марионеткой. И вот другая пара всё с той же мамоной: продавший себя за злато лысый толстяк и нависший со спины над его головой не то дядюшка Сэм – символ капиталистической Америки, не то магистр всесильной масонской ложи с шестиконечной звездой на муаровой ленте цилиндра.

Значимые для мирового развития события подтягиваются через эпохи, столетия одно к другому по принципу гносеологического тождества. Чаще – кажущегося тождества.

Великая французская революция и ельцинский либеральный демарш у Белого дома в Москве. Тогда доморощенным либералам казалось, что, подобно восставшим против феодальной отсталости галлам, они творят историю, а оказалось, что они задержали поступательное движение многострадальной матушки-России еще на годы ельцинского хмельного самоуправства.

Даже тексты на пространстве мистерии стремятся составить пары. Указ императора Александра II, отменивший крепостное право в России, и заверение Путина, что мы готовы к честной конкуренции во всех сферах общественного бытования. Перекличка благих начинаний через века.

Особо хочу отметить самый важный для меня фрагмент картины, ее смысловой посыл в будущее. Он и композиционно

выстроен с таким прицелом – в правом верхнем углу общей композиции.

Именно оттуда открывается путь за пределы нашей ярмарки тщеславия, нервной, смутной, непредсказуемой мистерии еще только складывающегося, закипающего созидательными и разрушительными энергиями века.

Всё дорого памяти моей и мило душе в этом завершающем нашу ознакомительную экскурсию фрагменте отраженной на художественном полотне социологической метафоры.

В русских народных сказаниях развилка дороги – это всегда выбор судьбы. Направо пойдешь, налево пойдешь… И обязательно заманчивой перспективе успеха и счастливого обладания в качестве отрезвляющей альтернативы противопоставлена трагическая развязка: «Головы не снесешь». А тут своей волей я обозначил такой символический перекресток, от которого обе дороги ведут в территорию надежды. Потому названия ведущих российских научных центров – «Сколково» и «РАН» – звучат во мне бравурной музыкой.

Знаю, и Инновационный центр и технопарк в московском Сколково, и Российская академия наук переживают не лучшие времена. Но ведь надежда оставляет нас последней…

Потому и ведущий офис РАН с характерной анодированной конструкцией сложных антенных систем на крыше, метко прозванной в народе «золотыми мозгами», видится мне в контексте мистерии эдаким стилизованным ракетоносителем к неведанным человечеству научным горизонтам. Вот и экипаж я для него подобрал по своему разумению оптимальный и отобразил тремя портретами на последнем, завершающем хронику сущего мотке кинопленки.

Кому неведомы эти люди, представлю их в очередности слева-снизу по направлению направо-вверх: Андрей Григорьевич Здравомыслов, Владимир Александрович Ядов и ваш покорный слуга – Геннадий Васильевич Осипов. В далеких уже 60-х мы начинали сложный, временами трагический после десятилетий запретов и строгих ограничений со стороны партократического режима процесс возрождения отечественной социологии. Каждый из нас шел своим путем, а в итоге пройденный

нами путь выразился в три самостоятельных самоценных направления. Других не случилось. Поверьте мне на слово.

Экипаж мечты… И что с того, что мы с Владимиром Александровичем разменяли девятый десяток, а Андрей Григорьевич уже покинул нас. Метафора способна остановить, законсервировать время. Хотя бы на исписанном масляными красками полотне, названном загадочным и интригующим словом «мистерия».

По крайней мере, хочется в это верить…

Алексей Анатольевич Громыко –
доктор политических наук,
исполняющий обязанности директора
Института Европы РАН

Россия и Малая Европа – проблема **геополитического маневра**

В конце XX – начале XXI века несостоятельность стремления к закреплению однополярного мира в лице доминирования США подогревала ожидания в отношении будущего Евросоюза как более самостоятельного политического игрока в международных отношениях. Параллельно с этим всё большую популярность обретала идея полицентричности, которая, надо отметить, далеко не во всём совпадала с идеей многосторонности, популярной в Евросоюзе (или другими словами – в Малой Европе, в Большую Европу входят все страны европейской цивилизации, в том числе и Россия). Идея многосторонности подразумевала скорее выход Малой Европы на передовые роли в партнерстве с США и другими составляющими коллективного Запада. То есть речь шла в основном о реконфигурации сил внутри Евроатлантики при сохранении в неприкосновенности ее лидирующих позиций в мировых делах. В отличие от этого взгляда на расстановку сил в новом столетии полицентричность предполагала значительное снижение роли коллективного Запада в пользу иных центров влияния – как в Европе, так и за ее пределами.

Новый многополярный мир первой четверти XXI столетия, как и предыдущие миросистемы, продолжает иметь иерархичный характер. Однако он представляет собой уже не две пирамиды влияния, как в биполярную эпоху, и не единственную пирамиду однополярного мира, а многоярусную структуру, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. В этом смысле мир стал неполярным. Процессы кристаллизации контуров многополярного мира ускорились вместе с приходом мирового кризиса. В последние годы он вступил в свою третью фазу – социально-политическую, – которая слилась с двумя предыдущими – финансовой и экономической.

Осознание того, что ожидания общественных и политических элит в странах-членах ЕС явно завышены, наступило после провала в 2005 году ратификации Евроконституции. Главным шоком был не столько факт неудачи референдумов, сколько то, что это произошло во Франции и Голлан-

дии, стоявших у истоков всего интеграционного проекта. Обычный для Малой Европы трафарет «центр/ядро–периферия» перевернулся с ног на голову: теперь многие страны «периферии» стали лояльнее относиться к интеграционному проекту, чем некоторые страны «центра/ядра». В результате «периферия» ЕС теперь могла оказаться где угодно, как и его «центр». Как США переоценили свою способность единолично заниматься вопросами глобального управления, так и Евросоюз оказался неспособен в условиях формирования полицентричного мира стать в нем главной доминантой с опорой на постмодернистскую «мягкую силу». Окончательно надежды ЕС на скорое обретение статуса ведущей силы XXI века похоронил мировой экономический кризис, который, начавшись в США, в 2008 году со всей мощью обрушился на Европу. Он наглядно продемонстрировал слабые стороны интеграционной модели Малой Европы, на которые политики и чиновники ЕС долгое время предпочитали не обращать внимания.

Вместе с тем именно кризис стал тем отрезвляющим средством, которое помогло европейцам непредвзято взглянуть на свои возможности и задуматься над альтернативами развития. Вступление в силу Лиссабонского договора, необходимость модернизации Экономического и валютного союза, создания механизмов финансовой стабильности ЕС и еврозоны, внедрение процедуры «европейского семестра», строительство Бюджетного и Банковского союзов, разработка Пакта роста и занятости – всё это и многое другое, за исключением Лиссабонского договора, не состоялось бы, если бы не горькая пилюля кризиса. Эти процессы – в случае, если они принесут ожидаемый эффект, – приведут к появлению более стабильного Евросоюза, который будет неизбежно конвертировать свою возросшую внутреннюю прочность в более активную внешнюю политику. С точки зрения геополитической роли Малой Европы в новом столетии, важен вопрос о расстановке сил среди национальных государств внутри нее. В Евросоюзе уникальным для международного опыта способом сочетаются межгосударственный и наднациональный аспекты сотрудничества, и в зависимости от той или иной сферы деятельности в ЕС преобладает то одна, то другая составляющая. Что касается внешней политики, политики безопасности и обороны, то здесь до сих пор последнее слово по традиции за национальными столицами, хотя Лиссабонский договор и открыл путь к дальнейшей коммунитаризации в этой сфере.

В последние годы на передовые позиции в Малой Европе, в том числе в формировании внешнеполитических подходов, выдвинулась Германия; по-прежнему активен Париж и, несмотря на внутренние трудности, Рим. Великобритания под бременем своего евроскептицизма всё дальше откатывается от «ядра» ЕС к его «периферии».

Окончательно надежды ЕС на скорое обретение статуса ведущей силы XXI века похоронил мировой экономический кризис, который, начавшись в США, в 2008 году со всей мощью обрушился на Европу. Он наглядно продемонстрировал слабые стороны интеграционной модели Малой Европы, на которые политики и чиновники ЕС долгое время предпочитали не обращать внимания.

Новая роль Берлина рельефно проявилась в 2003 году, когда социал-демократ Герхард Шрёдер в вопросе о вторжении в Ирак пошел наперекор воли Вашингтона. А в 2011 году Германия во главе с христианским демократом Ангелой Меркель воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о создании над Ливией зоны, запрещенной для полетов. Германия

Президент США Джордж Буш, премьер-министр Великобритании Тони Блэр и канцлер ФРГ Герхард Шрёдер

Новая роль Берлина рельефно проявилась в 2003 году, когда социал-демократ Герхард Шрёдер в вопросе о вторжении в Ирак пошел наперекор воли Вашингтона. А в 2011 году Германия во главе с христианским демократом Ангелой Меркель воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о создании над Ливией зоны, запрещенной для полетов.

привносит во внешнюю политику ЕС элементы пацифизма, стремление к компромиссу, прагматизм. Вместе с тем со времен военной кампании в Югославии применение военной силы за пределами традиционной зоны ответственности НАТО перестало быть табу для Берлина. Возрождению стратегического веса и мышления Германии способствует и то, что ее соседи давно пережили германский синдром – боязнь усиления Берлина – и теперь опасаются прямо противоположного – его слабости. После очередной победы на парламентских выборах в сентябре 2013 года Меркель возглавила «большую коалицию» с СДПГ и закрепила за собой статус ключевого политика Евросоюза. Германия является и основным стратегическим партнером России в ЕС. Определенный сдерживающий и прагматичный эффект привнесла Германия и в отношения между Россией и Западом в условиях украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 года.

Франция традиционно, со времен генерала Шарля де Голля, склонна рассматривать международные отношения не только в категориях прав человека, но и геополитики, она мало подвержена иллюзиям однополярного мира – будь то во главе с США или с коллективным Западом. Она одной из первых среди крупных держав – наравне с Россией – всерьез проявила внимание к концепции многополярного мира. В 2008 году после войны, спровоцированной нападением грузинской армии на Цхинвал, Николя Саркози – президент Франции, которая в тот период председательствовала в ЕС, – сыграл важную посредническую роль в переводе кризиса в дипломатическое русло. Тогда в его лице Париж продемонстрировал способность к самостоятельной дипломатической активности, помноженной на стоявшие за ним на тот момент наднациональные структуры Евросоюза.

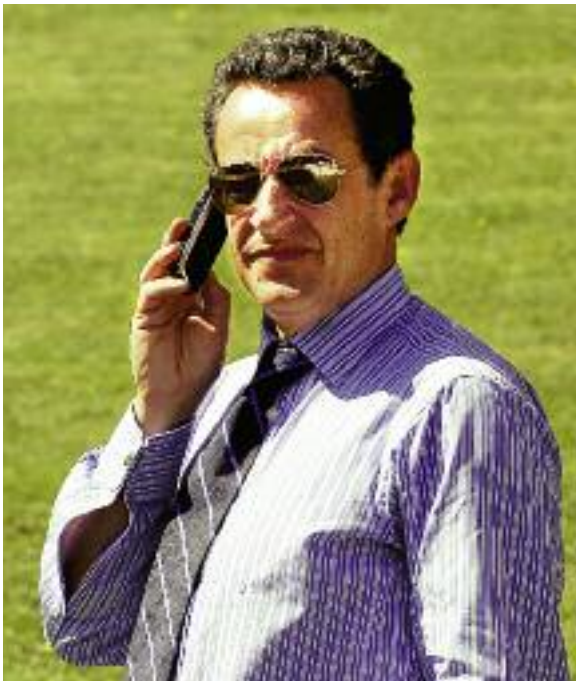
В то же время Франция в 2009 году вернулась в военные структуры НАТО, а в следующем году заключила военное соглашение с Лондоном, поставив под вопрос свою заинтересованность в развитии общей для Малой Европы политики в этой сфере. Совместная декларация Франции и Британии в 2008 году в Сен-Мало, проложившая путь к формированию Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО, с 2009 года – Общая политика безопасности и обороны, ОПБО), в каком-то смысле была поставлена под вопрос «франко-британской Антантой» 2010 года. Однако не исключено, что двустороннее Соглашение о сотрудничестве в области обороны и безопасности может рано или поздно сыграть в пользу продвижения ОПБО.

Войны в Югославии, военные кампании США за рубежом, начавшиеся в 2001 году, способствовали возрождению в некоторых европейских странах вкуса к применению жесткой силы. Но вместо того чтобы привести к становлению Евросоюза в качестве более зрелого геополитического игрока, это заставило часть его стран-членов, прежде всего Британию, вновь встроиться в фарватер Вашингтона. В результате ОПБО оказалась в еще большем застое, а эти страны попали в те же геополитические ловушки, что и США, разделив с ними го-

речь иракского синдрома – провального вторжения в Ирак в 2003 году и постыдной послевоенной фазы операции. Стратегическая незрелость ряда крупных европейских держав сказалась и в начале 2010-х, когда уже по собственной инициативе Франция и Британия начали военную кампанию в Ливии – по своей сути и последствиям не менее ущербную, чем иракская, – а позже стали разжигать гражданскую войну в Сирии. На этом фоне единственным светлым пятном в серии ошибочных стратегических решений стали действия Парижа по умиротворению ситуации в Мали. Впрочем, беды этой страны явились плодами в том числе французской политики в Ливии.

Внешнеполитические позиции Франции страдают от сложной социально-экономической ситуации в стране. Франсуа Олланд в опросах общественного мнения скатился до небывало низкого для французских президентов уровня. Тяжелым ударом по позициям социалистов стали результаты выборов в Европейский парламент, состоявшиеся в мае 2014 года. Париж всё больше отходит на второе место в германо-французском тандеме на фоне очередного сближения Берлина и Лондона, в том числе в вопросах модернизации ЕС. Однако в отношениях с Россией Франция продолжает наряду с Германией занимать более взвешенные позиции. Демонстрацией этого стал отказ Олланда, несмотря на давление со стороны Вашингтона и Лондона, отменять контракт с Москвой на поставку военных кораблей класса «Мистраль», по крайней мере, первого из них.

Британия, будучи вместе с Францией ведущей военной силой в Малой Европе, постепенно под грузом собственного евроскептицизма утрачивает свою прежнюю роль в формировании коммунитарной внешней политики. Если Лондон и продолжает проявлять активность, то скорее в том, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшему становлению. Неслучайно в январе 2013 года Вашингтон устами Фила Гордона, заместителя государственного секретаря США по вопросам Европы и Евразии, выступил незадолго до заявления Дэвида Кэмерона о референдуме в 2017 году по вопросу о членстве Британии в ЕС с предостережением в адрес Лондона. В июне текущего года уже сам Барак Обама на пресс-конференции в Брюсселе заявил о заинтересованности США в «едином и эффективном партнере». В Вашингтоне понимают, что субъектность Евросоюза в качестве внешнеполитического игрока будет со временем нарастать. И чем меньшей окажется роль Британии в этом процессе, тем сложнее станет Вашингтону с помощью своего ближайшего союзника в Европе контролировать происходящие перемены. Великобритания на сегодня – единственная страна Евросоюза, которая еще питает иллюзии по поводу самостоятельности в мировой геополитике вне рамок ЕС, тогда как другие государства-члены рассматривают его, по меньшей мере, как мультипликатор их внешнеполитической деятельности. Эхом тезиса США об их исключительной роли в международных отношениях является традиционная и нарастающая в последнее время претензия Британии на признание исключительности ее позиций в Евросоюзе. Лондон всё чаще дистанцируется от европейских коллег по всё большему кругу вопросов. В отдельных случаях он готов открыто противопоставить себя большинству национальных столиц в ЕС, возвращаясь к практике Маргарет Тэтчер в 1980-е годы. Показательный пример – попытки Британии в июне-июле этого года предотвратить назначение Жан-Клода Юнкера на пост президента Европейской комиссии. Эрозия лидерских позиций Соединенного Королевства в Евросоюзе сказывается и на внутриполитической ситуация в стране, обуславливая продолжающийся рост популярности Партии независимости, усиление шотландского национализма, а



В 2008 году после войны, спровоцированной нападением грузинской армии на Цхинвал, Николя Саркози (на фото) – президент Франции, которая в тот период председательствовала в ЕС, – сыграл важную посредническую роль в переводе кризиса в дипломатическое русло. Тогда в его лице Париж продемонстрировал способность к самостоятельной дипломатической активности, помноженной на стоявшие за ним на тот момент наднациональные структуры Евросоюза.

Внешнеполитические позиции Франции страдают от сложной социально-экономической ситуации в стране. Франсуа Олланд (на фото) в опросах общественного мнения скатился до небывало низкого для французских президентов уровня.

также невысокие шансы консерваторов удержаться у власти на всеобщих выборах в мае 2015 года. Для России Британия по-прежнему остается одним из самых сложных партнеров в Европе.

Италия уже долгое время относится к тем странам ЕС, которые последовательно выступают за развитие взаимовыгодных отношений с Москвой. Не кто иной, как Романо Проди, будучи президентом Европейской комиссии, выдвинул в начале 2000-х идею единого экономического пространства с Россией. Италия постоянно оказывается в числе тех европейских государств, которые лоббируют укрепление внешнеполитической субъектности ЕС, поддерживают инициативы, направленные на укрепление федеративных начал в ЕС, механизмов «солидарности», на перенос центра тяжести в антикризисной политике с целей бюджетной экономии на цели экономического развития и роста. Италия сумела преодолеть наиболее острую фазу внутреннего экономического кризиса и избежать необходимости просить о помощи европейские и международные финансовые структуры, как это пришлось делать Ирландии, Греции, Португалии и некоторым другим странам ЕС. Именно итальянец Марио Драги на посту председателя Европейского центрального банка внес большой вклад в стабилизацию ситуации в еврозоне.

На фоне высокой популярности премьер-министра страны Маттео Ренци, лидера Демократической партии, и убедительной победы этой партии на выборах в Европарламент в мае 2014 года правительство страны находится в достаточно благоприятных условиях для проведения активной внутренней и внешней политики. Учитывая тесные исторические и экономические связи между Россией и Италией, большой опыт многолетнего и в целом благожелательного взаимодействия между нашими странами, можно предположить, что высока вероятность сохранения этой тенденции и в будущем – с поправкой на временное охлаждение отношений из-за украинского кризиса.

Из «младоевропейцев» наибольшим весом обладает Польша, которая за годы, прошедшие после ее вступления в Евросоюз, превратилась в серьезного игрока на европейском политическом поле. Этому способствовали размеры страны, численность населения, удачные антикризисные меры, активная внешняя политика. После прихода на пост премьер-министра страны Дональда Туска, лидера партии «Гражданская платформа», и до насильственной смены власти на Украине в феврале 2014 года отношения Москвы и Варшавы приобретали больший прагматизм и, как казалось, постепенно избавлялись от наслоений прошлого. В наметившемся историческом примирении сторон свою роль сыграла трагедия с самолетом польского президента под Смоленском в апреле 2010 года. Однако во многом эта положительная тенденция была свернута вследствие драматических результатов политики «Восточного партнерства» на Украине – проекта, в который Варшава вложила большой политический капитал. Польша остается ведущим членом, по выражению бывшего министра обороны США Дональда Рамсфелда, «новой Европы», то есть группы тех стран-участниц ЕС, которые наиболее последовательно проводят политику евроатлантизма.

В целом можно говорить о том, что после периода открытого противостояния в евроатлантическом сообществе, вызванного интервенцией в Ирак и беспрецедентного со времен Суэцкого кризиса 1956 года, разногласия геополитического характера ушли в тень. Это не означает, что раскол между союзниками в 2003 году был аберрацией. Напротив, те события продемонстрировали, что среди государств Малой Европы, в первую оче-

редь в Германии, возрастает интерес к утверждению собственного взгляда на пути решения региональных и глобальных проблем. Становлению Евросоюза как автономного игрока на мировой арене способствуют и сами Соединенные Штаты, которые всё меньше внимания в своем стратегическом мышлении уделяют Европе, придерживаясь формулы: «Европа – прошлое, Ближний Восток – настоящее, Азия – будущее». Чем больше Британия будет терять влияние в Евросоюзе, а США станут «уходить» в АТР, тем больше вероятность возобновления продвижения ЕС по пути «многоскоростной» Европы, в том числе в сфере общей внешней политики и ОПБО. В пользу этого говорит и тот факт, что в различных опросах общественного мнения с симпатией к идее единой европейской внешней политики относятся большинство жителей ЕС.

Но этот процесс продвигается по извилистому пути, на котором могут происходить и откаты назад. Украинский кризис во многом развивался и развивается по трафарету, заданному событиями на Балканах в 1990-е годы, накал которых достиг своего пика в 1999 году – с вторжением НАТО в Югославию. США перехватывали инициативу у европейских союзников в решении их собственных проблем, когда последние оказывались неспособными урегулировать их самостоятельно, неготовыми это делать или слишком медлительными. Так как Соединенные Штаты, как всякая великая держава, преследуют прежде всего свои цели, то их активность в европейских делах далеко не всегда, если не в большинстве случаев, приводила к итогам, далеким от оптимальных с точки зрения европейских интересов, включая интересы стран-членов ЕС, а временами и явно противоречила последним.

Дональд Туск

Положительная тенденция в отношениях Москвы и Варшавы была свернута вследствие драматических результатов политики «Восточного партнерства» на Украине – проекта, в который Варшава вложила большой политический капитал. Польша остается ведущим членом группы тех стран-участниц ЕС, которые наиболее последовательно проводят политику евроатлантизма.

Один из наиболее свежих примеров – фактическое превращение Киева с февраля 2014 года в политический протекторат Вашингтона. Из-за этого пострадали не только российско-украинские отношения и отношения между Москвой и Брюсселем, но и процесс становления ЕС в качестве политического субъекта международных отношений. Страны «Веймарского треугольника» – Германия, Франция и Польша, – участвовавшие в составлении и подписании соглашения 21 февраля между тогдашним президентом Украины Виктором Януковичем и лидерами Майдана, уже на следующий день фактически отреклись от него, полностью уступив инициативу Вашингтону с его собственной трактовкой событий в Киеве.

Кризис на Украине был использован для нового раунда сплочения евроатлантического сообщества, которое в начале XXI столетия становилось всё более рыхлым. Причем сплочения на основе тезиса «угрозы с Востока» – ключевого в годы холодной войны. На очередной антироссийской волне новое дыхание пытается обрести НАТО – а значит, ОПБО задвигается еще глубже в тень. Тем более становятся более туманными и отдаленными перспективы Большой Европы, то есть общего политического и экономического пространства от Атлантики до Тихого океана без разделительных линий.

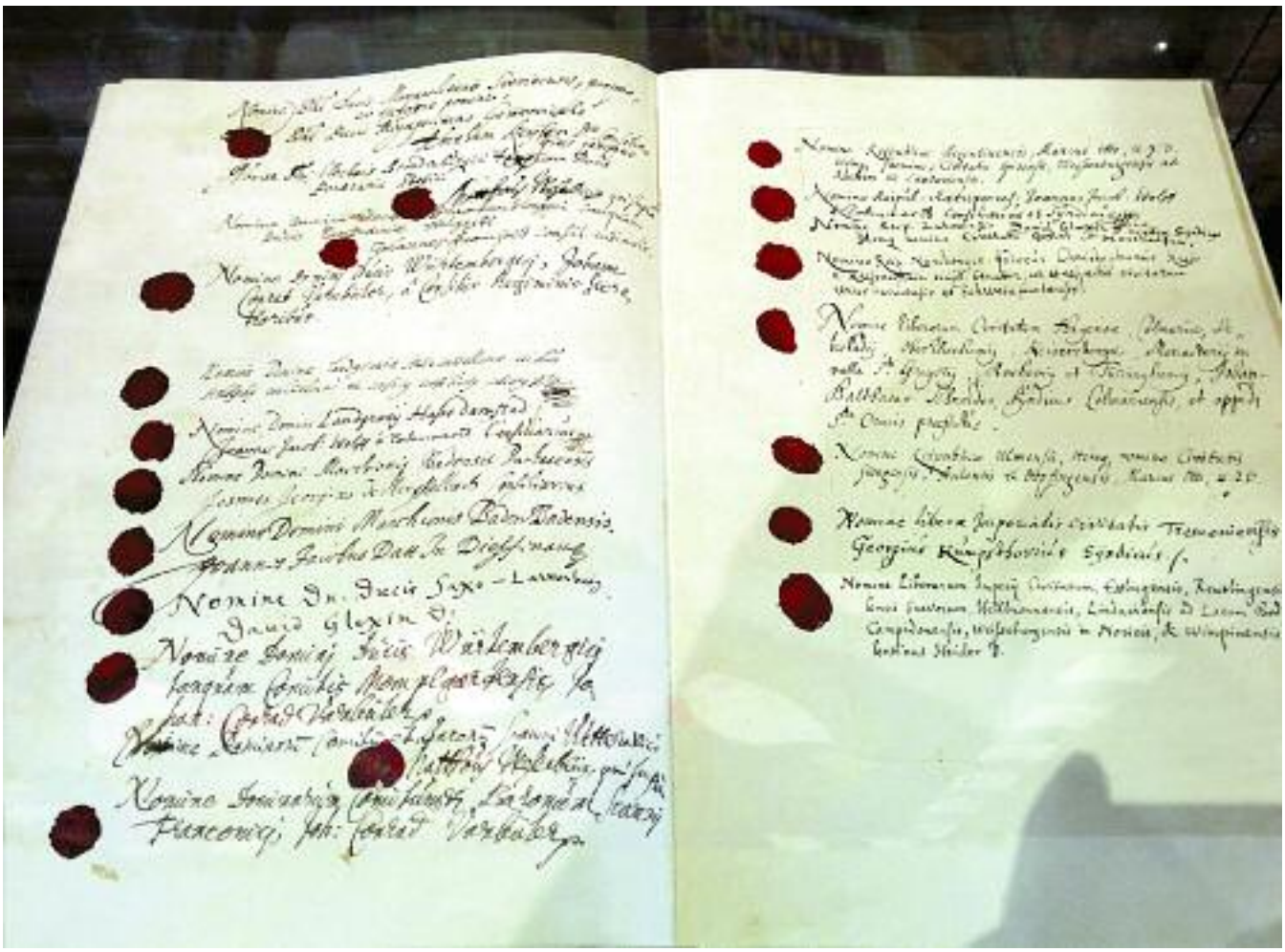
Какой бы путь ни избрала история, и какие комбинации государств и их союзов ни закрепились бы в качестве ведущих, императивом для нашей страны является неустанное укрепление своей роли в качестве интеграционного ядра на постсоветском пространстве, повышение привлекательности своей модели развития. Чем полновеснее и убедительнее это удастся сделать, тем большее пространство для геополитического маневра будет у России в XXI веке.

Валентина Гавриловна Федотова –
доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник, руководитель направления «Социальная философия и проблема построения гражданского общества в России» Института философии РАН

Довестфальский, вестфальский и поствестфальский мировой порядок

Столетний юбилей начала Первой мировой войны, наконец-то, вывел эту войну из тени сознания российского общества, обозначив дату роковой перемены. Известный историк Анатолий Уткин, автор книги «Первая мировая война», отмечает, что 1914 год мог бы стать блестящим и успешным годом для России и мира, но стал годом жесточайшей мировой войны, изменившей ход истории и сложившийся мировой порядок. Более того, Версальский мир не устранил предпосылки войны. А великий немецкий философ Иммануил Кант в своем трактате «К вечному миру» писал, что если мирный договор заключается тогда, когда не устранены предпосылки войны, то война практически неизбежна. Поэтому Вторая мировая война наследовала стремление решить проблему нереализованных целей Германии, второй раз за столетие вовлекая Россию и другие страны в новый кошмар и создавая угрозу разрушения суверенитета России и других государств. Как и Первая мировая, Вторая мировая перегруппировала силы, выдвигая США, выводя их из длительного изоляционизма в мировые дела и стимулируя лидерские устремления этой державы к усилению своего суверенитета и ослаблению его у других. Первая мировая война показала, как отмечает Уткин, что «медленный “естественный” ритм российского экономического развития стал невозможен. Отставание стало равносильно потере национального суверенитета».

Важно отметить, что суверенитет имеет разные виды. Может идти речь о суверенитете любого государства – независимо от времени его существования и от политической



В Европе система национальных суверенных государств сложилась после завершающего Тридцатилетнюю войну Вестфальского мирного договора 1648 года (на фото).

формы – как о его праве ориентироваться на собственные интересы. Государственный суверенитет – это состояние государства, при котором оно само определяет свою политическую волю. Во французской Декларации прав человека и гражданина от 1789 года утверждается суверенитет народов, под которым понимается полновластие народа, его социально-экономическое и политическое право участия в управлении обществом и государством.

В данной статье будет обсуждаться преимущественно суверенитет и право на суверенитет государства в его новой форме – национального государства.

Проблема суверенитета в довестфальском и вестфальском мировом порядке

В Европе система национальных суверенных государств сложилась после завершающего Тридцатилетнюю войну Вестфальского мирного договора 1648 года. В довестфальской Европе существовали социальные системы с различными формами правления. Их скреплял божественный статус папы, дававшего власть многообразным правителям региона. Национальное государство не возникло в ходе естественной эволюции, а было изобретено при подготовке Вестфальского мира. Территории независимых городов преобразовывались в новую форму территориальной целостности – национальные государства. Тридцатилетняя война между католиками и протестантами прятала политические цели под религиозной оболочкой, и новое мировое устройство разрушило политическое лидерство Священной Римской империи и главенство римского папы, столь очевидное прежде. Оно не отменяло стремления государств к господству, вытеснив австрийских Габсбургов посредством возвышения Франции и Швеции, и допускало впредь, что государство, занимающее господствующее положение, может потерять его из-за стремления других государств к господству. Вестфальский мир утверждал мир не вообще, а лишь мир в истощенной войной Европе того времени. И потому он оказался непрочным. Кроме того, он не отменял войн – потому что не устранял, как уже отмечено, их предпосылки. Но установленная Вестфальским миром система на-

Обсуждение Аугсбургского исповедания. XVI век

Вестфальская система выразила формулу суверенитета известной фразой: «Кто правит, того и вера». Эта новая система способствовала возникновению капиталистической экономики на уровне национальных – а не локальных – рынков и границ.

циональных суверенных государств явилась основой международных отношений вплоть до конца XX века и до сих пор имеет значение, хотя она и заметно ослаблена.

Владимир Колпаков в совместной со мной и Надеждой Федотовой книге «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» рассмотрел три точки зрения на формирование наций. Согласно первой, нации существовали вечно, определялись историческим сознанием и культурно-территориальным единством. Они не были открытием XIX века, а составляли основу государства еще в эпохи Античности и Средневековья. Вторая точка зрении рассматривает появление вестфальской системы национальных государств как переход к формированию национальных государств – новых общностей, возникающих из локальных структур традиционного типа и объединенных в административно-территориальном и политическом отношениях в государство. Вестфальская система выразила формулу суверенитета известной фразой: «Кто правит, того и вера». Эта новая система способствовала возникновению капиталистической экономики на уровне национальных – а не локальных – рынков и границ.

Третья точка зрения: европейские нации окончательно сформировались под воздействием экономической интеграции. По мнению Эрнста Геллнера, только классический капитализм трансформировал этнически и культурно разнообразные общества, территориально объединив их в единое государство. Как считает наш соавтор, это не три конкурирующие кон-

цепции нации, а характеристики различных этапов ее формирования. На первом этапе этнические и территориально-культурные общности интегрированы до уровня появления метафизических основ и символических знаков единства, до внутренних рынков традиционных обществ. На втором этапе образуется вестфальская система национальных государств, обеспечивающая интеграцию этих общностей, воспринятых уже как данность. «Происходит замена жизни, развивающейся естественным путем под давлением повседневных обстоятельств и событий, на жизнь, формируемую пока еще не вполне ясным замыслом, абстрактной идеей общей жизни на новых основаниях и принципах. <...> До сего момента история людей была обращена в прошлое, она уходила своими истоками в дни творения, когда мир воспринимался как созданный одноактно и существовавший без каких-либо изменений от своего начала. С появлением государства происходит разворот человека к своему будущему в форме совместного проекта жизни, которую необходимо еще как-то обустроить», – отмечает Колпаков.

Капитализму после образования буржуазных наций уже требуется глобальный рынок, и первая глобализация осуществляется в период с 1885 по 1914 год как свободная торговля, *free trade*. Она была остановлена начавшейся Первой мировой войной. Обозначившаяся в ходе первой глобализации специфика отдельных стран стала менее важной по сравнению с различием между западной цивилизацией и незападным миром. В период первой глобализации Запад впервые предстал как мировая система капитализма. Буржуазные нации сложились при поддержке государств, возникших на Западе в результате Вестфальского мира. В капиталистическом обществе обозначилась органическая солидарность, связанная с разделением труда. Смит считал разделение труда полезным для достижения экономической эффективности, но оглупляющим население. Критик капитализма Маркс рассматривает капитализм этого периода как имеющий цивилизационную миссию: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров и иностранцев. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, то есть становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию». И далее: «Буржуазия показала, что грубое проявление силы в Средние века, вызывающее такое восхищение реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы». Но генезис капитализма, включавший первоначальное капиталистическое накопление, и промышленная революция были огромным социальным потрясением. И всевозрастающая роль либеральных начал привела к доминированию экономики над обществом. Именно это создало кризис, за которым последовала новая попытка измениться и ввести найденный способ изменения в ранг стабильной тенденции.

Вестфальская система дала миру систему национальных государств. О демократии речь не шла до тех пор, пока в Америке после Филадельфийского конгресса (май–сентябрь 1787 года) не возникла филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. Вестфальский мир продолжал существовать, но фактор демократии оказался существенно новым. Он распространился сначала на Францию, потом на Европу в целом. Сегодня в мире осталось немного стран, которые отрицают его значение. И сейчас происходит не только трансформация вестфальской системы, но и трансформация филадельфийской системы в связи с глобализацией, поскольку новые провозглашенные демократии имеют часто специфические черты, связанные с особенностями своих культур. Демократия тоже трансформируется. Но – подобно требованию суверенитета – требования демократии приобрели значимость.

Факторы, влияющие на вестфальское наследие, – суверенитет национальных государств и возможности поствестфальского мира

Осмысление глобализации, экономического господства, новых форм эксплуатации, описание перспектив мультикультурализма и перспектив вестфальской системы

национальных государств становятся ядром размышлений о будущем. Идеи такого масштаба содержат слишком большой риск генерализаций, концептуальных построений и теорий будущего мегатренда из-за высокой скорости изменений, происходящих как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом, и возможности смены траекторий развития событий. На наших глазах некоторые выдающиеся гипотезы потерпели поражение. Так произошло с марксистской и либеральной идеями. Внезапно сбрасывались со счетов учения и ученые, стоящие по обе стороны двух радикальных идеологий – коммунизма и неолиберализма. Как пишет Джованни Арриги, «есть поучительная ирония в том, что <...> распад одной идеологической ортодоксии привел к бурной колонизации интеллектуального пространства ортодоксией противоположного знака». Подобное произошло и с концепцией «конца истории» Фукуямы. Хотя глобализация явилась победой либерализма в мировом масштабе, «конца истории» не наступило. Многие народы Азии, Латинской Америки, напротив, только начали становиться субъектами истории, защищающими свои суверенитеты. Великие трансформации Модерна (становление первого Модерна, переход ко второму и третьему) осуществляются при одновременном существовании вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Ульриху Беку, сознательной ориентацией познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение глобализации локальных несчастий. Сегодня рождается новое – пятое (после колониализма, либерализма, марксизма и неолиберализма) – понимание космополитизма, которое основано не на признании унифицирующей роли Запада или антибуржуазных коммунистических идей, а на идеях диаметрально противоположного свойства – на глобализации как вовлечении в капитализм самых разных народов, на признании мультикультурализма и глобальной взаимозависимости национальных государств. В сознании многих космополитическое сообщество ассоциируется с международными организациями, в которых при всем многообразии представленных в них людей разных культур царит английский язык и западное объединяющее начало. Но Бек не говорит о реальности космополитизма в данный момент. Он строит обширную программу и недетерминированный сценарный прогноз, при котором космополитические методологии в социологии, в отличие от националистических (ориентированных на изучение обществ в рамках национально-государственных границ), получат преимущество. Он надеется, что национальное государство претерпит внутреннюю глобализацию и сознательно перейдет на космополитические позиции, что сложатся институты глобального гражданского общества. Это можно утверждать, если игнорировать новые капитализмы в Азии, капитализм в России сегодня, где все чаще возлагаются надежды на то, что национальный характер экономик и будет гарантом их этической приемлемости. Казалось бы, глобализация ослабляет вестфальскую систему и моральные опоры глобального капитализма надо искать в ней самой. Но дело обстоит совсем наоборот. Моральные основы сегодня ищут в ближайших средах: в сообществах людей – в отличие от обществ, в обществах национальных государств – в отличие от глобального общества.

То, что глобализация не является унификацией и не может устранить культурное многообразие, стало очевидным. Между тем наиболее близкие к концепции Бека принципы трактовки космополитизма изложены несколькими американскими и индийскими авторами. Эти авторы считают, что «капитализм предусматривает, что он является широко распространенной сетью рынков и доходов; коммунизм апеллирует к рабочим мира с целью их объединения; поздний либерализм страстно выступает против инструментализма или детерминизма и за признание за человеком статуса носителя универсальных прав. Но любое из названных видений мира заключено в рамки идеала национального суверенитета. <...> Космополитизм наших времен не проистекает из капитализированных “доблестей” рациональности, универсальности и прогресса, он также не воплощен в мифе о нации в самом широком ее понятии и в фигуре гражданина мира. Космополиты сегодня – часто жертвы современности, капиталистической вертикальной мобильности. <...> Беженцы, представители диаспор, мигранты, изгнанники выражают дух космополитического сообщества». Авторы этих строк говорят также о новом, или постуниверсалистском, космополитизме, параметрами которого становятся нации, мультикультурализм и глобализация. Западный космополитизм, исходящий из чувства собственного превосход-

Говард Чэндлер Кристи. Подписание конституции США. 1940 год

ства, отвергается в этой формуле. Противостояние двух мировых систем, национализмы составляли препятствие космополитизму, который перед лицом этих противников не мог организовать себя.

Ратующие за универсализацию опыта Запада и смотрящие на национальную жизнь как на варварскую приходят в радикальное противоречие с таким пониманием космополитизма. Пониманием, которое, повторим, утверждает необходимость удержания национально-культурной суверенности перед лицом глобализации, культурного давления Запада, универсализирующего космополитизма и мультикультурализма.

Эта позиция не совпадает с представлениями тех, которые жаждут распада вестфальской системы национальных государств и убеждены, что не все государства заслуживают суверенности. Космополитизация государства – это не его

Вестфальская система дала миру систему национальных государств. О демократии речь не шла до тех пор, пока в Америке после Филадельфийского конгресса (май–сентябрь 1787 года) не возникла филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. Вестфальский мир продолжал существовать, но фактор демократии оказался существенно новым.

исчезновение, а появление у него новых функций. Возникают новые глобальные акторы, среди которых – территориальные объединения. Все акторы и игроки связаны глобальной политической экономией. Нарастает требование суверенитета народов, не удовлетворенных своим статусом в составе того или иного государства. Ограниченный космополитизмом национализм – так же, как и ограниченный принципами демократии, – дает новые источники легитимации власти, что позволяет рассматривать шансы различных акторов на заметное участие в глобальной политико-экономической игре.

Роль государств в такой системе международных отношений не устраняется. Они попрежнему имеют власть на внутренней территории. Но их действия подотчетны сообществу государств, которое может быть представлено в международных организациях. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями. Они – могущественные акторы, но они не так суверенны, как это традиционно понималось. Некоторые авторы считают их моделями ограниченного суверенитета.

Наилучший способ осуществления глобальных обяза-

Великие трансформации Модерна осуществляются при одновременном существовании вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Ульриху Беку (на фото), сознательной ориентацией познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение глобализации локальных несчастий.

тельств справедливости Бек, как и многие другие, находит в создании глобализированных моделей социального сотрудничества, при которых базовые структуры транснационального социального сотрудничества, производящие и воспроизводящие несправедливость между народами, могут быть демонтированы и заменены новыми.

Таким образом, желательность или нежелательность глобализации сегодня не подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы для суверенитета, безусловно, важно исследовать. Но прежде всего необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами (в особенности незападных стран) и создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение последних 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более поздние «уточнение» вестфальской системы также претерпевает изменения.

На глобальном уровне слабо проработан вопрос об изменении не только вестфальской системы национальных государств, но и об изменении филадельфийской системы демократии. Но особо драматичной выглядит невозможность поставить проблему развития незападных стран в старые рамки вестернизации или догоняющей модели развития. Запад не только оторвался от остальных, но и позаботился об ускорении своего дальнейшего прогрессивного развития. В этих условиях незападные страны ставят вопрос о праве на прогресс, на улучшение жизни своих народов.

И капитализм, и вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и филадельфийская система, которая сделала демократию мировым институтом, – это всё шаги на пути глобализации, установления общности человечества.

Второе дыхание вестфальской системы национальных государств

Многие всё еще не видят того, что мир уже не догоняет Запад, а включен в глобальный мировой порядок на его предварительных (но не окончательных) условиях. Еще не исчезли постмодернистские интерпретации, питавшиеся изрядной долей хаоса преобразований, фрагментацией смыслов прежней жизни, появлением новых исторических акторов. Уже начали формироваться признаки рациональной борьбы за лидерство, успех и признание в условиях глобализации в прежде изолированных пространствах. Дискуссии о вестфальской системе национальных государств и ее будущем еще имеют вариации, но одновременно вырабатывается новый вектор их эволюции. На месте дискурса с эвфемизмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они, сегодня выстраивается рациональный дискурс нового капитализма. Этот дискурс охватывает не только

экономику, но и общество с такими его сферами, как этика, культура, человек, и дает новые категориальные сети. Если бы не было подъема Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, России, можно было бы думать по-прежнему. Но эти страны демонстрируют новый тип развития, позволяют увидеть новые тенденции. Они осуществляют вестернизацию, но не следуют догоняющей модели развития.

Наряду с влиянием глобализации отмечается противоположная тенденция – ее конкуренция с ростом значимости государств и национальных интересов в экономике и в социальных инновациях. Происходят рост национально-государственного видения и смена методологий в сторону признания нового – третьего – Модерна как самого Запада, так и незападных стран. Мы предлагаем два сценария развития незападного капитализма: либо как культурно и политически изолированно действующей экономической машины, либо как «нового Нового времени» для незападных стран – своего рода повторения генезиса, характерного для западного капитализма, с возможным достижением его классической фазы – индивидуализма, индустриализма, формирования или даже строительства буржуазных наций, меняющихся идентичностей. В любом из этих сценариев Запад выступает как культурно-специфический регион – наряду с другими. Своей политической культурой он защищает собственный капитализм. И если даже незападные страны берут из него только экономическую машину или медленно идут прежней дорогой Запада, то они уже не догоняют сегодняшний Запад.

Есть и третий сценарий, который имеют в виду прежде всего постмодернисты, – пестрота, хаос на долгое время, смесь всяких удавшихся и неудавшихся тенденций. Но для того и существуют философия и наука, чтобы этот «вызов дьявола», как говорил про такие тенденции Арнольд Тойнби, не состоялся. Он может возникнуть вследствие пандемий, генетических мутаций, климатических катастроф, терроризма и прочих нежелательных и непредсказуемых процессов, но его невозможно планировать, так как организовать управляемый хаос таких масштабов в чьих-то интересах просто нельзя. Речь идет о сложных системах, в которых самое малое возмущение – не говоря уже о большом – может, в отличие от простых систем, вызвать катастрофу. Здесь мы целиком разделяем интенцию Юргена Хабермаса: «Я пытаюсь шаг за шагом реконструировать философский дискурс о Модерне. В этом дискурсе Модерн – с конца XVIII столетия – был поднят до уровня философской темы».

Капитализм на Западе получил ускоренное развитие в XIX веке в связи с начавшимся ростом национализмов, обеспечивавших, по словам Эрнста Геллнера, совпадение политической, экономической и национальной общностей. Хотя вестфальская система национальных государств сложилась в XVII веке, в них не вызрели нации как сообщества людей, связанные не только территориальной, культурной, социальной, политической, но и экономической общностью. Французская буржуазная революция продолжила формирование наций на политической основе, после нее еще долго, по мнению ряда ученых, в Западной Европе государства создавали нации, а в Восточной Европе нации создавали государства. Государства создавали нации на основе прежних сложившихся идентичностей, но нередко и формируя их. В Восточной Европе этносы, осознавшие свою идентичность как национальную, стремились к созданию государств. С образованием в Европе буржуазных наций, то есть экономически интегрированных сообществ, строящихся на прежних или новых культурных и политических предпосылках, процесс расширения местных рынков до общенациональных завершился мировым распространением, называемым первой глобализацией, продолжавшейся, как отмечалось выше, с 1885 года и вплоть до Первой мировой войны. Эта глобализация характеризовалась свободной торговлей, обменом товаром, идеями и людьми, пока война и более поздние системные оппозиции глобализации – национализм, коммунизм и фашизм – не оборвали этот процесс, возобновившийся лишь в конце XX века.

Уже в период первой глобализации передовые нации, заинтересованные в распространении капитализма, столкнулись с отставшими нациями, нуждавшимися для своего развития в протекционизме и составившими своего рода «второй эшелон» развития, в который до определенной степени входила и Россия. Сегодня он сменяется «третьим эшелоном» выходящих вперед новых стран, куда Россия снова входит после посткоммунистической революции вместе с другими странами прежней коммунистической системы и новыми капиталистическими и индустриальными странами Азии и Латинской Америки.

Первая мировая война противопоставила национализм глобальному капитализму и либерализму в качестве системной оппозиции. Следствием этого стали социал-демократия,

Якоб Йорданс. Аллегория Вестфальского мира. 1654 год

Дискуссии о вестфальской системе национальных государств и ее будущем еще имеют вариации, но одновременно вырабатывается новый вектор их эволюции. На месте дискурса с эвфемизмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они, сегодня выстраивается рациональный дискурс нового капитализма.

буржуазная и социалистическая революции в России, раскол мира на две социальные системы после Октября. Именно эти события создали кризис в формировании договора о ценностях, разрушив прежнюю веру в прогрессивность либерального капитализма и приведя к потере значения всех прежних конвенций.

То, что глобализация не является унификацией и не может устранить культурное многообразие, предотвращать социальные и другие системные риски, вероятность которых стремительно возрастает, и отвечать на вызовы тех тенденций, которые ведут к разрушению вестфальской системы, стало очевидным.

Появление посткоммунистических стран, вставших на путь капитализма, стран нового капитализма и хозяйственной демократии в Азии, новых индустриальных стран в этом регионе и в Латинской Америке сопровождалось глобализацией, победой либерализма и капитализма в глобальном масштабе, их стремлением продвинуться на прежде закрытые территории. Глобальный капитализм был усилен однополярностью, ведущим местом США в мире и заинтересованностью этой страны в глобальном распространении рынка. Доктрина Буша о превентивных ударах подорвала основной принцип вестфальской системы национальных государств – «кто правит, того и вера».

Вместе с тем очевидные шаги к глобализации в экономике и информационном взаимодействии стран нового капитализма (России, Южной Кореи, Индии, Индонезии, Бразилии) или стран нового индустриализма, осуществляемого в социалистической форме при наличии рынка (Вьетнама и Китая), не мешают им сегодня обладать сильной государственной властью и суверенностью, уверенностью в незыблемости вестфальской системы.

Стрела времени, вынесшая человечество на путь прогресса, сегодня сворачивается в цикл: человечество оказалось в начале Модерна для незападных стран, в «новом Новом времени» для них, и западный капитализм становится одним из существующих капитализмов – мощным, но не менее своеобразным, чем остальные. Он перестает быть образцом для остальных в ином – кроме экономическо-

го – смысле. Это происходит потому, что сам Запад меняется, а также потому, что глобальный капитализм включил почти весь мир, самые разнообразные и неравномерно развитые общества. Запад сегодня готов к функционированию своих капиталов в странах чужой культуры, квазидемократий, квазирыночных отношений, будучи не в состоянии призвать всех к изменению социальной, культурной и политической среды по своему образцу.

Если прежде капитализм перемалывал культуры, то теперь (или пока) мы видим в незападных странах нового капитализма и индустриализма стремление к сохранению своих культур. При этом они развивают способность заимствовать или перемалывать капитализм и индустриализм, социальные технологии Запада как своего рода машины, подобно тому как используют «Мерседес» во множестве стран или переделанный на азиатский лад «Макдоналдс». Пример России очень характерен для понимания того, как либеральная модель превратилась в модель автохтонного капитализма. Здесь появилась управляемая, а затем суверенная демократия. Сложилась неформальная, не ставшая целиком рыночной и сохранившая кланово-корпоративные черты экономика, о закономерностях которой не приходится говорить в силу того, что движение товаров и капиталов не приняло в ней объективного, квазиприродного характера, на который рассчитывала неолиберальная модель. Здесь сохранился коллективизм, а индивидуализм проявился в специфически-эгоистической форме как вульгарный слепок с рыночных отношений, имеется слабое политическое и социальное участие населения, присутствуют архаические начала, всплывшие в результате демодернизации в ельцинский период, налицо расколотая культура, противостояние «патриотов» и «западников», очевидна трудность достижения согласия и компромисса.

Автором данной статьи был введен термин «автохтонный капитализм». При этом мы стараемся не называть его местным, культурно-специфическим или каким-либо еще, ибо его автохтонность может быть определена разными особенностями – региональными, политическими, традиционными, религиозными, культурными, цивилизационными либо их комбинацией. Так, автохтонность российского капитализма можно характеризовать его социокультурной спецификой, которая плохо уживается с либеральными проектами. Рынок Китая вписан в китайскую цивилизационную и политическую специфику. Капитализм исламских государств – религиозно особенный и характеризуется наличием уммы – исламской всемирной общности, которая надеется на возможность альтернативной исламской глобализации.

Два сценария опоры на принципы вестфальской системы сегодня

На наш взгляд, возможны два сценария развития автохтонных капитализмов, взятых в аспекте их связи с проблемой развития национализмов, наций и национальных государств.

Первый сценарий. Он уже обозначен: использование хозяйственной машины капитализма в качестве механизма при сохранении существующей специфичности любого рода. Этот сценарий мог бы быть признан началом нового вектора суверенного и капиталистического развития. Развития, обусловленного тем, что Запад в условиях собственных трансформаций и глобализации утратил статус образца развития, а в новый капитализм вступили страны, до сих пор наименее склонные к заимствованию как механизмов капиталистической экономики, так и западной культуры, в которой она вызревала. Этот сценарий мог бы скорее всего реализоваться при изменениях капитализма, описываемых в неокапиталистических теориях (неосмитианство, либерализм, предполагающий справедливость, идеи общего блага, удержание моральных ценностей обществом), а также при изменении ценностей техногенной цивилизации, при всё большем понимании экологических, антропологических и социальных пределов прежде казавшейся бесконечной человеческой активности и креативности. Такому сценарию могли бы способствовать выстраиваемые государствами механизмы защиты своей автохтонности как своего рода суверенности, усиление государств в рассматриваемых странах, поддержание в них патриотизма и чувства достоинства, единства и доверия, их направленности на создание и воссоздание национального единства. Патриотизм и автохтонность хорошо здесь могли бы работать на подъем собственной экономики. Это был бы путь к удержанию вестфальской системы. Нации здесь стремились бы к поддержанию своих традиционных и политических идентичностей, не пытаясь стать буржуазно-индивидуалистическими преимущественно за счет экономической интеграции.

В России, как уже было отмечено, автохтонный капитализм может формироваться на основе не только независи-

Глобальный капитализм был усилен однополярностью, ведущим местом США в мире и заинтересованностью этой страны в глобальном распространении рынка. Доктрина Буша о превентивных ударах подорвала основной принцип вестфальской системы национальных государств – «кто правит, того и вера».

мости и суверенности государства, но и некоторой культурной специфики, а также идеала объединения идей прогресса и справедливости, культурной традиции и инновации, европейских основ российской культуры и особенностей ее развития. Китай окружил свою автохтонную рыночную систему двойной защитой – политической (социалистическая система) и цивилизационной (устоями своей пятитысячелетней цивилизации). Индия – глубокой традицией цивилизационной общности, несмотря на культурное многообразие, парламентскую систему и бурный рост. Индонезия и Бразилия – опорой на активный слой населения с игнорированием слоев, не склонных к социальной и экономической активности, что сохраняет специфическую форму их капитализма, получившую название «бразилизация».

Однако история западного капитализма показывает, что и Запад имел этап, когда хозяйственные системы капитализма начинали складываться, а общество оставалось традиционным. В средневековых городах Северной Италии и даже на начальном этапе существования вестфальской системы национальных государств, трансформировавшей территории в национально-государственную форму, хозяйственная система капитализма еще не преобразовывала общество в капиталистическое. Это произошло позже. Напомним, что в традиционных обществах местные рынки были встроены в институты общества и даже способствовали их сохранению. При капиталистической системе на ее последующих фазах развития общественные институты, как считает Владимир Колпаков, становятся зависимыми, встроенными в рыночные отношения.

Второй сценарий. Это развитие по уже пройденной Западом модели, что нельзя исключить. Если странам нового капитализма или новым индустриальным странам неосоциализма не поможет их региональная, традиционная, политическая, религиозная, цивилизационная защита своих особенностей и хозяйственный механизм начнет трансформировать их специфику, второй сценарий для посткоммунистических стран, Индии, Бразилии и Индонезии, стран Азии окажется существенно похожим на развитие капитализма на Западе. Это открывает новый цикл развития как подобный Новому времени – цикл «нового Нового времени» для незападных стран – и переходу к модернизации стран нового капитализма или его хозяйственных систем. В этом случае не исключено, что ориентация на длительное строительство социализма, совмещенного с рыночными механизмами, во Вьетнаме и Китае может смениться в некотором отдаленном будущем на капиталистическую систему с возможными элементами социал-демократии. В этом случае вестфальская система национальных государств не только удержится, но и получит второе дыхание, связанное с необходимостью ее укрепления, а также с образованием новых национальных государств, исходящих из собственных представлений. И тогда Запад может оказаться одним из существующих образцов капитализма вместе с его новыми носителями в Азии и в посткоммунистическом мире. Ведь при глобализации мегатренд модернизации исчезает и уходит на уровень национальных моделей. Этот макросценарий распадается на три микросценария. Во-первых, сценарий многообразных национальных капитализмов и хозяйственных демократий, становления буржуаз-

Депо скоростных поездов в Китае

ных наций на этнооснове. Во-вторых, сценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели капитализма для азиатского региона либо имеющей мировое значение. В-третьих, сценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом.

В отличие от тех, которые отрицают значимость вестфальской системы суверенных государств сегодня, американский политолог Айрис Янг считает, что она важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам – сильным и слабым, большим и маленьким. Тем не менее степень взаимозависимости государств настолько возросла, что немногие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к прежним принципам вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождественен суверенитету. Ни одна страна сейчас не является островом с четким разделением между единолично контролируемой собственной внутренней территорией и внешней территорией, над которой она не имеет власти. Но суверенитет и автономия позволяют принимать и осуществлять независимые решения внутри страны и защитить выбор своего пути при наличии успехов в мировом сообществе государств. Возникает вопрос об изменении характера международных организаций в сторону толерантности к выбору стран и народов и намерения согласовывать их интересы, достигать компромисс, а не искать виновного.

Китай окружил свою автохтонную рыночную систему двойной защитой – политической (социалистическая система) и цивилизационной (устоями своей пятитысячелетней цивилизации). Индия – глубокой традицией цивилизационной общности, несмотря на культурное многообразие, парламентскую систему и бурный рост. Индонезия и Бразилия – опорой на активный слой населения с игнорированием слоев, не склонных к социальной и экономической активности, что сохраняет специфическую форму их капитализма, получившую название «бразилизация».

Сходные модели обсуждаются. Они получили названия: «космополитическая демократия», «расширенный федерализм», «непосредственная совещательная многосторонность», «многосторонний федерализм», «децентрализованное

Айрис Янг (на фото) считает, что вестфальская система важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам – сильным и слабым, большим и маленьким. Тем не менее степень взаимозависимости государств настолько возросла, что немногие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к прежним принципам вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождественен суверенитету.

рассредоточение», «подотчетная автономия» и «дифференцированная солидарность». Некоторые исследователи, как мы уже отмечали, считают их моделями ограниченного суверенитета.

По словам известного социолога Зигмунда Баумана, национальное государство – государство, которое превращает факт рождения в «основание собственного суверенитета». Предельная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни и суверенитета государства, не в отношении его способности во зло другим использовать свой суверенитет.

В странах, которые были упомянуты как страны автохтонного развития – Россия, Китай, исламские страны, Индия, Бразилия, Индонезия, – социально-культурные изменения, особенно в молодежной среде, начинают быть заметными, и многие полагают, что удержать автохтонные тенденции возможно лишь до определенных пор.

Глобальный характер меняющегося капитализма представляет возможности для большего многообразия капитализмов, что уже проявляется сегодня. Но это многообразие может быть обеспечено только в форме национально-государственных образований, которые сохраняют и воспроизводят вестфальскую систему национальных государств. Количество стран, вступивших в капитализм, разнообразие их культур и уровней развития не позволит глобальным тенденциям победить то, что английский социолог Ролан Робертсон назвал глокализацией, то есть соединением глобального и локального, ростом локальной реакции на глобальные процессы.

Согласно сценарию «нового Нового времени» для незападных стран, в тех новых странах, которые идут по пути капитализма, индустриализма и рыночного хозяйства, образование наций станет неизбежным этапом. Казалось бы, эти нации уже сформированы. Подтверждением тому – тысячелетняя история России, пятитысячелетняя история Китая, древняя история других народов Южной Азии, арабского Востока, Афганистана, Ирака, куда сегодня американцы стремятся принести капитализм и демократию. Однако правильнее сказать, что сформированы национальные государства в соответствии с вестфальской системой, но с внутренним составом, в котором гражданская нация (а не этносы) не всегда завершила свое формирование, а буржуазные – экономически интегрированные – нации еще не сложились.

Но поскольку вестфальская система национальных государств сделала универсальной политической единицей национальное государство, политически общества во всех странах мира были интегрированы как нации. И в ходе этой интеграции играли роль прежние идентичности. В отличие от тех, которые сводят эти идентичности к этнокультурным, укажем на другие. Исходные идентичности Китая и Индии как национальных государств – цивилизационные. Культуры на севере и юге, востоке и западе Китая отличаются друг от друга. Этническое многообразие Индии чрезвычайно велико, но эти древние государства в вестфальской системе обрели политическую составляющую собственной интеграции в нацию, надстроенную над господствующим значением уникальной цивилизационной общности.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу дефиниций понятия «цивилизация», отметим две основные тенденции: с одной стороны, отождествление культуры и цивилизации, их общего противостояния

варварству, с другой – противопоставление культуры и цивилизации, рассмотрение последней как завершенной фазы культуры, которая уже не характеризуется непрерывным становлением. Освальд Шпенглер писал о европейской цивилизации в час ее казавшегося заката – через несколько лет после Первой мировой войны: «Культура и цивилизация – это рожденный почвой организм и образовавшийся из первого при его застывании механизм. Здесь различие <...> между становлением и ставшим». Шпенглеровская трактовка цивилизации в теоретическом плане искажается универсализацией того осуждения «заката Европы», которое Шпенглер сделал после ужасов Первой мировой войны. Ставшее Европы пришло в противоречие с ее становлением, с ее идеалами. По существу, так же считал и Эдмунд Гуссерль, утверждавший, что с конца XIX века в Европе разразился кризис философии и науки как их неспособность «дать нормативное руководство более высокому человеческому типу, который как идея должен был развиться в Европе исторически». Однако эта критика ставшего вместо того, каким оно могло стать, не отменяет дефиниции цивилизации как завершенного культурного развития, когда культура как символическая программа человеческой деятельности получает завершенность своих оснований и следующих из них норм. Культурная революция в Китае была попыткой взрыхлить почву древней цивилизации, чтобы сделать возможным выращивание на ней нового.

Но уже в ходе Первой мировой войны начинали создаваться новые конвенции – справедливости в отношении стран более позднего развития, преобладания национально-государственных интересов с одновременным революционным отрицанием этой конвенции (в России – большевистским меньшинством, а затем, по мере тяжести и бессмысленности участия России в Первой мировой войне, – и массами). Вакуум власти в США заполнился влиянием олигархических структур. Только сила политической воли Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона потребовала от олигархов этих стран переключить интересы с частной сферы на общественную. Эти процессы можно поместить в разряд попыток формирования буржуазной нации, которая в силу эгалитаризма и суверенитета народа оказывается в перспективе солидарной и может формировать гражданское общество. Великая Октябрьская социалистическая революция «втолкнула» в общество конвенцию социальной справедливости между классами. Затем последовали Вторая мировая война и холодная война, вновь выдвинувшие на передний план конвенцию национально-государственного суверенитета и процветания, началось усиление организованности капитализма, состоялся переход Запада в конце 1950-х – начале 1960-х к потребительскому обществу, произошло формирование технической рациональности и технократического управления. Подъем Японии и других азиатских «тигров» разрушил принятые конвенции, побудив думать о них в терминах постиндустриального общества. Две мировые войны способствовали росту государственного капитализма, таможенному протекционизму, расколу мира на блоки и две социальные системы после социалистической революции в России.

Легитимация интересов различных социальных групп может вести к компромиссу и взаимному признанию всех слоев общества как граждан одной страны. Национальная консолидация и есть исходная точка формирования гражданского общества. Гражданское общество от нации отличается тем, что первое – это возможность общественного саморегулирования, а вторая при таком преобразовании подчиняет себя только принципу идентичности и историческим корням. Национализм возможен, казалось бы, при наличии гражданского общества, в котором государственная власть уравновешена обществом-нацией. Но парадокс в том, что исторически видна связь между возникновением гражданского общества и эффективно функционирующей экономикой. Эти два процесса взаимосвязаны. Отчасти защита гражданским обществом национально-государственного суверенитета в экономике смыкается с идеей национально-особенной экономики.

Таким образом, вполне оправданно говорить о довестфальской системе мирового устройства. Но поствестфальская система, как ее принято называть, скорее характеризует эволюцию вестфальской системы, нежели ее завершение. Ни глобализация, ни космополитизация, ни региональные объединения не отменили существующих национальных государств, присущего им суверенитета, хотя, конечно, он может быть как сильным, так и слабым. Многие незападные страны переходят на позиции соединения своих цивилизационных, культурных оснований с национально-государственным строительством на основе рыночной экономики и этим обозначают свое стремление к месту среди суверенных государств, характеризуя тем самым достаточную прочность и привлекательность идеи национального государства.

Анатолий Аркадьевич Кошкин –
доктор исторических наук, профессор,
академик РАЕН

Курилы: Япония продолжает зондаж

22 июля сего года президент России Владимир Путин провел заседание Совбеза по вопросам суверенитета и территориальной целостности России. Среди угроз этим фундаментальным основаниям национальной безопасности следует рассматривать и притязания сопредельных государств на пограничные районы нашей страны. Наиболее известными и активными среди таких притязаний являются многолетние требования правительства Японии вернуть «северные территории», под которыми подразумеваются отошедшие в 1945 году к СССР по международным соглашениям Курильские острова, со времен Екатерины II принадлежавшие Российской империи. Как этот японо-российский «территориальный спор» развивался в последние годы?

Нагнетание требований

Во второй половине первого десятилетия наступившего века крупный японский бизнес обратил серьезное внимание на неиспользованные возможности торгово-экономического сотрудничества с Россией. Объем товарооборота между Японией и Россией в 2008 году вырос почти до 30 миллиардов долларов, что означало пятикратный рост за пять лет. Однако такое поступательное развитие взаимовыгодного сотрудничества обеих стран оказалось не по нраву тем силам в Японии, которые по-прежнему настаивают на необходимости использовать заинтересованность России в экономических связях для усиления давления на Москву по «территориальному вопросу». Принадлежащие к правому крылу японского политического истеблишмента экспертные группы и общества продолжали регулярно на-

правлять в правительство различного рода «рекомендации», в которых призывали не поддерживать крупные проекты с Россией, увязывать такую поддержку с конкретными уступками Москвы в вопросе о принадлежности Курил. Российское же правительство на конкретных примерах доказывало, что именно широкое развитие отношений во всех областях будет способствовать нахождению в спокойной обстановке решения сложных политических проблем.

Эти мысли пытался довести до тогдашнего премьер-министра Таро Асо Дмитрий Медведев – в то время президент России, – пригласивший в феврале 2009 года своего коллегу на Сахалин на церемонию открытия сооруженного с участием японского капитала завода по сжижению природного газа. Видимо, желая привнести какой-то элемент новизны в российскую позицию, Медведев предложил поиск «нестандартного решения» пограничного вопроса. Скорее всего это был намек на то, чтобы подумать о возможности компромиссного разрешения противоречий. Японский премьер это понял и устами спецпредставителя правительства, бывшего первого замминистра иностранных дел Сётаро Яти, предложил решение, которое можно назвать «арифметическим». Была выдвинута идея поделить общую площадь «спорных островов» пополам. По японским расчетам, в этом случае к Японии должна была отойти группа островов Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан, весь остров Кунашир и около четверти острова Итуруп. При этом Россия лишалась не только островов, но и омывающих их богатых ресурсами 200-мильных экономических зон и имеющих важное военно-стратегическое значение глубоководных проливов. Естественно, российское руководство не могло согласиться с таким «разделом», тем более что для его реализации не существует никаких юридических оснований.

В мае 2009 года премьер-министр Таро Асо (на фото), отбросив дипломатический лексикон, сделал в парламенте заявление о том, что южная часть Курильских островов якобы «находится под оккупацией России». До этого официальные лица Японии, тем более премьер-министры и министры, избегали подобных выражений.

Тем не менее в обстановке приближавшихся всеобщих парламентских выборов премьер-министр Асо решил продемонстрировать твердые позиции своей партии как поборника интересов Японии. Отбросив дипломатический лексикон, он сделал в мае 2009 года в парламенте заявление о том, что южная часть Курильских островов якобы «находится под оккупацией России». Необходимо подчеркнуть, что формулировка «незаконная оккупация северных территорий» – это пропагандистское клише из арсенала японских ультраправых организаций. До этого официальные лица Японии, тем более премьер-министры и министры, избегали подобных выражений. Это был явный вызов, не отвечать на который было невозможно.

Ответ был дан 29 мая 2009 года во время церемонии вручения в Кремле верительных грамот вновь прибывшими в российскую столицу зарубежными послами, среди которых был и новый чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Масахару Коно. В своем приветственном слове российский президент прямо заявил: «Мы стремимся к новому качеству взаимовыгодного партнерства с Японией, но не можем не отметить попытки японской стороны поставить под сомнение суверенитет России над Курильскими островами. Такие действия, конечно, не способствуют продолжению переговоров, на них следует обратить внимание. Надеюсь, что в Токио адекватно оценят ситуацию и сделают правильные выводы по этому поводу». Однако внутренние интересы токийских политиков возобладали над соображениями дипломатии. Летом 2009 года депутаты японского парламента – причем как правя-

В августе 2009 года на парламентских выборах в Японии победила Демократическая партия, новым премьер-министром страны стал Юкио Хатояма (на фото). В Москве с удовлетворением восприняли объявленную Хатояма в парламенте политическую платформу, в которой провозглашались партнерские отношения Японии с Россией.

щих, так и оппозиционных партий – пошли на очередную недружественную акцию. В июне-июле сначала нижняя, а затем верхняя палаты парламента единогласно приняли специальную резолюцию, объявляющую принадлежащие России острова «исконными территориями Японии» и призывающую добиваться «скорейшего их возвращения». Попытка закрепления в законодательном порядке притязаний на входящие по Конституции РФ в состав Российской Федерации земли вызвала резкую реакцию российских законодателей, потребовавших от японских коллег дезавуировать этот провокационный документ. В противном случае правительству РФ предлагалось прекратить всяческое обсуждение с официальным Токио проблем территориального размежевания. Однако представители МИД Японии ограничились лишь комментарием о том, что-де принятая обеими палатами резолюция не имеет обязательной силы и не должна повлиять на ход японо-российских переговоров по мирному договору.

Подобные «разъяснения» не могли удовлетворить Москву. МИД РФ предупредил: «Рассматриваем необоснованное нагнетание территориальных требований к России как неуместное, неприемлемое и несоответствующее поиску взаимоприемлемых решений по вопросу заключения мирного договора». Высказался по этому поводу и президент Медведев, встретившийся в рамках саммита G8 в итальянском городе Л'Аквила с премьер-министром Японии Асо. Было обращено внимание на то, что обсуждение таких сложных и важных тем, как заключение мирного договора и «территориальная проблема», должно проходить в соответствующей атмосфере. А атмосфера эта, по оценкам российской стороны, «в последнее время не сильно улучшилась, и даже наоборот ряд шагов привели к всплеску эмоций».

Надругательство над флагом

В августе 2009 года на парламентских выборах в Японии победила Демократическая партия, новым премьер-министром страны стал Юкио Хатояма. В Москве с удовлетворением восприняли объявленную Хатояма в парламенте политическую платформу, в которой провозглашались партнерские отношения Японии с Россией. Однако, как показали первые шаги нового кабинета Демократической партии, в нем существовали различные подходы к территориальным проблемам с соседними государствами – Россией, КНР, Республикой Кореей. Часть министров, как и сам глава правительства, понимали, что, объявляя приверженность идее создания Восточноазиатского сообщества, не следует искусственно нагнетать страсти вокруг противоречий по вопросам границ. Однако занимавшие ключевые министерские посты демократы были склонны продолжать прессинговать российское правительство, открыто добиваясь необоснованных территориальных уступок. Зная, что российское руководство решительно отвергает обвинения в «незаконном владении Курилами», они тем не менее вновь пошли на политическую провокацию. В конце ноября 2009 года было обнародовано уже правительственное заявление о том, что южнокурильские острова «находятся под оккупацией России».

Притязания японского правительства на законно перешедшие к России (СССР) территории подпадают под понятие реваншизма, что в данном случае означает «стремление к пересмотру результатов поражения в прошлом, к возвращению потерянных в войне территорий». Поэтому понятна жесткая реакция российского правительства на подобные попытки в одностороннем порядке подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны. В направленной 24 ноября 2009 года в МИД Японии официальной ноте, в частности, говорилось: «В Москве обратили на упомянутый шаг правительства Японии самое

серьезное внимание. Считаем необходимым подчеркнуть, что южные Курильские острова являются неотъемлемой частью территории Российской Федерации на законных основаниях по итогам Второй мировой войны в соответствии с имеющими обязательную юридическую силу для Токио соглашениями и договоренностями между союзными державами, а также Уставом ООН, который ратифицирован Японией. Одобрение японским правительством документа, воспроизводящего вышеуказанную формулировку, не может быть расценено иначе как неприемлемое».

Соответствующее предупреждение прозвучало и из уст министра иностранных дел России Сергея Лаврова: «Мы стремимся к новому качеству взаимовыгодного партнерства с Японией, но не можем не отметить попытки японской стороны поставить под сомнение суверенитет России над Курильскими островами. Такие действия, конечно, не способствуют продолжению переговоров, на них следует обратить внимание. Надеюсь, что в Токио адекватно оценят ситуацию и сделают правильные выводы по этому поводу». При этом в Москве всё же надеялись, что новое правительство Демократической партии Японии проявит реализм и предпримет усилия для развития двусторонних отношений в различных областях. Осенью 2009 года в Москву был приглашен один из наиболее опытных в международных делах руководителей Демократической партии, председатель палаты советников парламента Японии Сацуки Эда. По итогам встреч японского политика с тогдашним председателем Совета Федерации Сергеем Мироновым и министром иностранных дел Сергеем Лавровым обе стороны «констатировали обоюдный настрой на активизацию двусторонних связей по всем направлениям».

В июне 2010 года Хатояма из-за неспособности выполнить данное избирателям обещание добиться вывода с острова Окинава базы морских пехотинцев США Футэмма, взяв ответственность на себя, заявил об отставке с поста премьер-министра. При искреннем стремлении найти разрешение «территориального вопроса» и улучшить японо-российские отношения этот политик за неполный год пребывания в качестве премьера не успел осуществить задуманное. К тому же его усилия наталкивались на обструкцию правых сил как в перешедшей в оппозицию Либерально-демократической партии, так и в собственной партии демократов.

Приступивший 4 июня 2010 года к обязанностям премьер-министра новый лидер Демократической партии Наото Кан не имел дипломатического опыта и до этого всерьез не занимался вопросами внешней политики Японии. Являясь не столько политиком, сколько общественным деятелем, он был склонен подстраиваться под преобладающие среди населения настроения, в том числе по вопросам территориальных претензий к соседним странам. В отличие от своего предшественника Кан широко использовал популярную среди населения риторику о «незаконной оккупации Курильских островов».

Участились поездки министров и других официальных лиц на Хоккайдо для «осмотра северных территорий», что широко освещалось в японских СМИ. МИД Японии использовал любой повод для направления Москве дипломатических протестов. 25 июля 2010 года японское правительство заявило протест против проведения на острове Итуруп военных учений. Нервно реагировал официальный Токио и на привлечение на Курилы иностранных инвестиций и рабочей силы. Делались представления по поводу пролетов российских военных самолетов, хотя они не нарушали воздушное пространство Японии. Не нравятся японским политикам и меры российского правительства по социально-экономическому развитию Курильских островов, которые воспринимаются в Токио как направленные на укрепление позиций России в «территориальном споре» с Японией.

Весьма бурной была реакция японского правительства на состоявшуюся 1 ноября 2010 года рабочую поездку президента Медведева на один из островов Курильской гряды – Кунашир. В стране была развязана шумная пропагандистская кампания осуждения «непозволительных действий российского президента». Активизировались националистические ультраправые организации, под стягами милитаристской Японии и под звуки ее бравурных маршей демонстрировавшие свою ненависть к России и русским. Антирусскую кампанию в СМИ возглавляла правонационалистическая газета «Санкэй симбун». Не ограничиваясь газетными публикациями, ее бывшие корреспонденты в Москве быстро выбросили на прилавки наполненную злобой пропагандистскую книжку «Кто позволил незаконный въезд в нашу страну Медведева?»

Москва же вновь со всей определенностью заявила, что «суверенитет России в отношении Курил не подлежит пересмотру, а официальные лица будут совершать рабочие поездки независимо от реакции Токио». МИД РФ выразил протест против недружественных высказываний японского

Приступивший 4 июня 2010 года к обязанностям премьер-министра новый лидер Демократической партии Наото Кан (на фото слева), являясь не столько политиком, сколько общественным деятелем, был склонен подстраиваться под преобладающие среди населения настроения, в том числе по вопросам территориальных претензий к соседним странам.

руководства в отношении России. Правительство демократов, желая продемонстрировать своему народу решительную позицию, пошло на редкий в дипломатических отношениях демарш, отозвав в Токио в знак протеста своего посла в России. Российское правительство восприняло этот шаг спокойно, и, не поддавшись эмоциям, не стало отвечать аналогичной мерой.

Апогеем ухудшения двусторонних отношений при правительстве демократов стало проведение в Японии 7 февраля 2011 года «Дня северных территорий», ежегодно сопровождающегося реваншистскими демонстрациями японских ультраправых в районе посольства России в Токио, генконсульств в Саппоро, Осака, Ниигата, а также представительств российских организаций в Японии – Торгпредства, «Аэрофлота», ИТАР-ТАСС и других. В этот день в крупных залах японской столицы в присутствии членов японского кабинета министров проводятся общенациональные съезды участников движения «за возвращение северных территорий». На съезде в 2011 году с приветственной речью выступал премьер-министр Японии Кан. В своем выступлении он обрушился на российского президента за его поездку на Кунашир, назвав ее «непозволительной грубостью». Заметим, что передавшие слова японского лидера аккредитованные в Японии журналисты ИТАР-ТАСС в переводе почему-то ослабили значение использованного выражения. В действительности Кан применил слова, означающее «буйство, грубую силу, применение насилия». В любом случае сделанное в адрес высшего должностного лица другого государства подобное выражение выходит за рамки норм дипломатического общения и может расцениваться как оскорбление.

В этот же день во время сопровождавшейся злобными выкриками через мощнейшие усилители в адрес российского руководства демонстрации ультраправых активистов один из них на глазах японской полиции у ворот российского посольства надругался над государственным флагом РФ, что было показано по телевидению, в том числе в России. Последовавший протест российского внешнеполитического ведомства и требование примерно наказать виновного были отклонены японской стороной по причине... «отсутствия состава преступления». О том, что японское правительство вознамерилось противодействовать российским властям осуществлять управление и хозяйственную деятельность на принадлежащей Российской Федерации территории Курильских островов, свидетельствовало беспрецедентное заявление пресс-секретаря главы МИД Японии Сатору Сато, который в ультимативном тоне провозгласил: «Без согласия японского правительства вся деятельность, которая будет проводиться на данной территории (Курильских островов. – *А.К.*), будет находиться в правовом противоречии с теми документами и утверждениями, на которых настаивает Япония. Мы будем выражать наш протест против какой-либо ведущейся там деятельности, включая и визиты высокопоставленных российских чиновников, и привлечение инвестиций из третьих стран». Прибегнув к подобному диктату, правительство демократов явно вышло за пределы принятых в мире дипломатических норм. Кремль сдержанно отреагировал на недипломатическое высказывание японского премьера. МИД РФ сделал заявление: «Россия не является

сторонницей нагнетания эмоций в отношениях с Японией. Но в Москве обратили внимание на неприемлемые для России заявления и организацию японскими националистическими элементами вызывающих антироссийских выступлений». Помимо этого российская сторона в очередной раз заявила о неприемлемости территориальных претензий Токио. В создавшейся обстановке, которая была названа японскими специалистами по России наихудшей за период японо-российских отношений, стал затруднительным запланированный ранее официальный визит в Москву премьер-министра Кана.

Русское сочувствие и помощь

Период охлаждения мог продлиться неопределенно долго, но на отношения двух стран внезапно оказала влияние стихия. Происшедшие 11 марта 2011 года сильнейшие землетрясение и цунами разрушили северо-восточное побережье основного острова страны – Хонсю, погубили около 25 тысяч жителей, нанесли огромный материальный ущерб. Ситуация еще более осложнилась аварией в результате землетрясения на атомной электростанции «Фукусима-1», что вызвало необходимость эвакуации десятков тысяч человек.

В России искренне сопереживали пострадавшим. По всей стране прошел сбор средств на поддержку оказавшихся в беде японцев. Российское правительство предложило всю возможную помощь, оперативно в район бедствия были направлены спасатели, которые с риском для жизни участвовали в поиске уцелевших и расчистке завалов. Помощь из соседней страны была с благодарностью встречена японскими властями и населением страны. В апреле 2011 года генеральный секретарь правящей Демократической партии Японии Кацуя Окада заявил: «Хотя еще недавно не всё в наших отношениях складывалось удачно, мы всё же надеемся, что в ближайшее время российско-японские отношения будут развиваться в лучшем направлении». Поблагодарив все страны и не в последнюю очередь Россию за оказанную экстренную помощь, он отметил: «Эта поддержка стала источником мужества для всех японцев в эти трудные времена».

В последовавший затем период японское правительство было занято устранением последствий мощного цунами, смывшего целый регион страны. Переговоры по проблеме заключения мирного договора, являющегося для Токио эвфемизмом разрешения «территориального вопроса» в свою пользу, были прерваны. Однако японское правительство продолжало использовать любой случай, чтобы озвучивать свою позицию о «принадлежности Японии северных территорий». Так, на проходившей в июне 2011 года встрече министров иностранных дел и обороны США и Японии было сделано заявление о решимости двух государств «добиваться полной нормализации отношений России и Японии путем решения вопроса о северных территориях». Ответ МИД РФ последовал незамедлительно. В официальном заявлении от 23 июня 2011 года указывалось: «Считаем неуместной ситуацию, когда так или иначе ставится под сомнение суверенитет России над южными Курильскими островами. Мы вправе ожидать от американских партнеров более уважительного отношения к соответствующим договоренностям союзных держав-победительниц во Второй мировой войне».

Сменивший в августе 2011 года Кана на посту премьер-министра Японии Ёсихико Нода, как и все его предшественники, громогласно заявлял о намерении разрешить «проблему северных территорий». Однако в Москве уже поняли, что рассчитывать на выработку взаимоприемлемых условий заключения мирного договора с правительством демократов бесперспективно, и фактически отказались от серьезных переговоров по этому поводу.

Путин за мирный договор

Поездка Медведева на Кунашир убедила японцев, что во время его нахождения на посту президента подвижек в сторону изменения российской позиции по «территориальному вопросу» ожидать не придется. Свое отношение к японским притязаниям на Курильские острова Медведев подтвердил в ноябре 2012 года, когда вновь посетил Кунашир с рабочим визитом уже в качестве председателя правительства. Тогда, назвав Курильские острова «нашей коренной землей», он заявил: «В отношении реакции наших японских партнеров. Мне она безразлична. Настолько безразлична, что даже не хочется тратить время на ответ на этот вопрос. Ну чего нам с ними обсуждать? Присутствие председателя правительства России на российской территории? Так можно далеко зайти».

Обескураженным японцам оставалось лишь уповать на то, что вновь вернувшийся на пост президента Путин займет иную позицию, продолжит искать взаимоприемлемое решение «территориальной проблемы». Было замечено, что в годы президентства Медведева, находясь на посту председателя правительства, Путин не высказывался по поводу японских притязаний на Курилы. Однако наиболее проницательные специалисты по

японо-российским отношениям указывали, что Медведев едва ли мог совершить поездку на оспариваемый японским правительством остров без согласия Путина, который де-факто продолжал определять внешнюю политику России.

Вернувшаяся в декабре 2012 года к власти Либерально-демократическая партия Японии и ставший премьер-министром ее лидер Синдзо Абэ решили придать новый импульс отношениям Токио с Москвой. Стремясь прервать затянувшийся при демократах период дипломатической конфронтации по территориальным и историческим проблемам практически со всеми соседними государствами, Абэ не случайно совершил один из первых заграничных визитов в Россию. Улучшить отношения с нашей страной, казалось, проще, чем с правительствами КНР и Республики Кореи, ибо российские руководители в отличие от них соглашались вести переговоры, в том числе и по весьма чувствительному вопросу о принадлежности Курильских островов. К тому же в условиях снижения конкурентоспособности Японии в Восточной Азии японский бизнес стал еще больше обращать взоры на северного соседа – Россию. Направившийся в конце апреля 2013 года в Москву с официальным визитом премьер-министр Японии Абэ взял с собой около 120 бизнесменов, возглавлявших крупные японские компании. И это был вовсе не дипломатический жест в адрес российского президента, который активно выступает за широкое развитие российско-японских торгово-экономических отношений.

Состоявшиеся в дружественной обстановке переговоры по широкому кругу вопросов мировой политики и российско-японских отношений позволили после долгого перерыва выработать и опубликовать многостраничное «Совместное заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства». Подписание этого документа стало возможным в результате того, что японская сторона, отказавшись от навязанных в годы правления в России Горбачева и Ельцина выгодных Токио формулировок по «территориальному вопросу», согласилась на выражение общего пожелания о заключении между двумя государствами мирного договора.

Стороны согласились, что «ситуация, при которой – спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны – между Россией и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной. В целях дальнейшего развития отношений между двумя странами и создания широкого российско-японского партнерства в XXI веке руководители двух стран выразили решимость, преодолев в рамках переговоров имеющиеся расхождения в позициях сторон, заключить мирный договор путем окончательного решения во взаимоприемлемой форме данного вопроса, необходимость урегулирования которого была подтверждена в том числе в Совместном заявлении президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о принятии Российско-японского плана действий и Российско-японском плане действий 2003 года. <...> Руководители двух стран договорились продвигать переговоры по заключению мирного договора на основе всех принятых до настоящего времени документов и договоренностей, включая Совместное заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о принятии Российско-японского плана действий и Российско-японский план действий 2003 года. <...> Руководители двух стран в поиске новых, устремленных в будущее горизонтов российско-японского партнерства договорились совместно дать своим министерствам иностранных дел поручение ускорить переговоры по выработке взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора с целью их представления руководителям двух стран для обсуждения».

В 2013 году российско-японские отношения развивались успешно. Каждый раз, когда лидеры двух государств встречались на международных форумах, проводились беседы по текущим проблемам. Во время этих бесед японская сторона хотя и дипломатично, но настойчиво «напоминала» о необходимости сочетать экономическое сотрудничество с активными поисками разрешения «территориального вопроса». Во время одной из таких бесед на саммите АТЭС на индонезийском острове Бали в октябре 2013 года российский президент выразил удовлетворение отношениями с Японией. Он заявил: «Развиваются экономические связи. Хочу отметить рост товарооборота между нашими странами, рост инвестиций. Япония входит в десятку наших крупнейших инвесторов. У нас впереди очень интересные и важные для наших экономик совместные проекты. Заработал и наш совместный инвестиционный фонд, о создании которого мы с Вами договаривались на одной из предыдущих встреч. Он уже получил заявки на финансирование более чем на 10 миллиардов долларов».

Что такое «хикивакэ»?

В Москве оценили решение Абэ, несмотря на большую за-

нятость, лично присутствовать 7 февраля 2014 года на церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи – даже в ситуации, когда она совпала с проведением в Токио «Дня северных территорий». В обстановке бойкота церемонии открытия Олимпиады главами крупных западных держав это было воспринято как еще одно подтверждение стремления улучшать и развивать отношения с Россией. Такой настрой проявился и в том, что в «День северных территорий» японские власти постарались максимально ограничить провокации японских ультраправых у российского посольства, а премьер-министр, говоря в этот день о стремлении добиться «возвращения северных территорий», не допустил резких, тем более недипломатичных высказываний.

Если в прошлом проблему «северных территорий» в Токио десятилетиями использовали главным образов в целях пропаганды, нагнетания антисоветских и антирусских настроений и всерьез не искали компромиссные варианты разрешения вопроса о территориальном размежевании, то в последние годы такие поиски начались.

Японские документы подтверждают, что при нормализации советско-японских отношений в середине 50-х годов изначальной целью японского правительства было возвращение Японии только группы островов Хабомаи и острова Шикотан. Затем под давлением США японские претензии необоснованно расширились до четырех островов, включая наиболее крупные и освоенные острова Курильской гряды – Кунашир и Итуруп. Твердый отказ Москвы в какой бы то ни было форме рассматривать и обсуждать возможность передачи этих островов Японии заставил сначала специалистов по японо-российским отношениям, а затем и японское правительство отходить от жестких требований времен холодной войны – «незамедлительно и одновременно вернуть все четыре острова».

В 90-е годы при кабинете Рютаро Хасимото Москве было сделано предложение для начала «лишь признать принадлежность» Японии искомых ею островов. Речь шла о так называемом отложенном суверенитете. В случае согласия японская сторона обещала в течение определенного периода признавать административные права России над южнокурильскими островами. Хотя тогдашний президент России Ельцин сначала заинтересовался этим предложением, затем в его окружении поняли, что, делая его, японцы не отказываются от прежних требований, а лишь пытаются упаковать их в другую обертку.

Затем, как отмечалось выше, появилось предложение поделить общую площадь территории «спорных островов» пополам. При этом все разделяющие эти острова стратегически важные проливы попадали бы под японский контроль. Некоторые предлагали, прямо скажем, экзотические варианты – например, разделить по меридиану пополам каждый из «спорных островов».

Наконец, имеющий наибольший опыт обсуждения с нынешним российским руководством «территориальной проблемы» и установивший в 2001 году личные доверительные отношения с Путиным бывший премьер-министр Японии Ёсиро Мори предложил ограничить японские требования тремя островами, оставив остров Итуруп вне рамок переговоров.

Однако любые идеи и предложения, отличные от требования «одновременного возвращения Японии всех северных территорий», встречаются в штыки правонационалистическими силами страны и обслуживающими их интересы средствами массовой информации.

Следует отметить, что в Японии немало тех, которые понимают нереалистичность позиции правых и в душе – а подчас и открыто – заявляют о целесообразности предпочесть журавлю в небе синицу в руках. В частных беседах японские политики, ученые, журналисты не уходят от обсуждения различных вариантов, в том числе и идеи возвращения к условиям заключения мирного договора, записанным в Совместной декларации 1956 года. Следует отметить, что при этом вопрос о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан рассматривается как уже окончательно решенный, а разъяснения о том, что это не так, воспринимаются с недоумением. В действительности же прошедшие почти шестьдесят лет после подписания декларации внесли весьма важные изменения, которые могут серьезно осложнить обещанную передачу после подписания мирного договора этих островов Японии.

Во время состоявшейся на Бали беседы Путина с Абэ российский президент, отвечая на предложение японского премьера ускорить решение «территориальной проблемы» и заключение мирного договора, резонно заметил, что для подписания мирного договора между двумя странами и народами «нужно создавать не образ врага, а образ друга». Однако в одночасье достичь этого, учитывая историю отношений двух стран, невозможно. Поэтому призыв президента созвучен уже давно предлагаемой автором этих строк идее перерыва в переговорах по «территориальной проблеме».

К удовлетворению японской стороны президент Путин под-

Вернувшаяся в декабре 2012 года к власти Либерально-демократическая партия Японии и ставший премьер-министром ее лидер Синдзо Абэ (на фото с Владимиром Путиным) решили придать новый импульс отношениям Токио с Москвой. Стремясь прервать затянувшийся при демократах период дипломатической конфронтации по территориальным и историческим проблемам практически со всеми соседними государствами, Абэ не случайно совершил один из первых заграничных визитов в Россию.

твердил свое согласие активизировать переговоры с целью сближения позиций сторон по условиям заключения между Россией и Японией мирного договора. Для этого были возобновлены консультации на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран. Не секрет, что центральным вопросом консультаций является проблема пограничного размежевания, которую также соглашается обсуждать российская сторона. И хотя переговоры и консультации по этому вопросу из-за неизменности принципиальных позиций сторон пока не приводят к конкретному результату, они создают благоприятную атмосферу для поиска взаимоприемлемого компромисса. Важно, чтобы противоречия сторон по поводу принадлежности Курильских островов не мешали налаживанию сотрудничества по другим важным аспектам двусторонних отношений.

К сожалению, весной 2014 года появились признаки изменения такой атмосферы не в лучшую сторону. Как нередко бывало и прежде в японо-советских и японо-российских отношениях, не обошлось без американцев. В развернутую администрацией США шумную кампанию осуждения российского руководства и введения санкций в отношении РФ в связи с присоединением Крыма была вовлечена и Япония. При этом есть немало признаков того, что японское правительство, не желая ухудшения отношений с Москвой, было вынуждено пойти на введение санкций из солидарности со своим заокеанским сюзереном. Это лишний раз подтвердило несамостоятельность Японии в определении своей внешней политики. Вместе с тем обратило на себя внимание и то, что объявленные японским правительством санкции были минимальными и серьезно не затрагивали российско-японские отношения. Понимая это, правая японская пресса стремится доказать обратное. Газета «Никкэй симбун» утверждала 2 апреля 2014 года: «Япония пересматривает свой дипломатический подход к России. Токио будет сворачивать деятельность, направленную на создание теплых отношений с Москвой. Министр иностранных дел Японии Фумио Кисида планировал посетить Россию в ходе заседания японо-российской торговой комиссии, однако Токио был вынужден изменить эти планы. Обсуждение визита в Японию президента России Владимира Путина этой осенью будет также, по всей вероятности, отложено».

Занятая Японией позиция удивила и разочаровала российское руководство. МИД РФ было поручено заявить: «Введение Японией визовых санкций в отношении ряда россиян не останется без ответа и воспринято Москвой с разочарованием».

Еще большее удивление вызвало сообщение о том, что МИД Японии в качестве санкции намерен приостановить проведение двусторонних консультаций по вопросам мирного договора. Такая позиция выглядит, по меньшей мере, странной в свете того, что именно японское правительство упорно добивается подобных переговоров, используя их для выдвижения и обоснования своих территориальных претензий к России. Свое недоумение по поводу занятой японским правительством позиции счел необходимым высказать лично президент Путин. На встрече с руководителями мировых информагентств 24 мая 2014 года он заявил: «И Япония, и Россия искренне заинтересованы в том, чтобы эта проблема была решена». При этом было под-

черкнуто, что решение проблемы заключения мирного договора не должно ущемлять интересы друг друга, должно быть приемлемым компромиссом, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя проигравшей. Комментируя свое предложение стремиться к «хикивакэ» (ничьей) в «территориальном споре», президент пояснил: «Что такое "хикивакэ" в данном случае? Если бы я знал окончательный ответ, мы бы уже подписали все документы». И далее: «Но мы просто с удивлением недавно услышали, что Япония присоединилась к каким-то санкциям – при чем здесь Япония, я не очень понимаю – и приостанавливает переговорный процесс по этой проблеме. Готова ли Япония дальше обсуждать проблему – я пока так для себя и не усвоил».

Прямое обращение к японской стороне за разъяснениями возымело действие. Представители японского правительства поспешно заявили, что в Токио заинтересованы в продолжении переговоров и, как и было намечено, ожидают визита президента Росси в Японию осенью этого года. Со своей стороны Путин подтвердил ранее достигнутую договоренность о визите.

Однако после трагедии с малайзийским «Боингом», в которой огульно и еще до расследования обвинили Россию и чуть ли не лично Путина, японское правительство, отвечая на призывы из Вашингтона, 28 июля ввело дополнительные санкции, что уже серьезно осложнило японо-российские отношения. Очередной пакет санкций предусматривает замораживание банковских счетов физических лиц и организаций, которые по версии японцев «причастны к дестабилизации ситуации на Украине» и присоединению к России Крыма, а также запрет на импорт ряда товаров из Крыма. Существенного ущемления российских интересов подобные санкции не вызовут, но они явно портят политические отношения двух стран, которые лишь недавно стали налаживаться. В Москве это решение правительства Японии назвали ошибочным и угрожающим всему комплексу двусторонних отношений. В официальном заявлении МИД РФ от 29 июля со всей определенностью говорится: «Японский демарш свидетельствует о том, что неоднократные заверения Токио о намерении продолжать усилия по развитию отношений с Россией являются лишь ширмой, прикрывающей неспособность японских политиков выйти за рамки привычного следования в кильватере Вашингтона, проводить самостоятельную линию, отвечающую национальным интересам своей страны. Введение Токио новых санкций против России, какими бы оговорками это ни обставлялось, неизбежно наносит ущерб всему комплексу двусторонних отношений, отбрасывает их назад. Японская сторона должна отдавать себе в этом отчет».

Вина за новое осложнение японо-российских отношений полностью лежит на японском правительстве. Ибо Москва неоднократно заявляла, что разговаривать с Россией языком санкций неуместно и контрпродуктивно. Россия также подчеркивала, что не является стороной внутриукраинского конфликта.

В условиях, когда Токио, по сути, игнорирует эту российскую позицию и под аплодисменты Вашингтона сознательно ведет дело к ухудшению отношений с северным соседом, проблематичной становится реализация приглашения японского правительства президенту Путину посетить в этом году Страну восходящего солнца с официальным визитом. И уж, конечно, в сложившейся неблагоприятной обстановке открытого давления и санкций трудно ожидать от Москвы каких-либо подвижек по «территориальной проблеме». Визит, если он всё же состоится, не только не решит проблему мирного договора, но и может вызвать новый всплеск антироссийских настроений в Японии. Нельзя исключать, что приезд российского лидера в Японию в нынешних условиях будет использован японскими правыми силами для нагнетания напряженности, атаки на российскую политику и лично президента по всему фронту. Что же касается перспектив нахождения взаимоприемлемого решения по вопросу территориального размежевания, то сейчас они минимальны, ибо в нынешней политической и психологической обстановке в нашей стране российское правительство не сможет пойти даже на компромисс по поводу передачи островов Хабомаи и Шикотан, на который намекал в свое время Путин. Ситуация вокруг Крыма сплотила нацию, укрепила ее желание вести внешнюю политику в первую очередь в интересах своего государства, прекратить практику неоправданных уступок и компромиссов. Поэтому московским и токийским политикам следовало бы всерьез подумать об объявлении моратория на переговоры по «территориальному вопросу» и, преодолевая вновь возникшие разногласия, сосредоточить внимание на развитии отношений во всех областях – в политике, экономике, культуре и т.д. Выступая против любых уступок российской территории, подавляющее большинство граждан нашей страны поддержали бы такой мораторий. Дело за политической волей.

Александр Павлович Люсый –
старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Крым Новорусский

Новые политические редакции мифа и текста с точки зрения геополитических рисков

Тавриду можно будет взять. А от Новороссии придется отказаться.
Лев Славин «Интервенция» (вольное перепрочтение)

Наблюдатель? свидетель событий? войны в Крыму? Масса жертв — все в дыму — перемирие полотенца... Нет! самому совершить поджог! роддома! И самому вызвать пожарных, прыгнуть в огонь и спасти младенца, дать ему соску, назваться его отцом, обучить его складывать тут же из пальцев фигу. И потом, завернув бутерброд в газету с простым лицом, сесть в электричку и погрузиться в книгу...
Иосиф Бродский «Из Парменида»
(точное цитирование точного метафорического попадания)

Помыслить завершение истории там, где сохраняется пустая форма суверенности, столь же невозможно, как мыслить исчезновение Государства без завершения его исторических фигур, так как пустая форма Государства стремится порождать эпохальные содержания, а они, в свою очередь, ищут государственную форму, которая стала, однако, невозможной (именно это происходит в бывшем Советском Союзе и бывшей Югославии).
Джорджо Агамбен «HOMO SACER. Совершенная власть и голая жизнь» (просто цитата)

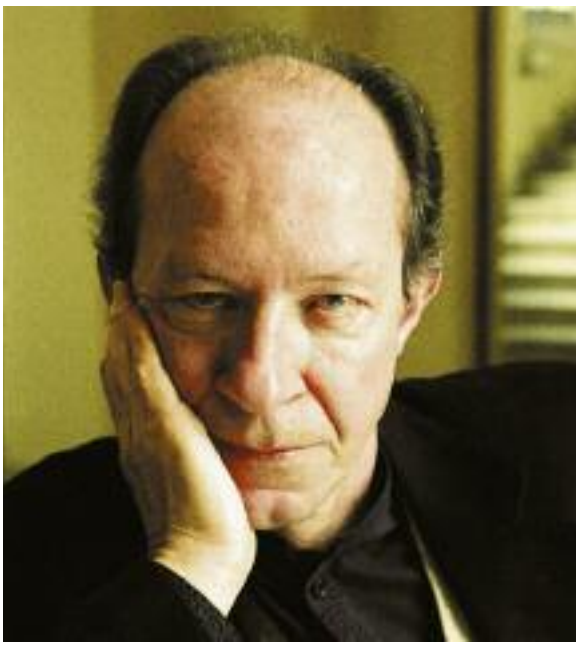
Международное рейтинговое агентство Moody's изменило прогноз по суверенному кредитному рейтингу России со «стабильного» на «негативный». <...> Moody's мотивировало ухудшение прогноза по российскому суверенному рейтингу ростом восприимчивости России к геополитическим рискам.
Из ленты актуальных новостей журнала «Русская Фабула»

Что там трещина – Большой Крымский каньон прошел через сердце культуролога. Большинство моих крымских друзей приветствуют изменение статуса Крыма, часть москвичей недовольны формой событий, а киевлян – и содержанием тоже. Объяснение ищу у Джорджо Агамбена, указывающего, что «суверенное государство основывается на “идеологии возможности”», которая заключается в том, чтобы «привести к единству два элемента любой власти <...> принцип возможности и форму его исполнения».

Если обратиться к истории, то короткие вспышки крымской суверенности то гаснут втуне, то порождают новые миры новых измерений и качеств. Взять хотя бы судьбоносное крещение в Херсонесе (как итог осады города) древнерусского князя Владимира Святого, за которым последовало и крещение Киевской Руси как таковой.

Обычное состояние Крыма – быть прекрасной провинцией того или иного государственного образования, обычно имперского, хотя для древних греков это был не сладостный юг, а крайний север с именно здесь, в «киммериан печальной области», расположенным входом в подземное царство Аид. Я, впрочем, на одной теледискуссии об имперском контексте крымской темы однажды заявил: «Крым – сам по себе империя, если под империей подразумевать более-менее гармоничное сосуществование разных этносов». В самом деле, здесь происходило немало военных конфликтов и социальных катаклизмов, но не могу упомнить ни одного большого межэтнического столкновения – даже на почве этнических зачисток. Не было тут, в частности, в отличие от прогремевших этим окружающих пространств, еврейских погромов.

Бывало, здесь образовывалось сразу несколько вполне самостоятельных государств (Херсонес, Боспорское царство). С XII по XV век в юго-западной части полуострова существовало княжество Феодоро, с которым желал династически породниться великий князь московский Иван III. Высшим же выражением политической субъектности Крыма стало Крымское ханство. Хотя оно находилось в формальной зависимости от Османской империи, силовые линии по осям Бахчисарай–Варшава–Москва были определяющими в системе международных отношений XV–XVIII веков, заложив фундамент пресловутого «изобретения Восточной Европы» (Ларри Вульф).



Большинство моих крымских друзей приветствуют изменение статуса Крыма, часть москвичей недовольны формой событий, а киевлян – и содержанием тоже. Объяснение ищу у Джорджо Агамбена (на фото), указывающего, что «суверенное государство основывается на “идеологии возможности”», которая заключается в том, чтобы «привести к единству два элемента любой власти <...> принцип возможности и форму его исполнения».

После присоединения Крыма к России в 1783 году территория стала обычной – Таврической – губернией, включавшей бóльшую часть современной Херсонской области (Северная Таврия) вплоть до 1917 года, когда опять началась череда крымских суверенитетов. Надо сказать, раскачать ситуацию здесь в том году было гораздо сложнее, чем на других просторах Российской империи. Февральско-мартовская революция первоначально именовалась в Крыму, как отмечают крымские историки Александр и Владимир Зарубины, «событиями в Петрограде». Смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием. В районе Черного моря, в отличие от Балтики, особая революционная подготовка не велась. Однако, по мнению историка Михаила Бунакова, революция пришла в армию и флот... «по приказу высших начальников». Не кто иной, как командующий Черноморским флотом адмирал Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Здесь был опубликован приказ Петроградского совета №1 и дублирующий его приказ военного и морского министра Александра Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов, титулование офицеров. Смягчалась кара за дисциплинарные проступки. Тут подоспели и газеты из Петрограда и Москвы,

Карл Брюллов. Бахчисарайский фонтан. 1849 год

Высшим выражением политической субъектности Крыма стало Крымское ханство. Хотя оно находилось в формальной зависимости от Османской империи, силовые линии по осям Бахчисарай–Варшава–Москва были определяющими в системе международных отношений XV–XVIII веков, заложив фундамент пресловутого «изобретения Восточной Европы».

а количество газет социалистического направления, призывавших к низвержению государственного строя и разложению дисциплины в армии и на флоте, начало расти. На флоте появились агитаторы, и вскоре настроение команд изменилось. Именно грамотные офицеры, чуждые войне и казарменному образу жизни, прапорщики, вольноопределяющиеся из «интеллектуалов», во множестве возглавившие армейские и флотские комитеты, столь же во множестве возникавшие весной 1917 года, и стали проводниками революционных идей. Таким образом, всю послефевральскую Россию можно представить в виде гигантского открытого информационного пространства, нуждавшегося в адекватном – в смысле соответствующего языка, своевременности и содержательности – наполнении. Однако ввиду отсутствия информации, необходимой для эволюционной трансформации социума, развитие ситуации стали определять слухи, наветы, демагогическая ложь. Информационное поле превращалось в кипящий котел всеобщей подозрительности (Владимир Булдаков).

В связи с отречением Николая II от престола перед военнослужащими в Крыму обострилась проблема присяги. 12 марта флот был приведен к присяге новой власти. Русские генералы и офицеры сделали свой выбор, но окончательный выбор оказался не за ними.

10 мая съезд Советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Одна из его резолюций гласила: «Считая, что интересы революции в России диктуют в некоторых случаях в целях установления и закрепления демократического строя согласованности действий пролетариата, крестьянства и демократически настроенной буржуазии, съезд признает, что тактика Советов рабочих и солдатских депутатов должна вести не к возбуждению классового антагонизма, а к выяснению классового самосознания пролетариата». То есть ведомые «меньшевиками» Советы попытались в Крыму встать на путь пресечения классовой розни, стремясь закрепить мирный путь развития революции. Однако в сложившихся условиях «выяснение классового самосознания пролетариата» было уже идентично «возбуждению классового антагонизма», а февральско-мартовский пе-

релом успел ознаменоваться истреблением офицеров на Балтийском флоте (Кронштадт, Петроград, Гельсингфорс).

В основе революционаризма солдатской массы было архаичное неполитическое бунтарство, в результате чего новая революция оказалась чрезвычайно примитивной по своей человеческой природе (впрочем, любая революция – в той или иной мере проявление социальной энтропии, осложняемой в некоторых случаях территориальным размежеванием). Как описывал осень 1917 года в Крыму участник событий полковник Николай Кришевский, «хотя и нет в Севастополе убийств, подобных кронштадтским, но есть что-то липкое, цепкое, ползучее, что-то нездоровое, не революционный подъем и красота, а страх и заискивание перед загадочной матросской и солдатской массой». Эта масса, внешний для Крыма элемент, и стала главным двигателем социалистической революции. 16-17 ноября 1917 года Губисполком созвал Всекрымский съезд Советов (Симферополь). Он девятью голосами против семи объявил Октябрьскую революцию «преступной авантюрой», признал решения II Всероссийского съезда Советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и националистических организаций», или «демократическому совещанию Тавриды». Однако в итоге его ждала судьба Учредительного собрания в Петербурге.

Параллельно набирало силу крымско-татарское национальное движение. В Бахчисарае был созван курултай, сформировавший «Крымско-татарское национальное правительство» под руководством муфтия Челебиджана Челебиева, провозгласившего лозунг «Крым для крымцев» (подразумевая под «крымцами» все население Крыма). Написанное им воззвание Мусисполкома гласило: «Чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устроении судьбы своего края и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым. Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может решить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей». Это правительство сформировало «армию» из нескольких тысяч националистов, которая разоружила солдат береговой батареи в Евпатории и попыталась в декабре 1917 года штурмовать Севастополь. Однако матросы Черноморского флота и солдаты Севастопольской крепости разгромили эти отряды, Челебиев был взят в плен и расстрелян.

В результате непростого сплетения социальных и геополитических процессов по инициативе Ленина в Крыму в марте 1918 года была провозглашена Таврическая Республика Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Республика Таврида), вскоре переименованная в Таврическую ССР. Был сформирован местный Совет народных комиссаров в составе 8 большевиков и 4 левых эсеров. Деятельность учреждений республики была направлена на преобразования в духе казарменного военного коммунизма. В собственность республики перешли: железнодорожный транспорт, торговый флот, многие предприятия, банки, связь, внешняя торговля, леса, крупные имения, имущество церковных и религиозных общин, гостиницы, постоялые дворы, меблированные комнаты, театры, кинематографы, музыкальные предприятия, аптеки (вскоре денационализированы), отчасти типографии. Все недра земли и моря – руды, соль, воды, нефтяные источники – были объявлены достоянием всего народа и Республики Тавриды. Некоторые местные руководители стали проявлять более радикальные инициативы. Так Балаклавский совет – Балаклавская коммуна, – получив телеграмму СНК Республики Тавриды о передаче в его распоряжение контрибуции с буржуазии, отбил следующий ответ: «Балаклавский совет, в отличие от всех остальных Советов Тавриды, проводит в жизнь основной принцип социализма – уничтожение классовой структуры современного общества. Балаклава больше не знает эксплуататоров и эксплуатируемых. Местная буржуазия, благодаря целому ряду декретов Совета, как класс перестала существовать. Все частные хозяйские предприятия перешли и переходят в руки Совета. Балаклава с каждым днем все более и более принимает вид и характер социалистической коммуны».

Однако эксперимент с первым крымским социалистическим суверенитетом оказался непродолжительным. Уже в следующем месяце отряд армии созданной по условиям Брестского мира Украинской Народной Республики под командованием полковника Петра Болбочана вторгся на территорию республики, открыв дорогу двигавшимся вслед немецким войскам. С «красной опричниной» в Крыму, как назвал этот период Антон Деникин, было покончено.

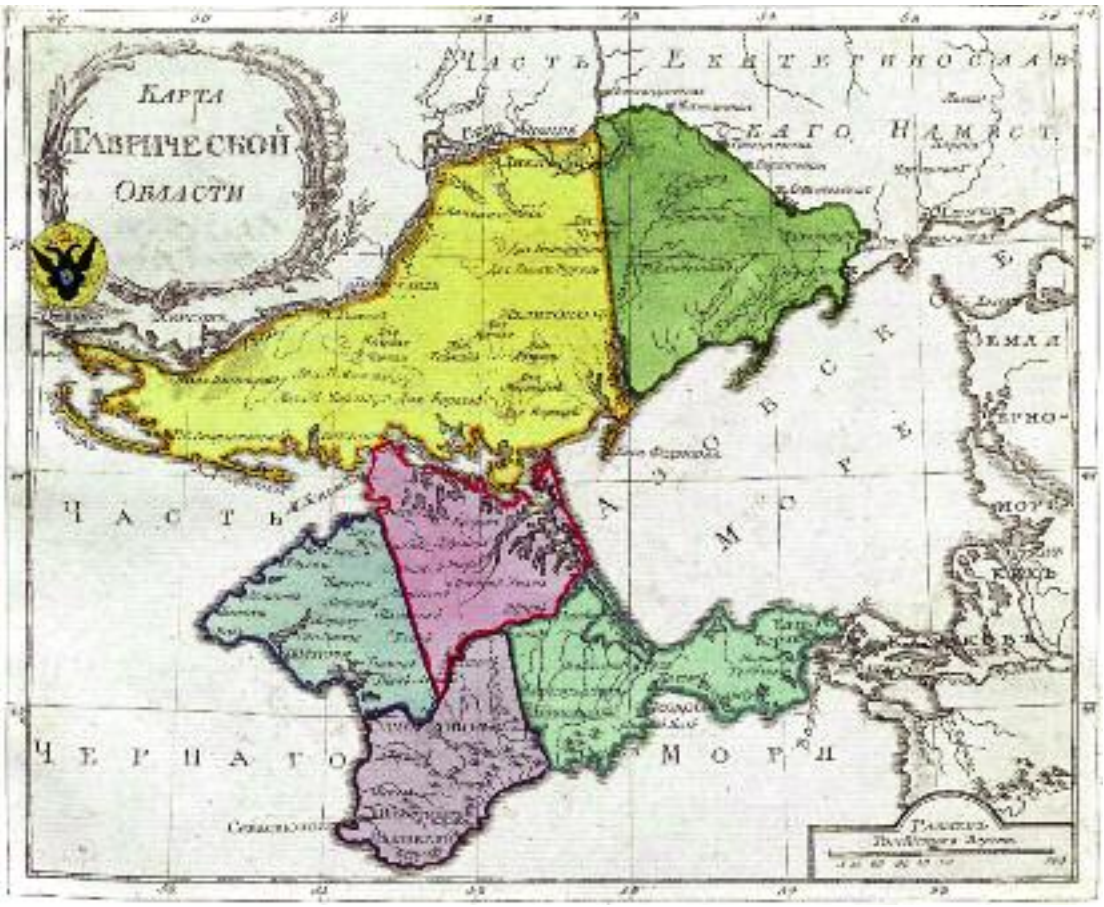
По соглашению между Киевом и Берлином от 27 апреля 1918 года, украинские части покинули Крым, отказавшись от претензий на полуостров. С 1 мая по 15 ноября 1918-го

Крым де-факто был под германской оккупацией. А де-юре – под управлением автономного Крымского краевого правительства генерала Сулеймана Сулькевича. В декларации «К населению Крыма» провозглашалась самостоятельность полуострова, вводилось гражданство Крыма и государственная символика. На флаге герб – двуглавый орел Таврической губернии – размещался на голубом фоне кок-байрака – знамени Чингизидов. Ставилась задача создания собственных вооруженных сил и денежной единицы. Вводилось фактически три государственных языка – русский, крымско-татарский и немецкий. Восстанавливалась частная собственность. В июле 1918 года правительственная делегация Крыма посетила Берлин с целью добиться признания германским правительством независимости Крыма от Украины, получить от него займы и установить торговые отношения с Германией. Негласно германскому правительству была также предложена докладная записка Крымско-татарской директории о создании Крымского ханства (под покровительством Германии и Турции), что поддержки в Берлине не получило. Отношения Крыма с прогерманским правительством Скоропадского не сложились. В интервью одной из ялтинских газет Сулькевич сказал: «Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений. <...> После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как "губерниальному старосте" на украинском языке. Я ответил, что я не "староста", а глава правительства самостоятельного края, и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке – на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве "разрывом дипломатических отношений". Мы, то есть крымское правительство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери».

В сентябре-октябре 1918 года крымско-украинские переговоры в Киеве все же состоялись. Украинская делегация предложила Крыму войти в состав Украины на правах предельно широкой автономии. Крымская делегация вынесла контрпредложение: создание федеративного союза. К согласию прийти не удалось. Предупрежденный немцами об их скорой эвакуации, Сулькевич обратился за помощью к Деникину, но получил отказ, мотивированный прогерманской и сепаратистской позицией руководства Крыма.

После ухода из Крыма немецких оккупационных войск правительство Сулькевича 15 ноября 1918 года мирно передало власть второму Крымскому краевому правительству во главе с Соломоном Крымом, местным караимом, кадетом, избранным Крымским земством. Это было, по словам Владимира Набокова, отец которого был в этом правительстве министром, одно из «героических краевых правительств, что создавались в русской глуши горстками демократов для отпора диктатуре большевиков». По отзывам одного из лидеров крымских кадетов Даниила Пасманика, целями правительства Соломона Крыма были выработка образца «для оздоровления всей остальной России», создание совершенной формы «гармонического сотрудничества демократической гражданской власти и военного командования, ведущего вооруженную борьбу с Красной армией». История показала, насколько утопическим был этот проект. В апреле 1919 года, взяв в первый раз Перекоп, на полуостров вошла Красная армия, чьи солдаты были одержимы идеями иной – более воплощаемой в тот период – утопии. Здесь была провозглашена Крымская Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР (Керченский полуостров в это время оставался под контролем белых).

С 1 июля 1919 по 12 ноября 1920 года Крым находился под контролем правительства Юга России (сначала во главе с Деникиным, на заключительном этапе – с Врангелем). Любопытно, что особую роль в перипетиях Гражданской войны играл Севастополь, всегда имевший не только особое символическое значение, но и особый статус. Общеимперское значение города по умолчанию признавалось всеми противоборствующими сторонами. Так, Врангель отказался подчиняться Деникину и помогать ему в походе на Москву, поскольку последний не мог претендовать на ранг правителя России, так как владел лишь областными (Екатеринодар) и окружными (Ростов-на-Дону) городами, притом не коренными русскими, а периферийными казачьими центрами. У Врангеля же был коренной российский имперский город (хотя и на краю России – но это вполне как Петербург), превращенный в столицу последнего белогвардейского региона, претендующего на всероссийскую имперскую власть. Опираясь именно на эти формальные основания, Врангель, вопреки известным литературным утопическим сюжетам, отказался от предложения Англии отделить Крым от России и преобразовать его в отдельную



Карта Таврической области. 1792 год

После присоединения Крыма к России в 1783 году территория стала обычной – Таврической – губернией, включавшей бóльшую часть современной Херсонской области (Северная Таврия) вплоть до 1917 года, когда опять началась череда крымских суверенитетов.

республику под гарантии Антанты.

Крымская АССР как многонациональная автономия в составе РСФСР существовала с 1921 по 1945 год. Ее официальные языками были русский и крымско-татарский, а в местах компактного проживания других народов, получивших статус национальных районов, – также немецкий и еврейский. В 1941–1944 годах Крымский полуостров (вместе с Херсонской и Запорожской областями) входил в генеральный округ «Крым». По вертикали эта новая административная единица являлась составной частью рейхскомиссариата «Украина». В планах было прямое подчинение Берлину. Чтобы Крым, с одной стороны, стал «немецким Гибралтаром», с помощью которого можно было бы контролировать всё Черное море, с другой – превратился бы в «один огромный немецкий курорт», с третьей – оказался бы своего рода Готландом, для чего были организованы археологические экспедиции на городище Мангуп – столицу средневекового готского княжества Феодоро. Реальное же управление Крымом осуществлялось командованием расквартированных здесь воинских частей.

В 1945 году Крымская АССР была ликвидирована путем преобразования в Крымскую область в связи с изменением этнического состава населения Крыма (в результате депортации крымских татар, армян, болгар и греков). В 1954 году по соображениям тогдашней экономической целесообразности состоялась передача области в состав УССР. При этом в соответствующем постановлении Президиума Верховного Совета СССР и каких-либо иных документах ничего не говорилось об имеющем двойной статус союзно-республиканского подчинения Севастополе. Это дало основание Верховному Совету России в 1993 году принять постановление о сохранении российского суверенитета по отношению к Севастополю, что стало одним из последних этапов тогдашнего противостояния законодательной и исполнительной ветвей российской власти накануне его перехода в неразрешимую кризисную фазу. Политические процессы в России и в

Севастополь. Вид на Екатерининскую улицу

Особую роль в перипетиях Гражданской войны играл Севастополь, всегда имевший не только особое символическое значение, но и особый статус. Общеимперское значение города по умолчанию признавалось всеми противоборствующими сторонами.

Крыму в то время развивались параллельно – но не взаимосвязано.

В ноябре 1990 года в связи с начинавшимся «парадом суверенитетов» был поднят вопрос о восстановлении Крымской АССР. 20 января 1991 года состоялся первый плебисцит в истории СССР – референдум о будущем статусе Крыма с вопросом: «Вы за воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?» Подавляющее большинство населения Крыма ответили на этот вопрос положительно, за исключением значительного числа крымских татар, настаивавших на восстановлении национальной автономии.

Реакцией на путч ГКЧП 19 августа 1991 года стал «Акт о провозглашении независимости Украины», принятый Верховным Советом УССР 24 августа 1991 года. Исходя из сложившейся ситуации, Верховный Совет Крыма принял 4 сентября 1991 года «Декларацию о государственном суверенитете Крыма». Крымская конституция, принятая 6 мая 1992 года, провозглашала создание «правового, демократического, светского государства» – Республики Крым в составе Украины. Вводился принцип деления «государственных органов» республики на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Отмечалось, что они будут самостоятельными и станут уравновешивать друг друга. В исполнительную и судебную ветви власти включались такие новшества, как институт президентства и Конституционный суд.

В 1994 году был избран первый (и пока последний) президент Республики Крым Юрий Мешков. Было сформировано правительство из приглашенных специалистов во главе с известным экономистом Евгением Сабуровым. Но вскоре местные элиты криминальной окраски спровоцировали конфликт между президентом и Верховным Советом, который разрушил ростки крымской государственности. 7 сентября 1994 года были внесены изменения в законодательство, согласно которым президент переставал быть главой государства, оставаясь лишь высшим должностным лицом и главой правительства. Мешков указом от 11 сентября приостановил деятельность Верховного Совета и других Советов, аннулировал мандаты их депутатов до проведения референдума по проекту нового варианта конституции. Но силовые структуры и прокурор Крыма поддержали законодательную власть, и 13 сентября кризис был разрешен в пользу Верховного Совета. Далее вместо импичмента конкретно Юрию Мешкову начались удары по институту крымского президентства. Президент был лишен права быть главой правительства (им стал премьер-министр) и назначать кандидатуры членов правительства. Кризис власти в Крыму дал возможность Украине усилить свое воздействие на политическое поле автономии. 17 марта 1995 года вышел закон Украины, который упразднял крымскую конституцию 1992 года, институт президентства как таковой и Конституционный суд. Исполнительная и судебная власти были ослаблены. В период между крымской конституцией от 6 мая 1992 года и новой конституцией Автономной Республики Крым (АРК), как стала называться автономия, от 21 октября 1998 года, отмеченный правовой неустойчивостью, напряженным противостоянием автономии и центра, Крым находился в центре мирового информационного внимания. В результате деструктивных форм политического развития и активного устремления криминала во власть были утрачены законотворческие полномо-

чия, права собственности АРК, бюджетные полномочия, самостоятельность в формировании судебных, правоохранительных, контролирующих органов и органов местного самоуправления. Авантюризм и демагогия политических лидеров способствовали политической изоляции Крыма, взорванной политическими процессами на Украине в 2013-2014 годах.

Коснувшись основных этапов истории, нельзя оставить совсем без внимания синхронный – пространственный – контекст нынешнего изменения статуса Крыма, ставшего своеобразным сигнал для всех дискриминированных регионов в мире – в Трансильвании и Южном Тироле, провинции Венето и Каталонии, Шотландии и Канаде. Возможно ли повышение значения исторической и геополитической, основанной в данном случае на «фундаментальной локализации» (по Агамбену) справедливости в современных международных отношениях? По мнению крымского социолога и философа Олега Габриеляна, для Крыма геополитический фактор является ведущим. Он задает общее направление развития этой территории. То есть влияние внешних по отношению к Крыму сил является определяющим. Вместе с тем внутреннее давление места на «физические» свойства и функции социального обустройства Крыма также имеет особое значение. Если осмысливать историю Крыма в понятиях «провинция» и «периферия», то, безусловно, первое понятие более точно отражает специфику этого региона. Под провинцией понимается социально- территориальное образование, имеющее свою историю, культуру, этнос, религию и даже государственность – всё то, что делает это образование особенным, уникальным. Периферия же – всего лишь окраина, то, что выброшено из центра и влачит маргинальное существование. В общепринятой терминологии вместо понятия «провинция» употребляется слово «регион». Региональные политики – за редким исключением – не обращаются к профессиональным историкам, культурологам, краеведам, хотя именно историческая и культурологическая характеристики региона и должны являться исходной концептуальной основой любых преобразований, выбора общих ориентиров социально-экономического развития. Сама мультикультурность крымского сообщества переводит проблему национальной идентичности в плоскость культурной идентичности. Такой перевод оказывается эффективным и результативным. «Культурная демократия» ведет к тому, что каждая «партия» возвращается к своей культуре и пытается лучше ее понять.

Между тем меняется и сама методология гуманитарных исследований. На стыке разных отраслей гуманитарных наук в России осуществляется формирование новой научной традиции концептуализации и исследования текстов культуры (супертекстов) разного уровня, что приобретает характер текстуальной революции современного гуманитарного знания. В этой парадигме текст культуры – это явление «нелинейной» истории, последовательное развитие темы на основе постоянных «ядерных» признаков.

Написав несколько книг, посвященных крымскому тексту, я оказался участником... Первой мировой крымской семантической войны. То есть «войны» не за сам Крым, а за – текст! В 2006 году состоялось сразу два международных научных мероприятия, в той или иной мере посвященных крымскому тексту, с некоторой конфронтацией по отношению друг к другу. Во-первых, конференция «Крымский текст в русской культуре» в Петербурге, на которую приехали представители университета Сорбонна из Парижа («Антанта»). Во-вторых, Международная летняя школа в Крыму, задавшаяся вопросом: «Существует ли крымский текст?» – в составе Института Лотмана при Бохумском университете (Германия), Института европейских культур (при РГГУ) и Таврического национального университета. (Своего рода «тройственный союз»!) Меня поначалу ни на одну из них приглашать не хотели, почему-то решив создавать свои «крымские тексты» на пустом месте – пример складывающихся в «театре семантических войн» новой картографии связей и системы координат с лексическими набегами, как охарактеризовал такое состояние философ Александр Неклесса.

Однако значение культуры заключается в умении преображать политические вызовы, равно как и предвосхищать их. Отмечу именно текстологическую недоработанность формулировки вопросов, вынесенных на референдум 16 марта 2014 года, «вызывающе» изменивший статус Крыма: «“Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?” или: “Вы за восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?”». А если кто-то хочет сохранить статус-кво? На это указывает, помимо политических и юридических претензий, заключение Венецианской комиссии (Европейской комиссии за демократию через право), сделанное на 98-м пленарном заседании 21-22 марта 2014 года: «Свод рекомендуемых норм

В 1994 году был избран первый (и пока последний) президент Республики Крым Юрий Мешков (на фото). Было сформировано правительство из приглашенных специалистов во главе с известным экономистом Евгением Сабуровым. Но вскоре местные элиты криминальной окраски спровоцировали конфликт между президентом и Верховным Советом, который разрушил ростки крымской государственности.

вскоре его результаты своей интерпретации).

Формулировки всех текстов должны быть точными, емкими и открытыми, не только учитывать «имперский вызов», но и прислушиваться к местному ответу. Поскольку в заключении Венецианской комиссии оговаривается незнание конкретной ситуации на месте, основанные на формальных принципах выводы носят предварительный характер и должны быть подтверждены непосредственным изучением ситуации. Всё это наглядно демонстрирует важность и даже политическое значение чтения текстов культуры в их структурной целостности и коммуникативном потенциале. Может быть, после весеннего референдума стоит провести и референдум осенний, по итогам курортного сезона? Ведь если крымчан считают по весне, то некрымчан – по осени...

при проведении референдумов требует, чтобы вынесенный на голосование вопрос был сформулирован ясно, он не должен вводить участников референдума в заблуждение, он не должен содержать в себе подсказки ответа, избиратели должны быть информированы о последствиях референдума, участникам голосования должна быть предоставлена возможность отвечать на вопросы только “да”, “нет” или опустить незаполненный бюллетень». Кстати, приведенная выше формулировка референдума 1991 года о восстановлении крымской автономии была более обтекаемой, несмотря на то что основные указанные в ней реалии вскоре прекратили свое существование. Хотя в бюллетене отсутствовало какое бы то ни было упоминание Украины, сама Украина была не против (подвергнув, впрочем,

Пока крымская суверенность предстает лишь в качестве инструмента для изменения территориальной принадлежности. Наблюдается не повышение, а политическое и культурное растворение Крыма в общероссийском пространстве с промежуточным заявленным, но не получившим реального развития проектом «Новороссия» как примером «учреждения возможности» (по Агамбену). Новый политический крымский текст, по которому тоже полезно было бы провести пару международных конференций, проходя сквозь вертикальные мифологические измерения, действует в координатах горизонтальной политической коммуникации с помощью неакадемического языка народной политики. Филолог Анатолий Корчинский следующим образом раскрывает политическое бессознательное этого языка. Националисты думают, что присоединение Крыма – это «русский» и/или «имперский» поворот власти. «Старые» левые уверены, что речь идет о «коммунистическом постскриптуме» Путина. Обыватель блаженно возвращается в солнечную грезу об «Артеке» и «всесоюзной здравнице».

Если же ограничиться ожидавшим почти четверть века востребованности своей суверенности и готовым к своей инструментальной роли мнением населения самого Крыма, то здесь преобладают носители российской мифологии, желавшие воссоединится с мифическим же образом метрополии, за исключением значительной части крымских татар и этнических украинцев. Долгое время и из Киева, и из Москвы крымчанам с практически одинаковой силой убедительности говорили «нельзя», но когда этот апофатический тандем распался, большинство высказались за отсоединение от Украины. Пойти по этому же суверенному пути выразили желание и большинство жителей (само)провозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Однако их суверенность оказалась еще более инструментальной в общем проекте (или всё же политической утопии?) «Новороссия».

Российские политики оправдывают присоединение Крыма предвосхищающим нежеланием увидеть здесь «второй Донбасс». Украинские политики оправдывают жесткие меры «антитеррористической операции» нежеланием превращения Донбасса во «второй Крым». Политологи и полит-

технологи, с одной стороны, сводят роли Крыма и Донбасса к промежуточным этапам осуществления проекта «Новороссия» как альтернативной Украины Русского мира, а с другой – видят в Новороссии лишь дымовую завесу для закрепления Крыма, одним из способов которого стало размещение беженцев из Донбасса именно в Крыму. Сообщается о случаях конфликтов насчет места расселения: «Мы думали, что будем жить у моря»...

Согласно проведенной украинскими наблюдателями дифференциации, Донбасс – это продукт не российской, как Крым, а уже советской мифологии. Он заселен людьми советской закалки, которых принято обозначать обидным словом «совки». В советское время эти люди, в отличие от крымских пенсионеров и квартиросдатчиков, были привилегированной кастой, несмотря на то что в массе своей это низкоквалифицированная рабочая сила. Нигде больше низкоквалифицированных работников не баловали такими зарплатами и такими почестями, как на советском Донбассе. В те времена крымская молодежь охотно ехала на Донбасс в не всегда оправдывавшейся надежде на высокие заработки. «Остров Крым» – продукт скорее мифологии антисоветской. Одноименный роман Аксёнова 1-го находился на столах не лишенных революционных устремлений «внутренней геополитики» (определение Вадима Цымбурского) творцов Республика Крым, как «Вертер» – в ранцах солдат Наполеона. Нынешний реальный новорусский Крым Аксёнова 2-го стал фактором консервации нынешнего государственного устройства России. Проект «Новороссия» приобретает не только геополитическое, но и всё более непредсказуемое социальное измерение. Он теперь, по словам публициста Андрея Иванова, предполагает не только создание некоего территориального образования, где русский язык получит статус государственного, но и формирование государства с более справедливым социальным устройством. «Земля, ее недра, а также крупные промышленные и финансовые активы, созданные трудом народа, будут являться достоянием народа Новороссии и не могут находиться в частной собственности. <...> Деньги не товар, а лишь его меновый эквивалент. Ссудный процент – это метод закабаления предприятия и средство для несправедливого перераспределения ресурсов в пользу ростовщика (банка)», – определяет контуры социального устройства Новороссии один из ее лидеров Павел Губарев. Руководством Донецкой Народной Республики принято решение назначить надбавки к пенсиям, стипендиям и зарплатам бюджетников. В то время как на Украине с 1 июля ожидается повышение стоимости коммунальных услуг на 70–100 процентов, в ДНР решено заморозить их на уровне 2013 года. Новороссия может стать не только и не столько геополитическим ориентиром для российских граждан, а фактором пробуждения «русской весны» ненационалистического характера. Но присоединение такого социального качества вряд ли по душе российской олигархии. Не отсюда ли официальный переход от поддержки ополченцев к упору на мирные переговоры? Многочисленные сопоставления российско-украинских отношений с началом Первой и Второй мировых войн уже проделаны (особенно по части «аншлюса Крыма»), но ситуация напоминает скорее незапланированный эпизод Франко-прусской войны 1870 года, связанный не только с аннексией Эльзаса и Лотарингии, но и с Парижской Коммуной, или даже Прутский поход 1711 года, если учесть еще один реальный новороссийский анклав – Приднестровье. В то же время член украинской «Организации марксистов» Виктор Шапинив в статье «Донбасс – это Вьетнам сегодня», несмотря на волну милитаристских порывов текущего (пост)Майдана, ожидает мощное антивоенное молодежное движение в Киеве и западней от него, сопоставимое с весной 1968 года в Западной Европе. Агамбен пишет: «“Юридически пустое” пространство чрезвычайного положения <...> прерывает свои пространственно-временные границы и, выйдя за их пределы, стремится отныне стать всеобщим, совпасть с нормальным порядком». По мнению Андрея Иванова, Новороссия – это уже свершившийся факт, что по-своему, кстати, понимает и днепропетровский олигарх Игорь Коломойский, контролирующий уже не только Днепропетровскую, но и Запорожскую, Херсонскую, отчасти Николаевскую и Одесскую области. Он хочет иметь то же самое территориальное образование, но под своим личным контролем и с иным направлением социальных трансформаций. Все революции обычно переформатируются.

Итак, Крым болеет за Донбасс, Донбасс надеется оздоровиться руками Москвы Крымом. «Вежливо» начавшаяся в Крыму Первая мировая местечковая война – позволим себе островную метафорическую вольность – может привести к необратимым социальным изменениям, а может просто запутаться в энергетических обходных (северном и южном) «потоках». Бродит меж «потоков», не в силах долететь до середины Днепра, призрак новороссизма.

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала
«Развитие и экономика»

Картина мира и карта мира

Что мы видим внутренним взором, когда задумываемся о «мире в целом»? Чаще всего мы можем увидеть политическую карту мира – разноцветную, с прихотливо проведенными границами государств. Есть еще и физическая карта мира, выкрашенная в приятные оттенки охры (горы), зелени (равнины), желтизны (пустыни) и синевы (во́ды). Но она всплывет в памяти, только если ей – памяти – задать именно такую задачу. На физической карте границ государств нет.

Разумеется, политическая карта мира отражает очень многое. Границы государств реально существуют, они возникли в результате сложной и чаще всего предельно драматичной истории взаимодействия и борьбы народов. Посмотрите на карту Европы, на ее невероятную расчлененность, раздробленность, вспомните, что в границах каждого из этих маленьких государств живут люди, говорящие на разных языках. Причем живут они бок о бок даже не столетиями, а тысячелетиями, их жизнь была всегда взаимосвязанной и взаимозависимой. Тем не менее хотя и не все прежде существовавшие народы, но очень многие сохранили свою этническую и языковую идентичность, не перемешались, не исчезли один в другом.

Является ли мелколоскутная карта Европы отражением взаимной ненависти населяющих ее народов? Или наказания Господнего, разделившего возомнивших о себе строителей Вавилонской башни, обрекшего их на непонимание, на языковые и прочие барьеры? Или здорового стремления к суверенизации каждой, пусть и малочисленной, культуры?

Являются ли равномерно окрашенные пространства больших государств и империй проявлением разлитого в них единства, взаимного уважения и сотрудничества? Или это границы насильственного содержания стремящихся на волю народов?

Мы задаем себе эти вопросы, стремясь понять – как устроен мир, в ка-

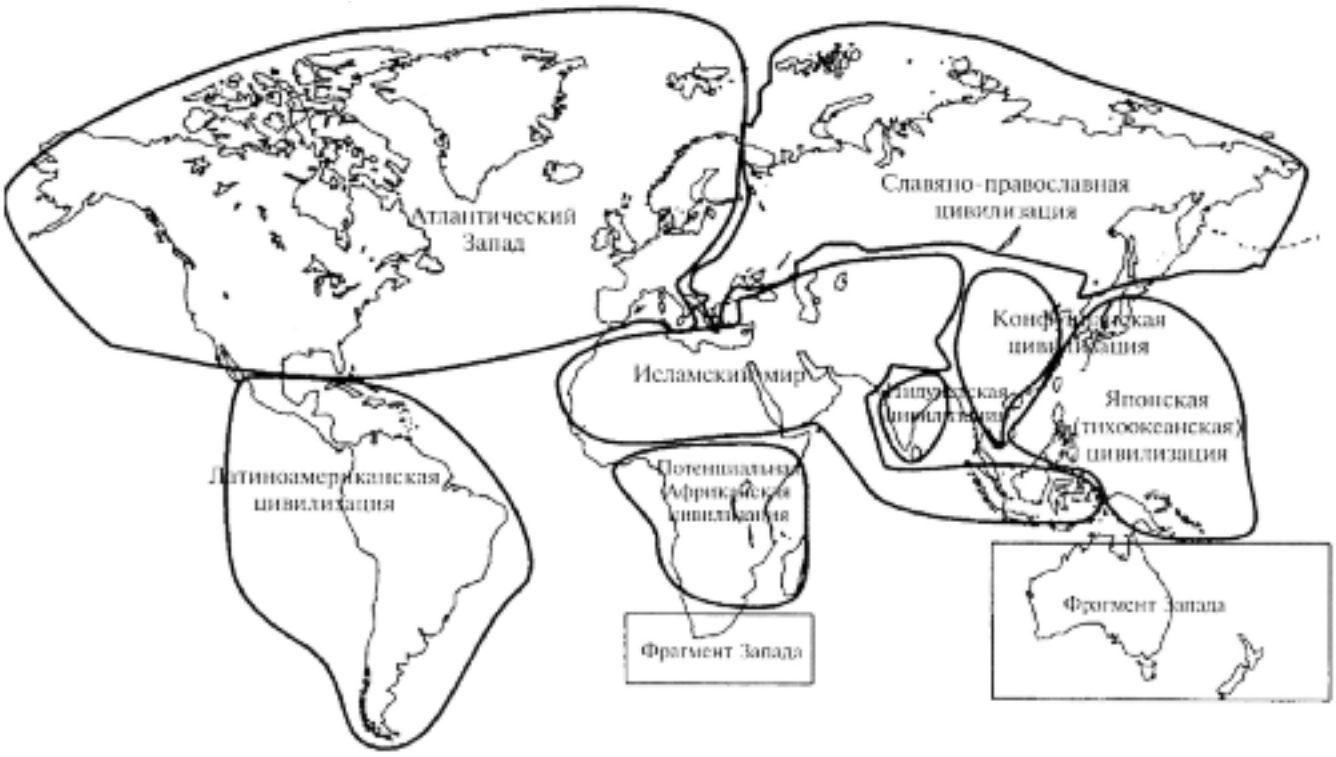


Рис. 1. Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картинку «мира в целом», на которой, как и на физической карте, нет государственных границ.

кие глобальные, вековые процессы мы вовлечены? Мы хотим знать: какие тенденции и силы превосходят наши возможности самоопределения – и надо попытаться быть с ними в гармонии, а в каких пределах мы им можем и должны противостоять?

Размышления над этими вопросами привели к формированию множества критериев и признаков, описывающих народы мира и динамику происходящих с ними и при их участии процессов.

Так, одной из макрохарактеристик человечества является понятие цивилизации. Что можно, а что не следует считать цивилизацией, сколько в мире цивилизаций было и есть, как они взаимодействуют друг с другом – это большой раздел современной науки, продолжающий развиваться. Цивилизационный подход дает иную, нежели подход политический, картинку «мира в целом», на которой снова, как и на физической карте, не будет государственных границ. Вот, например, одна из возможных цивилизационных карт мира (рис. 1).

Таких цивилизационных карт может быть несколько – в зависимости от того, по каким признакам выделять те или иные цивилизации. Окончательного ответа на этот вопрос нет, и, видимо, не следует его ожидать. Поскольку всякая типология – типология цивилизаций не исключение – выстраивается для поиска ответов на конкретные вопросы, для оправдания тех или иных политических и иных устремлений и т.д. В зависимости от целей типологизации могут быть введены в оборот и соответствующие схемы.

Цивилизации выглядят устойчивыми надгосударственными сущностями, чья жизнь подчинена неким объективным законам. В связи с этим отнесение государства к той или иной цивилизации обязывает соответствовать тем целям и ценностям, тем познанным и непознанным закономерностям, которые их породили и ведут по бушующему морю мирового процесса.

Мы хотим не просто определить свое место в неких исторических потоках, знать цели, подстраиваться под сущностные характеристики этого цивилизационного потока – мы хотим им соответствовать, а не противоречить. То есть признавать и учитывать некие надгосударственные объективные ценности, цели и процессы. А тогда мы должны иначе смотреть на межгосударственные взаимодействия: как на проявление «столкновения цивилизаций» (по Хантингтону) или как на от-

Рис. 2. На карте мировой сети транспортных потоков белыми линиями обозначены воздушные линии, синими – морские, зелеными – автомобильные и железные дороги, а желтым цветом – городские агломерации. Говоря о многополярном мире, полезно держать эту картинку перед собой. Global Transportation System; © Globaïa

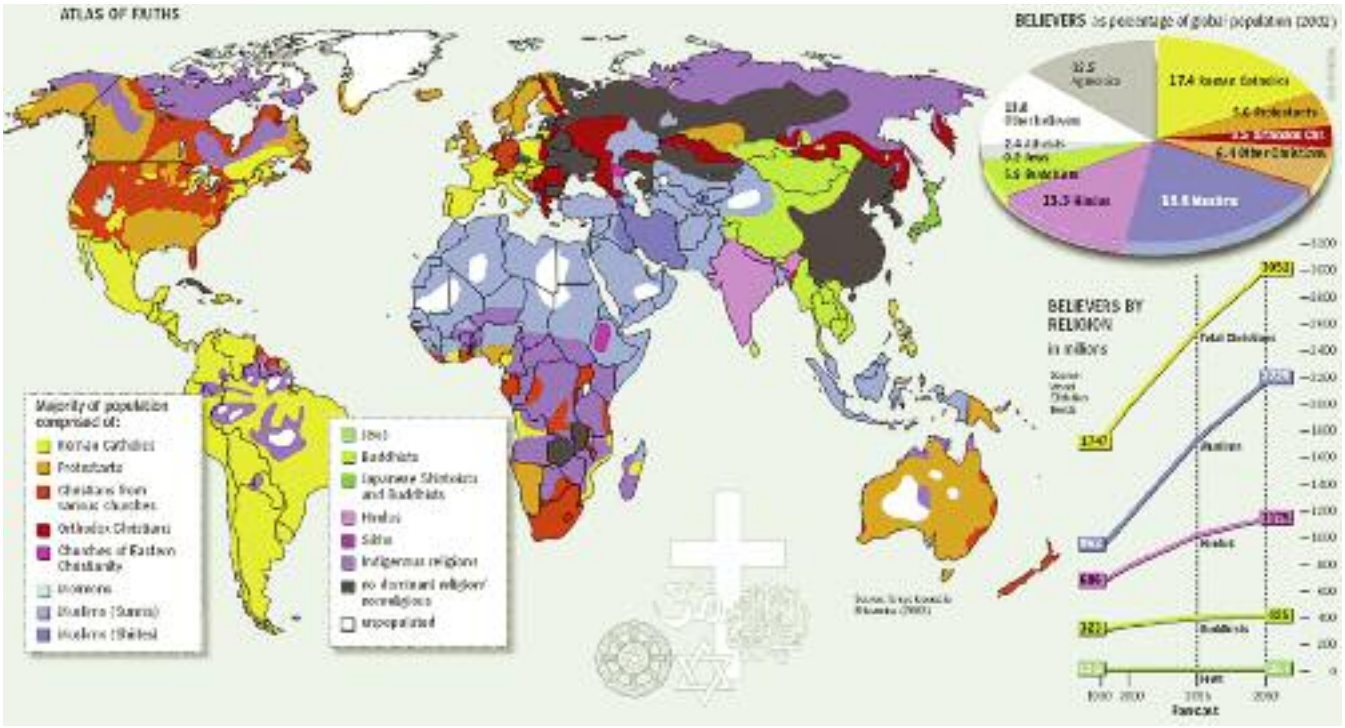


Рис. 3. Карта мировых религий показывает, что духовное пространство хотя и коррелирует с государственными и цивилизационными границами – поскольку во многом их определяет, – но далеко не совпадает с ними.

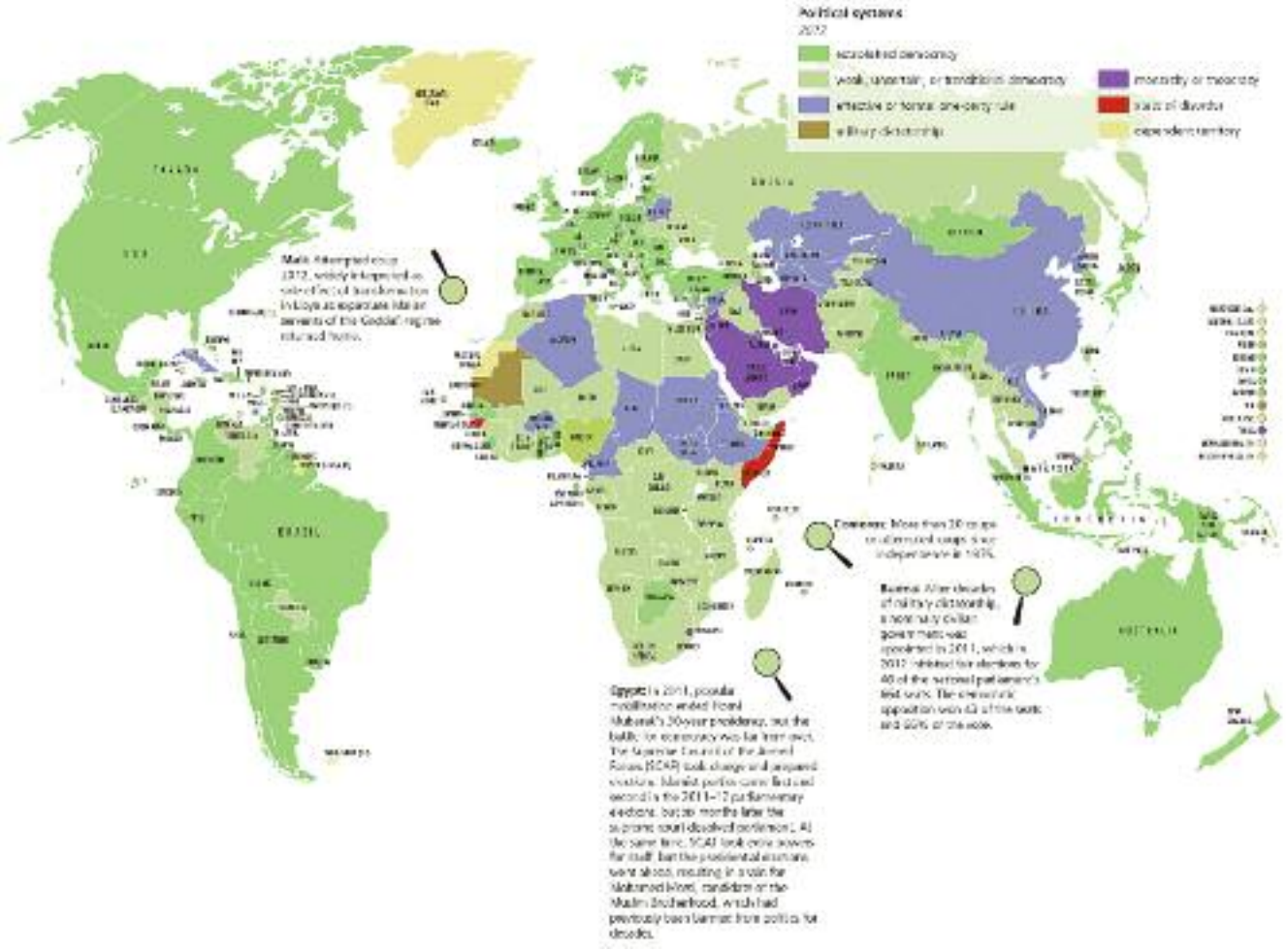


Рис. 4. Мир приверженцев политических идей, воплотивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Вот как раскрашен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. © Myriad Editions Limited

страивание «концерта цивилизаций» (по Никонову).

Эта же тема – подстраивание под глобальные тенденции или борьба с ними – становится очевидной, если нарисовать еще некоторые карты, иллюстрирующие транспортные, финансовые, экономические, энергетические и иные потоки и взаимосвязи. Вот, например, мировая сеть транспортных потоков (рис. 2). На ней белыми линиями обозначены воздушные линии, синими – морские, зелеными – автомобильные и железные дороги, а желтым цветом – городские агломерации. Говоря о многополярном мире, полезно держать эту картинку перед собой. Ну и задавать себе сакраментальный вопрос: «Можем ли мы ждать милостей от природы после того, что мы с ней сделали?»

Картина мира не исчерпывается транспортными потоками. Перевозки важны, но «не хлебом единым жив человек» (Втор. 8:3). Карта мировых религий, составленная Энциклопедией Британника, показывает, что духовное пространство хотя и коррелирует с государственными и цивилизационными границами – поскольку во многом их определяет, – но далеко не совпадает с ними (рис. 3). На карте разными цветами окрашены области распространения основных религий: католики – светло-желтым, протестанты – темно-желтым, православные – красным, мусульмане-сунниты – голубым, мусульмане-шииты – синим и т.д. Черным окрашены регионы без преобладания определенной религии и нерелигиозные. И снова мы видим, что не только государственные, но и так называемые цивилизационные границы не совпадают с ареалами религий.

Мир идей – прежде всего политических идей – не может быть изображен в виде карты. Поскольку идеи свободно перемещаются по миру и охватывают его целиком. А вот мир носителей, привер-

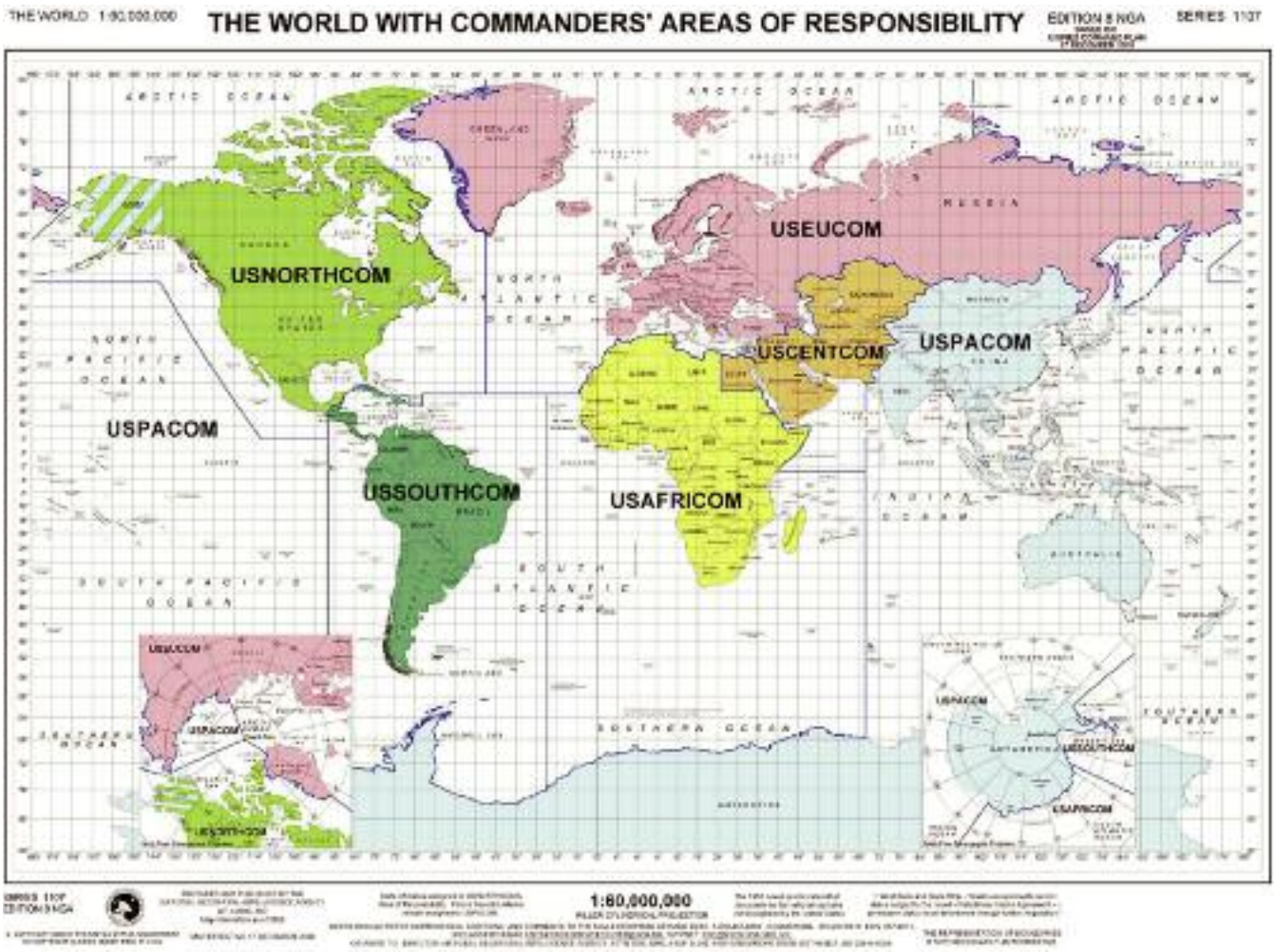


Рис. 5. С точки зрения американских военных, мир выглядит как сопряженные «зоны ответственности», отражающие управленческие сектора на вероятном театре военных действий. Здесь оперируют также понятиями «зона оперативных действий», «зона влияния», «зона интересов».

женцев политических идей, воплотивших их в политические системы, вполне может быть представлен графически. Более того, взаимные характеристики и оценки политических систем не совпадают. Вот как раскрашен «политический мир» в представлении английского политолога Дэна Смита. Его взгляд можно считать упрощенным, политически заданным – всё это так. Но это не просто распространенный взгляд, а позиция, из которой исходит практическая политика на Западе (рис. 4). Практическая политика потому и практическая, что переводит свои взгляды и цели в практическую, в том числе и военную, плоскость. С точки зрения американских военных, мир выглядит как сопряженные «зоны ответственности», отражающие управленческие сектора на вероятном театре военных действий. Здесь оперируют также понятиями «зона оперативных действий», «зона влияния», «зона интересов» (рис. 5). Планета за последние десятилетия приобрела еще одно измерение – Интернетом. Глобальные информационные потоки и обслуживающие их поисковые системы формируют свою картину мира. Вот как, например, выглядит карта наиболее посещаемых сайтов (рис. 6). В этом смысле уже можно говорить о цивилизации Гугла, о цивилизации Яндекса и т.д. И это далеко не игра в слова, потому что каждая поисковая система и каждая социальная сеть создают ни много ни мало свою систему ценностей. Например, через формирование собственной подборки новостей, через продвижение на первые позиции определенных СМИ, через создание разного рода интернет-комьюнити.

В виде карты можно изобразить еще одну важнейшую характеристику человечества – системы письменностей.

A World Map of the Most Visited Webs; © Webempires.org

Рис. 6. Планета за последние десятилетия приобрела еще одно измерение – Интернетом. Глобальные информационные потоки и обслуживающие их поисковые системы и социальные сети формируют свою картину мира.

Взгляд на эту карту дает немало пищи для размышлений о таинственности процесса появления и становления письменности, о близости и отдаленности способов мышления разных народов (рис. 7).

Можно себе представить еще множество карт или картин мира. Например, карта Моцарта или карта Чайковского – вот уж действительно получится глобус Моцарта и глобус Чайковского, столь всеохватна их музыка. Но в то же время на планете есть и особые музыкальные культуры, мало похожие на привычную нам европейскую музыкальную традицию.

Завершить наш беглый обзор картографических образов мира можно фундаментальной картой плодородных земель. Именно они стали основой развития рода человеческого. А если внимательно вдуматься в приведенную ниже систему взглядов, они – плодородные земли – и сегодня являются фундаментальной основой геополитики США. Такой взгляд развит в монографии «Неизбежная империя», подготовленной известным американским исследовательским центром *Stratfor* (рис. 8).

На карте показаны плодородные пахотные земли. Цифрами указана площадь зоны в миллиардах гектаров. Крупнейшая целостная зона земледелия – Большой Миссисипский бассейн. Именно он, вкупе с развитой инфраструктурой, основой которой являются речные пути, составляет сердце и основной капитал политической и экономической мощи США. Вторая по размеру мировая зона – евро-азиатские степи (106 миллиардов гектаров). К ней примыкает Северо-Европейская равнина (65 миллиардов гектаров).

Рассматривая геополитику США с точки зрения контроля над зонами земледелия, авторы монографии пишут: «В результате претендентами на силу, способную бросить вызов Америке, остаются только земли в Северной Евразии: Европа, страны СНГ и Китай. В Северной Евразии находится больше пахотных земель, чем в Северной Америке. <...> Хотя развитые земли Северо-Европейской равнины примыкают к евро-азиатским степям, их не соединяют судоходные реки, и даже внутри Северо-Европейской равнины ни одна из рек не пересекается с другой естественным путем. Однако потенциал для объединения существует. Европейцы и русские в течение долгого времени строили каналы, которые создали большую экономическую связь между регионами (хотя российские каналы, соединяющие Волгу с морем, зимой замерзают). И помимо чудо-

Рис. 7. В виде карты можно изобразить еще одну важнейшую характеристику человечества – системы письменностей. Взгляд на эту карту дает немало пищи для размышлений о таинственности процесса появления и становления азбук, о близости и отдаленности способов мышления разных народов. World's Major Writing Systems; © en.wikipedia.org

вищных расстояний лишь немногие географические барьеры отделяют долину реки Хуанхэ от Северо-Европейской равнины и евро-азиатских степей, в теории позволяя представить беспрепятственное путешествие из Бордо до Желтого моря».

Авторы монографии без всяких сантиментов анализируют ситуацию с точки зрения интересов и возможных вызовов для США: «Многочисленные судоходные реки Северной Европы делают этот регион вторым после Северной Америки по капиталоемкости. <...> Трудности, испытываемые в засушливых и климатически непредсказуемых евро-азиатских степях, помимо того что значительно снижают полезность 106 миллиардов гектаров пахотных земель, в то же время дают неожиданные выгоды: *географические трудности региона заставляют русских консолидировать военную, экономическую и политическую власти в руках единого правительства – другие альтернативы приводят к развалу государства. Три северных региона Евразии имеют капитал, рабочую силу и лидерство, необходимые для создания силы, крушащей всё на своем пути* (здесь и далее курсив мой. – *С.Б.*). Неудивительно, что внешняя политика России на протяжении большей части последних двух веков была направлена на господство или союз с Китаем или крупными европейскими державами для формирования мегагосударства именно такого рода».

А вот какие в связи с этим следует, по мнению авторов, предпринимать меры: «Таким образом, последним императивом господствующей власти в Северной Америке является приложение всех сил для того, чтобы подобного объединения никогда не произошло. *Необходимо держать Евразию разделенной на как можно большее число государств* (желательно враждебно настроенных по отношению друг к другу). <...> Американцы достигают этого двумя способами. Первый: американцы предоставляют максимальные привилегии тем странам, которые не вступают в организации или союзы, враждебные им. <...> Военный элемент этой стратегии также важен. США организуют двустороннее военное взаимодействие для того, чтобы защитить те государства, которые в противном случае будут поглощены их более крупными соседями. НАТО выполняло эту функцию против СССР. А внутри самого НАТО США поддерживают более тесные отношения с Британией, Норвегией, Данией, Нидерландами, Польшей и Румынией, которые чувствуют свою незащищенность перед лицом как внешнего (в основном России), так и внутреннего (в основном

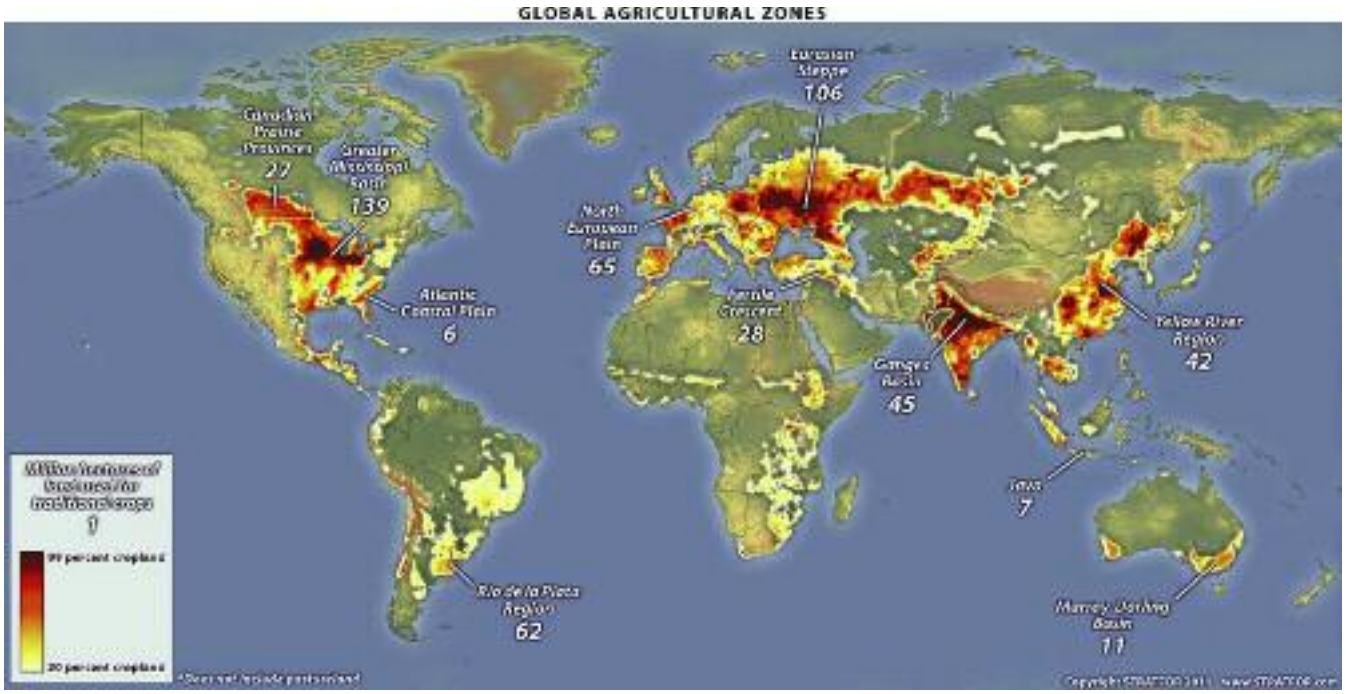


Рис. 8. Завершить наш беглый обзор картографических образов мира можно картой плодородных земель. Именно они стали основой развития рода человеческого. Плодородные земли и сегодня являются базисом геополитики США.

Германии) противника. <...> Второй частью стратегии по сохранению Евразии разделенной является прямая интервенция экспедиционных частей вооруженных сил США. С помощью водного транспорта дешевле перевозить не только товары, но и войска. Добавьте к этому американское господство на море, и в результате получится, что США имеют возможность десантировать войска в любом месте на планете. Повторяющиеся вторжения в Евразию были задуманы для сохранения баланса сил или, другими словами, дабы предотвратить любые подвижки в сторону появления в Евразии господствующей силы. США приняли участие в обеих мировых войнах, чтобы предотвратить возвышение Германии, а потом укрепляли Западную Европу и разместили там свои войска во время холодной войны, чтобы предотвратить полное господство русских. <...> В то время как экспедиционный корпус позволяет Штатам перебрасывать по морю и вводить войска практически в любую точку мира в относительно короткие сроки, необходимость переброски войск через океан означает, что эти войска всегда будут находиться в конце очень длинной цепи снабжения. А в момент прибытия будут оперировать в условиях сильного численного превосходства противника. Это побуждает США взаимодействовать вместе с войсками союзников – а лучше с их помощью – там, где это возможно, оставляя свои войска в качестве редко используемой козырной карты. Стоит обратить внимание на то, что во время Первой и Второй мировых войн США вступили в конфликт, когда становилось понятно, что одна из европейских держав выйдет победителем, который объединит Европу под своим контролем. <...> Стратегия использования союзников в качестве переднего бастиона была настолько успешной, что позволила Соединенным Штатам снизить вероятность возникновения региональных держав-гегемонов. Примерами могут послужить операция «Буря в пустыне» в 1991 году и поддержка косовских албанцев и боснийцев против Сербии в конфликтах на территории Югославии в 1990-х годах. Продолжающиеся попытки ослабления России в виде “оранжевой революции” 2004-2005 годов стоит также рассматривать в контексте данной стратегии».

Вот к каким, в частности, выводам можно прийти, анализируя карты мира, отражающие различные его стороны. И задуматься на тем, что в суверенитете есть главное, базовое, а что – второстепенное.

И.Я. Фроянов:

«Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая борьба за собственный суверенитет»

Интервью доктора исторических наук, профессора исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета **Игоря Яковлевича Фроянова** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Игорь Яковлевич, в настоящее время альманах «Развитие и экономика» готовит тематический номер, посвященный проблематике суверенитета. Понятно, что вопросы культуры, исторического самосознания народа, ощущения им собственной идентичности являются основополагающими для обеспечения национального суверенитета. И при этом ничуть не менее значимыми, чем вопросы укрепления обороноспособности страны или поддержания ее экономической независимости. Вы – профессиональный историк. Поэтому прежде всего у Вас хочется спросить, как Вы себе представляете вот этот, скажем так, культурно-исторический фронт отстаивания государством своего собственного суверенитета?

– Мне кажется, что культуру нельзя воспринимать как нечто рафинированное, замкнутое в определенных рамках и границах. Культура, на мой взгляд, это безбрежная стихия. Стихия, связанная с мировосприятием того или иного народа. И культура с этой точки зрения мне представляется способом постижения мира. Разумеется, такие способы постижения мира бывают разные – в зависимости от того, с каким этносом мы имеем дело. Ведь у каждого этноса, у каждого этнического образования свой исторический опыт, свои знания о прошлом, свои представления о настоящем и, конечно же, свой взгляд на будущее. Эти элементы, составляющие сознание этноса, предопределяют тот способ, с помощью которого данный этнос постигает мир.

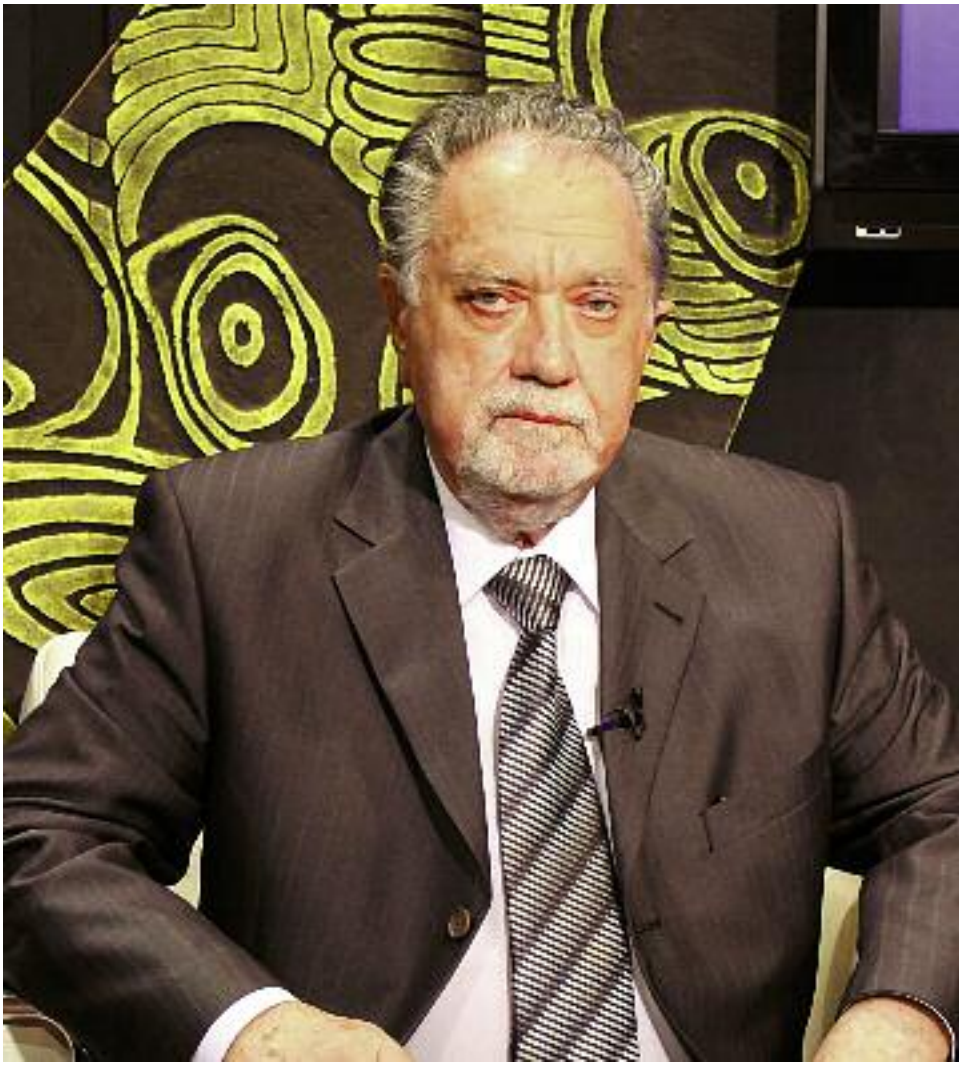
– То есть этническое начало в культуре Вы считаете определяющим?

– Этническое начало является если не определяющим, то чрезвычайно важным. И абстрагироваться от этого начала, мне кажется, ни в коем случае нельзя. Иначе мы создадим какую-то искривленную историческую картину.

– Хорошо, а в таком случае вообще допустима ли какая-то унификация на уровне крупных социальных общностей – таких, как этнос? Ведь, скажем, для марксистской схемы этническое начало вообще не существовало. Эта схема постулировала общие закономерности, которым рано или поздно – но обязательно – оказываются подверженными все без исключения общества. Сейчас в нашей исторической науке никакой обязательной методологии нет. Кто-то просто описывает факты прошлого, кто-то увлекается постмодернистскими интерпретационными практиками. Но все так или

иначе пытаются отыскать какую-то новую – работающую в реалиях XXI века – модель для понимания прошлого. А такая модель – это по определению очередная унификация. Совместим ли Ваш взгляд с точки зрения этнического начала с какими-либо унификационными схемами?

– Да, безусловно, существуют общие принципы людского бытия, но они преломляются у того или иного этноса в конкретных его особенностях – исторических, ну и, наверное, биологических и антропологических тоже. Возьмем, например, такую характерную особенность любого народа, как национальный темперамент. Он же ведь является отражением каких-то природных качеств того или иного народа. Есть явления, характерные для людей как для популяции в целом. И эти явления, эти общие элементы по-своему отражаются в жизни каждого этноса. Что я имею в виду в данном случае? Марксизм выдвигал на первый план классы и классовую борьбу, то есть межклассовые противоречия. Гегель тоже утверждал, что противоречие является непременной причиной любого развития. «Противоречие ведет вперед», – говорил великий диалектик. С философской точки зрения это, безусловно, так. Но в плане конкретно-историческом временами бывает, что противоречие ведет не вперед, а назад, как случилось, например, с нами и нашей страной в результате политики Горбачева и Ельцина. Мне же кажется, что в человеке, человеческом общежитии природой заложено противоречие между индивидуальным и общим. То есть между индивидуальным интересом отдельной личности и общим интересом, сводящимся к обеспечению существования и развития социума в целом. При этом надо иметь в виду, что по ходу общественной эволюции, усложнения социальной структуры интерес индивидуальный нередко принимает характер групповой, классовый. На этой основе – на противостоянии двух уровней интересов – и происходит, как мне кажется, движение социальной жизни. Два противоречивых – и, казалось бы, несовместимых – элемента приходят в соприкосновение, столкновение. Между ними возникает соперничество, начинается борьба. В историческом аспекте это проявляется в том, что на определенном этапе исторического развития преобладает индивидуальный, частный интерес. Но так бесконечно продолжаться не может, потому что еще есть и интересы социума – общественные интересы, и они тоже стремятся быть реализованными, ибо в противном случае разорвутся все общественные связи, что угрожает самому существованию коллектива, общества, а следовательно, и личности. Ведь еще Аристотель говорил, что человек вне общества – либо бог, либо зверь. Но богами, увы, нам стать не дано... И вот наступает момент, когда эти общественные интересы берут верх над интересами индивидуальными, чтобы люди окончательно не озверели и, простите за прямоту, не сожрали друг друга. Возникает новая конфигурация соотношения между индивидуальными и общественными интересами с преобладанием последних над первыми – на какой-то период, разумеется. Исторический процесс тем и характерен, что любое подобное соотноше-



ние в принципе неустойчиво. Но эта неустойчивость как раз и гарантирует историческую динамику, то есть развитие, эволюцию. Отсюда, замечу попутно, – революции, войны и прочие общественные потрясения.

– А как тогда на это противоречие индивидуального и общественного накладывается этническое? Какая тут вырисовывается картина?

– Конечно, на борьбу индивидуального и общественного интересов, безусловно, влияет и этническое начало – но именно как вносящее специфику в оба противостоящих друг другу интереса. Поэтому главное здесь, как я уже подчеркнул, это именно два начала – индивидуальное и общественное – и их взаимные противоречия. Хотя, конечно, по мере продвижения от индивидуального к общественному степень значимости этнического начала – точнее, степень воздействия этнического начала – возрастает. Потому что само по себе объединение людей по этническому признаку – это объединение общественное. Но опять-таки важно подчеркнуть и обратную зависимость: общественное самоощущение возникает только на каком-то определенном этническом основании. Саму эту социальную общность можно почувствовать, лишь находясь внутри общности этнической.

– Понятно. Получается, что и культура выстраивается по этому алгоритму. То есть этническое начало, которое максимально проявляется на общественном уровне, выстраивает культуру, в которой ему, этому началу, наиболее уютно себя чувствовать?

– Да, я бы сказал, что в такой культуре создаются наиболее благоприятные условия для этого этнического начала.

– Хорошо. Вот мы с Вами сейчас беседуем в Петербурге – городе, построенном русским упорством, немецким гением, голландским мастерством, французским талантом и так далее. И в то же время Петербург – это столица Российской империи, город великой русской культуры. Разве тут нет противоречий?

– А что Вас смущает?

– Понимаете, с одной стороны, конечно, русская культура перерабатывала все эти инокультурные вкрапления, и они шли ей только на пользу, это очевидно. Но с другой стороны, конфликт культур всё же имел место – и это было заметно именно в императорский период, особенно в пореформенную эпоху и в последние годы существования самодержавной России. Ведь до Александра III русское начало как бы отодвигалось на задний план. То есть его никто не запрещал, естественно, но оно практически не включалось в официальные культурные образцы. Эталоном, своего рода нормой культурного поведения являлось некое унифицирующее европейское начало. Россия изо всех сил стремилась быть европейской державой и поэтому всячески позиционировала именно европейскую составляющую своей идентичности.

– Согласен, отмеченный Вами перекос в сторону Запада, безусловно, нельзя считать нормальным. Но давайте взглянем на проблему иначе. Когда такой перекос начался? При Петре. А когда он стал исправляться? Вы сами сказали – при Александре III, то есть более чем через полтора века. Но ведь разворот в направлении национальной культуры все-таки произошел. Дело в том, что культурные процессы всегда чрезвычайно длительные. Иногда требуются века, чтобы некая тенденция освободилась от перекосов и перешла в режим устойчивого развития. Вот в России перекос в сторону западной культуры начал исправляться при Александре III. Если бы Российской империи историей было отведено еще время, то, может быть, через несколько десятилетий западные и национальные элементы культуры образовали бы органичный культурный сплав. Но еще раз – культурные процессы всегда требуют длительного времени. Мы же часто судим, исходя из собственных ощущений времени, а оно для нас всегда краткосрочно и скоротечно. Отсюда, быть может, и возникает такого рода проблема в нашем сознании. На территории нашей страны за всю ее историю различные культуры не только враждовали друг с другом, но и образовывали жизнеспособные и устойчивые связи. Одно трансформировалось в другое. Но на это уходили десятилетия и даже столетия. В Древней Руси между князьями существовала такая поговорка: «Рать стоит до мира, а мир – до рати». Вот он – круговорот, одно переходит в другое. Так оно было на протяжении всех времен. И мне кажется, что эти слова вполне применимы и к сегодняшнему дню.

– Игорь Яковлевич, теперь вопрос, который я просто не могу не задать Вам как профессиональному историку. Какие правители из нашей 1152-летней уже истории обеспечивали нашей стране оптимальное развитие, а значит, наилучшим образом поддерживали ее суверенитет – политический, культурный и прочий?

– А почему Вы считаете, что нашей истории 1152 года?

– Ну, как же? В 862 году Рюрик стал княжить в Новгороде. Это событие – своеобразная точка отсчета истории нашего государства…

– Считать так – значит допускать очень серьезную ошибку. Дело ведь не в Рюрике, а в государстве как институте, как, если хотите, историческом феномене. Сводя вопрос о воз-

никновении нашей государственности к призванию варягов, мы встаем на заведомо ложный путь. Да, я прекрасно понимаю, что в общественном сознании такое представление засело довольно прочно. К тому же это представление было недавно – в 2011 году – усилено указом тогдашнего президента России Медведева «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности», исходившего также из названной Вами «точки отсчета». Скажу так: дело это вовсе не новое – своими корнями оно уходит в дореволюционное прошлое. Еще за полтора века до нынешнего празднования «зарождения российской государственности» состоялись аналогичные торжества в Новгороде, сопровождавшиеся открытием памятника «Тысячелетие России». Между тем государство – это очень сложный институт, который возникает постепенно, складывается на протяжении довольно длительного времени. Этот институт обладает рядом существенных характеристик, признаков. Среди них – наличие публичной власти, то есть власти, оторванной от основной массы соплеменников. Здесь же надо назвать и материальное обеспечение этой публичной власти в различных формах – в древности это дань, полюдье, кормления и иные формы платежей. Очень важная характеристика государства – размещение населения по территориальному, а не по родственному принципу. Эти характеристики государства складываются на протяжении очень длительного времени, не сразу, сначала один, потом другой, третий. И только когда перед нами некая целостность названных характеристик, полный их комплект, мы можем говорить о том, что государство есть в наличии, что оно в основных своих чертах сложилось. По моим наблюдениям, генезис государственности в Древней Руси начался в VI веке и продолжался до конца X века. В конце X – начале XI века все три перечисленных признака были налицо – и мы можем делать вывод, что на тот момент государство у нас уже возникло. Следовательно, датировать каким-то определенным годом начало или зарождение нашей государственности нельзя. Это очень существенная методологическая ошибка.

Франческо Айец. Аристотель. 1811 год

Еще Аристотель говорил, что человек вне общества – либо бог, либо зверь. Но богами, увы, нам стать не дано… И вот наступает момент, когда общественные интересы берут верх над интересами индивидуальными, чтобы люди окончательно не озверели и, простите за прямоту, не сожрали друг друга.

– Тогда получается, что более корректным является не новгородский памятник работы Микешина, Шредера и Гартмана, а воздвигнутый в Киеве в начале 80-х годов прошлого века в контексте празднова-

Александр Соколов. Государь император Александр III в коронационной одежде 15 мая 1883 года. 1883 год

В России перекос в сторону западной культуры начал исправляться при Александре III. Если бы Российской империи историей было отведено еще время, то, может быть, через несколько десятилетий западные и национальные элементы культуры образовали бы органичный культурный сплав.

ния 1500-летия города памятник его основателям – Хориву, Кию, Щеку и Лыбеди?

– В ту пору, в начале 80-х, с большой помпой отмечали эту дату и, надо сказать, подъему этого украинизма способствовали московские историки, в частности, такой авторитет, как Борис Александрович Рыбаков. Он активно поддерживал идею празднования полуторатысячелетия истории Киева...

– Так разве же это был украинизм? Тогда это было вполне патриотичное общесоюзное мероприятие, призванное подчеркнуть древность столицы нашей общей колыбели – Киевской Руси. Причем мероприятие с весьма любопытными намеками. Не знаю, правда, было ли это сделано преднамеренно или получилось случайно, само собой. Ведь если отсчитать от того празднования 1500 лет назад, то выходит, что Киев был основан буквально сразу после падения Рима под натиском варваров в 476 году. Рим пал – Киев возник. Любопытно, правда?

– Ну, говоря об украинизме, я пользуюсь современными терминами, конечно...

– Так вот, я возвращаюсь к своему вопросу. Какие, на Ваш взгляд, правители точнее всего ощущали собственную миссию как созидателей державы, острее чувствовали те исторические вибрации, в соответствии с которыми осуществляли свою власть, выстраивали ее стилистику, что в конечном итоге работало на укрепление государства и на упрочение его суверенитета?

– Из правителей Древней – или Киевской – Руси я бы в первую очередь назвал троих: Владимира Крестителя, другого Владимира – Мономаха, и – может, Вам это покажется странным – Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Мне представляется, что Всеволод Юрьевич до сих пор по достоинству не оценен в исторической науке, потому что находится в тени своего старшего брата – Андрея Боголюбского. Это и понятно: Андрей Юрьевич канонизирован, он был очень ярким, эмоциональным и даже непредсказуемым правителем. Этими качествами князь привлекал внимание современников, и поэтому летописцы подробно

описывали его деяния. Но если проанализировать результаты правления Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, то первый заметно уступает второму. Всеволод заложил фундамент будущей Руси – Руси Московской.

– Понятно, почему Всеволода Большое Гнездо недооценивают по сравнению с Андреем Боголюбским. Правление Всеволода пришлось на последнюю четверть XII – начало XIII века. С одной стороны, эта эпоха – расцвет домонгольской Северо-Восточной Руси. Но с другой – это уже канун приближавшейся катастрофы. И понятно, почему так высоко ставят Андрея Боголюбского. Именно при нем началось возвышение Владимиро-Суздальской земли, то есть, по сути, нового центра государственности. Опять же с его именем связаны первые чудеса на Руси Владимирской иконы Божией Матери. А Всеволоду, видимо, просто не повезло, потому что после него фактически уже не было продолжительного стабильного периода времени, который бы демонстрировал результаты его государственной деятельности.

– Вы знаете, мы несколько искаженно представляем себе значение Северо-Восточной Руси именно того времени. Довольно распространенным в дореволюционной, советской и даже новейшей историографии является мнение, будто центр древнерусской государственности переместился с юга, из Киева, на северо-восток. Но справедливо и другое утверждение – что центр государственности переместился из Киева и на юго-запад, в Галицко-Волынскую землю. Великий Новгород всё это время – и даже позже, в эпоху Московской Руси, – постоянно боролся за суверенную государственность с теми же владимиро-суздальскими князьями. Я не отрицаю перемещение центра русской государственности на северо-восток, но просто отодвигаю это событие на заметно более позднее время.

Дело ведь не в Рюрике (на фото в центре, в составе композиции памятника «Тысячелетие России» в Новгороде), а в государстве как институте, как историческом феномене. Сводя вопрос о возникновении нашей государственности к призванию варягов, мы встаем на заведомо ложный путь.

– Вы сказали, что Всеволод Большое Гнездо заложил ос-

Ян Матейко. Станислав Жолкевский показывает пленного царя Василия Шуйского и его братьев на сейме в Варшаве 29 октября 1611 года. 1892 год

Сакральное начало стало особенно ощутимым с появлением Святорусского Царства, русского, как выражались в XVI веке, самодержавства. Активнейшую роль в созидании и Святой Руси, и самодержавства играла Русская православная церковь. Государственность как таковая воспринималась во многом с точки зрения религиозной, метафизической. И тут вдруг прервалась династия. Можно себе представить, что это значило для человека начала XVII века.

нову, на которой возводилась Россия вплоть до своего императорского периода. Если схематично, что это за основа, что собой представляла эта модель Всеволода Юрьевича?

– Это модель притяжения других земель к новому – северо-восточному – центру государственности. Всеволод оказался эффективным правителем, и к нему потянулись. И соседнее Рязанское княжество, и Смоленское княжество, и Великий Новгород. К концу своего правления он сумел собрать вокруг Владимира те земли, которые впоследствии находились во владении владимирских князей, давших ход формированию Московской Руси.

– В основе любого политического суверенитета всегда лежит какая-то идея, интегрирующая культурная модель. Была такая модель предложена Всеволодом? Или же об этом применительно к эпохе Всеволода говорить пока преждевременно?

– Мне кажется, что модель, о которой Вы говорите, стала складываться всё-таки позже – в условиях экстремальных, с нашествием татар, когда лоб в лоб столкнулись две культуры, две цивилизации и встал вопрос – быть или не быть нашему народу. В этих чрезвычайных условиях русская культура получила очень сильный импульс для своего развития. Не случайно ведь как раз при татаро-монгольском иге завершается всеобщая христианизация на Руси. В XIV веке начинается строительство уже новой Руси – Святорусского Царства. Этот процесс растянулся на два века и был завершен уже при Иване Грозном.

– Игорь Яковлевич, вот мы и подошли к одной из наиболее интересных проблем в нашем прошлом – да в общем-то также в настоящем и будущем. Правильно ли я Вас понял, что именно в условиях мобилизации культура развивается наиболее интенсивно и особенно ярко манифестирует себя, предъявляет собственную идентичность? А когда мобилизация ослабляется – спадает и напряженность такого культурного созидания? Ведь эпоха Святой Руси – это время предельной национальной мобилизации.

– Конечно, я могу ошибаться, но мне кажется, что культура созидается за счет как внутренних ресурсов народа, так и приобретенного исторического опыта. Подобный опыт наших предков заключался главным образом в совершенствовавшихся веками навыках противостояния внешнему давлению. Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая борьба за собственный суверенитет. Борьба велась и с суровыми природными условиями, и с

другими народами, нападавшими на нашу землю с запада, юга и востока. Этому давлению – природному и этническому – надо было противодействовать. И успех такого противодействия напрямую зависел от того, насколько в нашем обществе были сильны коллективистские начала. Нужно было сбиваться вместе, соединяться, чтобы элементарно выживать в нашем климате и этническом окружении. Возьмите земледелие. В силу природных условий оно требовало очень больших усилий, которые были не по плечу отдельной семье – необходимо было соединение усилий больших трудовых коллективов. То же самое и с противостоянием внешней экспансии. Авары, хазары, печенеги, половцы, татары, литовцы, поляки, шведы, французы, немцы... От всех надо было отбиваться. Борьба велась на протяжении всей нашей истории и вплоть до сегодняшнего дня. Поэтому опыт противодействия природному и особенно этническому давлению воспитал в нас развитое чувство коллективизма. А коллективизм – это и есть способность к мобилизации. Когда мы осознаем угрозу собственному существованию, происходит мобилизация нации, причем часто даже стихийно, без указки сверху. Это одна наша особенность. Есть и другая особенность, вытекающая из нашей мобилизационной предрасположенности, – это уникальная способность к возрождению буквально из пепла. Сколько за всю нашу историю было примеров, когда враг прошел по русской земле, оставил за собой сожженные нивы, разоренные города и села. А через короткое время всё это возрождается – и снова мы видим жизнь в полной силе. Последний раз эта удивительная способность к возрождению была продемонстрирована после Великой Отечественной войны. Нам предрекали десятилетия разрухи – а мы восстановились за считанные годы.

– Откуда такая энергетика? Каждая мобилизация требует колоссального напряжения сил. Откуда они? Сейчас, кстати, многие либералы говорят, что русские исчерпали свои жизненные ресурсы и более неспособны ни на какую мобилизацию.

– Верить никому не надо, только Господу Богу.

– Существует мнение, что Смута начала XVII века – это во многом результат чрезвычайной мобилизации нации при Иване Грозном. Якобы он так всех мобилизовал, как никаким монголам и не снилось. Отсюда надрыв. И как результат надрыва – обвал, Смута.

– Это весьма распространенное рациональное объяснение. Его высказывали либеральные и демократические дореволюционные историки. Потом оно спокойно перекочевало в советскую историографию – с перерывом на непродолжительный период при Сталине, когда была предпринята попытка исправить историю Ивана Грозного, – а затем уже и в современную. Так вот, нельзя не учитывать культурного – я бы даже сказал религиозного – фактора возникновения Смуты. Например, утверждают, что существенную роль в возникновении Смуты сыграл династический кризис. Но это какое-то уж очень «стерильное» объяснение. Слово «кризис» здесь ровным счетом ничего не объясняет. Это был не кризис – это была катастрофа, потому что пресеклась династия, которая правила на Руси сотни лет, со времени становления нашего государства. Здесь я имею в виду прежде всего те представления, которые транслировались летописцами и существовали в обществе. О том, когда на самом деле возникло Древнерусское государство, мы с Вами уже говорили. Династия Рюриковичей за столетия своего правления сакрализовалась. И это сакральное начало стало особенно ощутимым с появлением Святорусского Царства, русского, как выражались в XVI веке, самодержавства. Активнейшую роль в созидании и Святой Руси, и самодержавства играла Русская православная церковь. Поэтому государственное строительство, государственность как таковая не могли восприниматься только рационально. Эти явления воспринимались во многом с точки зрения религиозной, метафизической. И тут вдруг прервалась династия. Вы представляете, что это значило для человека начала XVII века? В этом событии увидели буквально начало эсхатологического финала истории, наступление конца света. Отсюда и Смута как естественная реакция верующего человека на события, к которым его перед этим всю его сознательную жизнь готовила Церковь. Понятно, конечно, что Церковь учила и учит иначе воспринимать наступление последних времен, но греховная человеческая природа берет свое... Свою роль в Смуте сыграл и Запад, воспользовавшись помутнением религиозно-политического сознания русского общества той поры. А что касается самого Ивана Грозного, то не надо забывать, что ему довольно долгое время после его кончины поклонялись как местночтимому святому. В XVII веке даже иконы его были написаны.

– А потом произошла деканонизация? Или ее не было, и почитание как-то само собой прекратилось?

– В том-то и дело, что никакой деканонизации не было! Другое дело, что потом не произошло его прославления на

Ивану Грозному довольно долгое время после его кончины поклонялись как местночтимому святому. В XVII веке даже иконы его были написаны (на иллюстрации).

общецерковном уровне, но деканонизации как местночтимого святого тоже не было. Просто почитание как-то само собой прекратилось, угасло. Естественно, не без соответствующих шагов со стороны властей. Вообще Грозному очень не повезло. Его стали обвинять в причастности к убийству митрополита Филиппа и в разных других злодеяниях. Однако что произошло после Смуты? Вернулись к самодержавству – причем к самодержавству в той форме, какую оно обрело именно при Иване Грозном. Отсюда ясно, насколько прочным оказалось построенное им здание. Его не поколебали ни ослабление царской власти при Василии Шуйском, ни Семибоярщина, ни интервенты. О чем это говорит? О том, что самодержавство было у нас не рационально просчитанным способом управления, уложенным в одни лишь светские рамки, а в немалой степени религиозной формой власти. Самодержавная царская власть выступала в роли того самого «Удерживающего», о котором апостол Павел писал во Втором послании к Фессалоникийцам. Такой «Удерживающий» был особенно необходим Святой Руси, когда с конца XV века и на протяжении всего XVI века в нашем государстве существовали разные ереси, среди которых наиболее опасной являлась ересь «жидовствующих». «Жидовствующие» отвергали все те формы устройства государственно-церковной жизни, которые у нас складывались столетиями чуть ли не с принятия христианства при Владимире Святом и особенно в XIV-XV веках. Ситуация осложнялась еще и тем, что у «жидовствующих» были влиятельные покровители в правящем классе. Вы представляете, что бы было, если бы им удалось одержать верх? Что стало бы с

Русской церковью – а значит, и с нашим государством? Есть такой современный историк Лев Поляков, он родился в России в 1910 году, но с юных лет жил в Париже, сравнительно недавно – в 1997 году – умер. Он написал книгу «История антисемитизма». И в ней, касаясь борьбы с «жидовствующими» в Московской Руси, Поляков бросает весьма примечательную фразу. Он пишет, что еще неизвестно, каким путем пошла бы Русь, если бы «жидовствующим» удалось реализовать свои замыслы, в частности, провести определенные «реформы» в Церкви... У нас нередко при взгляде в прошлое происходит подмена институтов личностями. Скажем, у какого-нибудь государя были плохие отношения с теми или иными церковными иерархами. Отсюда делается вывод: дескать, этот государь притеснял Церковь. А на самом-то деле это не так. Из московских государей только один Иван III – да и тот лишь на протяжении некоторого времени – проявлял нетвердость в православной вере.

– Что Вы имеете в виду?

– Иван III мирволил «жидовствующим», поддерживал и защищал их. А его супруга Софья Палеолог и сын – будущий Василий III – наоборот занимали последовательную антиеретическую позицию. Благодаря в том числе и их усилиям в начале XVI века состоялись церковные соборы, осудившие ересь. После этого свою позицию поменял и великий князь Иван III. Это произошло незадолго до его кончины. Великий князь уже был стар, немощен, болен, и его посетил преподобный Иосиф Волоцкий, который убедил Ивана III в том, что болезни и немощи – это воздаяние Господне за шатания в православной вере. Тогда-то Иван III резко изменил свою политику, стал преследовать «жидовствующих», чем поломал план еретиков, по которому престол после его смерти должен был перейти не сыну Василию, а внуку Дмитрию – сыну Елены Волошанки, которая возглавляла еретиче-

Преподобный Иосиф Волоцкий, обличитель ереси «жидовствующих»

«Жидовствующие» отвергали все те формы устройства государственно-церковной жизни, которые у нас складывались столетиями чуть ли не с принятия христианства при Владимире Святом и особенно в XIV-XV веках. Ситуация осложнялась еще и тем, что у «жидовствующих» были влиятельные покровители в правящем классе.

Иван Грозный – это сугубо национальный лидер. А масоны ратуют за строительство новой мировой цивилизации, в которой не будет разделения на отдельные государства. При таком порядке весь мир станет управляться из единого центра. Поэтому Грозный для носителей этой идеологии и этих ценностей крайне неудобен, даже – враждебен. Дело дошло до того, что серьезнейшие историки – например, Василий Ключевский (на фото) – стали писать об исторической бессмысленности эпохи Грозного.

ного к Филиппу резко изменилось в худшую сторону. Филиппа уговорили принять сан митрополита, но с условием, что он не станет вмешиваться в опричные дела. Филипп принял это условие и в знак данного обета целовал крест. А потом, выходит, нарушил эту клятву. Между тем для людей того времени клятвопреступление воспринималось как тягчайший грех. И как после этого Иван Грозный – сам глубоко верующий человек – должен был относиться к митрополиту? Нельзя не учитывать всех этих нюансов и деталей, если мы хотим реконструировать не заказную, а подлинную историю.

– Да, религиозность Ивана Грозного поражает. Помню, читал у Соловьева. Идет осада Казани, острый момент штурма, царь отдает приказания. Но тут наступает время всенощной – и он тут же уходит в палатку, где располагалась его походная церковь. При этом отстаивает всю службу, несмотря на то что ситуация на передовой остается крайне напряженной.

– Вот наглядный пример религиозного сознания. Царь считает, что своей молитвой он ничуть не меньше – а то и больше – оказывает поддержку войску, чем непосредственно им командуя.

– А в послепетровской Российской империи Грозный – уже однозначно пример неправильного, деспотичного властителя…

– Нет, Петр еще очень высоко его ставил.

– Так я и говорю, что в послепетровской России.

– Когда мы говорим о послепетровской России, то нельзя не учитывать роль и влияние масонства в ней. Начиная со второй трети XVIII века масонство у нас стремительно набирало силу. Не случайно масонствующие историки стали негативно описывать правление Ивана Грозного. Я имею в виду хотя бы тех же Михаила Щербатова и Николая Карамзина. Их принадлежность к масонству известна. Что сделали эти историки? Они, собственно, стали излагать точку зрения Курбского, бывшего сначала сподвижником Ивана Грозного, а затем перешедшего на сторону Польши и Литвы. Курбский делил правление Ивана Грозного на два периода. Сначала был, так сказать, благотворный период, когда царь жил в дружбе с советниками, с Избранной Радой. А затем наступила эпоха злодейства и кровопролития, когда Грозный прогнал своих советников и стал править сам. Подобное представление об Иване Грозном в XIX веке стало весьма распространенным, сохраняясь так или иначе по сей день. Возникает вопрос, почему у масонствующих историков было отрицательное отношение к Грозному? Да потому что Грозный – это сугубо национальный лидер. А масоны ратуют за строительством новой мировой цивилизации, в которой не будет разделения на отдельные государства. При таком порядке весь мир станет управляться из единого центра. Поэтому Грозный для носителей этой идеологии и этих ценностей крайне неудобен, даже – враждебен. Дело дошло даже до того, что серьезнейшие историки – я в данном случае имею в виду Василия Ключевского – стали писать об исторической бессмысленности эпохи Грозного. И в советское время,

ского партию при дворе… Надо сказать, что никто из государей, кроме Ивана III, не проявлял подобных колебаний в православной вере. Конфликты между московскими властителями и церковными иерархами, конечно, возникали, но они, еще раз повторю, были межличностными, но ни в коем случае не означали противостояния престолов – светского и духовного. Возьмем ту же историю с митрополитом Филиппом. Да, Грозный утратил к нему расположение. Но, во-первых, из этого автоматически не следует, что митрополит был убит по указанию царя. А во-вторых, необходимо учитывать и причину, по которой отношение Грозного

как я уже отмечал, сохранялось подобное отношение к этому государю, за исключением некоторого периода при Сталине, когда была предпринята попытка ревизии сложившейся оценки Грозного. Хулителям Грозного пришлось умолкнуть и прятать свои творения об эпохе Ивана Васильевича в ящик письменного стола, ожидая более благоприятных времен, как это было, скажем, с академиком Степаном Веселовским. Но потом, когда Сталина не стало и состоялось развенчание культа личности, всё возвратилось на круги своя. Я бы даже сказал, что Грозному снова пришлось отвечать – теперь уже за своего почитателя Иосифа Сталина. Да и сегодня этот царь – как красная тряпка для всего либерального сообщества. Ну, о чем тут говорить, когда для таких современных либералов даже само жизненное пространство России, ее территория, обильно политая кровью наших предков, не являются священной ценностью. Казалось бы, надо беречь и сохранять складывавшееся веками государство. Враги окружали нас со всех сторон, сжимали, но территория потом, подобно пружине, расправлялась, увеличивалась, причем не для оккупации чужих земель, но ради укрепления национальной безопасности. Да и те народы, которые входили в состав России, делали это зачастую в целях самосохранения, поскольку только в составе нашей общей страны они могли жить спокойно и не опасаться внешних врагов. Вот почему разрушать наше общее геополитическое пространство – значит прежде всего идти против воли проживающих на нем народов. Наша страна после 1991 года и так разрезана по живому, мы и без того уже не в силах обеспечивать собственный суверенитет в том объеме, как нам это удавалось прежде.

– Игорь Яковлевич, мысль взять у Вас интервью возникла у меня, когда я в марте прочитал на портале «Русская народная линия» Вашу статью «Россия, наконец, сосредоточилась» о присоединении Крыма. Меня в ней особенно поразили Ваши наблюдения о просто чудесных совпадениях. Оказывается, 18 марта – в день, когда в Кремле в торжественной обстановке было подписано соглашение о вхождении Крыма в состав России, только в 1584 году, – скончался Иван Грозный, о котором мы сегодня много говорили. Также со ссылкой на слова архимандрита Тихона (Шевкунова) Вы отметили, что в этот же день Русская православная церковь вспоминает святителя Луку (Войно-Ясенецкого) – небесного покровителя Крыма. Но не только эти факты привлекли мое внимание. Как мне кажется, Вы очень метко описали переживаемое сейчас Россией состояние – как мобилизацию, прежде всего духовную мобилизацию, как активизацию каких-то внутренних резервов и потенциалов, как зримое проявление того самого русского чуда, которое происходит в подобные переломные моменты истории. Название статьи – это парафраз знаменитого высказывания Горчакова, произнесенного им после поражения России в Крымской войне. То есть Вы более чем через полтора века ответили Горчакову?

– После горбачевской перестройки и особенно после беловежского переворота наш народ долго находился в оцепенении и не мог по-настоящему осознать, что же с ним произошло. Потом, конечно, осознал – но каким же горьким стало это прозрение! Казалось, что та борьба, которую с нами планомерно и систематически вел Запад с конца XV века, завершилась нашим полным разгромом. Но, к счастью, оказалось, что это не так. Да, мы многое потеряли, но еще остаемся силой, способной противостоять утверждению нового мирового порядка по западному сценарию. Однако наши противники не успокоятся до тех пор, пока Россия не будет полностью ликвидирована как активный геополитический субъект мировой истории. На этом фоне присоединение Крыма – важное знаковое событие, свидетельствующее о том, что мы перестали отступать и переходим в наступление, а лучше сказать – переходим в контрнаступление. Да, впереди еще очень много трудностей, но перелом уже наступил. Регенерация нашего исторического пространства начинается...

– Игорь Яковлевич, я Вам чрезвычайно признателен за содержательную беседу, за те исторические факты, которые Вы привели и с которыми, как мне представляется, знакомы далеко не все читатели нашего альманаха. Мастерство историка определяется не только и даже не столько тем, насколько виртуозно исследователь подбирает мозаику из сведений источников, а тем, как тонко он чувствует вибрации прошлого и может их интерпретировать – уже с опорой на эту самую мозаику. Мозаика тут, безусловно, вторична. Необходима – но при этом всё-таки вторична. Большинство историков не понимают – или не хотят понимать – это. Вы же – один из немногих, относящихся к меньшинству. Очень хочется надеяться, что среди Ваших учеников – да и просто исследователей, выросших на Ваших работах о Древней Руси, – появятся ученые, которые будут так же чутко и внимательно относиться к интерпретациям прошлого, как это делаете Вы.

Санкт-Петербург,
23 мая 2014 года

Александр Иванович Неклесса – руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Мир как сумма взаимодействий

Город – национальное государство – геокон – мир сообществ

Сегодня эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению. Города – деятельные организмы, заселив планету, они продолжают умножаться в числе. Расползаясь мегаполисами, обрастая фавелами, претерпевая разнообразные мутации, превращаются в хабы, терминалы, закоулки глобального метаполиса.

Разговоры о постиндустриальном или информационном обществе, конфликте цивилизаций, «конце истории», плоском или подвижном мире – попытки опознания сути переживаемого транзита, его сшитая на живую нитку формализация. Токи универсализма и персонализма, миграция народов расплавляют арматуру политических наций, «мировой пожар» охватывает затем территориальные, отраслевые, профессиональные институты/организованности, обжигая огнем бытия. Количество жителей на планете прирастало за прошлый век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изощренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия, результативность комплексных процедур. На трансграничной земле ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений.

Прежний мир развоплощается, его обитатели утрачивают привычный статус, инструменты цивилизации усложняются, функции персонализируются, трескается скорлупа обезличенных институтов. «Восстание масс», растворяясь в индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье

Львиные ворота Микен

эпох и культурных миров соборная Ойкумена подвергается теперь трансгрессии и вивисекции со стороны новых варваров Севера и Юга. Национальные государства утрачивают привычную актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глобализации, глокализации, субсидиарности, новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные и геоэкономические интегрии, по-своему перемалывающие состояния и границы прежних обществ.

Глобальная революция – грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете сегодня складывается полифоничная среда, формируется подвижное многоликое и многолюдное общество. Наряду с прежней политэкономической феноменологией и поверх административной сетки возникает мир сообществ, выстраиваемых по экзотичным лекалам, характерные черты которых: приматкультурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность мест обитания.

Миростроительство началось с обживания земли, а утверждением присутствия на ней человека стал Город.

Новое мироустройство заметно изменяет прописи практики. В XXI веке страны уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации: корпоративные и социокультурные интегрии, люди. В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты: мировые регулирующие органы, страны-системы, геоэкономические ареалы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые организмы, рожденные цивилизацией, облекаются в подвижные оболочки – суммы взаимодействий, реализуемые всё чаще неформальным и частным образом.

В этих условиях обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный стратегический ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – оригинальному мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль особой склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами социокультурный капитал – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI века.

Человек, отягощенный прошлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, подзабыв, что текст

Пирамиды Гизы

Первым городом человечества – и одновременно обителью богов – был, таким образом, произрастающий из земли некрополь (обитель предков-богов).

искрится и мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав – плод внутренних и внешних усилий.

Миростроительство

Деревню создал Бог, а человек – город.

Уильям Купер

Миростроительство началось с обживания земли, а утверждением присутствия на ней человека стал Город.

Рождение города окутано тайной. В Библии его создателем назван Каин. Модель протогорода-лабиринта (гипогейума) принципиально закрыта, и чтобы проникнуть внутрь, чужестранцу приходилось подчас идти на хитрость. Драматичный отголосок этой коллизии содержится в одном из центральных эпизодов эпоса Гомера. Но затруднен был не только вход, но и выход, причем данный сюжет присутствует в древних текстах, пожалуй, даже чаще первого.

Мир негативной архитектуры лабиринта вывернут наизнанку: здесь доминирует земная плоть (земля, ставшая небом), предельно ограничена линия горизонта, а свободное пространство («воля», воздух) – вымерено мастерством строителя и подчинено власти клана. За кромкой тяжелых небес таился некий неблагой секрет, и тот, кто чувствовал силы его осмыслить, становился жертвой сумрачного грота – очередным жрецом-архитектором, исчисляющим и продлевающим паутину тоннелей...

Эпоха Древнего мира – это период «отделения тверди от моря». В среде родовых поселений – культуре деревень – складывалась «новая историческая общность»: мозаичный мир земных городов. Генезис города-государства – история интеграции и разделения. Интеграции племен и поселений, отделения от природы и трансформации разобщенного существования в «единство непохожих».

Город возник как особое пространство взаимодействия, интеркоммуникационный узел – сакральное место для родов и поселений. Здесь располагалось общее (особое) кладбище и жертвенник: процесс погребения – точка максимального соприкосновения обыденного и потустороннего. Дополнительным важным фактором была близость «большой воды». Это место выполняло также комплементарные, но устойчивые мирские функции, служило пунктом ежегодного сбора родов в день поминовения усопших, зоной обмена вещами, информацией, то есть являлось базаром, ярмаркой, что еще крепче объединяло близлежащие поселки. Эта особая земля притягивала и дальних странников, которые, однако, не всегда могли войти во внутреннее пространство «белого города», располагаясь на специально отведенной территории.

Первогород был местом социального акта (тинг, вече), где принимались политические,

правовые и экономические решения, зарождались институты централизованной – «федеральной» – власти. Постепенно местность обустраивалась. В середине – как правило, на холме – располагалось кладбище. Причем это были не ординарные могилы, а скорее город мертвых со своими особыми «домами», «дворцами», катакомбами. Рядом – ритуальная площадка, нередко объединявшая в единый комплекс гробницу, храм и дворец. Вокруг со временем обустраивались торговые ряды, еще дальше размещались жилища интерплеменного народа – священников, торговцев, охраны, а также временные жилища – городские виллы – уважаемых жителей поселений.

Первым городом человечества – и одновременно обителью богов – был, таким образом, произрастающий из земли некрополь (обитель предков-богов). А первая главная стена возникла не вокруг города, но внутри него. То есть вокруг сакральной территории, отделяя ее от территории мирской – жилой, торговой. Причем внутренние ограды – кладка склепов и гробниц «запретного города» – были массивнее и крепче внешних фортификаций, подчас просто символических. Теперь достаточно было, следуя логике аналогового, синхронистичного мышления той поры, обнести второе пространство внешней стеной – укреплениями, подобными ограде поселений, или просто «магической» (административной) чертой, – чтобы появился город, город-государство как социальный феномен, которого доселе не существовало.

Картография нового организма содержала в себе три логических круга:

- истинный город с горожанами, гражданами – привилегированным населением;
- обширные предместья, где обитали входившие в круг и реестр города-государства селяне-хоритики;
- отдельный терминал для внешнего люда, преимущественно иноплеменных торговцев, – *portus*.

Центр города, его храм хранили порядок вещей, таблицу судьбы. Внешние стены – ограждали порядок от бурных вод моря житейского. Стража и врата отделяли и одновременно соединяли цивилизацию (организацию) и варварство (хаос).

Генезис города – соединение обиталищ живых и мертвых: здесь гробница, чертог смерти, становится обустроенным пространством культа, а царский дворец является частью некрополя. Тайна городской цивилизации (если это вообще не тавтология), образно говоря, лежит в могиле. Так или иначе в социальном универсуме появилось нечто отличное от прежних поселений, а те в свою очередь обрели специфику: утратив первородство, они стали именоваться деревнями. В древней истории, кажется, сплошь и рядом старшинство, первородство были чреваты падением и проклятием.

Следующий акт земной драмы – «явление суши»: эон великих империй/интегрий, возникший уже как результат взаимодействия городов-государств. Это период формирования разнообразных союзов, запутанных взаимоотношений и борьбы – торговой, религиозной, военной. По-видимому, всё же не алчность и не быт господствовали над человеком, но более мрачные и решительные силы. Это было время соперничества и раздоров под эгидой племенных божков, идолов, борьбы имен и названий, сопровождавшейся стиранием наименований, искажением исторической памяти. Первые войны человечества были, в сущности, «войнами богов». Активно состязающиеся кланы, две ведущие социальные силы того времени – «люди дворца» и «люди храма». Обеспечивая безопасность, собирая налоги, добывая трофеи, дворец был источником административной власти и образом зримых, мирских богатств. Храм же – гарантировал единство мировоззрения и культуры, и он же, аккумулируя корпус знаний эпохи, информационные потоки, массовые пожертвования, становился средоточием идеологических и финансовых схем Древнего мира.

Эпоха войн знаменовала переход человечества от состояния, в котором доминировала сакральность, господствовало жречество, к новой социальной схеме, где центральное место занимало воинское и управленческое сословия.

Резко возрос статус царской власти – он стал позволять ее представителям претендовать на обладание сакральными жилищами (дворцами), что подтвердило новый (полу)божественный ранг правителей. Формировались и распадались необъятные по прежним меркам пространства, наступало время великих объединений (интегрий), великих империй – протяженных территорий, соединенных властью, экономикой, культурой. Сообщества-интегрии порождали качественно новую форму города – метрополию, столицу – город-лидер, перед которым склоняли головы правители городов-государств. Появлялись иные версии городской культуры: растущие на имперских дрожжах терминалы (прежние *portus*) и создаваемые на обширных просторах искусственные скрепы-поселения («колонии»), где располагались гарнизоны и обитали переселенцы.

Здесь мы находимся на устойчивой почве исторических

свидетельств. Предшествующее время – эпоха возникновения изолированных городов-государств – известно нам скорее как археологическая реальность. (Города как феномен возникают, судя по всему, где-то 5-6 тысяч лет назад, их раскопки ведутся на территориях Турции, Сирии, в долине Иордана, в Месопотамии – земле Сеннаар.) А вот государства-интегрии и империи – это более близкая история, известная из письменных источников: историческая Халдея – Шумер и Аккад как устойчивое сообщество городов, – Древний Египет, Ассирия, Китай, Персия, а также Древняя Греция, особенно в эпоху эллинизма, наконец, Римская империя. Эта форма социальной организации несла в себе ген монотонной, поступательной экспансии, что, казалось, должно было бы привести социальный космос к своеобразной тепловой смерти – установлению со временем на планете единой безграничной империи. История, однако, развивалась иначе.

Подведем предварительные итоги. В своем генезисе социальная система прошла три стадии:

- лишенной времени протоистории – аморфного состояния, когда диффузное общество было растворено в окружающей среде и практически не существовало как самостоятельная, автономная реальность;
- становления городов-государств – периода, когда социальная система «коагулирует», интегрируется и начинает активно противопоставлять себя внешней среде;
- возникновения обширных метаструктур, опирающихся в поддержании социальной устойчивости на разветвленную административную иерархию и централизованные механизмы управления.

Так в процессе самоорганизации человечества были сделаны три шага, а затем происходит системная революция, переломившая ход мировой истории.

История как строительство Глобального Града

Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.

Фридрих Ницше

Существует исторический порог, который преодолело человечество. Он связан с началом христианской эры, ставшей Модерном, радикальной системной новацией по отношению к миру традиционному. День истории был отделен от ночи повседневности «для знамений, и времен, и дней, и годов». И время радикально изменило характер. Люди новой эпохи хорошо сознавали это, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*. Позднее, однако, понятие Модерна приобрело иную акцентуацию, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья (а в истории культуры получило со временем даже третий смысл).

Прежний контур социального времени имел фактически замкнутый, цикличный характер, хотя, как мы видели, и там можно выделить эпохи – городов-государств, великих империй. Но приближение перемен предчувствовалось. Они проявлялись на протяжении нескольких веков: распространялись эсхатологические настроения, мессианство, то есть происходила значимая перемена направления исторического взора – от прошлого к будущему. Одновременно совершался рассвет монотеизма. Весь этот комплекс обновления позволил Карлу Ясперсу ввести понятие «осевого времени» – пролога вселенского переворота.

История в современном ее понимании тысячью нитей – явно и скрыто, прямо и опосредованно – связана именно с христианской культурой, с внесением смысла в сумятицу времени, с вселенским домостроительством. Общество, возникшее на этой грандиозной строительной площадке, называлось по-разному: христианская, или европейская, цивилизация – либо просто современная цивилизация, «наша эра». Впрочем, в смене имен всегда заложен некий внутренний смысл.

Откуда же взялись поразительные по размаху и следствиям творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, радикально преобразовав стиль жизни и облик планеты? Разница заключалась в том, что появилась человеческая личность, освобожденная от дурной бесконечности, ранжированного бытия, норм поведения, расписанных до мелочей. В традиционном обществе человек фактически не обладает личностью и свободой, его бытие регламентировано, действия предопределены ролевыми обязанностями, время усечено, его течение во многом иллюзорно. С распространением же христианского сознания возникло новое прочтение бытия, раздвинулся горизонт истории, люди ощутили смысл в движении времени как возможности обновления себя и окружения.

В результате рождается новая концепция исторического процесса. У разделенного государственными, религиозными, этническими границами человечества появляется идея мироустройства как вселенского проекта: получив право на действие, люди начинают строительство *Universum Christianum*, понимаемого как универсальное пространство

спасения. Единый христианский мир, поднимаясь над временными и суетными различиями, замещал сумятицу племен и государств. Теперь империя, как и Ойкумена, – по крайней мере, в теории – могла быть одна, пусть даже не охватывая собой весь мир.

Всё это вместе взятое определяет рамки исторической конструкции Средневековья как периода смешения футуризма и архаики, времени социального творчества и массовой индивидуации, пространства становления новой антропологии – христианского гуманизма, пытающегося отстоять онтологическое достоинство личности в условиях распада прежнего миропорядка. Взлет духа при этом уравновешивался возросшей тяжестью земной жизни, а обретенное чувство равного достоинства людей – косностью сословной инерции общежития.

В мире первого миллениума новой эры общество, взрыхленное переселением народов, взбудораженное сутолокой и сумятицей европейского плавильного котла, организуется – прежде всего идеологическим образом. Стремительное безвременье «Темных веков» сокрушило и перемололо многие прежние опоры. Города распадаются или, обращенные в руины, сжимаются, трансформируясь в епархии, а роль системных центров, цивилизационных скреп обширных пространств – функцию прежних городов как административных центров политически организованного общества – частично принимают на себя монастыри, своего рода духовные «города и ограды».

Пространство города в смутные времена словно бы опрокидывается, жизнь из него уходит в сельские просторы, прежние виллы становятся растущими поселениями (память об этом сохранилась в названиях современных городов, которые имеют окончание -виль). Теперь уже на городских пустошах (вновь, как в седой древности) появляются своеобразные «усадьбы» – дворцы сеньоров, изредка навещавших город. Дух же возрождения городского ландшафта приходит со временем не из «административного центра» и не из сельской «глубинки», но от складов и верфей, ремесленных мастерских и торговых площадей комплементарного городка-терминала: эстафету истории принимает многоликий и динамичный *portus*.

Следующий акт земной драмы – «явление суши»: эон великих империй/интегрий, возникший уже как результат взаимодействия городов-государств. Это период формирования разнообразных союзов, запутанных взаимоотношений и борьбы – торговой, религиозной, военной.

У Средневековья два очень разных лица – это и взлет, и распад цивилизации. Но одновременно – ее экспансия. В Средние века парадоксальным образом смешались пробивавшее путь кардинальное

Марк Аврелий

Эта форма социальной организации несла в себе ген монотонной, поступательной экспансии, что, казалось, должно было бы привести социальный космос к своеобразной тепловой смерти – установлению со временем на планете единой безграничной империи.

обновление жизни и в то же время ее заметная архаизация из-за распада прежней цивилизации, сложившегося ранее миропорядка. Духовный порыв нередко оказывался в одной упряжке с очевидным упрощением не только материальной, но и интеллектуальной культуры, прямой утратой знаний. Отсюда – двоящийся (до сих пор!), крайне противоречивый облик этой эпохи. И всё же – то был грандиозный прорыв, новое прочтение мироустройства и целей исторического бытия. Что и говорить, расхождение между идеалами и повседневностью было разительным, однако именно христианские идеалы стали тем магнитным полюсом притяжения и напряжения, который воздействовал на окружающую реальность. Пронизывая своими энергиями структуры повседневности, он помогал преодолевать мерзости бытия, утверждая ценности новой европейской культуры. Обитатели *Universum Christianum*, совлекая, счесывая древнюю, потрескавшуюся кожу, ощущали свое родство с образом иного града – Небесного Иерусалима, – проникаясь идеей деятельного миростроительства, столь отличного от их прежнего образа жизни.

С появлением свободной личности история одновременно исполнилась и расщепилась. В персональном прочтении, то есть судьбе, личность открыта для достижения предельного результата, а земное, соборное измерение бытия обретает собственный дальний горизонт, придающий смысл исполнению сроков, то есть пребыванию человечества в истории.

Глобализм теперь мыслится не как проект единой империи – механический реестр всего и вся, – а прежде всего как земная альфа и омега: вселенский по своей полноте, но индивидуальный по существу выбор. История же прочитывается не как вечное возвращение или дурная бесконечность, а как перманентно уникальная и потому непривычно живая, пульсирующая ситуация. В расширяющемся общении человечество само познает формы и творит сроки совокупной судьбы, а полноте икономии спасения противостоит не только прямой отказ от бремени свободы, но и ее апостасийная трактовка. Следующий шаг истории – современность (*Modern World*),

утверждающаяся приблизительно с середины второго тысячелетия.

Дорожная карта Нового времени: трансформация суверенитета

Существование нации есть непрерывный плебисцит.

Эрнест Ренан

В Европе постепенно распадался прежний, не особенно считавшийся с административно-политическими границами круг жизни. Исчезает имперский оппонент и близнец западноевропейской цивилизации, укрепляется мировосприятие, проникнутое духом обустройства бытия, непривычного ранее патриотизма. Вместе со стремлением к снятию феодальных препон и развитием рынка данное состояние общества ведет к появлению столь важного института современности, как суверенное национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Небольшие по прежним меркам государства вступают в неизбежные при новом порядке вещей подвижные союзы и коалиции. Терминалы этого строя населены уже не имперским народом и не этносами, но гражданами, обладающими устойчивыми политическими и экономическими правами, формирующими коллективную субъектность гражданского общества. К этому времени в городах Европы сложилась также инфраструктура мира капитализма, выстраивающего собственный вселенский проект *Pax Oeconomicana*. Символом обновления становится город производящий – город-предприятие, город-фабрика (технополис), демонстрирующий коды социальной динамики и расширенного воспроизводства.

Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии) – местную магистратуру/муниципалитет, – то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* – посланный, заместитель) в парламент. С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* – слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судейские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывавшие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Особая роль в гражданском обустройстве Европы принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом, самоуправлением и экстерриториальностью, всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру – своего рода закваску национальных государств, – перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова идеальная формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модерна – политической формулы объединения общества. Процесс становления современного государства и политических наций прописан на карте Европы «от моря до моря» и далее: от портовых городов-республик северной Италии до нижних земель Западной Европы, а затем через Англию/Великобританию нить истории протянулась к берегам другого континента, объявившего целью построение «гражданского политического общества» для созидания «более совершенного порядка».

Вектор истории прочертил хляби и веси европейского континента, преобразуя подданных в граждан, преодолевая и отвергая сословную организацию эпохи престолов и господств. От переходной, отягощенной олигархизмом городской культуры Северной Италии и морских республик-империй Венеции, Генуи, прочих италийских (Флоренция, Пиза, Гаэта, Амальфи, Сан-Марино) и иллирийских (республика Рагуза) городов-государств через Ломбардию к Швейцарской конфедерации – весьма эклектичной на тот момент по составу. А также сквозь ярмарочные пространства Шампани, Брабанта или торговые конгломераты городских союзов к удивительному государству, рожденному фактически первой республиканской революцией новой Европы – Республике Соединенных Провинций Нидерландов. И далее.

Новая эра утверждает права общества и личность само-

Микеланджело. Давид

Откуда же взялись поразительные по размаху и следствиям творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, радикально преобразовав стиль жизни и облик планеты? Разница заключалась в том, что появилась человеческая личность, освобожденная от дурной бесконечности, ранжированного бытия, норм поведения, расписанных до мелочей.

деятельного гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами.

Важнейший этап становления Нового мира – противостояние формирующегося организма, его пассионариев, движущих сил, элиты, всей ткущейся системы социальных связей прежнему порядку вещей. Наиболее ярко проявилось оно в организации власти, нараставшем столкновении позиций и практик. Какой тип властвования предпочтительнее: монархический или республиканский, автократичный или демократический, самодержавный или правовой? И какая структура общества возобладает: сословная или гражданская?

Так, Генеральные Штаты Соединенных Провинций 14 июня 1581 года приняли решение о «клятвенном отречении» от лояльности по отношению к Филиппу II Габсбургу. И 26 июля провозгласили, что король «не исполнял своих обязанностей в Нидерландах, поэтому больше не считается законным королем», следующим образом обосновав данный тезис: «Правитель Богом поставлен управлять людьми, защищая их от гнета и насилия, как пастырь оберегает овец своих. Но как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющимися приказам, независимо праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем. <...> Когда же он ведет себя иначе – угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, – тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым. В особенности, когда подобное творится преднамеренно <...> подданные могут не только отвергнуть его власть, но вправе приступить к выбору другого правителя с целью своей защиты». Так в государственном юридическом документе впервые декларировалось право народа на отвержение сюзерена-тирана.

Тема ответственности правителей перед подданными не была совершеннейшей нова-

цией для европейского мира. Еще в XII веке Иоанн Солсберийский, соратник Томаса Беккета, высказывает мысль, что правитель должен уважать закон и справедливость. В противном же случае он превращается в тирана, а подданные получают право на сопротивление вплоть до убийства деспота. По знаменитой *Magna Carta* – Великая хартии вольностей, подписанной Иоанном Безземельным в 1215 году, – при нарушении ее статей королем подданные имели право начать против него войну.

Право на восстание было зафиксировано также в декларациях Эрмандады в 1285 и 1286 годах, согласно которым за дворянством и городами Кастилии, Леона, Галисии признавалось право на восстание против короля, «учиняющего акты произвола». Тогда же Фома Аквинский – столп теологии католицизма – писал: «Если право какого-либо сообщества простирается на то, чтобы выдвигать для себя царя, то будет справедливо, если выдвинутый этим сообществом царь будет низвергнут или его власть будет ограничена, если он тираническ злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое сообщество несправедливо, даже несмотря на то что прежде оно возвысило его над собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении сообществом, поэтому договор с ним подданными не соблюдается».

Становление гражданского общества и правового государства (то есть такого, где основой порядка является не воля суверена-правителя, а закон), осознание ограничений, налагаемых обществом на верховную власть, смысл существования которой определяется как благо народа, формирование концепции естественных и неотчуждаемых личных прав граждан – всё это запечатлено в событиях XVII века. Это «долгая» Английская революция, включающая в себя гражданскую войну, казнь короля, провозглашение Английской республики, введение Протектората, реставрацию династии, Славную революцию – кризис власти длиною почти в полвека, который завершился в 1688-1689 годах установлением конституционной монархии. Новая государственность была уже ограничена в своих действиях рядом актов, включая знаменитый *Habeas Corpus*, принятый парламентом в 1679 году, и «Билль о правах» 1689 года, декларировавший права и свободы подданных.

Об основах и границах государственной власти размышляли в тот период Томас Гоббс, Джон Локк, Дэвид Юм, Джеймс Харрингтон. Обоюдоострое право на революцию, право народа «судить о том, имеется ли у него достаточный повод обратиться к небесам» и прибегнуть к насилию «против несправедливой и незаконной силы» (Джон Локк), рассматривалось как исключительная компетенция политической нации. Смысл революционного акта – ограничение худших последствий дезорганизации общества («убийства правосудия») в ситуации властного безумия или «мятежа тирана». То есть революция по сути является «правом необходимой самообороны».

Теперь уже государство – а не государь – выступает в качестве политического суверена, однако решающая роль в становлении социума, легализовавшего понятие гражданского общества и ставшего легитимным источником власти, принадлежит Американской и Великой французской революциям.

Право на восстание при определенных обстоятельствах признается в государственных юридических актах не только правом, но и обязанностью граждан. Иначе говоря, из сферы морального выбора оно переходит в регистр гражданского долга. Так, в Декларации независимости США (4 июля 1776 года) содержится следующий пассаж: «Если длинный ряд злоупотреблений и узурпаций <...> обнаруживает намерение предать народ во власть неограниченного деспотизма, то народ не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство». А во французской Декларации прав человека и гражданина (образца 1793 года) было записано: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть священнейшее право и неотложнейшая обязанность».

Третье сословие бюргеров, буржуа, горожан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи.

XX век: продвижение к Новому миру

Кубок победителя достанется тому, кто стартовал в правильном направлении, даже если он бежал намного медленнее тебя.

Янош Деметр

Новая эра утверждает права общества и личность гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами. Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходя на другие континенты, охватив практически всю планету.

Развитие мыслительного и технического инструментария обеспечивало промышленную революцию, подогревавшую-

ся инженерным энтузиазмом, а «восстание масс» открыло шлюзы этатизации – главной политической технологии прошлого века, что вкупе с уровнем техносферы, производившей изощренные механизмы (кратно усилившие возможности человека), сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, заложенная в секулярном концепте, и реванш линейной логики – в сравнении с нелинейностью ментальных схем Средневековья – влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, были свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину («аппарат»), на войны как на форму индустриальной деятельности. И – парадоксальным образом по отношению к основам данной цивилизации – на личность как на «машинного человека» (*Maschinenmensch*). Либо несколько иначе – как на «винтик». Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс – номенклатура – своего рода страта политических инженеров («аппаратчиков») эпохи индустриальной цивилизации.

В XX столетии континентальные и морские (колониальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. А поиск золотой формулы грядущего миропорядка ведется на протяжении всего столетия.

Яркий пример – футуристичная миропроектность Коминтерна. Вспомним строки из манифеста Третьего Интернационала, где провозглашалось: «Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».

Схожая тенденция прослеживалась в замысле образованной в том же году Лиги Наций – прообразе будущих мировых регуляторов. В числе других проблем она занималась вопросами госстроительства на обезличенных постимперских пространствах, прочертив границы новых государств, распоряжаясь судьбами народов, обладая подмандатными территориями.

Своя версия «нового общественного порядка» содержалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности его германского варианта.

Послевоенная история – время интенсивной социальной и политической трансформации, включавшей десегрегацию, деколонизацию, контркультурную революцию, обрушение властей и режимов: от «революции гвоздик» до «бархатных революций» в Восточной Европе, от распада СССР до «цветных революций», провозглашающих целью приведение реальности в соответствие с конституционными декларациями.

Элементы нового мирового порядка виделись в биполярной системе великих держав, в массовой деколонизации и становлении третьего мира, в формировании глобального рынка. А еще раньше – в комплексной конструкции Организации Объединенных Наций, инкорпорировавшей к тому же несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и автономных. И в существенных изменениях прописей международного права, связанных с делегированием сообществом национальных государств некоторых властных полномочий Совету Безопасности ООН, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с появлением «Большой шестерки/семерки/восьмерки». И с генезисом таких своеобразных регулирующих организмов, как «мировая господствующая держава» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский).

Наряду с феноменом мировых регуляторов отмечу такое явление, как политические интегрии, или страны-системы. В одной из ипостасей это те же Соединенные Штаты – федерация государств Америки, чья административно-политическая граница к тому же не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов». В наиболее же явном виде – это Европейский союз, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства – это постимперские конгломераты, не прошедшие через дивергенцию национальной государственности. Большой Китай – страна с национальными автономиями и языковым разнообразием, интегрирующая симбиотические структуры Гонконга и Макао, а в перспективе – другие территории, к которым имеет прямое и косвенное отношение. Или такое полиэтническое сообщество штатов, как Индия. Потенциально это также аморфное постсовет-

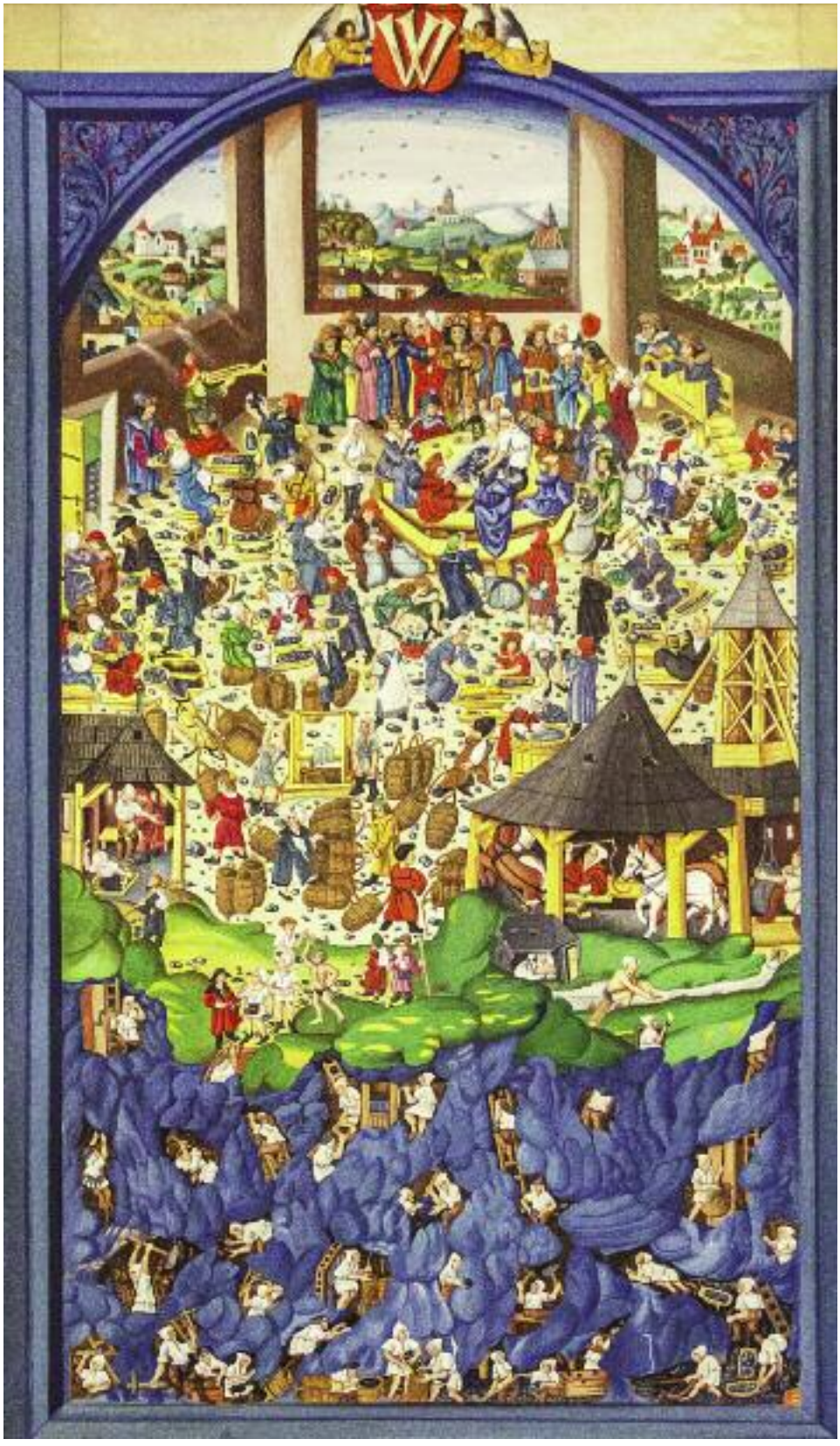
ское пространство, которое на останках структурности СНГ могло бы породить политическую систему как связанную с Россией, так и независимую от нее.

По мере приближения конца века трещины в основаниях мироустройства становились очевидными.

Рушатся классовые, расовые, этнические, национальные перегородки, но параллельно возникают новые. Коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается универсальный культурный переворот. Выход на арену третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, тесному сосуществованию, взаимопроникновению аксиологически и теологически разнородных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчеркивает кентаврическую комплексного сообщества.

Возникают влиятельные транс- и парагосударственные образования, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей, при этом государственность сохраняется, но обретает новые формы воплощения – так же, как несколько веков назад политической новацией было само национальное государство.

При моделировании актуального миропорядка обнаруживается ряд оригинальных слоев социополитического текста. Происходит диверсификация суверенитета в форме как мирной дефедерализации (СССР, Чехословакия), так и военных действий, в том числе ведущих к образованию суверенных государств (Бангладеш, Эритрея, новые бал-



Кутна Гора. Средневековая миниатюра

В Средние века парадоксальным образом смешались пробивавшее путь кардинальное обновление жизни и в то же время ее заметная архаизация из-за распада прежней цивилизации, сложившегося ранее миропорядка. Духовный порыв нередко оказывался в одной упряжке с очевидным упрощением не только материальной, но и интеллектуальной культуры, прямой утратой знаний.

канские государства). Энергетика субсидиарной «денационализации» ощутима в Северной Ирландии, Шотландии, Басконии, Каталонии, Корсике, Фландрии, Квебеке, других регионах. А также в генезисе непризнанной государственности (Северный Кипр, Карабах, Приднестровье и др.), в венчурных формах частичной легитимации (Палестинская Автономия, Косово и др.), в поиске способов адаптации к мировому сообществу (Абхазия, Южная Осетия).

Специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность проявляется в Африке во многом как следствие искусственно прочерченных границ в виде этноконфессиональных (Дарфур), трайбалистских (ареал Великих африканских озер), демодернизированных (территория Сомали) образований. Можно также вспомнить эксперимент по строительству бантустанов в ЮАР. Либо опыт повстанческих, криминальных и полукриминальных латиноамериканских «республик сельвы». Или историю разнообразных несостоявшихся, непризнанных, обанкротившихся государств, мятежных автономий (северо-восток Маньямы), парополитических конструкций «золотых земель», лоскутных образований – от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до зоны племен на афгано-пакистанской границе.

В футуристично прочитанную субсидиарность вовлекаются не только регионы, автономии, мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим и трансграничным целеполаганием. Черты грядущего строя можно различить в глокализации метаполисного (основанного на гравитации хабов) ландшафта, космополитичном мультигражданстве, растворении гражданского (то есть «городского», «национального») общества в мультикультурной трансграничной среде, становлении постгородского, деэтатизирующегося и отчасти виртуального универсума.

В постиндустриальном тексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Глобализация, проявляющаяся как космополитизм и подвижная транспарентность, размывает очертания прежней картины мира, становясь лоном иной организации человечества с новыми доминантными группами и оригинальной механикой управления.

Гражданское общество – органичная часть культуры национального государства, но поздний индустриализм, породив массовое общество, снизил его политическую упругость. Происходит приватизация управленческих функций элитой и одновременно продвижение к непосредственной (прямой), асимметричной кратии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое, глокальное, а не национальное пространство. В самом же обществе нарастает бешенство превращений, ведется борьба за право на индивидуальность, самовыражение, индивидуальный суверенитет. Логический предел процесса – суверенность по формуле: «Государство – это я». Человек-предприятие (*manterpriser*) институализируется как аутосуверен, следуя формуле: «Нет общества, есть только индивиды и их деятельные проекции». Сообщество новых персонажей совокупно трансформирует среду международных отношений национальных государств (*inter-national relations*), гомогенность которой размывается, а правовые регуляции меняются под воздействием обстоятельств и политического веса агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем оказываемого ими влияния на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

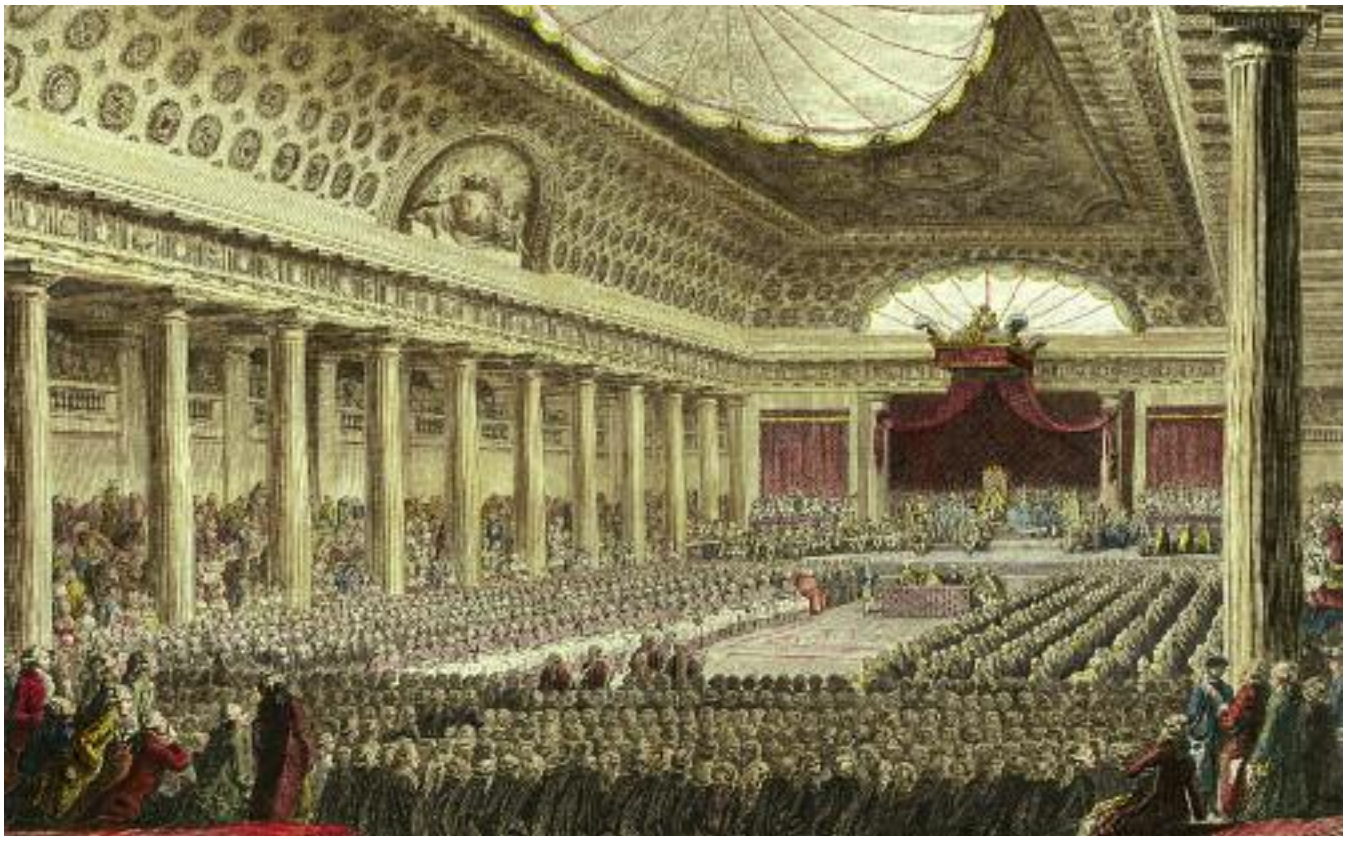
Контуры нового миропорядка

Время в своем движении тоже сталкивается с препятствиями и терпит аварии, а потому осколок времени вполне может затеряться в какой-нибудь кладовой.

Габриэль Гарсиа Маркес

Девальвация представлений о национальном государстве или сообществе национальных государств как исключительных обладателях суверенитета отражается на стратегиях госстроительства, транснационального сотрудничества, формате международных связей и организаций.

Пример транзита категории «суверенитет» от верховенства и независимости государственной власти – динамика статуса меньшинств. Вплоть до признания их права не только на равноправие, культурную автономию, гражданское сопротивление, но также права на призыв в исключительных случаях к гуманитарной интервенции. Иначе говоря, массовые нарушения прав и свобод человека, равно как этнической, конфессиональной, расовой группы, признается международной, а не исключительно внутригосударственной проблемой, предполагая возможность соразмерного обстоятельствам принуждения к миру, альтернативой чему в свое время стали трагедии Камбоджи и Руанды. Универсальная политическая революция сопрягается со сдвигами в юридическо-правовой сфере, теории и практике международных судебных органов, что по-своему свидетельствует о транзите. Прио-



Генеральные штаты во Франции

ритет международного права над национальным сам по себе свидетельствует об изменении статуса национального суверенитета. Еще один интригующий процесс – приватизация суверенитета, а также форм и способов его трансляции.

Подведем предварительные итоги. Число национальных государств и разного рода квазигосударств превысило на сегодняшний день две сотни. В пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, откоповшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного очага. Кроме того, субъекты мировых связей демонстрируют тенденцию к преодолению формата национального государства, стандартного понимания суверенитета, продуцируя политконструкты, подчас выходящее за рамки «классической» национальной государственности. Во второй половине прошлого века «ограниченный суверенитет» в Европе воплотился, к примеру, в диапазоне от политической реальности стран Варшавского договора до прецедента Косова. Иной пример трансгосударственного транзита – страна-система ЕС, демонстрирующая возрастание властных полномочий Совета ЕС в сравнении с суверенностью отдельных членов (промежуточный результат процесса был конституирован в виде Лиссабонского договора 2007 года).

Становление гражданского общества и правового государства (то есть такого, где основой порядка является не воля суверена-правителя, а закон), осознание ограничений, налагаемых обществом на верховную власть, смысл существования которой определяется как благо народа, формирование концепции естественных и неотчуждаемых личных прав граждан – всё это запечатлено в событиях XVII века.

Это, как и многое другое, требует обновления политологических прописей. Но еще важнее – обнаружение, описание и классификация новых полевых игроков на глобальной арене.

Это модификации, то есть формы адаптации к меняющимся условиям национальной государственности, перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам – глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Дополнительное усложнение дизайна – изменение логики мировых связей. И соответственно – обновление базового протокола картографирования, когда в качестве субъектов актуальной реальности рассматриваются геоэкономические комплексы.

Другая непростая задача – отражение в модели мироустройства феномена государств-корпораций, перестраивающих политическую жизнь по меркам корпоратив-

ного управления, и корпораций-государств – влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с политическими амбициями.

На планете появляются также экзотичные антропо-социальные акторы (корпорации влиятельных персонажей), так называемые облачные структуры, политии с неопределенной правосубъектностью, обладающие либо претендующие на обладание своеобразным квазисуверенитетом, ослабленным суверенитетом либо суверенитетом *de facto*, все увереннее действующие в антиномийных слоях расширяющегося социокосмоса.

Ситуацию усложняет особенность глобальной конструкции: синкретичное сосуществование старых и новых акторов в динамичной среде. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию, но также связи и взаимодействия, которые возникают или еще только могут возникнуть между разнородными персонажами мироустроительной драмы. Все эти политии, будучи объединены пространством мировой практики, разделены, однако, степенью успеха в освоении нормативов суверенного персонажа и фактическом признании таковым со стороны мирового сообщества.

■

Императив комплексной ревизии картографии мирового политического пространства – отражение грандиозности его нынешней реконструкции.

В транзитной среде XXI века радикально меняется также сама основа цивилизации в ее привычном прочтении – городское пространство. Город расплывается и расползается по планете, превращаясь в эклектичный коллаж трансграничного метаполиса.

Одновременно умножается феноменология дезурбанизации: возникают элитные загородные поселения, внутригородские замки, автономные кварталы, фавелы и бидонвили, по-своему напоминающие о потускневших декорациях *global village*, образуя планетарный архипелаг квазидеревень – трущобы Глубокого Юга. Уже сам выбор термина *global village* на семантическом уровне фиксирует ощущение конца цивилизации, по крайней мере, в ее прежнем понимании (ср.: *civil*). Вилиджизация существует вне символической городской черты – это заметно иное прочтение исторического текста, возможно, сумерки постцивилизации, но, быть может, склоненная глава земного града перед наследником – анонимным до поры персонажем истории.

Цивилизация – форма существования культур, привычно ассоциируемая с урбанистичной стадией развития. Культуры, образно говоря, представляют характер исторического индивида, цивилизация же соответствует фазам его развития, «возрастам», но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Культуры, как и личности, уникальны, представляя мировоззренческие коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или уплощаясь. Стадии роста – «детство», «юность», «зрелость» – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят все ступени, порою сходя с дистанции до времени.

На эмпирическом уровне со времен великих империй известны непростые состояния культур – их постцивилизационные состояния. Сценарная футурология интересуется этим вопросом, отвечая на него – со времен пророка Даниила до близкого нам по историческим меркам пессимизма «Машины времени» Уэллса – отнюдь не в логике социального прогресса. Кстати, в апокалиптических картинах с их красочными образами антропологической катастрофы и постчеловеческого мира современников в сущности поражает/увлекает не столько логика алармизма, сколько выплеснутое из глубин подсознания обилие «горючей воды и человеческой крови».

Город-фабрика, город-предприятие, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преображается в летучий остров Новой Лапутании – динамичную метакорпорацию, объединяющую рассеянных по миру сотрудников. Эти космополитичные модули Нового мира соединяют миллионы активных людей, но уже не общей территорией, а контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, гипергеометрией организации, ее деятельной средой. Новый мир создает собственный глобальный проект – дизайн универсально открытого общества, в сетевых глубинах которого растворяется прежняя среда обитания, смешиваются актуальное и иллюзорное, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах обустраивается эфирная конструкция Глобального Града как области взаимодействия глобальных племен, международных организаций, элитных клубов, ТНК, сообществ былых метрополисов, обращаемых в терминалы единого метаполиса, криминальных консорциумов, субкультур. Обитатели и странники космополитичного трансформера связаны между собой подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран. Бывшая же вы-

сотная граница эпохи Модерна превращается в комплементарный *portus* «истинного града» – транснационального сообщества, не имеющего единой обители и пребывающего за пределами земных горизонтов: пространство власти без государства и государства без территории.

Среда обитания человека размывается, становясь безбрежной, многовариантной, незнакомой. Новая просторность таит обретения, власть, богатства, приключения, а пионеры виртуальной реальности, как и в эпоху до географических открытий, лишены достоверных карт, надежных маршрутов. Иллюзии и вымыслы, мифы и тайное знание сплетаются с обыденностью, нередко сам факт того или иного события оказывается небесспорен. Совершенная коммуникация разносит аранжировки мелодии гамельнского крысолова, а городской ландшафт конвертируется в многоликий интерьер, уводя жизнь с улиц в бескрайность электронных миров. Обобщенный символ этой призрачной версии Глобального Града – Всемирная Паутина.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, были свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину («аппарат»), на войны как на форму индустриальной деятельности. И – парадоксальным образом по отношению к основам данной цивилизации – на личность как на «машинного человека» (*Maschinenmensch*).

И тут занавес исторического действия в привычном для последних двух тысячелетий смысле опускается. Обещанный «конец истории» предстает в виде разбегающихся троп бесконечности и безвременья вселенского лабиринта. Сложноподчиненная конструкция Мирового Севера и Мирового Юга может быть, впрочем, истолкована как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного суда – да и всего корпуса христианской эсхатологии. В то же время миллионы людей связывают именно эти события с приближением «нового неба и новой земли» (Откр. 21:1) постисторического бытия, символизируемого образом принципиально иного, возникающего из сердцевины истории универсального града – Горнего Иерусалима. Ночь истории, что тенью сопутствует на протяжении всех дней творения человеком своего мира, – как изнанка свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, – ощутив исполнение сроков, кажется, способна повернуть социальное время вспять, к пещерной архаике протоистории. В гипотетическом Мире Распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию разложения былых мегаполисов и фрагментацию бидонвилей, скрывается в психоделическом лабиринте мирового андеграунда, на пути к некрополю, погружаясь в дурную бесконечность немой ахронии.

Смутно различимый и предчувствуемый в этом лабиринте Пандемониум – тоже своего рода город, имеющий, наверное, причудливую архитектуру. Но... «здесь страх не должен подавать совета».

Массимо Армеллини –
юрист, судья первой инстанции, историк Восточной Европы и Центральной Азии, публицист в области международных отношений, геополитики и военной истории (Италия)

I have a dream...

Мечты европейца о *EURUSSIA*

В 1966–1968 и 1989–1990 годах были упущены две благоприятные возможности сближения Западной и Восточной Европы.

Именно на вторую половину 60-х приходится наивысший размах геополитической фронды голлистской Франции внутри блока НАТО – впрочем, фронды, не поддержанной другими европейскими союзниками. Президент Франции генерал Шарль де Голль, использовавший любой удобный случай для того, чтобы утвердить традиционно важную роль своей страны в европейских делах, доставил много неприятностей до тех пор бесспорной гегемонии США в Центральной и Западной Европе, предлагая оригинальную концепцию «общего европейского дома», простирающегося от Атлантики до Урала. Однако советское руководство, продолжая упорно придерживаться логики Ялтинских соглашений и более заботясь о том, займет ли Германия место, оставленное французами в НАТО, чем о потенциальных геополитических перспективах, которые могут открыться в связи с голлистским вызовом американской гегемонии, продемонстрировало свою чрезвычайную близорукость и отсутствие стратегических планов. Голлистский проект нового европейского порядка позволял Франции, Германии и России, наконец, примириться и в перспективе сотрудничать без американского вмешательства. Однако несмотря на торжественный прием, устроенный де Голлю в Москве 21 июня 1966 года в ходе его масштабной поездки по СССР, и ответный официальный визит премьер-министра Алексея Косыгина во Францию 1–9 декабря 1966 года, стороны не пошли дальше общего выражения доброй воли.

Другая возможность плодотворного сотрудничества между двумя частями Старого света возникла летом и осенью 1968 года. Тогда, после двух неудачных двусторонних встреч между представителями советского и чехословацкого руководств на Чер-

ной Тисе и в Братиславе (во втором случае в переговорах принимали участие и лица от других стран-участниц Варшавского договора), Политбюро ЦК КПСС приняло окончательное решение. В соответствии с этим решением в ночь с 20 на 21 августа 1968 года страны Варшавского договора (за исключением Румынии) осуществили военное вторжение на территорию Чехословакии. Началась операция под кодовым названием «Дунай». Это привело к постепенному удушению внешними силами реформаторского эксперимента, более известного под названием «социализм с человеческим лицом» и проводимого Коммунистической партией Чехословакии. В данном случае советское руководство опять-таки проявило недальновидность и очевидный политический аутизм, совершенно не понимая того, что опыт реформ в Чехословакии не только не представлял угрозы для геополитических позиций СССР, но и, может быть, был последним шансом для Советского Союза, а также для всей системы так называемых народных демократий не опоздать на поезд постиндустриальной модернизации и в то же время утвердить свои позиции в мире, восстанавливая доверие к социалистической альтернативе капиталистической модели развития. Более того, руководители КПЧ в ходе процесса реформ, получившего название «Пражская весна», не собирались – по крайней мере, в ясно заявленных намерениях – поставить под сомнение социалистический характер своей страны, а также собственную лояльность по отношению к Восточному блоку и членству Чехословакии в ОВД. Однако им не удалось осуществить плодотворный для развития гражданского общества синтез между коллективными достижениями в социалистическом лагере и ныне неоспоримой необходимостью в свободной дискуссии, а также в уважении прав личности, то есть создать «социализм с человеческим лицом». Наконец, до вторжения в августе 1968 года в общественном мнении Чехословакии Советский Союз представал в образе освободителя 1945 года, войска которого затем быстро покинули территорию восстановленного государства.

Президент Франции генерал Шарль де Голль (на фото), использовавший любой удобный случай для того, чтобы утвердить традиционно важную роль своей страны в европейских делах, доставил много неприятностей до тех пор бесспорной гегемонии США в Центральной и Западной Европе, предлагая оригинальную концепцию «общего европейского дома», простирающегося от Атлантики до Урала.

Справедливости ради следует отметить, что полная ответственность советского руководства за утрату первой возможности сближения с Западной Европой в 1966–1968 годах уравновешивается виной европейских элит за вторую упущенную возможность двадцать лет спустя – в 1989–1990 годах, во время стремительного распада советского блока.

В период между падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года и, по крайней мере, до июля 1990 года, когда состоялось объединение валют двух Германий (и это был заключительный шаг перед воссоединением единого германского государства 3 октября 1990 года), среди европейских политических и общественных деятелей развернулась

Советские войска в Праге в 1968 году

Возможность плодотворного сотрудничества между двумя частями Старого света возникла летом и осенью 1968 года. Но советское руководство проявило недальновидность и очевидный политический аутизм, совершенно не понимая того, что опыт реформ в Чехословакии не только не представлял угрозы для геополитических позиций СССР, но и, может быть, был последним шансом для Советского Союза, а также для всей системы так называемых народных демократий не опоздать на поезд постиндустриальной модернизации и в то же время утвердить свои позиции в мире, восстанавливая доверие к социалистической альтернативе капиталистической модели развития.

дискуссия. Ее участники – а среди них были, в частности, видный германский социал-демократ Эгон Бар и тогдашний министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе – размышляли о возможности использования воссоединения Германии как отправной точки для развития новой архитектуры европейской интеграции. В формулировке Михаила Горбачева эта идея получила голлистское название «общего европейского дома». Следовательно, объединенная федеративная Германия, стратегически занимающая центральную позицию на карте Европы и находящаяся на линии соприкосновения Запада и Восточного блока, становилась потенциальным швом между двумя частями Европы. Таким образом, она могла бы выступить в роли своего рода наименьшего общего знаменателя для этих частей, которые более не должны были представлять собой противоборствующие военно-политические блоки. В результате возникли бы условия для их постепенной реальной конвергенции. И тогда бы Германия сыграла плодотворную и позитивную роль – выполнила функцию своеобразной компенсационной камеры между двумя системами, отныне находящимися не в состоянии непримиримого противоборства, но в процессе постепенной диффузии. Тем более что имелся реальный шанс использовать накопленные к тому моменту синергетические возможности и уже действовавшие и эволюционировавшие структуры в системе международных отношений, которые в свое время привели к подписанию в 1975 году в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Была сформирована ОБСЕ с постоянным Секретариатом и институтами. В эту организацию входили как нейтральные европейские страны, так

и члены двух военно-политических блоков. К тому же США и Канада как неевропейские державы, с одной стороны, и СССР как государство, располагавшееся в Европе и в Азии, с другой стороны, могли в рамках ОБСЕ плодотворно общаться в политическом, а не военном ключе.

Однако тогда возобладала совсем иная логика. Поворотным моментом тут стала оккупация Кувейта в августе 1990 года диктаторским режимом Саддама Хусейна. Скоро стало очевидно, что, с одной стороны, Соединенные Штаты, демонстрировавшие растущую военную мощь и волю к глобальной и ничем не сдерживаемой власти, стремятся играть партию единственной сверхдержавы и вселенского арбитра, вершащего судьбы мира. С другой стороны, проявилась откровенная политическая и военная немощь Советского Союза, в котором усугублялись экономический спад и дезорганизация, что исключало любую возможность напористой внешней политики. В итоге сложный геополитический европейский ландшафт был упрощен благодаря грубой и традиционный логике в духе «горя побежденным», и на нем распространилась глупая и опасная иллюзия достижения «конца истории» с полной и окончательной победой капиталистической системы над социалистической.

В результате вместо того чтобы проводить адекватную внешнюю политику и предпринимать взвешенные шаги в отношении, возможно, уже запоздалых, безусловно импровизированных, но всё же пока еще небезнадежных реформистских усилий Горбачева, было принято другое решение – добиваться сиюминутных выгод. И Европа стала оказывать растущую и всё более явную поддержку популисту и демагогу Борису Ельцину. Первый президент России продемонстрировал всю свою совершенную некомпетентность в управлении такой огромной страной, как Россия, и оказался незаменимым инструментом для экономического и фактически политического подчинения государства американским и западным интересам, а также алчным туземным олигархам. Началось почти десятилетнее правление Ельцина и его «семьи», сопровождавшееся всеобщим хаосом, системной коррупцией, слепым подражанием пагубной западной ультралиберальной экономической модели, игнорированием российских особенностей, легализованным грабежом государственных ресурсов и инфраструктурных мощностей и их распродажей за бесценок местным олигархам и иностранным корпорациям. Эта ситуация до прихода к власти Владимира Путина и его команды грозила привести Россию к окончательному краху. Тем временем еще более укрепившийся, расширявшийся за счет вступления в него новых членов и превратившийся в гипертрофированный инструмент давления во всемирном масштабе, Североатлантический альянс во главе с США разрастался дальше на восток. Этот процесс продолжался на протяжении последующих двух десятилетий. В 90-е при демократе Билле Клинтоне эта восточная экспансия вылилась в войну в бывшей Югославии, а также в попытки вытеснить Россию из Средней Азии ради установления контроля за ресурсами – в первую очередь углеводородными – и их распределением. Однако эти потуги в целом не увенчались успехом из-за того, что Россия начала возвращать себе роль геополитического и экономического центра, притягивающего своих соседей по региону. Между тем Запад не останавливался в своем намерении максимально ослабить Россию. Уже при республиканце Джордже Буше по постсоветскому пространству прокатилась волна «цветных революций». Эти революции если не непосредственно, то, во всяком случае, весьма активно поощрялись и спонсировались Госдепом США и зависящими от него НПО. Первой была «революция роз» в Грузии в ноябре 2003-го, затем «оранжевая революция» на Украине в декабре 2004-го, потом «тюльпановая революция» в Киргизии в марте 2005-го. В августе 2008-го близкий союзник США президент Грузии Михаил Саакашвили предпринял неудачную попытку военным путем вернуть под свой контроль Южную Осетию и Абхазию, не подчинявшиеся Тбилиси еще с начала кровавых конфликтов на этих территориях в начале 90-х. Тогда Россия жестко пресекла эту попытку, положив предел грузинским амбициям и воспрепятствовав геополитическим замыслам США.

В настоящее время появившиеся еще в 60-е годы прошлого века прогнозы об исключительном потенциале СССР за счет сибирских природных ресурсов сполна подтверждаются применительно к современной России. Страна не только остается самым крупным и богатым природными ресурсами и энергоносителями государством в мире, но и, сумев преодолеть без территориальных потерь безвременье 90-х, возвращается на положенное ей место великой мировой державы.

Но путь к этому был нелегким. Сначала – во время первых двух президентских сроков Путина – все усилия были направлены на восстановление авторитета государства, на преодоление децентрализа-

Берлинская стена в 1989 году

Полная ответственность советского руководства за утрату первой возможности сближения с Западной Европой в 1966–1968 годах уравновешивается виной европейских элит за вторую упущенную возможность двадцать лет спустя – в 1989–1990 годах, во время стремительного распада советского блока.

ции власти, искоренение произвола на местах и диктата олигархов. Некоторые из олигархов поспешно эмигрировали, как Владимир Гусинский или недавно умерший Борис Березовский. Михаил Ходорковский, владевший нефтяной компанией «ЮКОС» и обладавший откровенными политическими амбициями, был осужден и заключен в тюрьму за уклонение от уплаты налогов и незаконное присвоение государственных средств. Так Путину удалось сломить олигархическую фронду. В результате предпринятых им преобразований в России установился специфический режим «суверенной демократии», как эту систему управления определил теоретик, идеолог и политтехнолог Кремля Владислав Сурков.

Демократию в каждом конкретном случае следует понимать как оригинальную модель, пригодную для использования в определенной стране в целях ее развития, а не как некритическое заимствование с Запада, как это было при Ельцине, когда гиперлиберальные сценарии, реализованные в российской экономике, привели к резкому падению жизненного уровня подавляющего большинства россиян. Именно тогда у преимущественной части населения России выработалось устойчивое неприятие демократии, сопряженной с таким экономическим курсом и осуществленными рыночными реформами. Поэтому большинство поддержало протекционистский социальный курс Путина, в результате которого удалось добиться роста благосостояния, особенно в крупных городах. Россияне высоко оценили и внешнеполитический курс своего президента, которому удалось вернуть России роль мировой державы. Впоследствии, после восстановления полного экономического и политического суверенитета страны, дуумвират Путин–Медведев начал осуществлять тотальную модернизацию, но без рабского подражания западным моделям и без катастрофических последствий от предпринимаемых шагов, как это было при Ельцине.

Бывший сотрудник органов госбезопасности и юрист по образованию, Путин старался действовать подобно вернув-

шемуся в качестве государственного герба двуглавому орлу, одна из голов которого обращена к Западу, а другая взирает на национальные культурные корни и православную традицию – но и эта цивилизационная специфика России не лишена определенного лоска европейскости. Между тем в России еще остаются острые проблемы. Наиболее значимая из них – демографическая политика, которой так пока и не удалось стать достаточно эффективной. Не получается развернуть в обратном направлении тенденцию сокращения численности населения, обозначившуюся в начале 90-х и проявившуюся в ежегодной убыли в среднем на 700 тысяч человек. Этот показатель был лишь частично компенсирован продолжающимся возвращением в Россию русских с постсоветского пространства.

Таким образом, сейчас – после уже двух упущенных возможностей во второй половине 60-х и в конце 80-х – самом начале 90-х – появляется, может быть, последний шанс запустить общеевропейский интеграционный процесс. Это особенно важно в целях сдерживания почти полуторамиллиардного Китая и упрочения контроля над гигантскими сибирскими территориями между Уралом и Тихим океаном с их огромными природными ресурсами и вместе с тем с населением, составляющим менее одной пятидесятой части от 140 миллионов граждан России. Расширенная Европа, которая в полной мере может быть названа *EURUSSIA*, должна на равноправных началах включать Евросоюз (вероятно, без Великобритании), Россию, Белоруссию, Украину и Казахстан. Это объединение в отдаленной перспективе должно стать единым геополитическим союзом. Такому союзу придется в

Первый президент России (на фото с Владимиром Потаниным и Михаилом Ходорковским) продемонстрировал всю свою совершенную некомпетентность в управлении такой огромной страной, как Россия, и оказался незаменимым инструментом для экономического и фактически политического подчинения государства американским и западным интересам, а также алчным туземным олигархам.

экономической, демографической и культурной областях успешно сосуществовать и конкурировать с двумя мировыми силами. Одна из этих сил – Китай, всё более склоняющийся к неоконфуцианству и лишь по названию остающийся социалистическим. Другая сила – это американская сверхдержава, в настоящее время переживающая кризисные процессы, но всё еще остающаяся наиболее мощной и влиятельной в мире. Соединенные Штаты могут действовать в паре с Великобританией – если, конечно, Лондон так и не решится не на словах, а на деле присоединиться к Евросоюзу и окажется отдаленным восточным форпостом американской империи. К тому же экономическая мощь Соединенных Штатов позволяет им по-прежнему играть в мировой экономике ведущую роль – с ВВП в более чем 16 триллионов долларов. Стремительно развивающаяся китайская экономика пока что на втором месте в мире с ВВП, превышающим 8 триллионов долларов. То есть в абсолютных показателях ВВП Китай всё еще серьезно отстает от Соединенных Штатов.

Подобная экономическая и геополитическая интеграция между двумя половинами Евразии (первым шагом в этом направлении могло бы стать окончательное преодоление анахронизма визового режима) способна наверстать прошлые упущенные возможности. И в перспективе *EURUSSIA* может стать новым мощным субъектом – наследником двух крупных империй, существующих в современном глобализированном мире, – Российской Федера-

В августе 2008-го близкий союзник США президент Грузии Михаил Саакашвили (на фото с Владимиром Путиным) предпринял неудачную попытку военным путем вернуть под свой контроль Южную Осетию и Абхазию, не подчинявшиеся Тбилиси еще с начала кровавых конфликтов на этих территориях в начале 90-х. Тогда Россия жестко пресекла эту попытку, положив предел грузинским амбициям и воспрепятствовав геополитическим замыслам США.

ции и Европейского союза. Разумеется, речь не идет о вступлении РФ в ЕС. Эта интеграция должна происходить постепенно, путем селективного взаимопроникновения, выравнивания и согласования всех внутренних стандартов и правил и – что особенно важно – при взаимном уважении общих ценностей. Для этого прежде всего следует избавиться от близоруких и тупых русофобских и еврофобских клише, эксплуатируемых определенными политическими и интеллектуальными элитами обеих частей Северной Евразии. Следует отметить, что эти стереотипы – не антикоммунистические, но именно русофобские – слишком укоренились в сознании европейских элит независимо от того, какой на самом деле была российская государственность. Скажем, в течение 70 лет советской власти эти стереотипы маскировались риторикой антикоммунистического сдерживания. Известный российский журналист Виталий Третьяков по этому поводу замечал: «Россия пойдет только на равноправный союз с Европой, то есть с Евросоюзом. Причем она придет к этому союзу не в одиночку, а во главе своего собственного (Российского) союза, примерно совпадающего с историческими границами Российской империи и Советского Союза (восточноевропейского православия)». В продвижении в этом направлении, как это часто бывает, экономика и связанные с ней сферы государственной деятельности оказались далеко впереди чистой политики. Словом, Европе не следовало бы упускать свой третий – и вероятно, последний – шанс. Россия не только богата природными и энергетическими ресурсами, для транспортировки которых созданы разветвленные системы трубопроводов, управляемые главным образом государственными концернами типа «Газпрома», «Роснефти» и «Транснефти». У нее еще есть и собственные технологические ноу-хау – например, в рамках государственной корпорации «Ростехнологии». Вместе с тем даже если России и удастся воссоздать большой Российский союз, куда могли бы войти Белоруссия, значительная

часть русскоязычных и православных территорий Украины и, быть может, северо-западного и северного Казахстана, ей всё равно будет нелегко сохранить единоличный контроль над всей Сибирью перед лицом китайских амбиций. Еще в 1967 году маршал Линь Бяо, фигура номер два в маоистском Китае, говорил: «Мы утверждаем, что большая часть территории Сибири принадлежит Китаю». Можно, конечно, полагать, что подобные настроения – как и сама эпоха «великого кормчего» – в далеком прошлом. Как знать. Голые цифры свидетельствуют о том, что 140 миллионов россиян явно не достаточно для противодействия давлению со стороны Китая с населением в 10 раз большим.

Еще в 1967 году маршал Линь Бяо, фигура номер два в маоистском Китае, говорил: «Мы утверждаем, что большая часть территории Сибири принадлежит Китаю». Можно, конечно, полагать, что подобные настроения – как и сама эпоха «великого кормчего» – в далеком прошлом. Как знать. Голые цифры свидетельствуют о том, что 140 миллионов россиян явно не достаточно для противодействия давлению со стороны Китая с населением в 10 раз большим.

В свою очередь и обрубок в виде Западной, Центральной и Южной Европы, помпезно называемый Европейским союзом, густонаселенный, с развитым гражданским обществом, всё более и более метисизирующимся, бедный природными и энергетическими ресурсами, испытывающий кризис своей идентичности и лишенный общей геополитической перспективы для дальнейшего развития, которое бы выводило его за рамки одного лишь общего рынка и единой валюты, нуждается в России. Две части Евразии, как две половинки яблока: если они будут разделены, то неизбежно обрекут себя на экономический и геополитический упадок и превратятся в провинциальные регионы, вынужденные заискивать перед иными – гораздо более мощными и решительными – глобальными игроками.

Перевод с итальянского

Светлана Владимировна Лурье –
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Как возрождается держава

Искусство провокации как признак внешнеполитической субъектности

Какую страну можно называть сегодня суверенной? Ту, у которой наличествуют все соответствующие формальные атрибуты? У Украины, получается, их нет. И вот почему. Российские СМИ распространили такую провокационную информацию: «7 апреля 2014 года 8-й генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сделал ошеломительное заявление, которое запретили к распространению в украинских СМИ и Интернете. На повестку дня в Совете Безопасности ООН был вынесен вопрос конфликта двух государств. В результате пришли к такому выводу: Украина не зарегистрировала свои границы еще с 25 декабря 1991 года. В ООН не были проведены и зарегистрированы границы Украины как суверенного государства. По этой причине можно считать, что никаких правонарушений со стороны России по отношению к Украине не было и не может быть. Согласно договору СНГ, территория Украины является административный округом СССР. Таким образом, нельзя обвинять никого в сепаратизме и насильственном изменении целостности границ Украины. В рамках международного права у страны просто нет официально утвержденной границы».

Но дело даже не в этом. Мы утверждаем, что субъектом внешней политики фактически и реально является только та страна, которая умеет играть во внешнеполитические игры – то есть в такие игры, которые связаны с обменом внешнеполитическими провокациями. Иными словами – такая страна, которая находит свою миссию и воплощает ее в жизнь.

Жак Кало. Фарнос, красный нос. XVII век

Бессмысленная обуза – так воспринимается Украина в «старой Европе». Да и особого желания насолить России у Европы не было. Разве что отомстить за Сирию, где Россия помешала ей развязать войну и тем самым самоутвердиться.

Вокруг Украины, которая сегодня по существу перестала быть не только субъектом внешней политики, но и суверенным государством, ведут игру провокаций три субъекта – Россия, Америка и Европа.

Европа плетется за Польшей

В прошлом пророссийская Партия регионов стала активно агитировать за интеграцию с Европой, убеждая, что при этом отношения с Россией останутся прежними. И это не какие-то приграничные крестьяне, которых простонапросто обманули. Когда Владимир Путин и Дмитрий Медведев не оставили уже никаких сомнений в невозможности вступления Украины в Таможенный союз после ее ассоциации с Европейским союзом, сам тогдашний премьер Украины Николай Азаров в своем Фейсбуке и в ноябре прошлого года продолжал муссировать эту тему. И даже заявлял, что Украина станет членом не только Европейской ассоциации, но и Таможенного союза. Впечатление такое, что украинцы напрочь потеряли здравый смысл. Не менее странным было и апатичное поведение Евросоюза. Активна там была почти одна только Польша, отчасти еще Литва и немного (немного ли?) Германия. Разберемся сначала с этим, чтобы лучше понять Украину.

Евросоюз Украине ничего конкретного не обещает. Даже свободное перемещение граждан Украины по территории ЕС – из области домыслов. В тексте документа, который должен был быть подписан в конце ноября в Вильнюсе, ничего об этом не говорилось. Не было там и словосочетания «ассоциированное членство», поскольку такого словосочетания вообще не существует. Речь идет о договоре об ассоциации. Договоре точно таком же, какой Евросоюз имеет со многими государствами – Тунисом, Марокко, Алжиром, Египтом, Иорданией, Израилем, Палестинской Автономией, Ливаном... В некоторых случаях такая ассоциация вообще пустой звук, в других – она вводит определенные таможенные ограничения. Наверняка так предполагалось и с Украиной. От Украины же потребовали – и она срочно скорректировала сотни законов, за что ее и похвалили. Вместе с тем Европа запретила Украине входить в Таможенный союз. Хотя когда о своем желании вступить в Таможенный союз заявила Турция – кандидат в полноправные члены Евросоюза, – никто на это в Европе и внимания не обратил.

Надо признать, что для Европы ассоциация с Украиной – тоже событие. Только надо разобраться, в чем это событие состоит на самом деле. На эту тему написано множество статей. Украинские политологи расписывали, как Украина глотнет свежего воздуха, как наполнится качественными

Иероним Франкен I. Ревнивцы. Около 1590 года

Только антирусская идея способна сплотить Евросоюз на почве мести за унижение в Сирии. Сплотить против России, которую еще вчера Европа считала слабачкой, способной только к протестам и угрозам, но никак не могущей стать лидером в разрешении острого конфликта в мире. Сплотить против России, которая повела-таки за собой Америку, фактически наплевавшую на своих европейских союзников. И такую антирусскую идею – не конъюнктурную, а глубинную – предложила только Польша.

товарами по доступным ценам, как преобразится в европейскую страну. Политологи же иных стран – новых членов Евросоюза – говорили, что в Европу Украина никогда не превратится, так и останется окраинной страной, что ей придется преодолеть много трудностей, но плюсов все-таки будет больше. Российские политологи описывали кошмары, которые ждут Украину: развал промышленности, безработица, потоки мигрантов, ненужных в Европе даже на самой малопривлекательной работе, и те будут вынуждены отправляться в Россию «чистить туалеты». И наконец, западноевропейские эксперты. Они недоумевали, зачем Евросоюзу, который и так с трудом вытягивает стагнирующие страны ЕС, погрязшие в финансовом кризисе, еще одна кризисная – да к тому же такая огромная и раздираемая противоречиями – страна!

В чем Евросоюзу выгода от приема Украины? Экономическая выгода сомнительна – тем более сейчас, в период кризиса, – а потоки украинцев действительно могут захлестнуть Европу еще одной волной мигрантов. Да и в целом об экономической выгоде, кроме самих украинцев, полагающих, что они осчастливят Европу, никто и не говорит.

Говорят о буфере, который якобы оградит Европу от России. Но нет ни одного внятного объяснения, зачем этот буфер нужен. Звучит вроде умно, а по содержанию – пустота. Воевать мы с Европой не собираемся. Нелегальной миграции между Россией и Евросоюзом нет. Все оградительные функции выполняют таможня и соответствующие службы. Вообще понятие буфера – из геополитики прошлых лет. Сегодня для Европы оно лишено смысла.

Бессмысленная обуза – так воспринимается Украина в «старой Европе». Да и особого желания насолить России у Европы не было. Разве что отомстить за Сирию, где Россия помешала ей развязать войну и тем самым самоутвердиться. Версия, достойная обсуждения. Но не слишком ли велики накладки, связанные с опекой Украины? Ведь не могут же они на самом деле обойтись с ней, как с колонией? Им придется-таки поддерживать свое реноме матери-заступницы.

Вопрос скорее в перераспределении сил в самой Европе. Есть в Европе страна, которая готова много дать, чтобы Украина склонилась перед Европой. И эта страна – Польша. «Восточное партнерство» – это ее программа, которую

она измыслила давно и многие годы добивалась внимания к ней других стран Европы – в частности, Германии – и реализации на практике. Польша относительно легко перенесла кризис, некоторые эксперты считают, что она даже окрепла. И что самое главное, в отличие от остальной Европы, ее идентичность не пошатнулась. Польская идентичность резко выделяется на фоне Европы. Она имеет историю и не забыла ее. Страна, павшая под ударами русских, ничего не забыла и не простила. И Украина для нее – символ восстановления былого величия. Польше показалось, что для этого пришло время – ее время!

Долгое время коренные европейские страны оттягивали сближение с этим непонятным по европейским меркам гигантом – Украиной. Польшу осаживали, Польше противодействовали. На фоне кризиса самоидентификации Евросоюза, когда представление о направленности движения там подорвано, Польша набирает очки, действует всё решительнее и смелее. И Польше удалось подвести Европу к воплощению в жизнь ее «Восточного партнерства» и прежде всего – к присоединению Украины.

На Украине лучше, чем где бы то ни было, понимают положение дел. Поэтому экономические факторы там второстепенны. Вообще ситуация была такова, что одни радовались (на Западе Украине), другие кручинились (на Востоке и Юге), но не спорили, так как предмета спора не было. Восток и Юг Украины именно кручинились, но не бунтовали, потому что Россия вела себя совершенно неадекватно. Она уговаривала украинцев, угрожала им, когда надо было цыкнуть на Польшу, поставить ее на место, пойти, возможно, на серьезный конфликт с Евросоюзом, с его новой конфигурацией.

А Евросоюз? Что он собой представляет? И ведь правда, что украинская авантюра для него могла бы стать ключевой. Сможет он посягнуть на Украину – ему жить и процветать, снова обрести идентичность и внутренние моральные силы. Не сможет – он превратится в горстку мало чем друг с другом связанных стран.

Давить надо было даже не на Польшу, которая имеет очень мало собственных ресурсов, а на Германию, которая поддержала польские планы из чувства давней – еще со времен Второй мировой войны – вины перед Польшей. Германия была главным противником в распре вокруг Украины, и от ее позиции – решится ли она иметь серьезное противостояние с нами – зависело и решение вопроса. Да, Польша как бы возвращает Европе утерянную идентичность. Но та ли это идентичность, которая нужна и Германии?

Германии 2013 года – может быть, и была нужна. Ей, во-первых, нужна была хотя бы какая-то, но внятная европейская идентичность, которая сама по себе будет огромным подспорьем для вывода Евросоюза из кризиса. Одними деньгами делу не поможешь. Должна быть новая идея, а ее, кроме Польши, никто не предлагал. Поэтому Германия была благодарна Польше. Во-вторых, идея – антирусская, ибо только она на сегодняшний день способна сплотить Евросоюз на почве мести за унижение в Сирии, где Европа показала свою несостоятельность и была вынуждена замолчать под напором России. Сплотить против России, которую еще вчера Европа считала слабачкой, способной только к протестам и угрозам, но никак не могущей стать лидером в разрешении острого конфликта в мире. Сплотить против России, которая повела-таки за собой Америку, фактически наплевавшую на своих европейских союзников, на Францию в первую очередь и на близкую ей Германию. И такую антирусскую идею – не конъюнктурную, а глубинную – предложила только Польша.

Но сирийский кризис рано или поздно пройдет или перейдет в хроническое течение, утратив свою остроту, как это случилось с иракским, ливанским (уже давно) да и многими другими кризисами. Упадок Евросоюза рано или поздно прекратится. И тогда будет нужна уже другая идея. И для Германии, которая часто опиралась в своей политике на Россию, – уже никак не антирусская. Россия для Германии – сильный противовес непослушным малым странам Европы, а порой – и самой Америке. Логика событий подсказывает, что так будет и дальше.

И Украиной в Европе тогда просто перестанут интересоваться – вернее, Украина будет заботить одну только Польшу. Связь же между Германией и Польшей крайне слаба, эти страны онтологически не доверяют друг другу. Европу же – в частности, Германию – ассоциация с Украиной ни к чему не обязывает...

Пока остановимся, после еще порассуждаем, что из этого может выйти.

Америка с кнутом

Вялую Европу подгоняет Америка.

Говорят, что не надо искать смысл там, где его нет. Так вот, самостоятельного смысла Америке в Украине нет. Крым для Америки, конечно, был бы неплох, но ради Крыма она такую заваруху устраивать не стала бы. И даже ради приближения к нашим границам не стала бы. Не то сегодня стратегическое и тактическое

оружие, чтобы этот вопрос оставался принципиальным. У Америки две цели – Европа и Россия. Сначала эти цели были почти слиты: ослабить и ту и другую. А для этого – стравить их между собой. Именно по этой причине – а не по какой другой – Америка поддерживала польский проект. Для Буша Польша имела особенную ценность, для Обамы она не значит ничего.

Россия в глазах Обамы до сих пор была слабым, но соперником, поэтому следовало ее подавить прежде всего морально, не дать сложиться кругу стран, союзничающих с Россией, тем более – противостоять их организациям во главе с Россией.

Страны же Европы, по замыслу Америки, могли бы в процессе ассоциации ЕС с Украиной перессориться между собой – потому что их большинству этот польский проект антипатичен и ссориться из-за него с Россией нет никакого смысла.

Но эти цели для Америки побочные. Главное для нее – самоутверждение. Обаме колоссально не везет. Ни в мирных его начинаниях, ни в военных. «Перезагрузка» с Россией провалилась и переходит в «перегрузку». «Арабская весна» превратилась в ряд войн (в Ливии и Сирии) и череду революций (в Египте), сплошь да рядом для Америки неудачных. Война в Ираке, как оказалось, не закончена даже формально. Американцы не могут сказать, что выиграли эту войну. Они просто вывели из страны войска – бежали, ввергнув страну в хаос. То же самое повторяется в Афганистане. Сдерживание Китая продвигается медленно, только нервируя Поднебесную, но никак не вредя ей.

Украина – новая решительная попытка Соединенных Штатов взять реванш за прошлые неудачи, отвлечь от них внимание. Изначально они не рассчитывали – как Германия, поддавшись польским уговорам, – что Украина тихо и мирно подпишет соглашение об ассоциации. Американцы были нацелены на конфликт с Россией, в котором удастся ее морально подавить. Еще бы! В Сирии Россия нанесла Америке серьезный моральный урон, предотвратив натовские бомбардировки страны. У Америки не осталось аргументов в споре, и она была вынуждена поплестись в хвосте у России. Похоже на то, что Россия и впредь будет активно противодействовать Америке, выступая на стороне обиженных, и парализовывать действия США. Не поэтому ли США и решились (сразу после фиаско в Сирии) дать бой России непосредственно у ее границ? К тому же Америка явно рассчитывала на то, что Украина расколется и создаст немалые проблемы для Европы.

Пожалуй, Америка не ожидала, что на Украине разразится гражданская война, но готовила захват всей Украины, включая Крым, проамериканскими силами. Силами, которые не многим в Европе понравятся. Возможно, тем самым Америка хотела спровоцировать Европу вмешаться и схлестнуться с Россией. Поэтому казалось, что затягивавшийся процесс заключения ассоциации между Европой и Украиной проходил подгоняемый кнутом Америки. Далее постепенно, путем мелких провокаций Америка надеялась, видимо, продолжить дестабилизацию Европейского союза и России.

Становится понятным, что Америка была настроена на череду провокаций. Так же действует и Россия. И внешнеполитические провокации – инструмент, присущий суверенным государствам.

Соединенные Штаты добиваются в Европе двух взаимоисключающих целей. С одной стороны, Европа должна оставаться слабой перед Америкой, не быть ей конкурентом (а значит, не быть ни в коем случае единой). С другой стороны, Европа должна быть сильной перед Россией, стать инструментом ее сдерживания, говорить с ней единым голосом (что означает для Европы мириться с претензиями Польши и стран Прибалтики). Для ЕС на чашу весов поставлена исключительно важная для него атлантическая солидарность. Ради нее Европу вынуждают выполнить весь комплекс противоречивых требований, которые Америка ставит перед ней – часто посредством Польши, постоянно угрожающей даже формальному европейскому единству.

Россия в поисках внешнеполитической миссии

У России давно есть своя веревочка, за которую она дергает, чтобы иметь влияние на значительную часть европейских стран: это трубопроводы и знание чувствительного места европейцев – их боязни остаться без энергоносителей, роль которых с каждым годом повышается. Кому-то они могут не достаться, если страны не подсуетятся сейчас и не заключат долговременных договоров с Россией. Россия использует эту возможность вовсю, готовясь осуществить новый проект «Южный поток» и, возможно, «Голубой поток-2», заключая соглашения по транспортировке среднеазиатских энергоносителей через российскую территорию, превращая тем самым в иллюзию конкурирующие проекты, призванные обеспечить европейцам диверсифицированный доступ к источникам нефти и газа. Всё бы хорошо, если бы не операцион-

ная ограниченность такой политики. И пока другая политика с Европой затруднительна, необходимо думать и придумывать политику, направленную непосредственно на субъекты Европы и остального мира.

У нас были годы упадка, когда Россия могла и должна была подумать о так называемой русской национальной идее. Ничего вразумительного сформулировано не было. И не могло быть сформулировано, поскольку русские устроены так, что для них, пока они вновь не почувствуют себя гражданами великой державы, продолжает тянуться смутное время. И только по мере возрождения России как великой державы жизнь начинает ставить вопросы на понятном нам языке. Вопрос по сути, как и прежде, один: какова миссия русского народа в мире и как мы, русские, хотим мир обустроить? И первична тут, похоже, именно внешняя политика, поскольку она настоятельно вынуждает осмысливать действия России как внутри, так вне ее.

Если в основе внутренней политики лежит проигрывание внутренних сценариев доминирующего политического субъекта, различных адекватных для него способов восприятия действительности, то зрелая внешняя политика является выражением содержания разнообразных вариантов действия вовне в синтезированном виде и приведенных к единому знаменателю. Внешнеполитический субъект должен постоянно давать ответы на внешние вызовы и, стараясь закрепить и упрочить свою субъектность, стремиться к ценностно обоснованной последовательности собственных действий.

Так внешняя политика державы превращается в миссию, способ распространения в мире своих идеалов, вовлечения мира в свое культурное развитие.

Андреа Ваккаро. Мечты и терзания Арлекина. 1992 год

У Америки две цели – Европа и Россия. Сначала эти цели были почти слиты: ослабить и ту и другую. А для этого – стравить их между собой. Именно по этой причине – а не по какой другой – Америка поддерживала польский проект.

Миссия вырабатывается как в результате внутреннего становления державы, так и вследствие внешнеполитической коммуникации – подобно тому как осознание личностью своего «я» хотя и зиждется на ее первичном самоощущении, но кристаллизуется во взаимодействии с миром. Становление внешнеполитического субъекта связано с опытом, который он получает посредством коммуникации с миром. Этот опыт концентрируется в менталитете народа, в структуре общества и государства, в его идеологии и проявляет себя во внешнеполитическом действии уже на новом уровне – в

форме вновь выработанных им культурных устремлений. Наличие миссии обуславливает характер восприятия внешнеполитическим субъектом пространства. Миссия, поскольку она имеет достаточно сложное содержание, исключает черно-белое восприятие пространства, она предопределяет такой взгляд на территорию, который может быть сформулирован вопросом о «своем вовне». Это «свое» характеризуется избирательным сродством (пересечением ценностных ориентаций) различных субъектов внешней политики. Здесь существенна не только степень пересечения, но и его контекст: при совпадении некоторого пласта ценностей – совместимость или несовместимость других пластов, при смыкании некоторых внутренних альтернатив (возможных для данного народа восприятий мира) – расхождение и противонаправленность других альтернатив. Таким образом, поле внешней политики как бы расцвечивается в разные цвета. По этой причине политика России направлена на то, чтобы другие субъекты внешней политики максимально проявили себя. Обращаясь к европейским странам, которые в результате своего сомнительного стремления к единству превращаются для России в однородное серое поле, Россия тем не менее стремится заставить каждую из них проявить свою сущность. Внешне может показаться, что Россия ради своих политических интересов старается разрушить европейское единство. В определенном смысле это так, но только к этому европейская политика России не сводится.

Искусство внешнеполитической провокации

С чего начинается внешнеполитическая миссия? Как она выстраивается? Проиллюстрируем это на примере Сирии и Украины. Но сначала коротко обратимся к теории. Внешнеполитическая миссия берется не из головы. Конечно, каждое действие во внешней политике продумывается, конечно, разрабатывается общая линия. Но действия, выражающие миссию и ее в интеллектуальном и духовном смыслах дополняющие, порождаются через игру внешнеполитических провокаций.

Суть этой игры состоит в том, что во взаимодействии между внешнеполитическими субъектами происходит обмен «репликами», смысл которых сводится иногда к преднамеренному, а порой неосознанному провоцированию друг друга к определенным действиям, которые ведут к нарушению внутренней логики последовательности действий у провоцируемого субъекта, но при этом вписываются в логику провоцирующего субъекта. Механизм такой провокации основывается на том, что в ходе коммуникации некий аспект реальности, сам по себе поддающийся разным интерпретациям в различных логиках действующих субъектов, принимается одним из участников процесса за другой (лежащий в ряду возможных интерпретаций) и с ним связывается весь комплекс ассоциаций, закрепленных за этим другим. Между текстом и подтекстом действия возникает разрыв. Тот смысл действия, который прочитывает провоцируемый (исходя из своих представлений), отличается от того смысла, который вкладывает в свое действие провоцирующий. Так что параллельно начинают существовать как бы две реальности, соотношения между которыми не определены – причем порой и для обоих партнеров. Они балансируют на той грани, на которой происходит стыковка двух различных психологических реальностей, в результате чего партнеры могут запросто поменяться ролями и на провокацию последует ответная провокация – новые изменения преломления и осмысления реальности.

Такое взаимодействие во внешней политике можно назвать также логикой переносного смысла. Именно через череду таких смысловых обменов, переносов смысла значительно в большей мере, чем через отвлеченное философствование, и происходит осознание миссии.

И Россия включается в провокативное поле мировой политики настолько, насколько это возможно в условиях кризиса самоидентификации партнеров по внешнеполитической игре. Она сама становится объектом провокаций и стремится провоцировать других, добиваясь не только преимуществ для себя, но и сбрасывания масок для выяснения истинной сущности игроков и проявления ими этой сущности.

В Ливии Россия поддалась на провокацию с военной операцией якобы только для защиты мирного населения. А США попались на провокацию ливийцев, которые превратили Ливию в мусульманское государство, полное террористов, и убили посла Америки и еще трех сотрудников посольства. В Сирии на такую примитивную приманку Россия уже не клюнула. Однако американцы продолжали верить, что то, что не удалось в Ливии, у них получится в Сирии: подчинить себе страну, приведя к власти только верную себе оппозицию. Они даже потрудились разобраться, кто есть кто в антиасадовской оппозиции, с намерением разгромить исламских боевиков, как только покончат с Асадом. Провокации в отношении России были наивны-

ми до тех пор, пока кому-то (может быть, и самим Штатам) не пришла идея применить химическое оружие или инсценировать его применение. Казалось, удар по Сирии был неотвратим, но Штаты, похоже, переиграли самих себя. Они дрогнули и дали возможность России выступить со встречной инициативой-провокацией – разоружить Башара Асада, лишить его химического оружия. На это Америке сказать было уже нечего (тем более что она сама испугалась последствий своих действий), и она согласилась. Согласилась, скрипя зубами и затаив ненависть к переигравшей ее России.

Вот тут, собственно говоря, и начинается всерьез украинская эпопея. Идея, продавливаемая Польшей, на которую уже согласился ряд членов ЕС (в том числе Германия), получив мощную подпитку из США, становится доминирующей. У России, кажется, мало способов ей противостоять, поскольку американцы действуют на сознание прежде всего самих украинцев. Русские доказывали преимущества вхождения Украины в Таможенный союз и стремились показать бедствия, которые ждут братскую страну, если она подпишет ассоциацию с ЕС. Виктор Янукович колебался, но его мнение, как и мнение его окружения, сводилось к тому, как мы уже отмечали выше, что Украина может вполне стать членом обеих этих организаций, но такая возможность не признавалась ни ЕС, ни ТС. Однако Украина, закусив удила, устремилась в ассоциацию, стараясь продать себя подороже. Как будто европейцы вообще собирались платить.

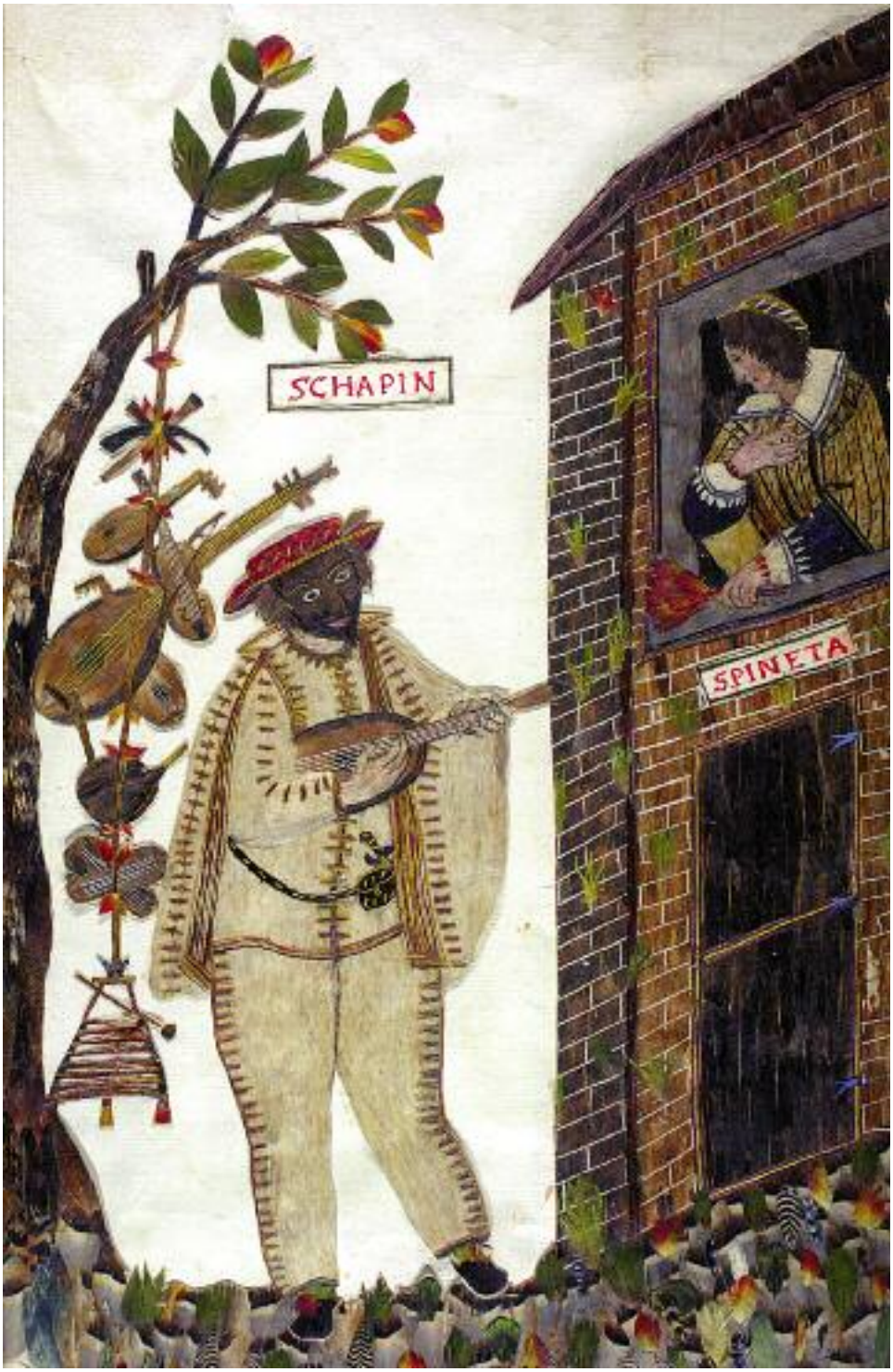
В конце ноября 2013-го должно было состояться подписание соглашения об ассоциации. Но Янукович отложил его под давлением России, которая надеялась вразумить Украину, стремилась оттянуть время. Трудно назвать это чистой провокацией со стороны России – скорее действия ее были если не чистосердечными, то вынужденными. Но элементы провокации присутствовали, поскольку Россия нет-нет да и прибегала к шантажу Украины, раскрывая ей глаза на ее же будущее в ЕС. Так, соглашение об ассоциации в конце ноября не было подписано.

И вот тут вперед выступает Америка. Она действует уже проверенным способом – Майданом, – приплюсовав игру на неприязни западных украинцев к восточным. В результате неприязнь постепенно выливается в западноукраинский нацизм, чего Америка будто бы не замечает. Нацизм ей выгоден как средство давления на Януковича. Чем дольше он не подписывает соглашение об ассоциации, тем сильнее разгорается Майдан. Тем сильнее противостояние Майдана правительству. Но этого мало – и США нанимают снайперов. Погибшие – с обеих сторон.

В конце февраля напуганные европейцы пытаются утихомирить ситуацию. Столь бурным развитием событий обеспокоены даже поляки. Представители Германии, Польши,

Франсиско Гойя. Бродячие комедианты. 1793 год

Америка была настроена на череду провокаций. Так же действует и Россия. И внешнеполитические провокации – инструмент, присущий суверенным государствам.



Дионисио Минаджио. Иллюстрация из «Книги перьев». 1616–1618 годы

У России давно есть своя веревочка, за которую она дергает, чтобы иметь влияние на значительную часть европейских стран: это трубопроводы и знание чувствительного места европейцев – их боязни остаться без энергоносителей, роль которых с каждым годом повышается.

Франции, украинской оппозиции и Янукович подписывают документ (представляющий Россию Лукин воздерживается от его подписания), призванный как будто стабилизировать ситуацию.

Америку это не устраивает. Она давит на Майдан и своих приспешников. США хотят ускорить события. Над жизнью Януковича нависает реальная угроза, он бежит, и лидеры Майдана осуществляют государственный переворот. Несколько дней никто не знает, где свергнутый президент Янукович, жив ли он, а если жив, то где.

Тут-то Россия и совершает ответный ход – громадную антиамериканскую провокацию – Крым заявляет о неподчинении киевской хунте, и утверждается дата референдума о независимости и присоединении к России.

Америка не готова к такому развороту событий, она просто опешила. Собирается Совбез ООН, где Виталий Чуркин зачитывает письмо Януковича (который уже успел засветиться в России) с просьбой ввести войска на Украину. Вторая неожиданная провокация со стороны России. Америка и под ее давлением Европа принимают только жалкие санкции против России. В итоге Крым присоединен к России. Запад называет это аннексией.

Но Европа не готова к санкциям. Они ей невыгодны, а Америка давит. Следующая провокация Америки лежит в информационном поле. Нагнетается информация, что Россия готовится напасть на Украину. Параллельно Россию провоцируют на агрессивные действия. Но нападения никто не ждет. Если бы Россия ответила провокацией на провокацию – заняла бы юго-восточные регионы Украины, – то украинской армии ответить было бы нечем. Последовал бы очередной пакет жестких санкций. И опять Европа попыталась бы их смягчить. Но Россия отвечает другой – неожиданной – провокацией: поддерживает военное сопротивление в Донецкой и Луганской областях, которые оказались активнее других.

Тем временем на Украине избирают нового президента По-

рошенко – ставленника США. Америка провоцирует Порошенко на реванш в Крыму, но у того нет ресурсов на прямое столкновение с Россией. Тем временем, несмотря на угрозы Порошенко, Путин высказывает готовность при определенных условиях его признавать. Параллельно в Донецкой и Луганской областях продолжает разворачиваться широкомасштабная война киевских властей с непокорными городами. Москва реагирует неопределенно. Говорят даже о некотором «хитром плане» Путина. Но он либо чрезмерно хитрый (не переиграть бы самих себя), либо плана нет и вовсе. А Путин продолжает действовать, только реагируя на ситуацию. В любом случае провокаций вокруг Украины очень много. Это битва между Россией и Америкой не на шутку. И именно битва на нервах, в провокационном поле. Битва после Сирии, когда Америка хочет отобрать у России моральную победу. Вашингтон даже выражал готовность отступить на Украине при условии, что Москва «сольет» Сирию. Россия ответила резким отказом, что спровоцировало американцев сильнее давить на власти Украины для усиления военных действий с их стороны. Америка открыто провоцирует Россию на войну, но Россия всячески уклоняется. И опять, как нам кажется, зря. Украина не готова к большой войне, и будь Россия решительнее, союзники и подстрекатели Украины не успели бы ее как следует вооружить.

Решающий ход остается за Россией, потому что война все равно будет, хотя бы для обороны Крыма, и все зависит от того, каковы будут наши позиции к ее началу. Ситуация представлялась печальной, поскольку казалось, что к войне мы не готовимся. И если мы не подготовим изощренней-

шую ответную провокацию, мы проиграем – и не только морально. Тут мы можем проиграть не только статус великой державы, но и свой суверенитет.

Как вернуть свою миссию?

Совершенно очевидно, что для России суверенитет невозможен без статуса великой державы. Такая мы страна, что без великодержавности у нас «и пахарю не пашется, и летчику не летается». Россия, которая не может продолжить игру провокаций, уже не вполне Россия. Она теряет свою внешнеполитическую субъектность – а значит, и свою миссию. Или наоборот: теряет миссию – а за ней и внешнеполитическую субъектность.

Православным братьям русским и украинцам, притесняемым западными украинцами-униатами в юго-восточных регионах Украины, надо было помочь. Это было бы исполнением миссии России, ее традиционной миссии, не говоря уже о традиционной миссии помощи более слабым, миссии помощи тем, которые надеются на нас. Пренебрегая этой миссией, мы выводим на первое место другие мотивы, кажущиеся важными, но на самом деле навязанные нам соперником. Так, скорый мир на Украине во что бы то ни стало кажется очень важной и достойной задачей, мы принимаем ее, но она подкинута нашими оппонентами с тем, чтобы Россия прекратила выполнять свою миссию. О, конечно! «Хотят ли русские войны?» Поддавшись на западную провокацию, мы на время выпали из игры провокаций.

Сейчас бы нам сделать любой неожиданный шаг, чтобы выбить хоть на время из седла Америку, и затем вернуться к череде провокаций, направленных на восстановление своей миссии. Игра пока еще не проиграна. Дело зависит от оперативности России и ее внутреннего настроя. Нужно бы сосредоточиться и собрать в кулак всю свою субъектность и идентичность. Пусть новый шаг коснется и не Украины – а Кубы или Вьетнама, что собственно и последовало в результате успешного визита Путина в Латинскую Америку на саммит БРИКС. Пусть он будет надуман – это ведь провокация, – но он должен заставить Америку серьезно задуматься на тему, не относящуюся непосредственно к Украине. Пока США думают, Россия выигрывает время решить, какой неожиданный шаг она может совершить на Украине – шаг, соответствующий ее великодержавной субъектности.

Что нам дало бы высказывание, к примеру, о Венесуэле? Кроме того, что мы ошарашиваем США? У нас случилась дисфункция миссии в том, что касается Украины. И хотя мы ее отчетливо видим (не можем не видеть), нам непросто к ней вернуться. Америка успела сделать уже несколько опережающих шагов. Нам надо собраться с мыслями и найти верные ходы, которые обессмыслят американские поползновения. А пока мы задействуем ту составляющую своей миссии, которая функционирует нормально. Примерно это уже сделал Лавров, когда на предложение обменять Сирию на Украину ответил, что никаких обменов не будет. Этим он уже несколько сбил с толку американцев, которые считают, что мы зациклены на Украине. Между тем Сирия – тоже часть нашей миссии. И эта миссия не разрушена – показал Лавров, – просто на Украине произошла ее дисфункция, которую мы непременно исправим.

В целом понятно, что дис-

функция случилась в результате борьбы внутренних альтернатив в России. Экономический блок правительства, привыкший тесно сотрудничать с Западом, не выдерживает посыпавшиеся на нас санкции и пытается заблокировать оказание помощи Новороссии, но фактически – заблокировать выполнение российской миссии. Видимо, экономическую альтернативу в российской действительности необходимо временами приглушать, как в случае кризиса на Украине, иначе недалеко и до очередного предательства России. (Вспомним предательство Сербии в ее войне против Североатлантического альянса, подстрекаемого США.)

Либерально-экономическая альтернатива, безусловно, остается, раз есть люди, которые ее поддерживают. Но должна активизироваться другая внутренняя альтернатива, в результате чего прозападная альтернатива будет оттеснена на обочину. Тем более что дело облегчается поддержкой народом проноворосссийской альтернативы, его подавляющим большинством, а противостояние идет в правительстве и ветвях власти. Шагом в этом направлении уже стало утверждение Лаврова, что Запад удаляется от России из-за ее приверженности православию: «Россия возвращается к традиционным духовным ценностям, и это одна из причин отдаления Запада от нее. <...> К нашему удивлению, стали даже оперировать тезисом о том, что Советский Союз с его коммунистической доктриной, по крайней мере, оставался в рамках выработанной на Западе системы идей, в то время как новая Россия возвращается к своим традиционным ценностям, коренящимся в православии, и вследствие этого становится еще менее понятной».

О православии все чаще упоминает и Владимир Путин. Это значит, что мы отходим от либерализма в политике и движемся к своим традиционным ценностям. А значит, укрепляется и наша миссия. Миссия же наша основана на православии с его Третьим Римом, но не всегда непосредственно, как в Сербии. Она основана и на вытекающих из православия жалости и милости и потому распространяется на Сирию и Украину, а также на другие страны, подверженные несправедливой агрессии.

Чего бояться?

Чего нам следует бояться – невыполнения своей миссии или последствий ее выполнения? Последствия, конечно, могут быть серьезными – вплоть до временного полного разрыва с Западом, с Америкой и с подвластной ей Европой. Но семь бед – один ответ. Болгария отказалась от «Южного потока». Навсегда или временно – увидим. Франция продолжает предлагать нам «Мистрали», но в случае, если наши войска всё же войдут на Украину, наверняка снимет свое предложение. Связи в военной области уже разорваны, здесь пугаться больше нечего. Экономические связи понесут временный (может быть, долговременный) урон. Это и неплохо. Нам необходимо по возможности восстанавливать самодостаточность своей экономики. Либералы – те, которые сейчас так трясутся за связи с Западом, – всё время говорили нам, что вредно сидеть на газовой игле (хотя «Северный поток» наверняка продолжит работать, как и газопровод через Украину). Прислушаемся, наконец, и к их совету, наладим свою промышленность. В мире мы сможем найти и союзников, и рынки сбыта, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и в Средней Азии. Это тяжело, но не смертельно.

Смертельно потерять собственную миссию, разучиться играть в логику переносного смысла, то есть не вести свою внешнюю политику, как она следует из нашей идентичности. Тогда нас просто разорвут на клочки. У нас не будет сплачивающей нас идеи – никакой, необязательно православной, но обязательно великодержавной, объединительной. Она рассыплется, а вместе с ней – и страна. Потому что страна – такая крупная и значительная, как наша, – не может существовать без идеи.

Нас не разбомбят (это опасно, мы можем ответить) – нас расчленят. Нас раздробят на кусочки, потому что мы перестанем быть субъектом, потеряем свою суверенность как единое государство, как держава.

Истерики пугают нас Третьей мировой войной из-за Украины. Это абсурд. Войска НАТО не войдут на Украину, потому что России есть чем ответить. А Америка по ее собственным расчетам к большой войне не готова, ее ПРО еще не работает, и мы фактически на равных позициях. Тем более что первоочередной враг Америки – Китай, который реально может сбросить ее с пьедестала первой державы мира. А воевать и с Россией, и с Китаем Америка не сможет. Россия же и Китай способны объединить свои силы ради выигрыша в войне с Америкой. Но это из области фантазии. Войны не будет. Америке выпутаться бы из афганской авантюры.

Многие аналитики говорят, что судьба мира будет решаться в Азии. И это верно. От Ближнего Востока до Корей и Японии собраны почти все конфликтные и конфликтогенные зоны мира. Украина перед этими угрозами – столкновение амбиций, а не реальный конфликт. Не реальный конфликт в том смысле, что Америке по существу всё рав-

но, как он разрешится, – в худшем случае пострадают лишь ее амбиции, а стратегическая выгода не будет задета. Амбиции за поруганную честь в Сирии. Вспыхни на Востоке новый конфликт – американцы переключатся на него. Может быть, им помочь? Или поддержать Иран в его ядерных амбициях? И пусть Иран для Америки тоже дело престижа, но он для нее важнее Украины. Тем более что в дело может вмешаться Израиль.

А вот для России на Украине дело не только в амбициях (хотя и в амбициях тоже – раз Россия вмешалась, она должна идти до конца, не глядя на свою «слабость»). Тут на кон поставлена ее великая миссия, без которой никакая внешняя политика России не будет восприниматься всерьез.

Европа на перепутье

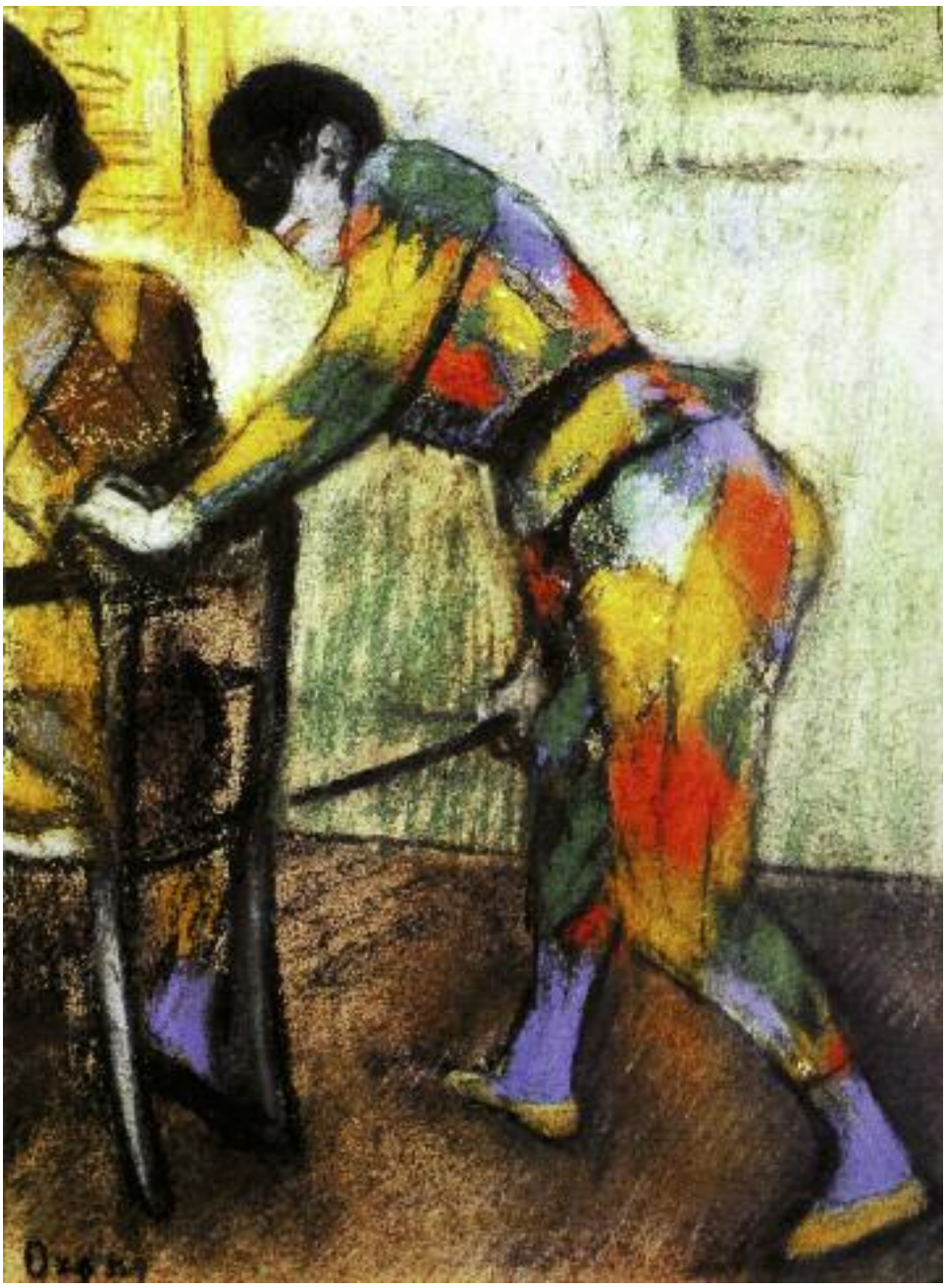
России предстоит научиться успешно выполнять свою миссию в дипломатических играх (что у нее получается всё лучше и лучше), на информационном поле и, если понадобится, быть готовой дать отпор и на поле брани. В сфере информации успехи стали заметнее. Если в марте-апреле вся европейская пресса за редким исключением была переполнена антирусскими статьями, то постепенно появляется все больше материалов, объективнее освещающих ситуацию на Украине и роль в ней России.

«Полупустые улицы Донецка замерли в ожидании чего-то ужасного. Город надеялся, что Порошенко начнет свое президентство с мирного диалога, но действия киевских властей, не проявивших сколько-нибудь серьезной готовности к переговорам с выступающими за независимость восточными провинциями, похоронили всякие надежды. Проходят дни, и создается впечатление, что решающие сражения войны на Украине пройдут на улицах именно этого города. Такие настроения подкрепляются воинственными заявлениями самопровозглашенной Донецкой республики, – пишет испанская *El Pais*. – Жители Донецка выходят на улицу лишь за самым необходимым. Они значительно сократили расходы, опасаясь нехватки денег и потери работы. “Посмотрите на пустые прилавки, – обращается ко мне сотрудница аптеки. – Уже ощущается нехватка лекарств первой необходимости, особенно иностранного производства”. Посещение нескольких продовольственных магазинов оставляет такое же ощущение дефицита. “После удара по аэропорту поставок продовольствия не было в течение трех дней”, – рассказывают мне в одном из гастрономов».

Насколько всё-таки отличаются статьи западных аналитиков и журналистов об украинском кризисе в зависимости от того, побывал человек на мес-

Умберто Брунеллески. Арлекин и Коломбина

Действия, выражающие внешнеполитическую миссию и ее в интеллектуальном и духовном смыслах дополняющие, порождаются через игру внешнеполитических провокаций. Суть этой игры состоит в том, что во взаимодействии между внешнеполитическими субъектами происходит обмен «репликами», смысл которых сводится иногда к преднамеренному, а порой неосознанному провоцированию друг друга к определенным действиям, которые ведут к нарушению внутренней логики последовательности действий у провоцируемого субъекта, но при этом вписываются в логику провоцирующего субъекта.



Эдгар Дега. Два Арлекина. 1886 год

Дисфункция случилась в результате борьбы внутренних альтернатив в России. Экономический блок правительства, привыкший тесно сотрудничать с Западом, не выдерживает посыпавшиеся на нас санкции и пытается заблокировать оказание помощи Новороссии, но фактически – заблокировать выполнение российской миссии. Видимо, экономическую альтернативу в российской действительности необходимо временами приглушать, как в случае кризиса на Украине, иначе недалеко и до очередного предательства России.

те событий или нет. Сидит такой аналитик в Лондоне или Брюсселе и строчит статьи о том, как во всем виноват Путин. А стоит съездить на место событий – и всё открывается для него в ином свете. Редактор британской *The Daily Telegraph*, известный журналист Дэвид Блейр написал статью после посещения Донецка. Уже сам заголовок о многом говорит: «Украина должна откорректировать свою хаотичную реакцию». Журналист приводит в качестве «ошибок украинской власти» авианалет на Луганск и кровавую зачистку Красного Лимана. И прямо обвиняет ее в некомпетентности. Очень важное признание: «В частных беседах западные дипломаты в Киеве признают, что военная операция порочна».

Большую роль играет еще и невыгодность ссоры с Россией для европейских стран. Так, Франция, по-видимому, всё же реализует план по поставке России двух десантных вертолетоносцев «Мистраль». Для Франции очень важна именно экономическая сторона этой сделки. Это соглашение на 1,7 миллиарда долларов, и оно обеспечивает 2500 рабочих мест. Теперь, когда контракт подписан, а деньги пошли, Франция в случае отказа не просто всё это потеряет, но и заплатит миллиардные штрафы за невыполнение обязательств. Кроме того, французское кораблестроение находится в очень трудном положении, да и в европейской судостроительной отрасли в целом за последнее десятилетие прошло множество реорганизаций, реструктуризаций, слияний и поглощений из-за плохой конъюнктуры. В настоящее время за строительство «Мистраля» отвечает *STX France*. Только 33 процента акций этой компании принадлежит французскому государству, которое всячески пытается удержать свои предприятия на плаву. И удается это ему нелегко. В мае корейские владельцы остальных 67 процентов акций компании объявили о своем намерении продать принадлежащую им долю. И с учетом того, что вся судостроительная отрасль Франции в среднем получает коммерческих заказов на 1,4 миллиарда долларов, а военных –

на 2 миллиарда, потеря 1,7 миллиарда с лишним грозит настоящей катастрофой.

На июньских юбилейных торжествах в Нормандии, несмотря на всю обструкцию, Путин имел длительную беседу и с госпожой Меркель, которая вольно или невольно обязана защищать экономические интересы немецких промышленников.

В этих условиях России понадобилось менее трех месяцев после присоединения Крыма, чтобы вернуть за стол переговоров США и европейских лидеров. А на мнение Польши обращают всё меньше и меньше внимания.

Финал. Близок ли он?

Знать всю подноготную происходящего на Украине нам не дано. Пока же линия Путина, увы, была похожа на сдачу ополченцев на Юго-Востоке. Перемирие, объявленное Порошенко, с односторонними условиями-требованиями к «повстанцам» было очевидно предпринято с целью подготовки их массированного штурма. Чем можно было объяснить подобную жесткую и непримиримую линию Киева? Слив информации о том, что земли Донецкой и Луганской областей проданы компаниям «Шелл» и «Шеврон» для изысканий и эксплуатации сланцевых месторождений с неизбежными негативными последствиями для экологии региона и протестами местных жителей, наводит на мысль, что это протестное движение возможно заранее подавить, продолжая объявленную «антитеррористическую операцию». Впереди маячит геноцид русскоязычных украинцев – а по сути наших соотечественников, россиян, оказавшихся на чужбине после распада СССР. Сможет ли Россия долго оставаться в стороне и ограничиваться только дипломатическими демаршами? Естественно ожидать, что она будет искать пути защитить самопровозглашенные республики Донбасса. Но не слишком ли затянулись поиски? Не поздно ли уже будет исправлять наметившиеся грозные тенденции?!

В свою очередь Европа вяло, но реагирует на усиление санкций. При этом европейские журналисты всё более точно доносят до публики истинную картину дел на Украине. Европа стремится самоустраниться. Чтобы не потерять игрока на своей стороне, США нагнетают конфликт, стремясь вынудить Россию напасть на Украину. Но Россия уже давно понимает, что обмен провокациями происходит только между ней и Америкой.

Поэтому она действует ассиметрично. В Латинской Америке проходит саммит БРИКС – организации, которая всё более формируется как антизападная структура. По всей вероятности, в нее в скором времени войдут Аргентина и Индонезия. Планируется создать Пул валютных резервов, который поддержит страны БРИКС и поможет им меньше зависеть от Всемирного банка и Международного валютного фонда (а значит, от доллара) и самим оперативно решать финансовые проблемы. А новый Банк развития будет оперировать в национальных валютах стран БРИКС и опять же окажет им содействие отвязаться от доллара. Важно и то, что Россия сблизилась со странами Латинской Америки – то есть вольготно располагается на заднем дворе США. Она будет принимать участие в строительстве никарагуанского канала, а также в реализации многих энергетических проектов латиноамериканских стран. Путин припугнул и воссозданием радиолокационной станции в Лурдесе близ Гаваны. Шойгу, в свою очередь, упомянул и ремонтно-заправочные станции в порту Гаваны. Иными словами стороны заключат соглашение о стоянке и обслуживании российских военных кораблей в гаванском порту.

И тут провокации США переходят все границы безжалостности. В жертву приносятся сотни никак не связанных с конфликтом людей: пассажирский самолет совершенно цинично направляется в зону конфликта и активных боевых действий и уничтожается с намерением бессовестно опорочить Россию. Реакция Америки оказалась резкой и неадекватной. Россию обвинили в том, что она сбила малайзийский гражданский самолет. Причина крушения остается неясной, но очевидно, что произошедшее менее всего выгодно России и Новороссии, но более всего – киевской хунте и стоящей за ней Америке. Это понимают и в Европе, а потому Америка теряет союзников, которых она хотела таким образом активнее настроить на санкции.

Посмотрим, что будет дальше. Армия Новороссии набирает силы. Армия Украины их теряет. Вмешательства России, возможно, и не потребуется. Не исключено, что вооруженные силы Новороссии и сами дадут отпор войсковым соединениям и Нацгвардии Украины. И очевидно, что позором закончится и планируемый военный поход Украины на Крым. Игра провокаций будет продолжаться, но роль России в ней должна становиться всё более ведущей.

А что касается Европы, то продолжает злобствовать Меркель. И ведет свою линию Польша, поставившая даже оружие в Одессу и готовая превратить польский Щецин в крупнейшую базу в Восточной Европе против России. Хотя в Украине поляки, видимо, в общем и в целом разочаровались...

31 июля 2014 года

EDITORIAL COLUMN

Non-anniversary reflections on sovereignty – 3

The editorial staff of the literary miscellany presents the publication dedicated to the centenary of the First World War, and explain the decision to dedicate this anniversary issue to the problem of sovereignty. In the editorial column the articles of the publication are announced, their connection with the stated theme of sovereignty is explained.

TOPICAL ISSUE

Interview with Giulietto Chiesa

"The beginning World War is not a war for spheres of influence, but for destruction of excess consumers" – 4

The Italian journalist and politician Giulietto Chiesa reflects on the politics of American neocons and makes predictions what international action they might take in the near future. The conclusion about the threats to the world and, in particular, to Russia in relation to the policy pursued by the neocons is made in the interview, and the course taken by the current government of Italy is assessed as well.

SOVEREIGNTY AND DEVELOPMENT

Interview with Vitaliy Tretyakov

"Ukrainian scenario is impossible in Russia" – 26

The Russian journalist, dean of the Higher School of Television of the Moscow University discusses the sense uncertainty of concepts of democracy and sovereignty in relation to the world today. The political regime formed in Russia under Vladimir Putin is analyzed in full details and conclusions on its viability, sustainability and the most likely threats to it in perspective are drawn in this interview.

Elena Ponomareva

The future of sovereignty: scientific discourse and political practice – 44

The article elaborates on the modern concepts of sovereignty, systematizes the perceptions of Western scholars dealing with these issues, as well as political and social figures who were involved in the formulation of the orienting points, in the direction of which, in their opinion, ideas about sovereignty will develop. The likely challenges to the sovereignty in the future are analyzed.

Boris Sokolov

The First World War, the state sovereignty and later harvest – 58

The author assesses the outcome of the First World War and concludes that this global event of the beginning 20th century was the first experience of large-scale disregard of the values of political sovereignty in the history both in the course of the war, and after its end. The article concludes that the world order imposed by the victorious

powers Europe after the First World War provoked the Second World War in many respects.

Vladimir Bliznekov

State sovereignty of Russia – challenges of the past and present – 70

Researcher observes problems in understanding and interpreting the concept of sovereignty, which are currently emerging within the legal framework, and draws conclusions on what threats to the sovereignty of Russia may arise from such a situation. Special attention is paid to the consideration of how the perception of state sovereignty has been transforming throughout the history of Russia.

Maksim Medovarov

On sovereignty, Russian demographics and future Eurasian Union – 82

The article is devoted to the interconnection of problems of state sovereignty and demographic security of modern Russia. It proves that currently there is only a single way to maintain and ensure the sovereignty of Russia which is a union of states, like the newly emerging Eurasian Union. The article lists the countries that could potentially enter into this union.

Vadim Trukhachev

Nothing good comes out violation of the sovereignty – 98

The article provides a brief outline of the historical dynamics of the phenomenon of sovereignty in Europe over the last 100 years. The author considers the basic models of sovereignty that existed during that time, indicates their strengths and weaknesses. The conclusion on the prospects for further transformation of sovereignty in the space of Europe and its possible configurations is drawn.

WORLD MAP AND DEVELOPMENT

Gennadiy Osipov

New social realities: threats and challenges of 21st century – 106

The author lists the most significant current threats to peace and concludes that these threats may be neutralized only with establishing trust-based cooperation between Russia and the United States. A separate part of the work is a philosophical and journalistic essay in which the picture "Mystery of the 21st Century" written in accordance with the metaphorical concept, developed by the author, is examined.

Aleksey Gromyko

Russia and the Little Europe – the problem of geopolitical maneuver – 122

Firstly, the work substantiates the notion of the Little Europe, which is understood as Europe without Russia. Secondly, the centers of forces currently forming in such Little Europe are being considered as possible new poles of integration associations. The author gives the characteristics of such poles and evalu-

ates their integration potential. The role and place of Russia is examined separately in the described processes.

Valentina Fedotova

Pre-Westphalian, Westphalian and Post-Westphalian world order – 128

The researcher analyzes the historical experience of the Westphalian system, which presented the classical model of sovereignty to the world, examines the evolution of the system and the changes which it has recently undergone. Speaking about the prospective schemes of the Post-Westphalian world order emerging now, by its features links with backbone development scenarios, author links its features with arterial development scenarios.

Anatoly Koshkin

Kuril Islands: Japan continues probing – 142

The article examines the history of relations between Russia and Japan in recent years. The author shows how the claims of Japan for the Kuril Islands influenced the policies of different Japanese offices and how they reflected on the general nature of the relations between the two countries. The possibility of a new stage in this relationship on the background of sanctions war against Russia declared by the West, joined by Japan as well, is assessed.

Aleksandr Lyusy

The New Russian Crimea. The new political versions of myth and text in terms of geopolitical risks – 152

The author undertakes the analysis of the Crimea's incorporation in the Russian Federation in the historical, geopolitical and literary contexts. He concludes that the First World Local War, "politely" launched in the Crimean territory, can lead to irreversible social changes, or may simply get lost in the bypass (north and south) gas "streams".

Sergey Belkin

World picture and world map – 162

The editor-in-chief of the literary miscellany examines how the problematic of sovereignty may be considered through a variety of special geographical maps. Examples of such maps depicting terrestrial surface in relation to a particular issue are provided. Special attention is given to the map of world reserves of arable land, prepared by the American Research Center *Stratfor*.

PHILOSOPHY OF DEVELOPMENT

Interview with Igor Froyanov

"Russia's historical experience is a never-ending, centuries-old struggle for its own sovereignty" – 170

Historian shares his thoughts on how the problem of sovereignty influenced the history of Russia, focusing on the period of the Middle Ages. Particular attention is given to the spiritual, ideological and notional sovereignty, value of such sovereignty for the national culture and national identity. It is concluded that the accession the Crimea to Russia was a turning point in its recent history.

Aleksandr Neklessa

World as the sum of interactions. City – national state – geocon – world of communities – 182

The article attempts to show the main trends in the development megasocial subjectness, and to demonstrate the evolution concepts of sovereignty through it. The author shows that this trend will develop in the direction away from the state to the individual human being, which currently accumulates the properties and characteristics which were delegated to the states by the Westphalian system.

Massimo Armellini

I have a dream... Dreams of a European about *EURUSSIA* – 198

The Italian expert examines two possibilities that could significantly improve the relationship between Russia and Europe. The first opportunity occurred in the second half of the 60's and was thwarted by the Soviet invasion to Czechoslovakia. Then the West was responsible for the failure of the second attempt at the end of the era of perestroika, having placed its bet on the disintegration of the USSR. Currently, there are conditions for the third successful attempt.

Svetlana Lourie

How a superpower is reborn. Art of provocation as a sign of foreign policy subjectness – 206

The author analyzes the changes that have occurred in the relations between Russia and collective West, which includes Europe and the United States, from the beginning of the political crisis in Ukraine and on the background of the fighting that is led by the current official Kiev in the east. The article shows how leading world actors exchange mutual foreign policy provocations in the given situation.

ANNOTATED TABLE OF CONTENTS

Annotated Table of Contents in English – 220

ANNOUNCEMENT

Results and Perspectives – 224

Founders of the literary miscellany sum up the issue's materials and announce the main themes of the following issue.

Итоги и перспективы

С самого начала издания альманаха мы неоднократно заявляли, что целью проекта является именно фундаментальное и неконъюнктурное осмысление наиболее актуальных на сегодняшний день проблем развития нашей страны и мира в целом. Но вместе с тем всякий раз, утверждая такую направленность проекта, мы делали существенную оговорку: основательность взгляда и его, скажем так, незамутненность сиюминутным совсем не означает отказ от анализа текущего момента. Альманах отнюдь не пытается уйти в рассуждения на общие – как бы не привязанные непосредственно к сегодняшним обстоятельствам и зримые лишь на фоне длительных периодов времени – темы. Всё как раз ровно наоборот. Нас остро волнуют и интересуют именно перипетии современности и проистекающие из них возможные сценарии будущего. Другое дело, что мы не хотим обсуждать эти вопросы в своего рода медийном ключе – репортажной псевдоаналитикой, в настоящее время, к сожалению, столь популярной в нашем экспертном сообществе.

Всё это мы сочли необходимым еще раз проговорить, анонсируя тему следующего номера альманаха: Россия и США – сегодня и завтра. Понятно, что сейчас эта тема является исключительно злободневной. Всего лишь за несколько месяцев – начиная с переворота в Киеве в феврале текущего года и до настоящего момента – мы оказались в реалиях самой настоящей холодной войны, какой мы ее помним в эпоху блокового противостояния с конца Второй мировой и до распада СССР. Нет, мы вовсе не питаем иллюзий по поводу того, что холодная война прекратилась в начале 90-х – но то, что она тогда утратила прежнюю остроту и исступленность, тоже совершенно очевидно. И тут – всё по новой. С нами опять заговорили языком санкций. И за этим новым разворотом в политике коллективного Запада стоят именно Соединенные Штаты, которые, похоже, не намерены отступать на Украине и собираются для этого задействовать весь арсенал холодной – по крайней мере, пока еще только холодной – войны с Россией. Отдельные антироссийские демарши некоторых европейских лидеров и политических деятелей можно не воспринимать как какие-то самостоятельные действия, потому что предельно ясно, что все эти лица абсолютно бессубъектны и просто выполняют волю своих заокеанских хозяев. Вот на таком фоне мы и решили поговорить о наших взаимоотношениях с Америкой. Причем опять-таки считаем необходимым подчеркнуть, что мы не хотели бы вслед за нашими СМИ пытаться освещать происходящее в онлайновом режиме – ко всему прочему, для издания, выходящего раз в несколько месяцев, это просто нереально. Наша задача – не отслеживать и комментировать, а осмыслять и конструировать. Естественно, о том, что мы видим вокруг себя в режиме реального времени, чрезвычайно трудно говорить на языке концептуализации. Но мы тем более должны постараться преодолеть эту объективную сложность хотя бы уже потому, что в настоящее время, к нашему великому сожалению, серьезная текущая аналитика практически исчезла из отечественных СМИ – сетевых, электронных и печатных. Более того, наблюдая за тем, как сейчас отслеживается разрастающаяся новая холодная война, нельзя не констатировать и явную деградацию нашей экспертной мысли. Поэтому мы просто обязаны говорить на злобу дня иначе, то есть сосредоточиться на несиюминутных вопросах – но вместе с тем в их приложении именно к тем событиям, которые происходят в настоящее время. Хотелось бы, например, поразмышлять о социокультурной основе противоречий между нашими странами. Или о том, насколько онтологически взаимоисключающими являются интересы России и Соединенных Штатов и возможно ли найти почву для сотрудничества между обеими державами. Конечно, никак не получится обойти волнующие всех перспективы долларовой системы – как в мире в целом, так и применительно к российской экономике. Безусловно, не избежать и оценки возможных сценариев дальнейшего развития нашего противостояния с Америкой. Притом что мы будем говорить о настоящем и о будущем всего комплекса проблем, существующих между Москвой и Вашингтоном, всё же придется делать и какие-то экскурсы в историю – пусть и прикладные, привязанные исключительно к конкретным особенностям настоящей холодной войны. Список возможных проблемных постановок можно продолжить – здесь мы рассчитываем на собственное авторское видение проблемы теми экспертами, которые выразят желание поучаствовать в нашем проекте.

Учредители

ЦЕНТР НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛАВЫ
THE CENTER OF NATIONAL GLORY

ФОНД СВЯТОГО ВСЕХВАЛЬНОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО
THE FOUNDATION OF ST. ANDREW THE FIRST-CALLED

ИСТОКИ
Фонд целевого капитала
ISTOKI
Endowment Fund

београдски форум за свет равноправних
BELGRADE FORUM FOR THE WORLD OF EQUALS

SC sava centar

Международная научно-общественная конференция

«Великая Война и начало нового мира: актуальная повестка для человечества»,

посвященная 100-летию начала Первой мировой войны
г. Белград (Сербия), 17-18 сентября 2014 года

Основные дискуссионные вопросы:

Дискуссионная панель № 1. Глобальные войны и мировые исторические трансформации.

- Войны как инструмент ревизии мироустройства
- Первая мировая война и исторический генезис современного мира
- Проектное измерение мировых войн
- Объективные и субъективные факторы глобальных военных конфликтов в истории человечества

Дискуссионная панель № 2. Первая мировая война: почему и зачем?

- Причины и последствия войны – геополитические, геоэкономические, идеологические, цивилизационные
- Первая мировая война как «стратегическая ловушка»
- Сценарии послевоенного мироустройства
- Существовали ли невоенные альтернативы?
- Причинная связь между Первой и Второй мировыми войнами

Дискуссионная панель № 3. Первая мировая война в мировоззренческо-ценностном измерении

- Война в вариациях взглядов с позиций разных цивилизаций, конфессий и национальных общностей
- Первая мировая война и генезис информационных войн. Идеология и пропаганда периода войны, информационно-психологическая составляющая
- Первая мировая война как рубеж ценностной инверсии в истории человечества
- Первая мировая война и вызовы глобальной духовной деградации

Дискуссионная панель № 4. Первая мировая война как историческое назидание человечеству

- Угрозы и вероятность мировой войны сегодня: исторические аналогии
- Мифы о Первой мировой войне и «историческая политика»
- Как человечеству предотвратить новые военные трагедии?

Контакты:
Фонд Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная 2/4
Тел.: 8 (812) 334-16-72, факс: 8 (812) 438-18-42
e-mail: cnsrspb@gmail.com, сайт: www.fap.ru

www.devec.ru

интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.)